

ИСТОРІЯ РУССКАГО НАРОДА.

Сочиненіе

Николая Полеваго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Февраля 28 дня, 1830 года.

Цензоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ИСТОРІЯ РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА II.

Отъ раздѣленія Россіи на удѣлы, до перенесенія Великаго Княжества изъ Кіева во Владиміръ Залѣсскій (съ 1055-го до 1157-го года): *первая половина* періода Удѣловъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИСТОРІЯ
РУССКАГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

Два столѣтія прошекло отъ поселенія Скандинавскихъ выходцевъ на земляхъ, по ихъ имени получившихъ названіе *Руси*, до кончины Ярослава, *восьмаго* Князя изъ поколѣнія сихъ воинственныхъ пришельцевъ, сдѣлавшихся осѣдлыми жителями и повелителями Славянскихъ и другихъ народовъ, первобытныхъ обитателей покоренныхъ Руссами земель (1).

Изобразивъ въ началѣ характеръ завоевателей - Варяговъ и завоеванныхъ ими народовъ; узнавъ первобытное общество, изъ покорителей и покоренныхъ составившееся; обозрѣвъ

(1) То есть, съ 859-го по 1055-й годъ, считая Олега не *опекуномъ и правителемъ*, а *Княземъ* Русскимъ, и полагая миѳическаго Рурика и, краткое время княжившихъ, Ярополка и Святополка, также въ рядъ Князей.

потомъ Исторію сего общества до половины XI-го вѣка — мы должны здѣсь остановиться, ибо здѣсь измѣняется сущность событій въ Исторіи Русскаго народа. Новый порядокъ дѣлъ представится намъ. Приготовимся къ уразумѣнію его взглядомъ на минувшее, уже изложенное нами.

Не для того должны мы здѣсь остановиться, что въ грядущемъ, болѣе 150 лѣтъ продолжавшемся періодѣ (2), увидимъ кровавые ужасы междоусобій; что мы должны, какъ будто приготовиться къ безстрастному созерцанію оныхъ, ибо иногда сердце наше невольно содрогнется, внимая дѣеписанію. Нѣтъ: какъ хладны останки давно истлѣвшихъ предковъ нашихъ, такъ хладнокровенъ долженъ быть наблюдатель, ищущій въ дѣеписаніяхъ истины и внимающій гласу Исторіи. Вѣщаетъ она и мы безмолвствуемъ: только внимаемъ ея глаголы, только ищемъ истины въ *повѣсти временъ прежнихъ, въ разсказѣ о дѣлахъ лѣтъ минувшихъ* (3). Періодъ, который мы

---

(2) То есть, періодѣ *Удѣловъ*, начавшемся отъ смерти Ярослава (1054 г.) и окончившемся нашествіемъ Монголовъ (1224 г.), слѣдовательно занявшемъ 170 лѣтъ. Характеръ сего періода рѣшительно измѣняется княженіемъ Андрея Боголюбскаго: отъ того раздѣляемъ мы его на *двѣ* половины, которыя и составятъ содержаніе 2-й и 3-й книги *Исторіи Русскаго народа*.

(3) Оссіановы слова, въ поэмѣ Картонъ.

уже обозрѣли, являлъ намъ ужасы злодѣйствъ, волненія, битвы смертельныя : они тревожили насъ, но не уклонили отъ истины и безстрастія; будемъ такими-же наблюдателями и для грядущаго (4).

Но, мы останавливаемся здѣсь, желая обозрѣть, что̀ собственно представило намъ въ Исторіи Русскаго народа время, протекшее отъ половины IX-го до половины XI-го вѣка ? Такъ путникъ обозрѣваетъ пространство, имъ пройденное , го-

---

(4) Мы привыкли обозначать извѣстныхъ людей , извѣстные періоды , условными прилагательными , и часто ничего нѣтъ нелѣпѣе подобныхъ , затверженныхъ нами , но тѣмъ не менѣе ложныхъ прозваній. Такъ донынѣ Юліанъ Отступникъ , Константинъ Великій, Юстиніанъ, Сенека, Эпикуръ, Людовикъ XIV, представляются намъ въ старыхъ , несправедливыхъ понятіяхъ : Юліанъ злодѣемъ и чудовищемъ ; Юстиніанъ великимъ законодателемъ ; Сенека краснорѣчивымъ Стоикомъ ; Эпикуръ развратнымъ сластолюбцемъ ; Людовикъ покровителемъ учености , и мудрымъ , великимъ Государемъ. Обратимся къ Русской Исторіи. Приступая къ описанію событій послѣ Ярослава , Карамзинъ ужасается , готовъ вѣрить , что небо и земля чудесами возвѣщали Рускимъ грядущія бѣдствія. « Древняя Россія (говоритъ онъ) *погребла* съ Ярославомъ свое *могущество и благоденствіе*. Основанная , возвеличенная единовластіемъ , она утратила силу , блескъ и *гражданское счастіе* , будучи снова раздробленною. . . Шагнувъ, такъ сказать , въ одинъ вѣкъ *отъ колыбели своей до величія* (какъ

товясь по вѣрному на него взгляду вѣрнѣе направить дальнѣйшій путь свой. Желая вполнѣ узнать связь и слѣдствія событій, взглянемъ прежде вообще на Исторію Европы въ сихъ вѣкахъ.

Два столѣтія, *девятое* и *десятое*, были для всей Европы вѣкомъ перехода народовъ-истребителей древняго гражданскаго общества къ новому образованію обществъ: оно долженствовало явиться и явилось новое, и съ нимъ все

будто такой шагъ возможенъ!), государство слабѣло и разрушалось болѣе 300 лѣтъ. — Съ сего времени (смерти Ярослава) начинаются бѣдствія Россіи, и лѣтописецъ сказываетъ, что *небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами.* — . . . Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, повелѣвали народу — Государство раздѣлилось, *лучи славы угасли* надъ престоломъ Владиміра» . . . (Ист. Г. Р. т. II. стр. 68, 71; III, стр. 201). Не приводимъ другихъ мѣстъ, гдѣ находятся въ Ист. Гос. Росс. подобныя мнѣнія, вовсе непрагматическія, не философскія, и — просто несправедливыя. Несправедливость ихъ легко узнать повѣркою фактовъ. Сожалѣніе и ужасъ при началѣ періода Удѣловъ похожи на обрядъ Американскихъ дикарей, которые горько плачутъ при рожденіи дитяти. Отличіе періода Удѣловъ замѣчательно *не излишествомъ бѣдствій*, но особеннымъ противъ перваго періода ходомъ дѣлъ. Ужасы и бѣдствія были не меньше и въ первомъ періодѣ. Убіеніе Аскольда и Дира; война Олега и Ярополка; убіеніе Ярополка; смерть Бориса, Глѣ-

прежнее измѣнилось: государства, языки, законы, нравы, обычаи, вѣра. По сему Древній міръ казался въ глазахъ современниковъ отдѣленнымъ отъ ихъ міра бездною необозримою. Но, сего въ самомъ дѣлѣ не было, ибо въ природѣ нравственной, такъ-же какъ въ физической, нѣтъ перерывовъ. Міръ Древній родилъ Новый: прошедшее всегда чревато настоящимъ, какъ настоящее будущимъ (5). Только связь событій скрыта была отъ глазъ человѣка, коснѣвшаго въ

ба, Святослава; заточеніе Судислава — не суть-ли преступленія, приводящія въ ужасъ? Набѣгъ Поляковъ на Кіевъ и побіеніе Поляковъ по волѣ Святополка; побіеніе Новгородцевъ Варягами при Ярославѣ; завоеваніе Полоцка Владиміромъ — не суть-ли событія унижающія насъ, если мы рѣшимся заступаться за честь предковъ, судя ихъ, жившихъ за девять, за десять столѣтій, по *нашимъ* понятіямъ? И гибельная вражда кровныхъ, близкихъ людей, не является-ли въ дѣлахъ Ярополка, Владиміра, Святополка и Ярослава? Но, забывая все сіе, донынѣ каждый Русскій Историкъ долгомъ почиталъ ужаснуться и погоревать послѣ смерти Ярослава. Напротивъ, послѣдствія намъ покажутъ, что образованіе народное постепенно болѣе и болѣе увеличивалось въ періодъ Удѣловъ, и что сей періодъ былъ *необходимъ* для развитія жизненныхъ силъ по всѣмъ землямъ Русскимъ, силъ, сосредоточивавшихся до смерти Ярослава только въ Кіевѣ и Новгородѣ.

(5) Мысль Лейбница.

одномъ настоящемъ (6). Нива судебъ Божіихъ была глубоко вспахана, прорѣзана глубокими браздами, и засѣяна сѣменами тучными и свѣжими. Какъ снѣгъ, благотворный прозябенію, па-

---

(6) Доколѣ человѣкъ не позналъ, что всѣ событія настоящія, каковы-бы они ни были, суть средства въ рукахъ Провидѣнія, употребляемыя для блага и счастія Человѣчества, всегда слышны были сѣтованія Историковъ, что прошедшее - прекрасное замѣнилось настоящимъ-худымъ. Жалобы, недальновидныхъ по необходимости, современниковъ, были принимаемы Историками за факты историческіе, по коимъ они судили о событіяхъ. «О! стонати тебѣ Русская земля, помянувши прежнюю годину и прежнихъ Князей!» восклицали предки наши въ XII-мъ вѣкѣ; но такъ, видя паденіе Имперіи Карла Великаго, современникъ (Флоръ, Діаконъ Ліонскій, см. Recueil des histor. des Gaules et de la France, т. VII, 302) писалъ: «Прекрасное государство цвѣло подъ блестящею діадемою; былъ одинъ государь и одинъ народъ; всѣ города имѣли судей и законы. Ревность Іерарховъ подкрѣплялась частыми соборами; юноши безпрестанно читали Священное Писаніе; умъ дѣтей образовывался ученіемъ. Любовь съ одной, страхъ съ другой стороны, всюду поддерживали согласіе, и Франція блистала предъ цѣлымъ свѣтомъ. Иностранныя государства, Греки, варвары, Сенатъ Лаціума присылали пословъ. Поколѣніе Ромула, славный Римъ, отецъ народовъ, покорялись намъ. Въ Римѣ, глава Франціи, споспѣшествуемый Богомъ, принялъ отъ Намѣстника Апостоловъ діадему. Блаженная, если бы понимала свое блаженство, имѣя Римъ крѣпостью, и вратаря райскаго основателемъ,

ли на все Средніи Времена — вѣка варварства, тмы нравственной, хлада и оцѣпенѣнія общественной жизни, подъ коими таились первенцы новой весны Человѣчества. Такимъ образомъ, цѣпь бытія, соединявшая міръ Древній и міръ Новый, не была разорвана; въ слѣдствіе сего, тамъ, гдѣ древле все цвѣло и зеленѣло, должно

упавшая нынѣ, могущественная Франція вдругъ утратила и блескъ, и имя Имперіи; соединенное раздѣлилось: нѣтъ Императора — вмѣсто его Королекъ; вмѣсто обширной Имперіи — бѣдный клочекъ земли! Благо общее исчезло; всякій думаетъ о себѣ, думаютъ обо всемъ — только Богъ забытъ! Пастыри Церкви, привыкшіе соединяться, не могутъ имѣть собраній при всеобщемъ раздѣленіи. Нѣтъ сеймовъ народныхъ, нѣтъ законовъ; тщетно придутъ чуждые послы — нѣтъ Двора! Что̀ будетъ съ вами, народы береговъ Дуная, Рейна, Роны, Луары и По? Все, древле единое узами согласія, нынѣ, когда союзъ расторгнутъ, падетъ въ тяжкіе раздѣлы. И чѣмъ Божій гнѣвъ кончитъ сіе зло?» Мы нарочно выписали всѣ сіи слова, чтобы показать однообразіе жалобъ на Западѣ и у нашихъ предковъ. Дѣло въ томъ, что мы должны повторять сіи жалобы, когда желаемъ изобразить духъ каждаго времени, взглядъ современниковъ на событія; но, не должны основывать на нихъ своихъ выводовъ и мнѣній. Будемъ поступать, какъ Барантъ, но не послѣдуемъ Карамзину, ибо этимъ онъ затемнилъ истину. Зло есть средство блага въ мірѣ, и думать иначе, значитъ оскорблять Провидѣніе Божіе.

было прежде другихъ странъ возникнуть и процвѣсть новымъ злакамъ.

Гдѣ сосредоточивался и развивался міръ Древній? На Западѣ и Югѣ Европы. Если-бы надобно было одною рѣзкою чертою обозначить древнюю Европейскую Исторію, мы ее назвали-бы *Исторіею Рима*. Собственно, вся древняя Исторія нашей части свѣта, въ отношеніи къ Исторіи новой, заключается въ двухъ событіяхъ: возвышеніи и паденіи Римскаго государства (7). Оно отодвинуло и сжало своими завѣтными границами остальныхъ обитателей Европы, и по сему, съ разрушеніемъ онаго долженствовало быть противному дѣйствію: такъ и было. Обломки Рима явились какъ-бы островами среди океана варваровъ, Араратами, на коихъ останавливались ковчеги бродящихъ народовъ, и вновь заселялись древнія страны, пока воды,

(7) Мысль Робертсона, совершенно вѣрная по строгимъ выводамъ, коими она оправдывается. См. начало его Введенія въ *Исторію Карла V-го*. Но, если такъ, то что-же была древняя Эллада въ отношеніи къ Европѣ и Человѣчеству? Переходъ отъ Азіятскаго образованія къ Европейскому, и развитіе *Изящнаго*, какъ юношескаго возраста Человѣчества. Отъ того Греція въ политическомъ, *Нравственномъ* мірѣ являлась остаткомъ Древняго Міра, когда всѣ другія части Европы были зародышемъ Міра Новаго. Мы раскрываемъ сію мысль въ послѣдствіи.

раздѣлявшія ихъ съ новыми, не слились въ предѣлъ свой.

Не такова была судьба земель *Русскихъ*. Океанъ безвѣстный скрывалъ всѣ Закарпатскія страны отъ Древнихъ, и только гроза волнъ его страшила по временамъ Древнюю Европу дикимъ народонаселеніемъ сихъ странъ. Буря, возмутившая древніе народы Европы, извергла въ среду ихъ обитателей Скиѳіи, и народы, переходившіе чрезъ Скиѳію. Тогда, все пространство земель, именовавшееся нѣкогда *Иперборейскимъ*, *Скиѳскимъ*, *Сарматскимъ*, можно было уподобить странѣ, съ которой слились воды морей, землѣ, уже видимой, но не устроенной, для коей суббота успокоенія отодвинулась отъ Европейской многими вѣками (8).

---

(8) Прежде, систематически раздѣляли Сармацію отъ Скиѳіи; старались угадывать: въ Черниговѣ или въ Смоленскѣ жили Иродотовы *Меланхлены*, и знали, что *Рифей* значилъ Уралъ. Такъ, напримѣръ, выходило изъ сихъ забавныхъ разысканій, что Поляки были *Сарматы*, Шведы *Готѳы*, а Рускіе *Скиѳы*. Читая Болтина, подумаете, что онъ очень хорошо зналъ Сарматскій и Скиѳскій языки, никому неизвѣстные. Прежде не полагали, что извѣстія Грековъ могутъ служить для соображеній, не болѣе, а напротивъ самымъ точнымъ и ученымъ образомъ размежевывали Сѣверъ по Иродоту, Страбону и Птолемею. Взгляните для убѣжденія въ семъ на Atlas archéologique, Графа Потоцкаго (С.П.Б. 1823 г.). Въ эту ошибку впалъ

Вотъ главное *различіе* Исторіи Русскихъ земель отъ Исторіи Южныхъ и Западныхъ земель Европейскихъ. Когда на югѣ и западѣ Европы, варвары уже гордились именемъ Римлянъ, устроивались общества гражданскія и политическія, на Скиѳскихъ степяхъ и въ дремучихъ лѣсахъ Сарматскихъ кочевали и постоянно жили орды Азійскія: Хазары, Булгары, Угры; прозябали первородцы Европы, Финны; обитали дикія племена Славянъ и небольшія, смѣшенныя изъ сихъ разныхъ племенъ, народы, но не было зародыша единаго общественнаго образованія.

Въ такомъ состояніи находились сіи земли, когда Скандинавскіе пришельцы явились у юго-

---

и Карамзинъ, а нѣкто, Г. Ахматовъ, сочинилъ даже весьма подробный *Атласъ* къ Исторіи Г. Р. (изданн. въ СПб., 1829 г.), въ которомъ *восьмнадцать* картъ представляютъ состояніе Сѣвера до пришествія Варяговъ!! — *Иперборец* значило собственно у Грековъ — *народъ, живущій за Сѣверомъ*. Сначала Сѣверъ полагали на Дунаѣ, и все живущее далѣе представляли въ сказочномъ разсказѣ: такъ въ Средніе Вѣка полагали на Востокѣ *Блаженные Макарійскіе острова*. Узнавая болѣе Сѣверъ, Греки отодвигали Иперборевъ далѣе и далѣе, пока не сдвинули ихъ въ море, куда и безъ того заставляли ихъ бросаться отъ излишняго блаженства (см. Карамзина, Ист. Г. Р. т. I, стр. 4). *Скиѳіею* называли потомъ Греки великое пространство земель въ Азіи и на Сѣверѣ: думать о Скиѳахъ, какъ о народѣ единомъ, все равно, что по-

восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, проникли въ Скиѳскіе лѣса, наложили иго рабства на Славянъ и Финновъ, срубили городки для своего пребыванія, открыли сообщенія между Балтійскимъ и Чернымъ моремъ, разсыпали золото Греческое отъ Дуная до Невы, и на мечахъ положили начало общественнаго быта.

Но' не такъ-ли было и въ Европѣ? Тѣже, Германскаго и Скандинавскаго происхожденія народы, одинаковой степени образованія, духа и религіи, пришли на Ильмень, Днѣпръ, и на Луару, Тибръ и Гвадалквивиръ; одинаково, и дикіе Славяне, и просвѣщенные Римляне сдѣла-

---

читать единымъ народомъ нынѣшняго Бразильца, Колумбійца, Парагвайца, подъ именемъ Юго-Американцевъ. *Сарматами* назвали Греки Азійскихъ выходцевъ, побѣдителей Скиѳовъ, и какъ прежде называли Сѣверъ Скиѳскимъ, такъ узнавши Сарматовъ близъ береговъ Чернаго моря, географы Греческіе и Латинскіе поставили на немъ обширную надпись: *Сарматія*, захвативъ подъ нее и часть Азіи. Путешественникъ, встрѣтившій въ XIII-мъ вѣкѣ орды Монголовъ въ Венгріи, могъ называть весь сѣверъ Европы и часть Азіи Монголіею. Онъ ошибся-бы въ этомъ; также ошибались и Греки, а мы до сихъ поръ не можемъ пояснить этой ошибки, съ важностью толкуемъ о Скиѳахъ, Сарматахъ, и ими начинаемъ *Исторію Русскаго государства*! Можно посовѣтовать читать Шлецерова Нестора, чтобы увидѣть, какъ все это несообразно и смѣшно.

лись ихъ рабами. Безспорно; но по разницѣ того, что было древле, прежде ихъ, отъ одинакихъ событій явились слѣдствія различныя.

Въ Европѣ Западной и Южной, разрушивъ здание древней общественности и образованія, изъ обломковъ его пришлецы созидали новыя зданія, такъ, какъ мраморъ древнихъ храмовъ обсѣкали они на постройку новыхъ Готическихъ замковъ; какъ базилики и пантеоны обращали въ Христіанскія церкви: стихіи древнія мѣшались съ новыми, и духъ новаго облекался въ древнія формы. Но, собратія преобразователей Европы на берегахъ Ильменя и Днѣпра не нашли ничего древняго: міръ самобытный, новый долженъ былъ здѣсь раскрываться. Онъ начался соединеніемъ племенъ въ общество; то, что въ Европѣ совершилось *до варваровъ*, варвары только начали въ Руси. Лѣтопись о Ромулѣ, Нумѣ и соединеніи Сабиновъ съ Римлянами, конченная на югѣ Европы *за семь вѣковъ до Р. Х.*, въ Руси началась въ *девятомъ вѣкѣ по Р.Х.*, Рурикомъ, Олегомъ, соединеніемъ Славянъ съ Варягами (9).

---

(9) Разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о Ромулѣ, Нумѣ, похищеніи Сабинокъ, какъ о миѳахъ, въ которые облечены были Древними историческія событія, а не хотимъ сказать, что въ самомъ дѣлѣ *жили*, *были* Ромулъ, Ремъ, Нума; что Сабинки точно были похищены, примирили мужей съ отцами, и проч.

Такъ, *хронологически* отдѣлился міръ Европейскій отъ Русскихъ земель. Обозримъ *историческія* постепенности сего отдѣленія.

Мы назвали *міръ Древній* Исторіею Римлянъ; *міръ Среднихъ Вѣковъ* можемъ также обозначить одною чертою, столь-же многообъемлющею, если укажемъ на Имперію Карла Великаго. Въ самомъ дѣлѣ, Исторія Европы, послѣ разрушенія Рима, не есть-ли собственно Исторія составленія и разрушенія государства Франковъ, принявшаго наименованіе *Западной Римской Имперіи* (10)?

Карлъ Великій самъ дѣйствовалъ почти пятьдесять лѣтъ; послѣ него Имперія Франковъ жила столѣтіе; слѣдствія разрушенія оной обхва-

---

Послѣ Нибура стыдно не знать настоящей Исторіи древняго Рима (см. на Русскомъ языкѣ, *Московск. Телеграфъ,* 1829 г. т. XXVI стр. 437, и XXVII, 83; ссылаемся по необходимости, ибо сочиненіе Нибура еще не переведено на Русскій языкъ).

(10) Раздѣленіе Римской Имперіи въ 364-мъ году передало въ Западную Имперію Валентиніана Британію, Галлію, Германію и Испанію. Въ IV-мъ вѣкѣ Франки уже вторглись въ Галлію; передъ ними и за ними шли разрушители Имперіи Валентиніана. Сіи разрушители совершали дѣло Провидѣнія до половины VIII-го вѣка; Исламизмъ губилъ Римъ въ Азіи, съ начала VII-го вѣка. Въ половинѣ VIII-го столѣтія явился Карлъ Великій: съ IV-го вѣка все готовилось для него.

тили другое столѣтіе. И только послѣ сего началася новый періодъ Европейской Исторіи (11).

---

(11) Карлъ Великій, какъ Александръ Македонскій, какъ нашъ Петръ, какъ Наполеонъ, принадлежитъ къ тѣмъ посланникамъ Провидѣнія, которыми знаменуются эпохи, которыми дѣлится Исторія Человѣчества. Ихъ не льзя судить обыкновеннымъ судомъ мудрости человѣческой, ибо въ нихъ видимъ событіе словесъ Божіихъ: «Пошлю раба моего,» и цѣлые вѣка раждаютъ *единаго смертнаго*! Надобно сообразить жизнь Карла Великаго, чтобы понять всю огромность сего основателя новой Западной Имперіи. Онъ царствовалъ съ 764-го по 814-й годъ; какъ воинъ, онъ совершилъ *пятьдесятъ три* кампаніи; исчисленіе ихъ показываетъ обширный театръ его дѣлъ: 18 разъ ходилъ онъ противъ Саксоновъ, 5 разъ противъ Лонгобардовъ, 7 противъ Испанскихъ Сарраციновъ, 4 противъ Аваровъ, 4 противъ Славянъ за Эльбою, 5 противъ Сарраციновъ въ Италію, 3 противъ Нордманновъ, 2 противъ Грековъ, 1 походъ совершилъ въ Аквитанію, 1 въ Тюрингенъ, 1 въ Баварію. Тридцать пять народныхъ собраній, и изданіе шестидесяти *капитуловъ* (capitula), въ коихъ заключается 1126 статей, являютъ трудъ его, какъ законодателя. Дѣленіе Имперіи Карла Великаго (на Францію, двѣ Бургундіи, Имперію и Италію) было въ 888 году. Послѣ того слѣдовало разрушеніе прежняго порядка дѣлъ, почти до XII-го вѣка, когда Крестовые походы составили новую эпоху. Здѣсь не должно прилѣпляться къ годамъ, лѣтописцами показываемымъ: разумѣется, что каждая эпоха зараждалась и приготовлялась прежде; хронологически мы узнаемъ только время рѣшительныхъ переломовъ.

Карлъ соединилъ въ мощной десницѣ своей судьбу Италіи, Галліи и Германіи. Онъ слилъ въ образованіи своего государства стихіи древняго міра Римлянъ и новаго міра варваровъ. Его умъ возстановилъ тронъ, отдѣльнаго отъ Греціи, Латинскаго первосвященника, чтобы силою религіи обладать народами и противиться правамъ Восточной Римской Имперіи. Изъ Имперіи Карла образовались потомъ государства Французскія, Итальянскія и Германскія, и заключили въ себѣ политическій бытъ Европы, коего колебанія и разнородныя движенія и измѣненія составляютъ лѣтописи Европейскія съ IX-го вѣка до XIX столѣтія (12).

Здѣсь средоточіе жизни въ новой Исторіи Европы. Идя отъ него во всѣ стороны, мы встрѣчаемъ земли, Исторія коихъ есть *дополненіе къ лѣтописямъ средоточія*. Таковы: на югѣ, Пиренейскій полуостровъ, гдѣ Азія, въ ордахъ Сарраципновъ, отбитая Франціею, долго боролась съ Европою; южная часть Италійскаго полуострова, позорище, гдѣ Азія, Греція и Франція сражались между собою. Къ востоку находившіяся государства: Моравія, Богемія, Польша,

---

(12) Мы будемъ слѣдовать за ними въ нашей Исторіи. — XIX-й вѣкъ ознаменовался исполинскимъ движеніемъ Россіи въ дѣла Европы: вотъ начало новой, *нашей* эпохи.

и государство Азійскихъ выходцевъ — Венгерское, были, болѣе или менѣе, но рѣшительно увлечены въ систему западныхъ Европейскихъ событій. Полуострова: Датскій и Скандинавскій — сіи мѣста, изъ коихъ явилась страшная, столь сильно дѣйствовавшая на Европу мощь, казались обезсиленными и утомленными послѣ выхода туземцевъ, завладѣвшихъ землями въ Англіи, Франціи, Германіи, Славянскихъ земляхъ, Италіи: первобытныя обиталища ихъ подверглись вліянію политической системы Запада (13).

---

(13) Исторія Испаніи рѣшительно присовокупляется къ общей Европейской-Западной съ половины XV-го вѣка; но послѣ паденія Рима до сего времени, лѣтописи Испаніи что иное, какъ не Исторія борьбы Испанцевъ за самобытность, борьбы, рѣшенной только тогда, когда въ стѣнахъ Гренады Фердинандъ и Изабелла, въ 1492 году, воскликнули: Non nobis domine, sed tibi sit gloria! Власть Грековъ въ южной Италіи продолжалась нѣсколько вѣковъ послѣ уничтоженія Экзархіи Греческой въ сѣверной Италіи, и противилась тамъ Сарацинамъ; въ XI-мъ вѣкѣ сразились съ ними и съ Сарацинами Нордманны, а Карлъ VIII-й привелъ туда Французовъ въ началѣ XV-го вѣка. Исторія Моравіи всего лучше можетъ быть понята въ очеркѣ Шлецера (см. Несторъ, R. A. т. III, стр. 160). Исторія Богеміи отдѣльно кончилась началомъ XVI-го столѣтія, когда Людовикъ потерялъ сраженіе и жизнь при Могакѣ, и Фердинандъ Австрійскій (1527 г.) получилъ вѣнецъ Богеміи. Впрочемъ, Подѣбрадъ, предмѣстникъ Людовика,

Но отъ сей системы сохранились Русскія земли. Какимъ-же образомъ?

Кромѣ того, что раздвиженіе политической системы Европы на востокъ встрѣтило западныя Славянскія государства и государство Венгровъ, слѣдственно: поборая ихъ, дѣйствуя на нихъ, оно могло дѣйствовать за хребтомъ Карпатскимъ, слабѣя, истощаясь въ силѣ; мы показали выше сего другую еще болѣе основную причину: здѣсь не было ничего древняго, на чемъ могло-бы отразиться вліяніе Запада. Еще важное обстоятельство въ Исторіи Русскаго народа, по сему отношенію, находимъ въ бытіи Греціи.

Что была Византійская Имперія отъ начала IV-го вѣка? Осадка вѣковъ, обломки древняго міра, тонувшіе среди міра новаго, и послужившіе скрытымъ, вещественнымъ основаніемъ отдѣльной отъ Запада системы народовъ, кото-

---

былъ уже послѣднимъ неудачнымъ усиліемъ Богемской самобытности, и собственно съ начала XV-го вѣка Богемія не существовала уже отдѣльно отъ Австріи. О Польшѣ и Венгріи скажемъ въ послѣдствіи. Канутъ (Knut), этотъ Карлъ Великій Скандинавскаго Сѣвера (въ началѣ XI-го вѣка), утвердилъ вліяніе средоточія Европы на Данію, Швецію и Норвегію. Объ Англіи, рудникѣ новыхъ идей Европы съ XVI-го вѣка, нечего и говорить.

рую, въ противоположность, назовемъ *Восточною.*

Древняя Исторія кончилась *Богочеловѣкомъ.* Триста лѣтъ протекло за симъ, до тѣхъ поръ, когда Константинъ перенесъ вещественныя формы Рима на берега Геллеспонта, вещественно сдвинулъ, такъ сказать, міръ древній съ поприща, гдѣ долженствовалъ явиться новый міръ. Мысль: обладать Римомъ изъ Царьграда, не продолжалась и 100 лѣтъ. Имперія Константина Великаго, изъ угла Ѳракіи, не могла удержать власти надъ Западомъ, сильнѣйшимъ Востока по духу, и по естественному положенію болѣе способнымъ къ соединенію во едино. Но Греческая Имперія была способнѣе Запада къ существованію въ неизмѣнчивости, болѣе продолжительному. Хотя въ IX-мъ вѣкѣ власть надъ Западомъ была рѣшительно для нея потеряна; но Греція еще имѣла средства существовать послѣ того шесть сотъ лѣтъ (14), слѣдственно, въ IX и X-мъ вѣкахъ могла сильно дѣйствовать на другихъ; но образъ дѣйствій долженствовалъ быть здѣсь особенный отъ Запада: онъ былъ образованъ сущностью Греческаго государства и политикою, какая родилась отъ разныхъ обстоятельствъ. Сіе различіе между Западомъ и Востокомъ весьма важно для Исторіи.

---

(14) Взятіе Царьграда было въ 1453 году.

На Западѣ и на Востокѣ главные дѣйствователи были: *Монархія* и *Церковь.* Но, на Западѣ варвары приобрѣли себѣ все могущество имени государя: Франкъ взялъ праздный вѣнецъ Цезарей, лежавшій на опустѣломъ ихъ тронѣ, и передалъ его потомъ другимъ Германцамъ (15); на Востокѣ, вѣнецъ Цезарей колебался, но былъ сохраненъ на главѣ однородца древнихъ обладателей онаго. На Западѣ, Церковь подверглась политической силѣ варваровъ, потомъ боролась съ ними, свергая наложенное ими иго, наконецъ свергла и поборола ихъ; на Востокѣ Церковь была раздираема внутренними раздорами, но тверда на правѣ старѣйшинства своего, постоянна въ повиновеніи Греческимъ Императорамъ, и — погибла съ ними. На Западѣ варвары изъ себя раскрывали новый міръ въ древнихъ стихіяхъ; на Востокѣ древнія стихіи побѣждали новый міръ варваровъ, и только возмущались, кипѣли отъ новыхъ прибавокъ.

---

(15) Не должно почитать тщетнымъ титуломъ имени *Римскаго Императора*, которое съ 919 года перешло въ домъ Саксонскій, съ 1024 г. Франконскій, съ 1137 г. Швабскій, въ 1273 г. Габсбургскій. Здѣсь узелъ вѣковой политики и борьбы государствъ. Напротивъ, Юстиніаниды, Ираклиды, Комнины, Дуки, Палеологи были перемѣны династій частныя, такъ сказать, семейныя.

Отъ сего явилось, что два главные дѣйствователя общественной жизни: *Монархія* и *Церковь*, на Западѣ и Востокѣ сдѣлались совершенно различны, раздѣлились существенно.

Монархъ на Западѣ былъ вождь народовъ, властвовавшій удѣльными, или феодальными, государствами; Монархъ Востока былъ деспотъ, властвовавшій надъ рабами, хотя и часто управляемый ихъ мечемъ и волею. Михаилъ Заика, въ цѣпяхъ возведенный на престолъ Императорскій, былъ истинное изображеніе Греческаго Монарха. Хлодевихъ, принужденный разломать серебряную чашу для раздѣла съ воинами — изображеніе Западнаго Монарха (16). Мы уже говорили о сопер-

---

(16) Мы говоримъ здѣсь объ извѣстномъ раздѣлѣ сокровищъ въ Суассонѣ, когда Хлодевихъ (*Кловисъ*) хотѣлъ самовольно взять себѣ дорогую чашу изъ добычи, и одинъ изъ воиновъ его, сильнымъ ударомъ топора изломавъ чашу, сказалъ, что онъ долженъ дожидаться, выпадетъ-ли она ему по жеребью. Михаилъ Заика, осужденный на сожженіе Леономъ Арляниномъ, былъ взятъ народомъ, и скованный посаженъ на тронъ. Въ смятеніи не могли сыскать слесаря, которыи расковалъ-бы его, и — вѣнецъ Императорскій былъ уже на головѣ Михаила, народъ лежалъ передъ трономъ его, когда на рукахъ его были еще цѣпи! — Если-бы мы не боялись ссылаться на примѣненія (ибо не почитаемъ ихъ положительными доказательствами), то могли-бы въ смерти Леона найдти так-

ничествѣ между Греческою и Латинскою Церковью (17): сіе соперничество, основанное на политическомъ началѣ, сильно заставляло дѣйствовать обѣ стороны, а на разницѣ политическихъ отношеній той и другой Церкви, основано было различіе дѣйствій ихъ. Латинская Церковь порабощала себѣ политическую власть надъ народами, принимала ихъ народность, и хотѣла единства только въ повиновеніи народовъ ея власти, готовя орудіе на владыкъ своихъ, Западныхъ Императоровъ; Греческая Церковь не трогала политическаго бытія народовъ, но безпримѣсно являлась въ каждой странѣ, усыновляя языкъ каждой страны для своего служенія (18).

же эмблемму состоянія Греческихъ Императоровъ: убійцы нашли его въ церкви; будучи безъ оружія, Леонъ схватилъ огромный крестъ, и защищался имъ нѣсколько времени отъ мечей измѣнниковъ.

(17) См. т. I, стр. 211, и слѣд.

(18) Первымъ дѣломъ Папъ бывало возведеніе новокрещенныхъ Государей въ званія Герцоговъ и Королей и утвержденіе своей духовной власти, хотя народность каждой страны обезображивала Христіанскую религію. Въ тоже время, языкъ Латинскій для служенія церковнаго былъ первое условіе Католичества, ибо сіе условіе вело за собою введеніе Латини въ дипломатику. Такъ Іоаннъ VIII-й писалъ къ св. Меѳодію въ Моравію, повелѣвая ему употреблять только Латинскій, или, по нуждѣ, Греческій языкъ, и говоря ему: « Слышимъ, что ты поешь литургію

Вотъ основный типъ различія дѣйствій Запада и Востока. Подробности зависѣли отъ географическихъ и историческихъ обстоятельствъ. Борьба *церковной, монархической, феодальной* и *народной* силы составляла Исторію средоточія Европы въ девятомъ и десятомъ вѣкахъ (19). Идите отъ сего средоточія къ востоку, и вы замѣтите, какъ, увлекающая къ средоточію, борьба сія ослабѣвала, встрѣчаясь съ отдѣльною самобытностью народовъ, исчезая на пространствѣ новыхъ земель, и ослабляясь тяготѣніемъ древней Греціи къ юго-востоку.

на варварскомъ, или Славянскомъ языкѣ.» См. множество любопытныхъ и важныхъ подробностей о введеніи Католиками Христіанской вѣры между западными Славянами, Шлецера Несторъ, R. A. т. III, глава X.

(19) Вотъ сущность Исторіи Запада. Папа и Духовенство, Императоры и Короли, Вассалы, Народъ — были четыре стихіи, между собою сражавшіяся, взаимно подкрѣплявшія и низлагавшія другъ друга, и наконецъ явившія настоящій порядокъ дѣлъ въ Европѣ. Монархія соединяла вещественную силу во едино; Вассалы противились сему и разливали частную жизнь; все это падало на Народъ, защищавшій свое частное бытіе, а Церковь, дѣйствуя для видовъ вещественныхъ, оживляла духовную сторону человѣка. Исторія учитъ вѣрѣ въ Провидѣніе, указывая чудныя средства судебъ его; надобно только умѣть слушать ея уроки.

Дѣйствительно: Исторію Богеміи и Моравіи составляютъ рѣшительно только усилія спасти свою самобытность, и неудача сихъ усилій: слабая народность здѣсь уступила. Венгрія, болѣе твердая характеромъ народа, болѣе обширная, стояла крѣпче, но — замѣчательное обстоятельство — она представила собою смѣшеніе всѣхъ стихій борьбы средоточія Европы. Хотя Востокъ здѣсь уже превозмогалъ, но все еще смѣшивались здѣсь законы Римскіе съ варварскими въ самыхъ подробностяхъ, такъ какъ и народонаселеніе Венгріи составляло смѣшеніе Римлянъ, Славянъ, Германцевъ и Восточныхъ народовъ (20). — Еще болѣе Венгріи далекая, болѣе Венгріи обширная, и твердая тѣмъ, что ее составлялъ самъ собою образовавшійся въ государство народъ, Польша принадлежала къ системѣ западныхъ государствъ только церковнымъ вліяніемъ, и отъ того зависѣвшимъ порядкомъ дѣлъ. Политика первобытной Польши увлечена была въ систему западную внѣшнею жизнью государства, но уже не отражалось въ ней столько много подробностей Западной системы во внутренней жизни, какъ въ Венгріи (21).

---

(20) Это весьма хорошо замѣтилъ и изъяснилъ I. Лелевель, говоря о смѣшеніи законовъ и народовъ въ Венгріи.

(21) Сказанное здѣсь о началѣ Польши весьма замѣ-

Польша въ началѣ XI-го вѣка, еще не раздѣленная дѣтьми Болеслава, занимала все пространство земель отъ впаденія Одера въ Балтійское море, обхватывая пространство за Одеромъ, огибая Богемію, и потомъ идя по Дунаю до того мѣста, гдѣ Дунай склоняется на западъ отъ параллельнаго теченія съ рѣкою Тиссою. Упираясь прямо отъ сего мѣста къ Тиссѣ, граница Польши склонялась по Карпатскимъ горамъ къ югу, и потомъ къ сѣверу до Бреста, гдѣ уклонялась влѣво и оканчивалась при впаденіи Вислы въ Балтійское море. Далѣе, пространство къ югу, между Карпатскими горами, Польшею, Германіею на югъ по рѣку Саву, составляла Венгрія (22). За тѣмъ, къ югу бы-

---

чательно. Въ самомъ дѣлѣ, Польша была чисто Славянское, Славянами образованное, а не пришлецами, не завоевателями составленное государство. Не здѣсь ли разгадка Исторіи и паденія Польши? Стремленіе Польши было на западъ, а не на востокъ. Мечиславъ встрѣчается съ Нѣмцами за Одеромъ, сражается, платитъ дань, креститcя, и духовно зависитъ отъ Папы; Болеславъ покоряется Оттону, сражается съ Генрихомъ II-мъ; такъ и при его преемникахъ соединяется Исторія Польши съ Западомъ, и Польша увлекается въ западную систему государствъ; но гражданскія постановленія были здѣсь самобытныя, не смотря на сильное вліяніе Запада.

(22) Мы слѣдуемъ историческимъ картамъ Лелевеля, составленнымъ весьма искусно и точно.

ли Славянскія государства: Сербія, Булгарія, гдѣ оказывалось рѣшительно превозмогающее вліяніе Востока (23).

Такимъ образомъ былъ расположенъ *восточный предѣлъ власти Запада.* Востокъ составляла Греческая Монархія. Мы назвали состояніе Греціи *тяготѣніемъ древняго міра:* разсмотрѣвъ сущность и Исторію Греціи, должно согласиться, что мы имѣли къ сему полное право. Неизмѣняемая религія, священныя пѣсни коей гремѣли еще при первыхъ Цезаряхъ древняго Рима, не знавшаго Западной вѣры, неизмѣняемость гражданскихъ вѣрованій и политическихъ дѣйствій, сопроводили Грецію до самаго ея паденія: какъ Западъ парилъ къ новому, такъ Греція клонилась къ старому, и наконецъ исчезла задушенная несвойственною ей атмосферою новыхъ измѣненій. Греція не распалась, но—умерла (24).

---

(23) Именуемъ Сербію и Булгарію, какъ два главные дѣйствователя, послѣ наводненія варваровъ явившіеся на обширномъ Эллинскомъ перешейкѣ, между Адріатическимъ и Чернымъ морями. Судьба сего перешейка географически соединена была съ судьбою Греціи, какъ судьба Италійскаго съ Западомъ.

(24) Обстоятельство, доказываемое Исторіею Греціи. Она подобилась кораблю, постепенно погрязавшему въ Океанъ. Когда Царьградъ взятъ былъ Турками, Императоръ Греческій владѣлъ только окрестностями своей столицы, въ коихъ постепенно стѣсняли его новые народы.

Она владѣла Булгаріею со времен Іоанна Цимисхія, какъ своею областью; Сербія и другіе Славянскіе народы до самой Венгріи ей покорялись. Она держалась еще въ Тавридѣ. Непосредственное вліяніе Греціи простерлось на сѣверъ отъ Чернаго моря, и въ Малую Азію.

Не видимъ-ли, что *географически* долженствовало быть дѣйствію Греціи на Русскія земли, и если знаемъ Грецію и внутреннее состояніе сихъ земель, то можемъ понять, что̀ долженствовали онѣ явить собою отъ дѣйствія Греціи?

Не льзя предполагать въ древнихъ Славянахъ бо́льшей противъ Варяговъ образованности: объ этомъ мы уже говорили. Здѣсь было только различіе народныхъ элементовъ; одного, коснѣвшаго въ Азіятской неизмѣнности нравовъ, другаго, создавшаго себѣ новую жизнь подъ хладнымъ небомъ Скандинавіи, и жившаго измѣненіями. Ветхій посохъ Славянина и свѣтлый мечъ Варяга соединились во власти Князей Русскихъ (25).

Варяги сначала сами не знали, куда влекъ ихъ порывъ необузданной воли, стремя челноки и лодки Руссовъ, равно къ берегамъ Финскимъ, къ берегамъ Америки, и къ берегамъ Галліи. Они быстро двигались къ югу, утвердясь осѣ-

(25) См. т. I, стр. 69 и слѣд.

до на Ильменѣ; но здѣсь была уже цѣль: *въ Грецію* было ихъ стремленіе.

Если положимъ, что первое построеніе Варяжскаго городка на Ильменѣ было въ 864 году, то найдемъ, что черезъ двадцать лѣтъ, Варяги уже рѣшительно оставили свой Ильменскій притонъ, и дѣйствія главнаго табора ихъ всѣ сосредоточивались на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ. Положивъ походъ Аскольда и Дира *первымъ* покушеніемъ Варяговъ на Грецію, а походъ Святослава въ Булгарію *послѣднимъ* опытомъ борьбы съ Греками, видимъ, что цѣлое *столѣтіе* Греція составляла первый предметъ дѣйствій главнаго *Варяжскаго стана:* иначе не можемъ назвать Русскихъ княжествъ, основанныхъ Варягами. Сіи княжества были воинскіе шатры, разбитые по Днѣпру, Деснѣ, Семи, Сулѣ, Волгѣ, Бугу, сообщавшіеся одинъ съ другимъ по рѣкамъ.

Неудача борьбы съ Греками споспѣшествовала дѣйствію особыхъ причинъ, преображавшихъ между тѣмъ Русскія княжества, съ половины IX-го до послѣдней четверти X-го вѣка.

Варяги, и безъ того малочисленные, въ сравненіи съ Славянами, вступленіемъ въ службу Греческихъ Императоровъ ослабили свои силы.

Народность Славянъ преодолѣла такимъ образомъ народность Варяговъ.

Личныя выгоды Князей, находя средства къ измѣненію въ патріархальномъ бытѣ Славянъ,

подкрѣпляясь примѣромъ Греческаго и Азіятскаго деспотизма, измѣняли Нордманнскую феодальную систему правительства.

Въ сихъ обстоятельствахъ началъ княжить Владиміръ. При немъ прекратилась вражда Руссовъ съ Греками. Владиміръ пожалъ плоды отъ сѣменъ, посѣянныхъ до него мудростью Ольги, отвагою Святослава, и междоусобіемъ братьевъ. Русь получила Христіанскую вѣру отъ Греціи, и посему мы имѣли право сказать, что Владиміромъ началась *самобытность Руси* (26).

Слѣдственно: *внѣшнія* причины событій на Руси, до самаго Владиміра, заключались главнѣйше въ Греціи. Она дѣйствовала, *посредственно* и *непосредственно.*

Успѣшно, хотя и неожиданно, отразивъ первый набѣгъ Руссовъ при Аскольдѣ и Дирѣ, Греки немедленно устремили на новыхъ варваровъ свою хитрую политику. Черезъ сорокъ лѣтъ новый набѣгъ Руссовъ (походъ Олега) показалъ Грекамъ, что обыкновенныхъ хитростей здѣсь недостаточно: Греки уступили Руссамъ множество выгодъ. Прошло еще тридцать пять лѣтъ: политика Грековъ занималась уменьшеніемъ сихъ уступокъ; третій набѣгъ Руссовъ (походъ Игоря) устрашилъ Грековъ; но, отразивъ его, Греція увидѣла уже важныя слѣдствія своей политики. Угры, занимавшіе Олега столь-

(26) См. т. I, стр. 207.

ко лѣтъ; Печенѣги, занявшіе его преемниковъ; отдѣленіе Варяговъ въ Грецію; дѣйствіе религіи, болѣе и болѣе входившей въ составъ Русскихъ княжествъ и общественное образованіе Русскихъ народовъ, все, безпрерывно существеннѣе обезпечивало отъ опасностей. Явился Святославъ — послѣднее усиліе Нордманскаго духа: его обратили на Хазаръ; сего оказалось не довольно, и — открытая послѣдняя борьба Руссовъ съ Греціею (походъ Святослава въ Булгарію) рѣшила безопасность Греческаго государства. Владиміру сдѣлали Греки послѣднее пожертвованіе: честолюбіемъ; борьба съ Греціею кончилась: Руссы начали образовываться въ правильное общество. Тогда Греки сдѣлались друзьями, союзниками, учителями Руссовъ; передавали имъ, съ началами Христіанства, основанія общественной нравственности; умѣли отдѣлить Русь отъ системы Запада Европы; вводили нужнѣйшія знанія, художества.

Главное орудіе *непосредственнаго* дѣйствія Грековъ составляли сосѣднія съ Руссами Азійскіе народы. Мы уже говорили, что кромѣ Греческой политики, ни чѣмъ другимъ не льзя объяснить паденія Донскихъ Хазаровъ подъ мечемъ Святослава; движенія Угровъ къ Кіеву, и потомъ на западъ; разселенія Печенѣговъ на Днѣпрѣ (27).

(27) См. т. I, стр. 112, 167.

Борьба съ сими народами дополняетъ Исторію внѣшней жизни Руси до XI-го вѣка. Вмѣшивалось-ли въ жизнь Руссовъ какое-либо дѣйствіе съ Запада?

Крайнія восточныя точки западной системы, Польша и Венгрія, были заняты своими дѣлами. Ихъ историческія прикосновенія къ Руси были слѣдствіемъ *внутренней* жизни Руссовъ (28).

Разсматриваемая съ такихъ сторонъ, Исторія Русскаго народа представляетъ намъ слѣдующія воззрѣнія:

Географическую мѣстность. Жизнь Руси началась съ береговъ Балтійскаго моря. Изъ лѣсовъ Новгородскихъ двинулись Варяги на Днѣпръ: Сѣверъ преданъ былъ ими своей судьбѣ; главное гнѣздо Руссовъ утвердилось на Днѣпрѣ и боролось съ Греціею. Другая отрасль Руссовъ является къ югу отъ Ладожскаго озера, на мысѣ земли, образуемомъ Волгою и Окою, но вскорѣ исчезаетъ отдѣльная самобытность оной.

---

(28) Въ слѣдствіе внутреннихъ отношеній, Владиміръ поставилъ границы Руси подлѣ Польши; Святополкъ произвольно бѣжалъ въ Польшу и призвалъ Болеслава, которому послѣ побіенія Поляковъ въ Кіевѣ (1018 г.) *нѣкогда* было даже отмстить за сіе оскорбленіе; сношенія Ярослава съ Польшею также были случайныя, а не слѣдствія постояннаго участія въ системѣ государствъ, принадлежавшихъ къ Западной системѣ.

Этнографическую мѣстность. Ее составляетъ смѣшеніе народовъ, соединившихся въ народѣ Русскомъ. Сіе смѣшеніе составили Славяне и Варяги. Русь представляется намъ въ слѣдующемъ отношеніи по гражданскому образованію: законы и учрежденія преимущественно *Скандинавскіе*; вещественное образованіе *Славянское*.

Изобразимъ Русь, послѣ всѣхъ сихъ соображеній, исторически.

Варяги, выходцы изъ Скандинавіи, разбиваютъ свой таборъ въ земляхъ Славянскихъ: *Новгородъ* и *Кіевъ*, двѣ главныя точки ихъ дѣйствій. Они покоряютъ Славянъ, соединяются съ ними и устремляются на Грецію. Это заставляетъ ихъ утвердить главное мѣстопребываніе на Днѣпрѣ. Олегъ исполняетъ сіе предопредѣленіе; Ольга скрѣпляетъ союзъ частей новаго общества въ Кіевскомъ княжествѣ. Греки уничтожаютъ покушенія Руссовъ, заставляютъ ихъ сражаться съ сосѣдями, и способствуютъ внутреннему образованію Русскихъ княжествъ введеніемъ вѣры Христіанской и общественности. Отказавшись отъ воинскаго кочеванья, Владиміръ и Ярославъ ищутъ *единовластія*, слѣдуя намѣреніямъ Ольги.

Но единовластіе не могло *съ тѣхъ временъ* установиться въ Руси: оно было еще слишкомъ ново для Русскаго государства, и при томъ система политическаго быта должна была испы-

шать еще одну необходимую степень, составляющую переходъ отъ Феодализма къ Монархіи: *систему Удѣловъ*, обладаемыхъ членами одного семейства, подъ властію старшаго въ родѣ — *Феодализмъ семейный* (29).

---

(29) Должно обратить вниманіе на сказанное нами выше (въ примѣч. 18), и понять различіе власти, и различіе отношеній между повелѣвавшимъ и повиновавшимся, въ древнемъ и новомъ мірѣ. Латинское слово: Res publica, превратившееся въ наименованіе особеннаго образа правленія, извѣстнаго Древнимъ, точно обозначаетъ сей образъ правленія; такъ-же какъ измѣненіе значенія Греческихъ словъ: *Деспотъ Тиранъ* (вначалѣ означавшихъ просто званіе Государей — *Δεσπότης*, *Τύραννος*, а потомъ злоупотребленіе власти), другой образъ правленія, Древнимъ извѣстнаго. Феодализмъ вездѣ переходилъ въ систему Удѣловъ, гдѣ только Монархія могла побѣждать его. Сей порядокъ казался такъ естественнымъ, былъ столь необходимъ въ самомъ дѣлѣ, что обвиненіе Владиміра и Ярослава въ политической ошибкѣ оказывается во все несправедливымъ, при малѣйшемъ соображеніи. Любопытно видѣть, какъ ошибался въ семъ отношеніи Карамзинъ (ошибки человѣка съ умомъ необыкновеннымъ, поучительны). Онъ, то утверждаетъ что Князья Русскіе были единовластны, то отвергаетъ сіе; то приписываетъ удѣлы духу времени (» *слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ*, Владиміръ раздѣлилъ государство, » см. *Ист. Г. Р.* т. 1, стр. 220), то относитъ ихъ чисто къ любви родительской (« здравая политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца

Мы отвергаемъ всякое влiянiе Запада на Русскiя земли, и справедливо. Управляемые Греческою политикою, когда получили уже самобытное существованiе, Руссы даже враждебно и непрiязненно смотрѣли на Западъ (30). Только частность, мѣстность сталкивала ихъ съ Польшею; только неудачныя покушенiя Запада сблизиться съ Русью, напоминали Рускимъ о существованiи Западныхъ государствъ (31). Словомъ: до XIII-го

человѣческаго, *не могла противиться дѣйствiю слѣпой любви родительской,»* говорится о Ярославѣ, Ист. Г. Р. т. II, стр. 27). Можно-бы выставить десятки подобныхъ, одно другому противорѣчащихъ мѣстъ, показывающихъ, что Карамзинъ, писавши Исторiю Россiи, не составилъ себѣ предварительно яснаго понятiя о государственномъ составѣ Древней Руси.

(30) Сообразите всѣ мѣста въ лѣтописяхъ нашихъ, гдѣ говорится о Папѣ, о Западѣ Европы. Слова: *Папежъ, Нѣмецъ,* всегда были слова отчужденiя и вражды.

(31) Выше мы упоминали, что сближало иногда Русь съ Польшею; такiя-же отношенiя, т. е. случайныя событiя: бѣгство изгнанныхъ Князей, требованiе помощи за золото, или выгоды личныя, приводили въ Русь послѣ Святослава Варяговъ, а въ послѣдствiи Венгровъ. Такъ Изяславъ кланялся Папѣ, а Борисъ, сынъ Евфимiи, Королю Французскому; другiе Князья ходили къ Императору Германскому. Все это не было слѣдствiемъ политическихъ сношенiй, которыя могли имѣть влiянiе на политическую систему Руси. О родственныхъ связяхъ Руссовъ съ Западными государями, см. слѣдующее примѣчанiе.

вѣка самобытный міръ Феодализма Варяжскаго, перешедшій въ Удѣльную систему, рѣшительно принадлежалъ къ системѣ Востока, ограничивался ею, и жилъ отдѣльною отъ Запада жизнію, между Греціею, дикими сосѣдями Азіятскаго происхожденія и границею системы Западныхъ государствъ, подъ вліяніемъ *Скандинавскихъ* законовъ, *Славянской* народности, *Греческой* вѣры.

Что-же былъ сей міръ *въ половинѣ XI-го вѣка*, когда Ярославъ прешелъ къ отцамъ, въ надеждѣ на счастіе потомковъ? Чѣмъ онъ собственно ограничивался? Какъ онъ существовалъ? Что представлялъ для будущаго?

Имя *Руси*, языкъ *Русскій*, были тогда слышны отъ Ладожскаго озера до береговъ Кубани, и отъ береговъ Вислы до береговъ Оки. Это ввело въ заблужденіе новѣйшихъ Историковъ, и они вообразили себѣ какое-то пространное, сильное государство, гремѣвшее славою въ трехъ извѣстныхъ тогда частяхъ міра, соединенное узами родства съ отдаленными государствами Запада (32).

(32) Карамзинъ говоритъ: «Въ самый первый вѣкъ бытія своего Россія превосходила обширностію *едва-ли не всѣ тогдашнія государства* Европейскія. Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владиміровы распространили ея владѣнія отъ Новгорода и Кіева къ западу — до моря Балтійскаго, *Двины* (?), Буга и горъ Карпатскихъ, а къ югу до пороговъ Днѣпровскихъ и *Киммерійскаго Воспора* (?). Къ сѣверу и востоку граничила она съ Финляндіею и съ Чудскими

Мысль совершенно невѣрная! Вотъ *Географическій* обзоръ Руси послѣ смерти Ярослава.

Главную точку жизни общественной на югѣ составлялъ тогда Кіевъ. Сіе мѣстопребываніе

народами, обитателями нынѣшнихъ губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, также съ Мордвою и съ *Казанскими* Булгарами» (Ист. Г. Р. т. I, стр. 233).— Далѣе: «Ярославъ. . . началъ властвовать отъ береговъ моря Балтійскаго до Азіи, Венгріи и *Дакіи*» (Ист. Г. Р. т. II, стр. 26). — «Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ» (Ист. Г. Р. т. II, стр. 42. Здѣсь Карамзинъ разсказываетъ басню о бѣгствѣ Королей Норвежскихъ и Англійскихъ въ Русь). — «Ярославъ вошелъ въ свойство со *многими* знаменитыми Государями Европы» (Ист. Г. Р. т. II, стр. 33). Не выписываемъ другихъ мѣстъ, и въ выписанныхъ нами находимъ только одно достойное опроверженія; спрашивается: точно-ли начались со временъ Ярослава, и были родственныя связи Русскихъ Князей *со многими знаменитыми государями Европы*? У Карамзина видимъ множество сему примѣровъ; но утвердить—можно изъ нихъ весьма немногіе; большая часть ничѣмъ не доказана, ни на чемъ не основана. Русскіе Князья роднились съ Польскими, Венгерскими Королями, Императоромъ Греческимъ, Половецкими и Кавказскими Ханами, а свадьбу Анны Ярославовны съ Французскимъ Королемъ, и Елисаветы Ярославовны съ знаменитымъ Гарольдомъ Норвежскимъ, едва-ли не должно почесть — ошибкою. См. *Дополненія*, статья I.

Русскихъ Князей, огражденное храбростію Олега и Святослава, умомъ Ольги, Владиміра и Ярослава, было жилищемъ Великаго Князя, которому, со временъ Владиміра, повиновались на западъ, востокъ и сѣверъ, нѣсколько окружныхъ областей и небольшихъ народовъ. Земли по правую сторону Днѣпра до Буга были совершенно покорны Кіеву, на югъ ограничиваясь чертою отъ вершинъ Прута до Роси. Далѣе къ югу были степи, съ бродящими толпами разноплеменныхъ, не подвластныхъ Руссамъ народовъ. Къ сѣверу, принадлежащее Кіеву Заднѣпріе, вѣроятно, ограничивалось Припетью. Въ семъ пространствѣ заключались прежнія области Полянъ, Древлянъ, Волынянъ, отчасти Дряговичей. Города: Владиміръ, Туровъ, Перемышль, Червень, Луцкъ, и другіе, составляли здѣсь опору власти Кіева.

На лѣвой сторонѣ отъ Кіева рѣка Сула была южною границею власти Руссовъ. Весь лѣвый берегъ Днѣпра, отъ Сулы до Смоленска, заключая въ себѣ прежнія области Суличей, Сѣверянъ, Радимичей, отчасти Кривичей, ограничиваясь къ востоку областью Вятичей, былъ Кіевскою областью. Смоленскъ составлялъ здѣсь сѣверную оконечность; Переяславль южную; Черниговъ былъ срединою.

Область Вятичей находилась между владѣніемъ Кіевскимъ и городками: Муромомъ и Ростовомъ,

составлявшими области Руссовъ на Окѣ и Волгѣ, и повиновавшимися Кіеву. Присовокупивъ сюда отдаленную колонію Руссовъ въ Тмутороканн, мы вполнѣ видимъ пространство владѣній Ярослава.

Влѣво отъ Смоленска, составляя сѣверныя границы подвластнаго Кіеву Заднѣпрія, было *Русское*, но *отдѣльное* отъ Кіева, княжество Полоцкое. Здѣсь Полоцкъ, Минскъ, и еще нѣсколько городовъ составляли феодальный союзъ особаго княжескаго семейства (33).

---

(33) Что раздѣльные народы Славянскіе были основаніемъ образовавшихся потомъ княжествъ Русскихъ (напримѣръ, что Кіевъ составили *Поляне*, Черниговъ *Сѣверяне*), въ семъ нѣтъ сомнѣнія. Мстиславъ (1023 г.), поставя Сѣверянъ противъ Варяговъ, и объѣзжая потомъ поле битвы, говорилъ: » Кто сему не радъ? Се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а *дружина своя* цѣла (Кен. ст. 102). » « Слово, недостойное добраго Князя, ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнію, стоили, по крайней мѣрѣ, сожалѣнія,» говоритъ Карамзинъ (Ист. Г. Р. т. II, стр. 24). Справедливо; но не лучше-ли было, вмѣсто неумѣстной чувствительности, извлечь болѣе важное замѣчаніе о взаимной народной ненависти разныхъ Русскихъ областей, ненависти, основанной на различіяхъ народовъ, этихъ древнихъ *Клановъ*, которые ожидаютъ своего В. Скотта? Княжество Полоцкое было сильно тѣмъ, что его преимущественно составилъ, многочисленнѣйшій другихъ Славянъ, родъ *Кривичей*.

Переходимъ къ другой главной точкѣ общественной жизни Руссовъ. На Волховѣ, близъ озера Ильменя былъ *Новгородъ*, древнее первоначальное мѣстопребываніе Варяговъ, оставленное ими, и чрезъ то получившее самобытную жизнь.

Такъ-же какъ на югѣ Кіевъ, на сѣверѣ Новгородъ былъ средоточіемъ, которое облегали восемь областей, заключавшія въ себѣ къ сѣверу пространство отъ Невы до Наровы; къ юго-западу до границъ Полоцкаго княжества; на югъ до областей Смоленской, Муромской, Ростовской. Восточную границу, вѣроятно, можемъ здѣсь означить Волгою, до впаденія въ оную Шексны и Шексною до Бѣла озера. Кромѣ Новгорода, Ладога, Изборскъ, Бѣлозерскъ, и въ послѣдствіи Руса, Псковъ, и другіе города, составляли опоры общественной жизни на семъ пространствѣ.

Вотъ все, что обнимала *собственно-Русь* послѣ Ярослава (34).

Указавъ границы Русскихъ областей, мы должны присовокупить къ сему, что подъ сими *грани-*

---

(34) Въ послѣдствіи, самое имя *Руси* оставалось только при Кіевской области.» Тако-ли мнѣ нѣтъ причастія *въ земли Руской*, «говорилъ Георгій Долгорукій, живя въ Суздальской области, и услышавъ объ изгнаніи сына своего изъ Кіевскаго Городца (Кен. спис. стр. 207).

цами не должно разумѣть постоянныхъ рубежей, уважаемыхъ сосѣдями, защищенныхъ правильно и крѣпко, рубежей, за коими начинались-бы области, безопасно правимыя Князьями. Тацитъ, означивъ границу Германіи со стороны Дакіи *взаимнымъ опасеніемъ* (35), превосходно выразилъ, что должно разумѣть подъ названіемъ предѣла между владѣніями полудикихъ народовъ. Жизнь Русскаго народа сосредоточивалась окрестъ мѣстопребыванія повелителя. Такія мѣста составляли Кіевъ и Новгородъ. Чѣмъ далѣе отъ нихъ, тѣмъ болѣе слабѣла жизнь общественная, соединяясь, но уже слабѣе, окрестъ Смоленска, Чернигова, а на сѣверѣ окрестъ Изборска и другихъ городовъ. Переяславль, Владиміръ, Ладога, Туровъ стояли на границахъ; отъ нихъ, далеко внутрь земли, не было общественной жизни, ибо страхъ

(35) De morib. Germanor. I. Примѣръ находимъ въ нынѣшней нашей границѣ съ Среднею Азіею; она поставлена далеко въ Киргизскую степь, но ею *не начинается* еще Россія. — Касательно данниковъ древнихъ, также найдемъ примѣры въ нынѣшней, всѣ вѣка, всѣ переходы общественной жизни заключающей, Россіи. Чукчи, обитатели сѣверо-восточнаго угла Азіи, Тунгузы, кочующіе между Амуромъ и Леною, и Коняги Американскіе, въ отношеніи политической власти нашей надъ ними, есть вѣрное изображеніе того отношенія, въ какомъ къ Кіеву и Новгороду были древле Ятвяги, Голяды; нѣкоторые Финскіе и Кавказскіе народы, вообще — *всѣ данники*.

вторженія непріятелей не дозволялъ быть здѣсь безопаснымъ. Граница легко подвигалась далѣе въ землю сосѣдей при успѣхѣ, и также легко удалялась внутрь при неудачѣ. Съ раздвиженіемъ, новый городъ въ бывшей непріятельской землѣ означалъ новую границу; старая граница становилась внутреннею областью и заселялась. Ростовъ, Муромъ и Тмуторокань были собственно колоніи южныхъ Руссовъ, сообщавшихся съ сими мѣстами черезъ пустыни и области независимыхъ народовъ и данниковъ. Данники не составляли совершенныхъ владѣній Руссовъ: таковы были между Муромомъ и Черниговомъ *Вятичи*; близъ Туровской области и Полоцкаго княжества *Ятвяги, Голяды* и другіе Латышскіе народы; близъ Изборской области *Финны*; на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Новгородскихъ областей другіе *Финскіе* и *сѣверо-Азійскіе народы;* на востокъ и югъ отъ Мурома особые народы *Финскіе* и *Азійскіе*; близъ Тмуторокани *Кавказскіе* народы. Отдаленная Тмуторокань была вскорѣ потеряна для Руссовъ; но успѣхи общественности въ Русскихъ внутреннихъ областяхъ показывались именно тѣмъ, что области сближались одна съ другою устроеніемъ городовъ, а въ пространствахъ между городами, постепенно, селъ и деревень, то есть, обиталищъ неукрѣпленныхъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ Ярослава вся область Вятичей была уже Русскою областью;

отъ Семи къ Сулѣ, Роси и верховью Прута устроились пограничные города. За ними къ сѣверу явилось множество другихъ городовъ; возникли: Курскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Трубчевскъ, Рязань, Пронскъ, Москва, Владиміръ, Суздаль, Тверь, Торжокъ.

Трудно опредѣлить границы и разныхъ областей, одна подлѣ другой находившихся, ибо и на дѣлѣ границъ не было постоянныхъ и твердыхъ. Протяженіе горъ, теченіе рѣкъ здѣсь всего вѣрнѣе для насъ; но въ сухопутныхъ *переволокахъ* отъ одной рѣки къ другой, границы дѣлаются для насъ сбивчивы. Впрочемъ, можемъ предположить тоже основаніе, какое приняли мы въ границахъ съ чуждыми народами: опредѣлялось главное мѣсто области, а предѣлы пространства окрестъ его не были опредѣлены.

Въ этомъ заключался источникъ браней и междоусобій. Такъ Волынь всегда была причиною ссоръ между Польшею и Русью, а земли къ верховью Волги и по Шекснѣ причиною ссоръ между Суздальскими, Смоленскими Князьями и Новгородомъ.

Мы видѣли дѣленіе земель между Мстиславомъ и Ярославомъ: Днѣпръ во все теченіе его составлялъ грань владѣній двухъ Князей. Ярославъ, давая удѣлы сыновьямъ, положилъ Мстиславово дѣленіе основнымъ началомъ; но при томъ онъ соблюлъ слѣдующія, замѣчательныя подробности,

Старшій сынъ его получилъ Кіевъ; *второй* Черниговъ; *третій* Переяславль; *четвертый* Смоленскъ; *пятый* Владиміръ Волынскій. Къ Чернигову причислены были Муромская, Ростовская и Тмуторокапская области. Видимъ, что удѣлъ третьяго сына составлялъ *крайній южный предѣлъ* Кіева и Чернигова, съ лѣвой стороны Днѣпра; удѣлъ четвертаго *крайній сѣверный предѣлъ* Кіева и Чернигова по лѣвой сторонѣ Днѣпра; удѣлъ пятаго *крайній западный* предѣлъ Русскихъ княжествъ. Изъ сего можемъ вывесть важныя пояснительныя подробности, въ подтвержденіе всего вышесказаннаго:

1-е. Что владѣнія Кіевскаго, или Великаго, Князя Руссовъ, и удѣльной системы, ему принадлежавшей, замыкались въ пространствѣ отъ Переяславля до Смоленска, и отъ Владиміра Волынскаго до Чернигова, и что Муромъ, Ростовъ, Тмуторокань были отдаленными владѣніями, между коими находились земли данниковъ и независимыхъ народовъ.

2-е. Что раздѣлъ Мстислава былъ принятъ въ основаніе, и собственно на *два княжества* раздѣлена была удѣльная система Южной Руси: *Кіевское* и *Черниговское*, которыя раздѣляло теченіе Днѣпра. Три другіе удѣла составляли небольшія области, гдѣ присутствіе Князей было необходимо для защиты Русскихъ предѣловъ.

Муромъ, Ростовъ и Тмуторокань причисляемы были къ Чернигову, какъ находящіеся на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Кіеву опредѣлено было все находившееся на правой сторонѣ отъ Полоцка до Роси. Но, хотя Кіевъ, обладая такимъ пространствомъ, получалъ важное мѣсто между другими княжествами, все, казалось, онъ терялъ противъ Чернигова, когда сему княжеству принадлежали Муромъ, Ростовъ и Тмуторокань. Вознагражденіе за сіи утраты составляло непосредственное вліяніе Кіева на Новгородъ, предоставленное собственно Великому Князю. При нашихъ понятіяхъ о гражданской независимости, намъ неизъяснимо: какимъ образомъ *вольный Новгородъ* могъ соединять республиканскую свободу свою съ повиновеніемъ Князю Кіевскому (36)? Постараемся объяснить тогдашнюю идею свободы Новгородской, и странное сближеніе сей свободы съ покорностью Кіеву. Но, прежде взглянемъ на характеристическія отличія сѣвера и юга Русскихъ земель, и узнаемъ отношенія подданныхъ къ государю, и одной области къ другой, на югѣ.

---

(36) Не говоримъ о новыхъ историкахъ, которые считали Новгородъ просто такимъ-же удѣломъ Великаго Княжества, какъ и Переяславское, или Смоленское; но въ семъ духѣ писали всѣ лѣтописцы Новгородскіе. См. далѣе, примѣч. 61.

Сѣверная часть Руси представляла страны мрачныя, дикія, болотистыя или гористыя. Земледѣліе и скотоводство тамъ не могли существовать, и отъ того первородные, слабые тѣлеснымъ сложеніемъ жители, пребывали собственно въ растительномъ состояніи, бездѣйствуя умомъ и общественною жизнію. Славянскія племена, поселившіяся при Ильменѣ, составили первое начало жизни. Приходъ Варяговъ привелъ въ движеніе сію тяжелую стихію, и когда Варяги, послѣ двадцатилѣтняго пребыванія, оставили Славянъ Ильменскихъ, тамъ образовалась уже общественность и нашла средства упражнять свою дѣятельность.

Южная часть Руси была совсѣмъ противоположна сѣверной. Здѣсь тучныя пажити, свѣтлое небо, обширныя, сухія степи вели обитателей съ самаго начала къ земледѣлію и скотоводству. Отдаленность морей и путь къ нимъ черезъ кочевья дикихъ сосѣдей, отнимали средства къ торговлѣ у первобытныхъ здѣшнихъ обитателей. Варяги, проложивъ пути черезъ земли Угровъ и Печенѣговъ, не устрашась и Днѣпровскихъ пороговъ, ринулись воевать, а Славянамъ открыли пути къ торгу. Но, для сего было потребно болѣе частной свободы, болѣе крѣпости въ общественности гражданской, и менѣе легкихъ средствъ удовлетворять своимъ потребностямъ, а югъ не представлялъ ничего подобнаго. Варяги

поработили Славянъ, лишили ихъ частной независимости, водили ихъ воевать въ Тавридѣ, Хазаріи, Греціи, Волыни. Кромѣ того, южные Славяне составляли множество отдѣльныхъ поколѣній, чуждыхъ другъ другу, враждовавшихъ одно съ другимъ, ненавидѣвшихъ одно другое (37): Древляне, Поляне, Радимичи, Волыняне, составившіе въ послѣдствіи области и княжества Варяжскія, отдѣлялись такимъ образомъ самою своею народностью. Обиліе средствъ жизни, при тяжкой власти повелителей-Варяговъ, ласкало лѣность Славянина, и приучало его къ рабскому бездѣйствію.

Въ средпія времена главнымъ источникомъ богатствъ были: *воинская сила* и *купечествованіе* (38). Первая осталась удѣломъ Руссовъ юж-

(37) Мы упомянули выше о народной взаимной ненависти. Древнѣйшее извѣстіе объ оной находимъ у Нестора: «Быша,» говоритъ онъ, «обидимы (Поляне) Древляны, и инѣми окольными» (Кен. сп. 14). Совершенное различіе нравовъ укрѣпляло эту взаимную вражду южныхъ Славянъ.

(38) Идея, что государство богатѣетъ, или войною или торгомъ, была первоначальною идеею политическихъ и финансовыхъ знаній. Мануфактурная промышленность, какъ источникъ государственныхъ богатствъ, присовокуплена была къ сей идеѣ въ позднѣйшія времена. Народъ, знавшій какую-либо вѣтвь промышленности, пользовался ею и сбывалъ свое издѣліе другимъ, платившимъ ему, или золотомъ, или

ныхъ, и имѣла всѣ неудобства, слѣдующія за подобнымъ средствомъ приобрѣтенія богатства: сборъ богатствъ въ руки немногихъ повелителей, и скорую потерю оныхъ при борьбѣ съ сильнѣйшимъ противникомъ. Сѣверная Русь, естественнымъ положеніемъ, увлечена была къ купечественному приобрѣтенію богатствъ, и вскорѣ умѣла она завладѣть Русскою торговлею на Балтійскомъ морѣ, черезъ южную Русь торговать съ Греціею, по Волгѣ на Востокъ, и черезъ сѣверныя страны стала купечествовать въ Перміи и нынѣшней Сибири. Все къ сему способствовало: близость моря Балтійскаго, сообщавшаго Новгородъ съ Скандинавіею и Сѣверною Европою (39); недостатокъ естественныхъ средствъ жизни, и удивительно расположившіяся историческія событія,

---

необдѣланными произведеніями, какъ нынѣ сапожникъ шьетъ сапоги, или портной платье. Собственно, вся промышленность была у каждаго народа рукодѣліемъ, занятіемъ цеховымъ, но не мануфактурнымъ дѣломъ; отъ сего-то столь долго оставалось, и даже нынѣ остается ложное понятіе, что масштабъ или числительная единица, цѣнности вещей, звонкій металлъ, есть истинное богатство государства.

(39) Въ разсужденіи торговли, т. е. *съ кѣмъ* и *гдѣ* производилась, изъ *чего* состояла торговля древней Руси, и *какъ* должно понимать ее, существуютъ столь ложныя понятія, что они требовали подробнѣйшаго опроверженія. См. *Дополненіе* II.

которыя утвердили частную независимость жителей.

Здѣсь мы должны упомянуть о мнѣніи тѣхъ, которые, соображая величіе и значительность Новгорода, не вѣрятъ, чтобы его могущество получило начало съ прибытіемъ Варяговъ. Должно полагать, говорятъ они, что издревле Новгородъ былъ великъ, могущъ и славенъ. Онъ боролся съ силою Варяговъ; призвавъ Князей Варяжскихъ для защиты, онъ сильно сражался съ ними, видя покушеніе ихъ на Новгородскую свободу, и только *ожилъ* послѣ ихъ удаленія на югъ (40).

---

(40) Такое предположеніе весьма естественно, если принять за историческій фактъ, что Новгородцы *призвали* Варяговъ, а не сами Варяги пришли къ нимъ; если объяснять это призваніе Миллеровою догадкою (см. сочиненіе его: *О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ,* СПб. 1788 г. стр. 102), что Варяги призваны были для защиты Новгорода; если вѣрить сказкамъ Татищева о Гостомыслѣ и Вадимѣ; если не разбирать, что слова Кранція (жившаго въ XVI-мъ столѣтіи, и сохранившаго намъ, въ своей: Vandalia, пословицу: *кто противъ Бога и великаго Новгорода* (quis potest contra Deum et magnam Novgardiam) относятся къ позднѣйшему Новгороду, такъ-же какъ и всѣ другія извѣстія о силѣ и мощи Новгорода. Призваніе Варяговъ оказывается недостовѣрно и несообразно: это мы уже видѣли (т. I, стр. 18 и слѣд.). Миллерово изъясненіе — только остроумно; Вадимъ и

Мнѣніе о силѣ, богатствѣ, величіи Новгорода основывается на ложномъ понятіи о древнемъ состояніи городовъ. Новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что не должно представлять себѣ Новгородъ похожимъ на нынѣшніе наши, обширные и могущіе города. Пусть сообразятъ состояніе Парижа, Лондона, и другихъ знаменитыхъ городовъ въ XI-мъ вѣкѣ; тогда понятно будетъ, что̀ называлось въ сіе время обширностью и величиною. Нѣтъ никакихъ доказательствъ положительныхъ о величіи и значительности Новгорода до прибытія Варяговъ. Торговля не могла даже существовать тогда среди Нордманскихъ разбоевъ и движенія народовъ въ Европѣ (41).

Гостомыслъ пустыя сказки. Карамзинъ отвергалъ уже все это, и справедливо говорилъ о первоначальномъ Новгородѣ (см. Ист. Г. Р. т. I. прим. 271). Къ сожалѣнію, иностранные историки и послѣ него впадаютъ въ противное мнѣніе. Такъ, мы читали недавно въ Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand, соч. Гр. Сегюра, несправедливое мнѣніе о Новгородѣ до Варяговъ, и это-же мнѣніе обезобразило и рецензію на сочиненіе Графа Сегюра, написанную Графомъ Сенъ-При., умно и основательно (см. Revue Française, 1829. № IX-й стр. 1 — 33).

(41) Въ первый разъ Новгородъ наименованъ *Великимъ* въ княженіе Димитрія Донскаго (см. *Собр. Гос. граматъ и дог.* т. I, стр. 46), въ 1366 году, при договорѣ съ Тверскимъ Княземъ. Пространство Нов-

Сообразите, что болѣе двадцати лѣтъ прошло, пока Олегъ оставилъ Новгородъ, и что, положивъ прибытіе Варяговъ въ половинѣ IX-го

города было и въ послѣдовавшія времена весьма не обширное. Если и не согласимся съ Г-мъ Муравьевымъ, что 280 десятинъ составляли весь объемъ Новгорода, ибо нельзя не предположить, что могли быть при немъ большія предмѣстія, то все однакожъ изслѣдованія сего почтеннаго изыскателя могутъ показать дорогу къ составленію настоящего понятія о древнемъ Новгородѣ (см. *Описаніе древней Новгородской гривны*, Н. Н. Муравьева, М. 1826 г.). Для понятія о бѣдности и ничтожествѣ городовъ въ среднія времена, читайте Дюлорово Описаніе Парижа, и сообразите описанія древняго Лондона. О торговлѣ древнихъ Руссовъ, см. Дополненіе II-е, въ концѣ сего тома. Послѣ всѣхъ такихъ соображеній, только поэтамъ позволяется думать, что 100,000 воиновъ выходило изъ Новгорода въ поле въ самыя древнѣйшія времена! Еще одно изъ средствъ узнать состояніе городовъ въ Европѣ, есть описанія Царьграда, оставленныя Западными историками и путешественниками. Они были въ совершенномъ восторгѣ отъ грубаго Византійскаго великолѣпія, и говорятъ о Царьградѣ, какъ о неимовѣрномъ, чудномъ собраніи богатствъ и величія. «О, какой великій и прекрасный городъ Константинополь!» писалъ Фулькъ Шартрскій. — «Сколько вмѣщаетъ онъ въ себѣ монастырей, и сколько зданій, съ удивительнымъ искусствомъ воздвигнутыхъ! Сколько находимъ въ немъ чудесныхъ фабрикъ! Не видавъ, не повѣрите изобилію въ немъ всего хорошаго, золота, серебра!!». Вильгельмъ Тир-

вѣка, до кончины Ярослава, Новгородъ, въ теченіе *двухъ вѣковъ* удаленный отъ прямаго владычества Варяговъ, имѣлъ время укрѣпиться и возвеличиться. За всѣмъ тѣмъ, только междоусобія южныхъ Руссовъ могли сдѣлать его важнымъ и сильнымъ. Мы видимъ вначалѣ явные признаки его слабости, уступчивости, политики, основывающейся на хитрыхъ разсчетахъ (42).

Къ умноженію силъ Новгорода служили уди-

скій говорилъ, что Западные Европейцы видѣли въ Царьградѣ то, что превосходило всѣ, составленныя ими прежде понятія (Nostrarum enim rerum modum et dignitatem excedunt). — Жоффруа Вильгардуинъ писалъ: « Съ трудомъ вѣрили мы, чтобы въ цѣломъ свѣтѣ нашелся городъ столь богатый и прекрасный. Когда мы увидѣли его великія стѣны, его высокія башни, его богатыя зданія и великолѣпныя церкви, все это казалось намъ чудно и велико, и общее мнѣніе увѣрило насъ, что не видавши своими собственными глазами, мы никогда не составили бы себѣ понятія о семъ Императорскомъ городѣ (см. всѣ сіи выписки въ *Ист. Карла* V-го, соч. Робертсона, т. I, допол. XIV).

(42) Какъ легко взялъ Новгородъ Брячиславъ Полоцкій въ 1021 году! Замѣтьте разницу въ поступкахъ Новгородцевъ съ сего времени, до княженія Андрея Боголюбскаго, когда сильное воинство Русскихъ Князей было разбито Новгородскою дружиною: начинается уступками, стараніемъ выигрывать немногое, и доходитъ до горделиваго тщеславія.

вительно благопріятныя обстоятельства историческія, сказали мы, и справедливо. Жители Новгорода получили свободу и независимость при Олегѣ, и легко могли укрѣплять общность своей республики въ послѣдующее время. Походы и отдѣльныя предпріятія Олега и Святослава; слабость Игоря; краткое правленіе Ольги; междоусобія при началѣ княженій Владиміра и Ярослава; удобные случаи вспомоществовать Владиміру и Ярославу при завоеваніяхъ Кіева, и въ бѣдствіяхъ, постигавшихъ сихъ Князей, за что ничего, *кромѣ свободы*, не требовалъ Новгородъ — какія событія могли быть для него болѣе благопріятны? Исторія Новгорода есть повтореніе исторіи городскихъ *общинъ* въ другихъ земляхъ Европы (43).

Мы видѣли выше, что система Русскихъ областей на югѣ, содѣлавшихся княжествами по кончинѣ Ярослава, была уже не Варяжская феодальная система, но особенная система Удѣловъ, составлявшихъ вмѣстѣ *нѣчто цѣлое*. При измѣненіи основныхъ началъ Варяжскаго Феодализма, долженствовали измѣниться и подробности. И въ самомъ дѣлѣ, опыты общественной жизни, естественное

---

(43) Именемъ *городскихъ общинъ* мы переводимъ слово: Commune, означавшее общества вольныхъ городовъ, въ Германіи и Западной Европѣ. См. о семъ далѣе.

положеніе земель, сношенія съ сосѣдями, введеніе Христіанской вѣры измѣнили подробности, съ измѣненіемъ основныхъ началъ.

Прежде всего должно положить различіе между *областями* собственно, составлявшими владѣнія Руссовъ, и *данниками*. Собственно-владѣніе составляло то пространство земель, на которомъ построены были крѣпости, или деревянные городки, гдѣ находились воинскія дружины Князей, подчинявшія имъ окрестныхъ обитателей. Такія области составляли округи, а нѣсколько округовъ было управляемо особымъ Княземъ, получавшимъ названіе *Удѣльнаго* (44). При Владимірѣ такихъ Князей было *семь*, кромѣ самого Кіевскаго: въ *Полоцкѣ*, *Ростовѣ*, *Му-*

---

(44) Отношеніе данниковъ къ Руссамъ, мы уже объясняли примѣромъ кочующихъ народовъ въ нынѣшней Россіи (см. прим. 35). Что значитъ слово: *удѣльный?* Вѣроятно: получающій долю въ *дѣлежѣ*, допущенный къ дѣлежу, и, можетъ быть, это былъ остатокъ первоначальной Скандинавской номенклатуры. Впрочемъ, при Олегѣ вассалы назывались *Свѣтлыми и Великими Князьями, находящимися подъ рукою Великаго Князя Русскаго Олега;* при Игорѣ объ нихъ просто сказано было: *Князья*; Святославъ *посадилъ* дѣтей своихъ на княженіяхъ, а имени *удѣловъ* все еще не было: при Владимірѣ тоже; словомъ: когда началось наименованіе Удѣльныхъ Князей, опредѣлить невозможно.

ромѣ, Древлянской землѣ, Волыни, Тмуторокани и *Туровѣ*. Ярославъ лишился власти надъ Полоцкомъ, и, какъ мы видѣли, дѣлилъ свои области только на *пять* удѣловъ. Во всѣхъ сихъ областяхъ владычествовали законы, суды Княжескіе, Христіанская вѣра; не было другихъ начальниковъ, кромѣ опредѣленныхъ Великимъ Княземъ, или Удѣльными, отъ него поставленными.

Данники, напротивъ, были тѣ области, въ коихъ обитатели должны были вносить Князьямъ Русскимъ извѣстную подать, и по требованію ихъ идти на войну, не обязываясь ни къ чему болѣе, имѣя своихъ Князей или повелителей, имѣя полную волю принимать или отвергать законы, установленія, вѣру Руссовъ. И сіи обязанности казались иногда слишкомъ тяжки народамъ, платившимъ дань; отъ сего возникали бунты, требовавшіе усилій къ усмиренію и новому покоренію народовъ. Сначала, вся власть Варяговъ надъ Славянами состояла въ подобныхъ условіяхъ дани и покорности. По смерти Ярослава, въ семъ отношеніи къ южнымъ Руссамъ находились народы Латышскіе, Кавказскіе и нѣкоторые Азіятскіе народы; къ сѣвернымъ народы Финскіе. Черезъ 100 лѣтъ послѣ Ярослава, область Вятичей, стѣсняемая раздвигавшимися къ нимъ съ двухъ сторонъ, отъ Чернигова и Мурома, границами Русскихъ

княжествъ, вошла въ разрядъ княжествъ. Междоусобіе не допустило напротивъ такого раздвиженія границъ къ сѣверу отъ Турова: Латышскіе народы рѣшительно свергли потомъ иго Руссовъ, и составили сильное Литовское государство, игравшее столь важную роль съ XII вѣка (45). Данники Сѣверныхъ Руссовъ, разбросанные на необозримомъ пространствѣ Финляндіи и Заволочья, также никогда не входили въ составъ собственно Новгородской республики.

Желая узнать политическій составъ Новгорода, и его отношенія къ Русскимъ Князьямъ, должно прежде всего пояснить понятіе, какое имѣли о гражданской свободѣ въ древнія и среднія времена.

Древніе собственно не знали идеи частной гражданской свободы: они имѣли только идею *независимости народной*. Такъ, въ древней Греціи, въ древнемъ Римѣ, мы видимъ только го-

(45) Общее и достовѣрнѣйшее мнѣніе, что раздѣленіе Русскихъ Княжествъ дало, въ концѣ XII-го вѣка, средство Латышскимъ народамъ соединиться, свергнуть иго Русское и сдѣлаться самостоятельнымъ народомъ. Съ 1183-го года, Литовцы начали дерзко грабить Новгородскія области. Мы видѣли, что имя Литвы было извѣстно Нестору (см. т. I, стр. 25, 46). О первоначальныхъ Князьяхъ и политическомъ составѣ Литвы, будемъ говорить въ послѣдствіи.

сударственную независимость, и то или другое званіе гражданъ, повелѣвающее всѣми остальными. Другое, новое понятіе о частной свободѣ родилось въ Германіи и Скандинавіи: здѣсь каждый членъ общества былъ независимъ отъ всѣхъ другихъ, и не было различія *патриція* отъ *плебея*, ибо вождю всѣ повиновались *условно, только въ дѣлѣ*, были судимы избранными изъ среды гражданъ людьми. Съ покореніемъ разныхъ странъ Германцами и Скандинавами, сія идея независимости и личной свободы родила идею Феодализма со стороны сопутниковъ вождя въ завоеваніи, съ которою началась борьба идеи Единовластія, явившейся отъ новаго положенія, въ какое поставлены были вожди Германцевъ и Скандинавовъ, при завоеваніи разныхъ древнихъ государствъ Европы, гдѣ преимуществовала идея Единовластія. При этой борьбѣ явилось средство для свободы и покореннымъ Германцами и Скандинавами народамъ. Сіе средство открыли они въ освобожденіи городовъ и составленіи городскихъ общинъ (46).

---

(46) Сообразите прим. 18 и 29. — Древняя Италія, Галлія, Испанія являютъ намъ систему городовъ подъ единою властію Монарха (см. т. I, стр. 44). Являются Германцы и Скандинавы: вожди ихъ (Негеzog — предводитель войскъ; Konung — повелитель) берутъ названіе Монарховъ, Королей; сопутники (Edel-

Время послѣ паденія Римской Имперіи, когда, говоря словами одного великаго нашего современника (47)— »единство политическое погибло; неисчислимое множество народовъ, различныхъ происхожденіемъ, нравами, языками, жребіемъ, ринулось на позорище; все сдѣлалось мѣстнымъ, частнымъ; всякое обширное понятіе, всякое установленіе общее, всякое обширное, общественное уравненіе исчезло», система освобожденія городовъ возымѣла свое начало.

Поставленные между властью Государей и силою Феодальныхъ властителей, жители городовъ, или туземцы, сдѣлались страдательнымъ

---

liude — благородные люди) получаютъ осѣдлости въ дѣлежѣ, строятъ зáмки, называются Графами, Баронами. *Феодъ* (Feh—ods, движимое, потомъ частное имѣніе, наконецъ жалованье вóину; отъ сего Латинское feodum, feudum, и Французское fief), собственность вассала, становится противникомъ *Аллоду* Королевскому (All — od, т. е. всеобладаніе) Общественность развивается внѣ городовъ, раздѣляется на множество частностей, борется съ единовластіемъ, и въ этой борьбѣ несчастные горожане, у коихъ «все было отнято, кромѣ земли, которую варвары не могли унесть,» по выраженію современниковъ (præter terram solam, quam barbari secum ferre non poterant), должны были думать о себѣ, и пользоваться противоборствомъ Феодализма Монархіи.

(47) Гизо.

лицомъ. Ища безопасности, они принуждены были отдаваться въ покровительство сильнѣйшаго, и сей сильнѣйшій не всегда былъ Государь той или другой страны: часто ближайшій къ городу Баронъ, или феодальный властитель зáмка, бралъ на себя защиту города, взимая съ него денежную плату. Это былъ первый шагъ къ покупкѣ позволенія укрѣплять города, а потомъ къ покупкѣ разныхъ преимуществъ для гражданъ. Обезопасенные отъ бѣдственныхъ набѣговъ, города пріобрѣтали болѣе и болѣе свободы; хитро умѣли пользоваться ссорами Феодальныхъ владѣтелей съ Государями; обязывали гражданъ къ общей защитѣ, и, наконецъ, съ XI вѣка укрѣпленные, богатые, города начали покупать себѣ рѣшительное право имѣть независимыя ни отъ кого Общины и права гражданскія. Они представили собою феодальныя владѣнія, которыя на извѣстныхъ условіяхъ признавали власть Государей, обязывались помогать ему войскомъ, но имѣли своихъ судей, свое войско, могли защищать свои права, объявлять войну, заключать миръ; никто, кромѣ Общины и избранныхъ ею судей, не имѣлъ права на жизнь и имѣніе гражданина (48).

---

(48) Горожане лишены были всѣхъ правъ гражданства, подвергались налогамъ Королей, грабежу Бароновъ, не имѣли власти даже надъ дѣтьми своими, не смѣли распоряжать имѣніями и наслѣдствами. Го-

Если сообразивъ исторію Новгорода, невольно изумляетесь сходству оной съ исторіею сво-

---

рода стали откупаться отъ Бароновъ еще съ X-го вѣка (см. Робертсона, *Исторія Карла* V, т. 1, дополн. XVI). Но установленіе *общинъ*, утвержденныхъ Королемъ, явилось позднѣе. Имя: Commune, произошло отъ клятвы (conjuration), какую давали горожане защищаться взаимно, называясь по сему communiers или jurés. Хартіи Королевскія, подтверждающія общины, начинаются съ XI-го вѣка. Вотъ главныя основанія городскихъ союзовъ: жители обязаны, взаимно всѣ и каждый отдѣльно, защищать другъ друга; гражданинъ судится только избранными отъ города судьями, и не подчиненъ ни чьему другому суду; городъ содержитъ войско и даетъ помощь Королю, какъ феодальный властитель, но, въ частной обидѣ самъ мститъ обидчику оружіемъ; городъ платитъ Королю подать, и не знаетъ уже никакихъ произвольныхъ накладокъ и поборовъ; каждый членъ города участвуетъ въ раскладкѣ податей по ровной части; должникъ гражданина - общника преслѣдуется городомъ, но только тотъ почитается общникомъ, кто имѣетъ въ городѣ недвижимое имѣніе, какъ ручательство за могущій быть на немъ самомъ долгъ. Жители городовъ въ Германіи дѣлились на три званія: благородныхъ (familiæ), вольныхъ (liberi), цеховыхъ (homines proprii). Вольные города были въ Италіи многочисленны; они успѣли даже побѣдить и покорить тамъ Феодальныхъ владѣтелей, и съ конца XII вѣка, сильнымъ своимъ союзомъ, утвердили права свои въ знаменитомъ Констанцскомъ договорѣ съ Императоромъ Фридрихомъ Рыжебородымъ (въ 1183 году). Въ Гер-

бодныхъ городовъ въ Италіи, Франціи и Германіи; здѣсь не было подражанія, но только одинакія обстоятельства произвели одинакія слѣдствія. Не менѣе изумительно и сходство правъ и преимуществъ Новгородскихъ съ правами и преимуществами вольныхъ городовъ въ Италіи и Франціи.

Само по себѣ разумѣется, что сіи права были приобрѣтаемы Новгородцами постепенно. Олегъ удалился, но обложилъ ихъ погодною данью; Ольга еще прямо предписывала имъ законы; при Святославѣ они грозили уже выбрать себѣ Князя по волѣ; Ярославъ сложилъ съ нихъ дань, и далъ имъ льготныя грамоты; въ дѣленіе удѣловъ сыновьямъ его, Новгородъ уже не былъ включенъ, но все онъ оставался подчиненъ Князю Кіевскому. Увидимъ въ послѣдствіи, какъ присвоилъ себѣ Новгородъ права болѣе обширныя, возбуждавшія ненависть къ нему другихъ Руссовъ (49). Вторая половина XII-го

маніи вольные города составили съ XIII-го столѣтія знаменитый союзъ, названный *Ганзейскимъ*, принимая одинъ къ другому тѣже обязанности, какія принимали одинъ къ другому граждане каждаго города. Въ Голландіи, Испаніи, Франціи явились также вольные города. Законы и привиллегіи были для нихъ въ разныхъ государствахъ различные, но основаніе всюду одинакое.

(49) Для убѣжденія во всемъ здѣсь сказанномъ, читайте Галлама, Робертсона, Сисмонди, Тьерри, Гизо:

и начало XIII-го вѣка были самою блестящею эпохою независимости и силы Новгорода.

именно сихъ писателей, съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣвшихъ извлечь истину изъ безчисленнаго множества ошибокъ и противорѣчій своихъ предшественниковъ, писавшихъ о Феодализмѣ и Вольныхъ Городахъ безъ всякаго познанія дѣла. Здѣсь убѣждаемся мы въ томъ, 1-е, что освобожденіе городовъ и составленіе Общинъ было слѣдствіемъ, не примѣра, даннаго однимъ какимъ либо городомъ, но общаго хода дѣлъ въ Европѣ; 2-е, что освобожденіе городовъ и Общины были не подарками Королей и властителей, но слѣдствіями тяжкихъ усилій, хитрой политики горожанъ, и постепеннаго усиленія ихъ, и что Короли *по неволѣ* должны были подтверждать права и свободу ихъ; 3-е, что порядокъ и законы городовъ были, кромѣ частныхъ мѣстностей, всюду одинаковы; 4-е, что они вездѣ производили союзы городовъ одного съ другимъ; 5-е, что вольные горожане были предметомъ ненависти другихъ званій и сословій. Не приводя многихъ свидѣтельствъ послѣдняго, выписываемъ, что̀ говорилъ объ общинахъ въ XII вѣкѣ благочестивый Аббатъ Губертъ: «*Община* есть новое, гнусное (pessimum) слово, коимъ означаютъ сборище людей, единожды въ годъ платящихъ подать, за преступленія взносящихъ узаконенную плату, а отъ денежныхъ поборовъ, которые обязаны взносить рабы, совершенно свободныхъ» (см. А. Тьери, Lettres sur l'hist. de France, стр. 239). Перенесите все сіе къ Новгороду... какое сходство! Мы старались уже показать 1-е и 2-е въ нашемъ повѣствованіи о Новгородѣ; 3-е увидимъ далѣе, соображая

Льготныя граматы Ярослава не дошли до насъ. Древнѣйшія договорныя граматы Новгородцевъ съ Князьями, коихъ они принимали къ себѣ, относятся къ срединѣ XIII-го вѣка, слѣдственно, могутъ дать намъ только приблизительное понятіе о конституціи Новгородской и измѣненіяхъ оной при Ольгѣ, при Ярославѣ, и въ половинѣ XII-го вѣка. Вотъ основаніе договоровъ Новгорода съ Князьями съ половины XIII столѣтія.

1. Князь предводительствуетъ войскомъ, имѣетъ своихъ бояръ и чиновниковъ, но, *безъ Ново-*

конституцію Новгорода; 4-е находимъ въ союзѣ Новгорода съ Псковомъ. Когда начался сей союзъ, не льзя опредѣлить; въ 1137 году Псковитяне были уже на вѣчѣ за-одно съ Новгородцами. Взаимныя сношенія сихъ двухъ городовъ весьма замѣчательны; 5-е, ненависть другихъ Руссовъ къ Новгородцамъ видна во всѣхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ: въ *Степенной книгѣ* (М. 1775 т. I, стр. 300—305) прочитайте описаніе Андреева похода на Новгородъ. Историкъ позволяетъ себѣ называть правленіе Новгорода *нестройнымъ самочиніемъ, срамотою и свирѣпымъ безчиніемъ*; Новгородъ *Содомомъ* и *Гоморомъ*; Новгородцевъ *безумными, срамниками, грабителями*. При этомъ-же случаѣ, Воскресенская лѣтопись (Спб. 1794 г. т. II, стр. 87) именуетъ Новгородцевъ *окаянными смердами, измѣнниками;* другія идутъ еще далѣе, и называютъ ихъ — *блядиными дѣтьми* (Карамзинъ, Ист. Г. Р. т. III, прим. 5). Встарину были откровеннѣе насъ.

городскаго слова войны не замышляетъ, и только по рѣшенію Новгорода объявляетъ войну (50).

2. Новгородъ платитъ ему условленную часть изъ пошлинъ, даней и доходовъ (51).

3. Князь имѣетъ право приставить для сего своихъ чиновниковъ (52).

---

(50) О льготныхъ граматахъ Ярослава: «Князь Михаилъ цѣлова крестъ *на всей волѣ Новгородстей,* и *на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ* «(Новгородск. лѣт. М. 1781 г. стр. 112). Слич. прим. въ т. I, стр. 262. — Для примѣра договоровъ Новгорода съ Князьями, изъ коихъ выбраны здѣсь основанія, см. *Дополненіе* III, въ концѣ тома. Подтвержденія текста выписываемъ мы изъ 20 такихъ договорныхъ грамать, помѣщенныхъ въ *Собраніи государственныхъ граматъ и договоровъ* (т. I, стр. 1 — 30). — «Коли будетъ Новгороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, Княже, по Новгородѣ безъ хитрости, а безъ Новгородскаго слова, Княже, войны не замышляти» (стр. 10). Бояре и чиновники Князя Новгородскаго, вездѣ отдѣляются отъ Новгородскихъ. О началѣ сего, см. т. I, стр. 238.

(51)» Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлинѣ» — обыкновенное начало условій во всѣхъ договорахъ Новгородскихъ.

(52) Они назывались *тіунами* и *судьями.* «А судьи слати на Петровъ день, како пошло; кто купецъ той пойдетъ въ сто, а смердъ въ свой погостъ (стр. 20) — А куда пошло судіи твоему ѣздити по волости, ѣхати имъ межень, по Петровѣ дни» (стр. 3).

4. Судьи и гражданскіе чиновники избираются Новгородомъ, и Князь, и никто изъ его приближенныхъ, ни въ избраніе, ни въ судъ не вмѣшивается и *самосуда* не имѣетъ (53).

5. Безъ Посадника Князь не можетъ давать никому ни волостей, ни наградъ, и ни у кого ничего взять и отнять не можетъ (54).

6. Князь пользуется охотою, рыбною ловлею, и даже заготовленіемъ себѣ припасовъ на извѣстныхъ условіяхъ (55).

---

(53) « Что волостей всѣхъ Новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскими, а *даръ имати тебѣ отъ тѣхъ волостей* (т. е. подать, стр. 1) — а безъ Посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати (стр. 6) — А ряду въ Новгородской волости тебѣ, княже, и твоимъ судьямъ не посужати, а самосуда не замышляти. . . за рубежъ изъ Новгородской волости твоимъ дворянамъ суда не водити, не судити » (стр. 7).

(54 « Безъ посадника тебѣ волостей не раздавати« (стр. 1).

(55)» А въ Русу ти, княже, ѣздити осень, а лѣтѣ не ѣздити — а въ Ладогу ти, княже, слати осетрьника и медовара, по грамотѣ отца твоего Ярослава (стр. 1) — А свиньи ти бити за 60 верстъ отъ города (стр. 2). — А на *озвадо* (?) ти, княже, ѣздити лѣтѣ звѣри гонить, а въ Русу не ѣхати: ѣхати ти въ Русу на третію зиму, а въ Ладогу, княже, ѣхати на третіе лѣто« (стр. 2).

7. Ни Князь, ни чиновники его не имѣютъ права брать подводы, кромѣ ратнаго случая (56).

8. Доносъ раба, или рабыни, Князю не приемлется (57).

9. Въ договоры съ Князьями и иноземцами, Князь не вступается (58).

10. Въ торговлю не имѣетъ онъ права вмѣшиваться, ни останавливать ее, ни приставлять своего пристава (59).

11. Кто изъ чиновниковъ, или ближнихъ Князя, своей обязанности не исполнилъ, того *Новогородскимъ хлѣбомъ не кормить*, и, при посред-

---

(56) «А дворянамъ твоимъ по селамъ, у купцовъ, повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти« (стр. 2).

(57)» А холопъ или раба почнетъ *вадити (вада*, отъ сего *свадьба, сводъ)* на господу, тому ти вѣры не яти« (стр. 4).

(58) «А что грамотъ крестныхъ Новгороду со всѣми городы съ Нѣмецкими, на тѣ ти грамоты, Княже, не наступатися, а *Новгородской ти души блюсти* « (стр. 11).— Прекрасное, сильное выраженіе! Условіе, взятое *на душу Новгородца*, должно быть наблюдаемо: душа Новгородца должна заслуживать и поддерживать довѣріе.

(59) « А въ Нѣмечьскомъ дворѣ, тобѣ Княже, торговати нашею братью, а двора ти (т. е. двора *гостинаго*) не затворяти, а приставовъ не приставливати » (стр. 10).

ничествѣ Князя, быть тому судиму Новгородомъ (60).

---

(60) « Князь Великій Андрей и весь Новгородъ дали Ѳедору Михайловичу городъ стольный Плесковъ (Псковъ), и онъ ѣлъ хлѣбъ, а какъ пошла рать, и онъ отъѣхалъ и городъ повергъ, а Новгорода и Плескова *поклона* (платы, подарка) *не послушалъ*, приѣхалъ въ село, Новгородскую волость пусту положилъ, братію нашу испродалъ. Тебѣ, Княже, не кормити его Новгородскимъ хлѣбомъ, кормити его у себя... А Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелою (т. е. данью съ Корелы), и онъ Корелу всю истерялъ, *и за Нѣмцы загонилъ* (какое многовыражающее слово!): надъ тѣмъ рубежъ учинилъ на Новгородъ, чего не пошло про рубежъ, господине. Какъ будетъ въ Новгородѣ, у отца своего у Владыцѣ, и у своихъ мужъ, намъ съ нимъ судъ передъ тобою, господине, и нынѣ серебра ему не вели имати, и тебѣ, господине, Новгородскимъ хлѣбомъ не кормить его (стр. 14). » — Къ ограниченію власти Князей должно причислить еще слѣдующее: 1-е Князь и всѣ его приближенные и чиновники, поступая въ Новгородъ, должны были напередъ отказаться отъ всѣхъ прежнихъ неудовольствій, и всѣ старыя обиды предать забвенію. (А что подѣялось доселѣ межь тобою и твоими мужи Новгороду до крестнаго цѣлованія, то ти все, княже, отложити и твоимъ мужемъ... Нелюбіе отложити и отъ старѣйшихъ и отъ меньшихъ, и отъ всѣхъ (стр. 14) — гнѣва ти княже, до Новгорода не держати, ни на единаго человѣка (стр. 12) — А до Владыки отца нашего гнѣва ти не держати (стр. 4)... не мстити ни судомъ, ни чимъ-же, а кто начнетъ *вадити* тебѣ, тому ти вѣры не яти (стр. 4). — 2-е Въ родовой области своей,

Чтожъ послѣ сего значилъ *Князь Новгородскій?* Онъ былъ полководецъ, которому платили въ жалованье часть государственныхъ доходовъ. Но какъ объяснить ту покорность, какую оказывали Князьямъ Новгородцы, на словахъ и на письмѣ? Духомъ времени, понятіями людей о предметахъ, различными въ разныя времена. Аѳинянинъ, рабъ какого нибудь хитраго Перикла, называлъ себя свободнымъ, а вольный Новгородецъ, ограничивъ власть Князя, свергая его при первой прихоти, кланялся ему, и скрѣпялъ постановленія именемъ Князя (61).

Князь не имѣлъ ни суда, ни власти надъ Новгородцемъ (« на Низу тебѣ, Княже, Новгородца не судити » (стр. 10). — 3-е, Пошлина торговая съ Новгородскихъ купцовъ, въ родовой области избраннаго Князя, была опредѣленная; 4-е Новгородъ признавалъ Великихъ Князей послѣ утвержденія общаго отъ всѣхъ другихъ, и не считалъ за измѣну, если Великое Княженіе было Княземъ потеряно, и въ Новгородѣ переставали считать его Великимъ Княземъ (« вынесутъ тебѣ княженіе великое, намъ еси Князь Великій — не вынесутъ — пойдти твоимъ намѣстникамъ прочь, а въ томъ Новгороду измѣны нѣтъ » — стр. 11).

(61) Новгородскіе лѣтописцы вѣрили, что права были имъ пожалованы Ярославомъ: « давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамату, (Ярославъ), рече: посему ходите и держите, якоже списахъ вамъ » (*Соф. врем.*, Строева, т. I, стр. 110). Никто лучше и краснорѣчивѣе Гизо не изобразилъ различія понятій о сво-

Опровергнувъ ложное понятіе о власти Князей Новгородскихъ, разсмотримъ сущность правленія Новгородскаго.

Мы замѣтили сходство Исторіи Новгорода съ Исторіею городскихъ Общинъ въ разныхъ мѣстахъ Европы; сказали также, что и конституція Новгорода была подобна конституціямъ оныхъ. Князья окружные были тоже въ отношеніи къ Новгороду, что Бароны Французскіе для Камбре, Нойона, Бове и Сенъ-Кентена; Князь Кіевскій то же, что Короли Французскіе для сихъ городовъ (62).

Основаніе силы Новгородцевъ составлялъ самый Новгородъ. Онъ обладалъ обширнымъ пространствомъ земель, которое выше было нами обозначено. Каждый осѣдлый гражданинъ Новгородскій считался человѣкомъ свободнымъ, и свободно подавалъ свой голосъ въ общемъ дѣлѣ,

---

бодѣ гражданской въ различныя времена. Перевожу для читателей сдѣланное симъ писателемъ изображеніе нынѣшнихъ городовъ и древнихъ вольныхъ городовъ; см. въ концѣ тома, *Дополненіе IV*.

(62) Отсылаю читателей къ превосходному, и неоднократно уже упомянутому мною сочиненію А. Тьерри: Lettres sur l'histoire de France. Въ письмѣ XV-мъ и другихъ, включительно до XXV-го, они найдутъ Исторію освобожденія Французскихъ городовъ: Камбре, Нойона, Бове, Сенъ-Кентена, Лаона, Реймса и Везеле.

свободно противился мнѣнію другаго, и долженъ былъ уступать только большинству голосовъ. Новгородъ дѣлился на пять частей, или *концовъ*; кромѣ того, пространство земли на нѣсколько верстъ вокругъ, называлось *городскимъ станомъ* (63). На главной городской площади, близъ Софійскаго Собора, висѣлъ колоколъ. Звонъ въ сей колоколъ возвѣщалъ гражданамъ, что ихъ призываютъ на *вѣче*, или совѣщаніе. Тогда со всѣхъ Концовъ шли на площадь граждане; имъ предлагали дѣла, выслушивали ихъ рѣшеніе, и опредѣляли исполненіе оныхъ.

Владѣнія Новгорода такъ-же, какъ на югѣ, состояли изъ областей и данниковъ. Новгородъ не былъ включенъ въ число областей (64). Это, и другія обстоятельства заставляютъ думать, что жители сихъ областей не уравнивались съ жителями самаго Новгорода, хотя, такъ-же какъ Новгородцы, повиновались *только Новгород-*

---

(63) Пять концовъ Новгородскихъ именовались: *Славянскій*, *Плотницкій*, или *Плотинскій*, *Неровскій*, *Горнитскій*, или Гончарскій, *Людинъ*. Въ послѣдствіи были еще три конца: *Загородскій*, *Неровскій за городомъ*, *Петровскій*. *Городской станъ* извѣстенъ намъ по граматамъ разныхъ монастырей Новогородскихъ, напечатанныхъ въ *Исторіи Россійской Іерархіи*.

(64) См. томъ I, прим. 112.

скимъ уставамъ (65). Данники Новгородскіе обязывались единственно платить дань и давать войско, и не пользовались никакимъ правомъ гражданства.

Всѣ, и сами Новгородцы, и жители областей, взносили ежегодно извѣстную подать. Изъ сего составлялась общественная казна, хранившаяся въ соборномъ храмѣ Софійскомъ (66). Рѣшенію вѣча народнаго подлежали всѣ государственные вопросы: заключеніе міра, объявленіе войны, избраніе Князей, Владыкъ Новгородскихъ, чи-

---

(65) См. вышеупомянутые договоры Новгорода съ Князьями въ *Собр. гос. грам. и догов.* — Выписываемъ повторенное во всѣхъ договорахъ: « а что ти, Княже, пошло на Торжку и на Волокѣ, тіунъ свой держати, на своей части держати, а Новгородцамъ на своей части держати. А въ Бѣжичахъ, Княже, тебѣ, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ боярамъ, ни твоимъ дворянамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости Новгородской. А се, княже, волости Новгородскія: *Волокъ*, со всѣми волостьми, *Торжокъ*, *Бѣжицѣ*, городокъ *Палицъ*, *Мелеча*, *Шипино*, *Егна*, *Вологда*, *Заволочье*, *Терь*, *Перьмь*, *Печера*, *Югра* « (договоръ 1265 г). Въ другомъ договорѣ того-же года, прибавлено къ сему исчисленію: *Городокъ*, *Колопермь* (въ другомъ мѣстѣ: *Голопермь*). Видимъ, что исчисленія были неполныя.

(66) *На полатяхъ* у Святыя Софіи, по выраженію лѣтописцевъ.

новниковъ, награжденіе заслугъ, судъ надъ общественными преступниками (67). Вѣчи Новгородскія были шумны и буйны. Часто доходило до ссоръ, дракъ и убійствъ. Вообще двѣ народныя партіи существовали въ Новгородѣ: *людей торговыхъ* и *аристократовъ Новгородскихъ*. Первые вообще жили на *Торговой сторонѣ*, по сю сторону Волхова, раздѣляющаго Новгородъ на двѣ половины; другіе занимали *Софійскую сторону*. Съ шумомъ бросаясь на противниковъ, аристократы тѣснили ихъ иногда на Волховскій мостъ отъ Софійской церкви. Торговая сторо-

---

(67) «*Иди къ Святой Софіи — цѣлуй крестъ къ Святой Софіи — кланяюсь Святой Софіи*» — таковы были выраженія, когда говорили о Новгородскомъ Вѣчѣ. *Колоко лъвѣчевой* считался святынею; Новгородцы плакали провожая его, по разрушеніи Вѣча Іоанномъ Грознымъ. Гдѣ сей колоколъ нынѣ, неизвѣстно; только въ Москвѣ его *никогда не было*. Мы слышали отъ одного почтеннаго изыскателя, что Новгородцы остановили и утаили колоколъ дорогою; что онъ донынѣ тайно хранится въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановленъ, и что на все это открываются историческія доказательства. Съ любопытствомъ ждемъ оныхъ.— Горделиво писали иногда Новгородцы въ граматахъ: «*Господину Государю Нову-граду*, всѣхъ пяти Концовъ на вѣчѣ, били челомъ» (см. *Ист. Росс. Іерархіи*, т. II, стр. 386).

на подкрѣпляла своихъ, и мостъ дѣлался позорищемъ битвъ и смерти (68).

Для обыкновеннаго управленія дѣлъ, Новгородцы избирали *Посадниковъ.* Не знаемъ числа сихъ чиновниковъ, ни времени на какое они избирались; но, кажется, что Посадникъ въ мирное время избирался ежегодно, и одинъ. Вѣче могло продолжить его выборъ, могло и до срока смѣнить его; при войнѣ, или въ необыкновенныхъ случаяхъ, число Посадниковъ умножалось, и иногда доходило до пяти, т. е. что каждый Конецъ избиралъ своего, ибо каждый Конецъ имѣлъ право соби-

---

(68) Волховъ вытекаетъ изъ озера Ильменя, и, склонясь небольшою дугою на Западъ, течетъ къ Сѣверу на 200 верстъ, впадая въ Ладожское озеро. Въ 5-ти верстахъ отъ истока его изъ Ильменя, находится Новгородъ, расположенный по обоимъ берегамъ. Сторона на правомъ берегу, гдѣ были Славянскій и Плотницкій Концы, называлась *Торговою,* ибо тутъ, у моста Волховскаго, были *торговые* или *гостиные* ряды. Другой конецъ моста упирался въ крѣпость, или кремникъ, гдѣ находится Соборная церковь Св. Софіи, и потому вся сторона на лѣвомъ берегу Волхова именовалась *Софійскою.* Карамзинъ называетъ Волховскій мостъ *Тарпейскою скалою* Новгорода. Многіе повторяли это выраженіе; оно въ самомъ дѣлѣ звучно; но вѣрно-ли? Назвать Волховскій мостъ, съ котораго иногда разъяренная чернь бросала въ рѣку Посадниковъ и чиновниковъ, все равно, что назвать Кремль Новгородскій Капитоліемъ.

рать свое частное вѣче (69). Посадникъ, поступая по силѣ законовъ и уставовъ, и исполняя рѣшенія Вѣча, имѣлъ власть неограниченную, власть надъ имѣніемъ и жизнью гражданъ. Отряжаемый въ городъ, или область, Посадникъ представлялъ собою вполнѣ Новгородское Вѣче.

Другое важное лицо въ Новгородѣ составлялъ Владыка, или Епископъ, въ послѣдствіи Архіепископъ Новгородскій. Онъ былъ избираемъ голосомъ Вѣча, по жребію изъ нѣсколькихъ особъ духовныхъ, признанныхъ достойными выбора. Самовластно управляя духовенствомъ, церковными судами и совѣстью гражданъ, получая десятины со всѣхъ доходовъ, Владыка участвовалъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ съ Посадниками, и предсѣдательствовалъ на Вѣчѣ, былъ примирителемъ партій, и душею совѣтной думы Посадниковъ (70).

---

(69) Посадникъ, вѣроятно, произошло отъ *посада*. Подробное исчисленіе всѣхъ Посадниковъ Новгородскихъ, смотр. *Историч. и Хронологическій опытъ о Посадникахъ Новгородскихъ* (М. 1821 г.): это весьма любопытная книга, показывающая необыкновенное трудолюбіе Сочинителя оной, но, къ сожалѣнію, неочищенная отъ предразсудковъ и мнѣній Татищева и другихъ старыхъ историковъ нашихъ, начиная съ Сочинителя Никоновской Лѣтописи и Степенныхъ Книгъ.

(70) Имена кандидатовъ, утвержденныхъ голосомъ Вѣча, писали на бумажкахъ; потомъ свертывали ихъ

Совѣтъ Посадниковъ составляли *Тысячскіе*, избираемые въ извѣстномъ числѣ, и бывшіе сотрудниками и помощниками ихъ. Грамапы Новгородскія всегда начинались словами: «Благословеніе отъ Владыки (*имя*), поклонъ отъ Посад-

---

и клали на престолъ въ Соборной Софійской церкви. Отслуживъ обѣдню, старшій протоіерей выносилъ къ народу жребіи, одинъ за другимъ; жребій, остававшійся на престолѣ, означалъ избраннаго, (см. *Новгор. Лѣт.* въ *Прод. Древн. Росс. Вивліоѳики*, т. II, стр. 687). При выборѣ не смотрѣли на званіе: знаменитый Нифонтъ (1130 — 1156) былъ монахъ Печерскій; Илія (1165 — 1186) священникъ церкви Св. Власія. Новгородцы называли себя дѣтьми владыки («*дѣти твои*, Посадникъ и Тысячскій и весь Новгородъ цѣловали ко мнѣ крестъ»), см. Грамату Кн. Михаила Ярославича, *Собр. гос. грам. и дог.* Т. I, стр. 5); но, не смотря на благоговѣніе къ сану, буйное Вѣче иногда смѣняло, возводило снова Архипастыря, изгоняло и прощало, безъ суда и самовольно. Приводимъ примѣры: Архіепископъ Митрофанъ, избранный въ 1199 г., былъ сосланъ въ Торопецъ въ 1211 г.; на мѣсто его избрали Антонія, Хутынскаго монаха, и въ 1220 г. изгнали, призвавъ снова Митрофана; послѣ смерти-же сего архипастыря, въ 1223 г., избранъ былъ Арсеній, но еще и не хиротонисанный изгнанъ, а призванъ вмѣсто его бывшій Антоній; въ 1228 г. Антоній удалился отъ паствы; Новгородцы возвратили Арсенія, и изгнали немедленно, когда Антоній согласился быть по прежнему архипастыремъ.

ника (*имя*), отъ всего Новгорода.» Но часто, послѣ имени Посадника, упоминалось имя Тысячскаго, вѣроятно, старшаго предъ другими. Кромѣ Тысячскихъ были меньшіе чиновники: *Сотскіе*, и иногда, послѣ Тысячскаго, въ грамматахъ писали: «*и отъ Сотскихъ.*» (71) Всѣ сіи чинов-

---

(71) Вотъ формы начала договоровъ Новгородскихъ съ Князьями: «*Благословеніе отъ Владыки, поклоняніе отъ Посадника* (Михаила), *отъ Тысятскаго* (Кондрата), *и отъ всего Новгорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ*« (договоръ 1265 г.); — «*Благословеніе отъ Владыки, поклонъ отъ Посадника* (Михаила), *отъ Тысятскаго* (Кондрата), *отъ всѣхъ Сотскихъ и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всего Новгорода*» (другой дог. 1265 г.) — Въ разныхъ актахъ употреблялись разныя заглавія. Вотъ начало полномочія посламъ Новгородскимъ, 1317 года (см. *Собр. гос. грам. и дог.* т. I, стр. 16) — «Отъ Посадника Михаила, отъ Тысячскаго Матвѣя, отъ бояръ, отъ житыхъ людей, отъ черныхъ людей, отъ всего Новгорода.» — Вотъ начало договора съ Ганзейскими городами: «*Отъ Архіепископа Новгородскаго, Владыки* Алексѣя, *отъ Посадника* Юрія, *отъ Тысятскаго* Матвѣя, *отъ всего Новгорода*» — Ко всѣмъ грамматамъ и актамъ привѣшивались печати. Къ полномочію посламъ Новгородскимъ, вышеупомянутому, привѣшены печати четырехъ Посадниковъ, трехъ Тысячскихъ, и четырехъ гражданъ Новгородскихъ. Была и государственная печать Новгорода: на ней изображалось какое-то чудовище, родъ дракона, съ надписью на другой сторонѣ: *Печать Великаго Новгорода*, или *Печать Новгородская.* На печатяхъ Посадниковъ, Ты-

ники были избираемы на время. Люди служившие нѣсколько разъ именовались: *степенными, старыми, большими,* а знаменитые граждане *людьми житыми* (72). Имѣя право покупать рабовъ, полу-

---

сяцкихъ и гражданъ видны изображенія Георгія Побѣдоносца и разныхъ святыхъ, Ангеловъ, Богоматери, Іисуса Христа, съ надписями, означающими, чья печать: *Печать Андреянова, Посадника Новгородскаго; Новгородская печать Посадничья; Печать Ивана Еремѣича; Степанова печать; Юрьева печать Ивановича, Посадника Новгородскаго.*

(72) Дѣленіе на три званія всегда будетъ существовать и существуетъ въ цѣломъ мірѣ, станутъ-ли умножать титулы и различія, станутъ-ли усиливать одни, стѣсняя и истребляя другія. Люди, преимущественно занимающіеся защитою и управленіемъ государства, всегда составятъ *аристократовъ*; люди, преимущественно имѣющіе невещественный, или вещественный, капиталъ (движимый и недвижимый) *среднія званія*; люди, лично трудящіеся, имѣющіе только личный капиталъ (руки) *низшія званія.* Такъ Славянскій *гость* былъ среднимъ званіемъ для Варяжскаго повелителя, хотя былъ рабъ его; такъ Житые, Степенные люди были аристократы для Новгородскаго республиканца, считавшаго ихъ себѣ равными. Мы видимъ, что Новгородскіе Посадники и Тысяцкіе получали названія: *Степенныхъ, Старыхъ и большихъ* (см. *Лѣтопись Новгородскую*, и *Исторію Росс. Іерархіи*, т. II, стр. 386 и 390). Вотъ начало сихъ названій для гражданъ Новгородскихъ.

чая доходы съ волостей, которыя иногда даваемы были въ награду заслугъ, всѣ сіи люди составляли партію аристократовъ Софійской стороны.

Изъ договоровъ съ Князьями, мы видѣли сущность власти Князя въ Новгородѣ. Его избирало по волѣ своей вѣче, и послѣ такого избранія, онъ именовался *Княземъ Новгородскимъ*. Его предводительству ввѣрялись Новгородскія дружины, онъ былъ въ числѣ важныхъ совѣщателей на вѣчѣ; но, могъ пріобрѣсть значительность только достоинствами, умомъ, заслугами, или хитростью и лестью гордому вѣчу (73). Его окружалъ пышный Дворъ, составленный изъ бояръ, гридней, отроковъ княжескихъ. Получая большіе участки изъ доходовъ, со всѣхъ Новгородскихъ областей, Князь Новгородскій жилъ на Княжескомъ Дворѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Ярославова* (74). Но малѣйшее волненіе вѣча, и воля Посадниковъ, сопутствовавшихъ ему въ походахъ, могли остановить всѣ его дѣйствія, судъ ожидалъ его на Софійской площади, и низверженіе могло постигнуть Князя во всякое время. Въ грамотахъ Новгородскихъ имя Князя не поминалось, и гражданское судопроизводство

---

(73) Доказательства видимъ въ Исторіи Новгорода.

(74) Сей Дворъ, вѣроятно, былъ на правомъ берегу Волхова, на торгу.

отъ него не зависѣло, хотя судъ производился на Княжескомъ Дворѣ (75).

Устройство военное и гражданское было одинаково въ Сѣверной и Южной Руси; посему мы будемъ говорить о немъ вообще. Намъ долж-

---

(75) Нѣкоторые примѣры упоминанія Князя въ дипломатическихъ актахъ, кажется, надобно почитать исключеніемъ. Такъ въ подорожной Ганзейскимъ посланникамъ (относящейся къ концу XIII-го вѣка) имя Князя упомянуто; но здѣсь дѣло шло о безопасности проѣзда, слѣдственно, о провожаніи пословъ воинскимъ отрядомъ, и это-то кажется значатъ слова въ подорожной: «*ѣхать* имъ на Божіей рукѣ, *и на княжей*, и на всего Новгорода» и далѣе: «если будетъ нечистъ (*опасенъ*) путь по рѣкамъ, *Князь велитъ своимъ мужамъ проводить сихъ гостей.*» Приведемъ въ примѣръ окончательную грамату, касательно бывшаго между Ганзою и Новгородомъ спора, о разграбленныхъ близъ Невы и близъ Стокгольма Новгородскихъ товарахъ: въ сей граматѣ (относящейся къ послѣдней четверти XIV го вѣка) нѣтъ имени Князя: упомянуты только *Архіепископъ, Посадникъ, Тысяцкій* и *Новгородъ*. Оба драгоцѣнные акта сіи хранятся нынѣ въ Музеѣ Графа Румянцова въ С.Пб.— Смотри ихъ въ концѣ сего тома, (*Дополненіе* V и VI-е). Подробныя разысканія объ оныхъ Х. А. Шлецера, К. Ѳ. Калайдовича и Митрополита Евгенія, см. Вѣстникъ Европы, 1811 года, № 23, 24; 1812 г. № 3 и № 15.— О производствѣ суда на Княжескомъ Дворѣ см. далѣе, въ изображеніи Русскихъ законовъ вообще.

но теперь обозрѣть государственное устройство южныхъ Русскихъ княжествъ, такъ какъ мы обозрѣли республику Сѣверныхъ Руссовъ.

Измѣненіе Варяжской системы въ систему семейственнаго феодализма, рѣшительно сдѣлалось со времени Ярослава. Но всѣ пять княжествъ по смерти Ярослава составляли одинъ общій союзъ. Князь Кіевскій, именуясь *Великимъ*, былъ главою сего союза. Полоцкое княжество не входило въ сей союзъ: оно было независимо. Отношенія Удѣльныхъ Князей къ Кіевскому, были слѣдующія:

Каждый изъ нихъ считался полнымъ властелиномъ своего удѣла; имѣлъ въ своемъ удѣлѣ право на имѣніе и жизнь подданныхъ; имѣлъ свои дружины, свой Дворъ; могъ объявлять войну и заключать міръ съ неприятелемъ. Въ ссорахъ одного удѣльнаго Князя съ другимъ, право на послѣднее прекращалось, ибо при семъ случаѣ Князья должны были прибѣгать къ посредничеству Великаго Князя, который преслѣдовалъ несправедливость, и помогалъ обижаемому, при несогласіи обидчика удовлетворить требованія оскорбленнаго имъ. Великій Князь могъ тогда обратить дружины свои на удѣльнаго, могъ приказать и другимъ идти на него. По его велѣнію удѣльные Князья должны были помогать другъ другу въ войнахъ и съ внѣшнимъ неприятелемъ. Онъ могъ лишить

удѣла за неповиновеніе, могъ и перемѣнить удѣлы, но съ общаго согласія всѣхъ Князей (76).

---

(76) Извлекаемъ сіи подробности изъ событій. Весьма важно было-бы сравнить обстоятельства, здѣсь изложенныя, съ государственнымъ правомъ Сѣвера и Запада Европы. Сличеніе уставовъ Феодализма съ уставами нашихъ Удѣловъ, можетъ вести къ важнымъ истинамъ. Повторимъ уже сказанное выше: здѣсь не было подражанія, но одинакія причины производили одинакія слѣдствія, измѣняясь только отъ различія мѣстностей. Сообразите Исторію Феодализма, и вы изумитесь сходству ея съ Исторіею Удѣловъ Русскихъ. Узнавъ права Великихъ и Удѣльныхъ Князей Русскихъ, обозрите потомъ основанія Феодализма. Мысль Тьерри, что раздѣлъ внуковъ Карла Великаго (843 г.) былъ сдѣланъ въ слѣдствіе борьбы народностей, есть подтвержденіе сказаннаго нами выше о раздѣленіи Русскихъ княжествъ по народностямъ Славянскихъ родовъ. Три королевства Французскія въ 843 г. и семь королевствъ въ концѣ IX-го вѣка; двадцать девять феодальныхъ Французскихъ вассаловъ въ концѣ IX-го и пятьдесятъ пять вассаловъ въ концѣ X-го вѣка; ихъ споры, вражды, права, суть поясненія нашей Русской Исторіи. Объяснимъ здѣсь, самымъ кратчайшимъ образомъ, систему феодальную на Западѣ Европы: вассалъ обязанъ былъ идти на войну по требованію своего государя; онъ взносилъ государю своему плату за вступленіе во владѣніе послѣ отца своего (les reliefs, hériot), удовлетворяя удѣлами братьевъ (frérage); онъ чеканилъ монету, воевалъ съ своими врагами, не спрашиваясь государя (droit de guerre privée, *faida*) и управлялъ самовластно своими подданными. Всего важнѣе было-бы намъ

Важнѣйшее условіе сего союза состояло въ томъ, что *старшій въ родѣ* долженствовалъ быть всегда *Великимъ Княземъ*. По сему *не сынъ* Великаго Князя наслѣдовалъ сей титулъ, но *братъ*; послѣ смерти братьевъ одного поколѣнія вступалъ на Великое княженіе *старшій сынъ* старшаго изъ умершихъ братьевъ. Въ удѣлахъ, напротивъ, сынъ наслѣдовалъ послѣ отца, но онъ долженъ былъ давать братьямъ своимъ въ удѣлы волости своего княжества, за что они обязывались ему повиновеніемъ, считаясь удѣльными въ удѣлѣ (77).

узнать: откуда взялось право выбора старшаго въ родахъ княжескихъ на Великое княженіе, или это было самобытное слѣдствіе событій? Вопросъ весьма важный, и требующій для положительнаго рѣшенія большихъ изслѣдованій; *кажется* однакожъ, мы не ошибаемся, утверждая, что это былъ одинъ изъ коренныхъ законовъ Русскихъ княжествъ.

(77) Одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ Исторіи Среднихъ временъ состояло въ совершенномъ ничтожествѣ Народнаго Права, и, въ слѣдствіе того, въ совершенномъ разрушеніи уставовъ и законовъ для правителей, Князей и сильныхъ вельможъ. Это произвело на западѣ Европы, такъ называвшіяся, assemblées législatives и parlemens du champ de mars. На Руси были во время удѣловъ установлены съѣзды Княжескіе, гдѣ Князья съѣзжались, садились на коврѣ, и говорили о дѣлахъ государства, судили виноватаго противъ другихъ, опредѣляли миръ и войну. Замѣтимъ, что въ

Дѣленіе сословій народныхъ на аристократовъ, духовенство и народъ, послѣ Ярослава существовало уже рѣшительно въ Руси.

Но аристократизмъ существовалъ собственно только въ отношеніи къ народу: предъ лицомъ Князя все сливалось въ одно званіе: *рабовъ*. Его первый чиновникъ и послѣдній смердъ были предъ нимъ равны. Поставляемый торжественно на княжескій столъ, повелитель дружинъ, судія народа, получавшій отъ него присягу въ вѣрности и повиновеніи, Князь былъ выше всякаго суда народнаго (78).

Видя пороки его, народъ говорилъ, что Богъ посылаетъ худыхъ властителей за грѣхи народа, и только бунтъ народный раздиралъ очарованную завѣсу Княжеской власти. Отъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ происходило важное неудобство для неограниченной власти Князей: при первой неудачѣ владѣтеля, непріятель, завладѣвъ горо-

---

послѣдствіи, кромѣ отношенія удѣльныхъ Князей къ Великому Князю, составились особыя *лиги*, или федеративные союзы Русскихъ княжествъ. Такъ Святославъ Олеговичъ Черниговскій былъ покровителемъ Полоцка, а Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій Рязани.

(78) Намъ неизвѣстны обряды возведенія Князей на престолъ. Кажется, что все ограничивалось благословеніемъ Духовнаго Іерарха и присягою жителей и другихъ Князей.

домъ Князя, заставлялъ народъ присягать себѣ, и становился въ глазахъ подданныхъ *законнымъ государемъ.* Бывали примѣры, что послѣ долгаго защищенія, Князь оставлялъ свое княжество, чтобы привесть помощь, а народъ сдавался немедленно, присягалъ новому Князю, и прежній Князь, приведши помощь, встрѣчалъ въ старыхъ своихъ подданныхъ непріятелей, осаждалъ ихъ, и люди крѣпко стоявшіе за него, также крѣпко стояли за прежняго своего врага.

Доходы Князей собирались съ подданныхъ ежегодно (79): въ чрезвычайныхъ случаяхъ были особые поборы (80). Князь давалъ жалованье и награды своимъ чиновникамъ; иногда награждалъ ихъ доходами съ извѣстныхъ волостей. Гражданскіе чиновники имѣли еще доходы съ судопроизводства (81).

---

(79) Сіи-то доходы назывались: *подань* (отъ сего произошло *подданные*), въ послѣдствіи измѣнившаяся въ *подать.* Удѣльные Князья сбирали подати въ свою казну, не отдавая ихъ Великимъ Князьямъ. Кромѣ податей, доходы Князей состояли въ *вирахъ* и *продажахъ*, т. е. окупахъ за преступленія. Сверхъ того, къ доходамъ княжескимъ принадлежали разныя монополіи, исключительная торговля, откупы и доходы съ собственныхъ помѣстій княжескихъ, заповѣдныхъ лѣсовъ, луговъ, и проч.

(80) Мы видѣли уже сему примѣры въ событіяхъ до смерти Ярослава; еще болѣе увидимъ въ послѣдствіи.

(81) Къ числу чиновниковъ гражданскихъ принадлежали *вирники, метельники, городники, мытники.*

Народонаселеніе главнѣйше заключалось въ *городахъ*. Такъ назывались тѣ селенія, близъ коихъ построены были городки, или крѣпости деревянныя, гдѣ жилъ Князь, или намѣстникъ его, и куда при всякой опасности укрывались изъ

Вирникъ (уголовный судья), и воинъ при немъ находившійся (метникъ, метельникъ), производя слѣдствіе и судъ, получали отъ жителей верви *вирные поклоны*: имъ давали каждое Воскресенье 7 ведръ солоду, барана, или полоть, или 2 ногаты; каждую Среду и Пятницу куну, или сыръ; каждый день 2 курицы, 1 хлѣбъ, 1 *уборокъ* пшена, 1 уборокъ гороху, 1 *галважну* соли, и на четырехъ коней овса, сколько съѣдятъ кони (*на ротъ сыпати овесъ*). Кончивъ дѣло, вирникъ получалъ 10 кунъ, *метельникъ* 12 бѣлокъ (векшъ) *перекладныхъ*; сверхъ того имъ давалась гривна *ссадная*. Человѣкъ, оправдавшійся отъ виры платилъ гривну кунъ *сметнаго*; ложно поклепавшій другую гривну. Взимая виру, они брали съ виновнаго въ свою пользу штрафъ, въ 5-ю долю противъ виры. — Если судъ оканчивался такъ, что судья не долженъ былъ ѣхать, а рѣшалъ дѣло въ мѣстѣ своего пребыванія, то *поклоновъ*, *перекладныхъ* и *ссадныхъ* не было, а взимался извѣстный *урокъ судебный*: вирникъ бралъ отъ *полной виры* (40-ка гривенъ) 9 кунъ, метельникъ 9 бѣлокъ; за тяжбу о землѣ взималось 30 кунъ; за тяжбу о наслѣдствѣ гривна кунъ; за всѣ другія тяжбы вирникъ бралъ по 4 куны, метельникъ по 6-ти бѣлокъ; за приведеніе къ присягѣ, въ дѣлѣ уголовномъ, взимали они 30 кунъ съ каждаго изъ тяжущихся (отъ головы), за присягу въ дѣлѣ о землѣ 30 кунъ вообще

жилищъ своихъ жители прилежащаго къ городу селенія. Имя *пригородовъ* является въ XI вѣкѣ: такъ назывались большія селенія, причисленныя къ городу (82). Именемъ *села* мы означаемъ селеніе, гдѣ находится церковь. Такія села нача-

---

(слѣдующихъ за тѣмъ словъ не понимаю: *а также и отъ ролейной земли и отъ свободы 9 кунъ*). — За испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, вирникъ взималъ 40 кунъ; мечникъ 5 кунъ; особый чиновникъ *(дѣтскій)*, при семъ испытаніи присутствовавшій, полгривны. — *Городникъ* (чиновникъ, находившійся при постройкѣ городка — важнаго средства защиты для жителей) бралъ при началѣ постройки куну, при окончаніи ногату, и во все время стройки, за кормъ, вологу *(приварокъ?)*, мясо, рыбу получалъ по семи кунъ въ недѣлю, и каждую недѣлю сверхъ того 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 *луконъ* (лукошекъ) овса, и единожды 10 луконъ солоду. — *Мостникъ* долженъ былъ, ѣхавши съ отрокомъ своимъ, имѣть не болѣе двухъ лошадей, и бралъ по 4 лукна овса на недѣлю; жители обязаны были ихъ кормить *(ѣсти, что можетъ)*. Устроивъ новый мостъ, мостникъ бралъ по ногатѣ отъ 10 локтей, за починку ветхаго моста, и за каждую *городню* новую по кунѣ. Извлекаемъ сіи подробности изъ множества противорѣчій. См. далѣе замѣчанія и объясненія о законахъ. *Мытниками* назывались сборщики податей (*мыта* — отъ сего *мытарь*), особенно пошлинъ торговыхъ. Мѣста, гдѣ собирались такія пошлины, назывались *мытными дворами*, и находились подлѣ торговыхъ и гостиныхъ рядовъ.

(82) Весьма-бы любопытно было исчисленіе всѣхъ

лись послѣ введенія Христіанской вѣры (83). Всѣ селенія дѣлились на округи, или *верви*; каждая вервь находилась подъ управленіемъ сотника, или сотскаго. Мы сказали уже о догадкѣ своей, что извѣстное число вервей могло быть называемо

донынѣ сохранившихся въ Россіи слѣдовъ древняго мѣстнаго управленія, и изъясненіе оныхъ, *въ томъ смыслѣ, въ какомъ они сохранились.* Мы находимъ обширную номенклатуру: у насъ есть *города, пригороды, села, поселки, слободы, ямы, волости, станы, половники*, и проч. и проч. Все это разсѣяно по Россіи, и донынѣ нѣтъ сему полнаго описанія. Напримѣръ: купцы Московскіе, кромѣ дѣленія на гильдіи, нынѣ раздѣляются на *слободы*, и наименованія сихъ слободъ старинныя; кромѣ волостей, въ Сѣверной Россіи сохранилось названіе *погостовъ*.— Замѣтимъ, что слобода происходитъ отъ слова: *свобода*, и означала подгороднія деревни, или села, имѣвшія особыя преимущества (сіи-то преимущества запрещали Новгородцы давать своимъ Князьямъ, договариваясь, чтобы *свободъ не ставити*). Система древняго управленія Руссовъ была именно таже, что въ Англіи и Франціи послѣ Германцевъ и Нордмановъ: это было постепенное сосредоточеніе мѣстъ и властей: деревня, вервь (сотня), пригородъ, городъ (тысяча), стольный городъ, и въ соотвѣтствіе сему: десятники, сотники, тысячскіе, Князья.

(83) Вѣроятно, начало селъ состояло въ томъ, что между извѣстнымъ числомъ селеній строили церковь, къ которой были причисляемы селенія и составляли *приходъ*, т. е. обязательство приходить къ назначенной церкви за требою, и въ Воскресенья и праздни-

тысячею, и составлять округъ города, гдѣ Тысячскій былъ намѣстникомъ Князя. Княжескимъ чиновникамъ вообще придавали имена *Тіуновъ* (84).

Кромѣ княжескихъ Тіуновъ, были Тіуны городскіе, или *огнищанъ* (85), избираемые отъ

ки къ службѣ Божіей. Отъ сего учреждались при церкви маленькіе торги, а въ храмовой праздникъ церкви ярмарки, или годовые торги, и къ жилищамъ священника и причетниковъ присоединялись домы переселенцевъ изъ другихъ селеній, привлекаемыхъ удобствомъ житья подъ покровительствомъ священника, и выгодами торга.

(84) Мы уже ссылались на сочиненіе Барона Розенкампфа, говоря о наименованіяхъ чиновниковъ у древнихъ Руссовъ (см. т. I, стр. 80). Совершенно соглашаемся съ симъ почтеннымъ изыскателемъ, что *Тіунъ* вообще означалъ *чиновника служащаго* (Diener); былъ-ли онъ вирникъ, мостникъ, мытникъ, онъ все былъ тіунъ, или *княжь мужъ*, такъ какъ его помощникъ назывался *метникъ, метельникъ* (отъ слова: Mæt — *товарищъ, участникъ*).

(85) *Тіунъ городской, тіунъ боярскій*, понятны послѣ предыдущаго изъясненія; но, что такое *огнищане*? Кажется, что это были какіе-то избранные, почетные люди. Читаемъ въ *Новгородской лѣтописи* (стр. 35): «Приде Ростиславъ изъ Кіева на Луки, и позва Новгородцы на порядъ, *огнищане*, гридь, купцы вящшіе (купце вячьшее).» Тіунъ огнищный былъ важная особа: вира за него полагалась двойная, какъ за Тіуна княжескаго; онъ поставлялся рядомъ съ Тіуномъ

обитателей города. Подъ ихъ засѣданіемъ, вѣроятно, собирались вѣчи жителей, для совѣщаній о своихъ дѣлахъ, впрочемъ, не имѣвшія никакой общественной власти, и долженствовав-

---

конюшимъ: слѣдовательно онъ былъ *чиновникъ къ чему либо приставленный.* Прежніе изъяснители Русской Правды говорили (*Прод. Древн. Росс. Вивліоѳики,* т. II, стр. 17): «Огнищанинъ *тоже, что и при насъ* (въ 1767 г.): именовались такъ *огневщики* и объѣздщики; нынѣ *полицейскіе офицеры въ городахъ.*» Не соглашаемся. Огнищане составляли какое-то сословіе, выше смердовъ: плата за оскорбленіе огнищанина полагалась *вчетверо болѣе* противъ смерда. Карамзинъ говоритъ, что тіунъ огнищный значилъ *тіунъ гражданъ именитыхъ* (Ист. Г. Р. т. II, стр. 46). Онъ не вѣрилъ Издателямъ Русской Правды, которые считали огнищанъ *однодворцами,* и прибавлялъ о семъ мнѣніи ихъ: — «слова, написанныя единственно изъ головы,» а потомъ изъяснялъ, что «имя огнищанъ произошло въ глубокой древности отъ слова: *огнище,* или *очагъ,* знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ обратилось въ названіе *житыхъ людей*» (*Ист. Г. Р.* т. II, прим. 67). Гдѣ-жъ доказательства? Карамзинъ ссылается на 306-е примѣчаніе въ IV-мъ томѣ Ист. Г. Р. и 36-е и 106-е въ V-мъ. Развертываемъ сіи мѣста и находимъ: «Имя: *житейскіе люди,* сначало тоже, что люди житые, или прежде огнищане.» Въ другой ссылкѣ: «житыхъ людей, вмѣсто древнѣйшихъ огнищанъ;» въ третьей: «Житьими, или житыми людьми назывались граждане зажиточные, нарочитые, или всѣ не принадлежавшіе къ черному народу. Въ XI-мъ вѣкѣ они назывались огнища-

нія исполнять только повелѣнное имъ: это были нынѣшнія наши Городскія Думы (86).

нами.» Такія ссылки забавны, но вовсе не положительны, а изъясненіе огнищанъ очагомъ походитъ на изъясненіе ключа человѣкомъ (см. выше, т. I, стр. 124) — Мы знаемъ, что была въ Казацкихъ войскахъ, и у Волжскихъ разбойниковъ, должность *огнищанина*, или кашевара: это былъ родъ казначея. Не значилъ-ли тіунъ огнищный выборнаго человѣка при казнѣ и податяхъ со стороны города? Но, почему нѣкоторые изъ горожанъ именовались огнищанами, не знаемъ.

(86) Пояснивъ несправедливое мнѣніе Карамзина о вліяніи Князей Новгородскихъ на Новгородское вѣче, укажемъ на противоположную ошибку его, въ отношеніи гражданскихъ вѣчь по другимъ городамъ Русскимъ. Онъ говоритъ: «Народъ, видя слабость Князей, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти, или противился ея дѣйствію. . . Граждане столицы, пользуясь свободою вѣча, не рѣдко останавливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшали собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели» (*Ист. Г. Р.* т. III, стр. 201). Въ примѣчаніи сказано: «Мы уже видѣли множество примѣровъ сего народнаго своевольства. *Не говоря о славныхъ вѣчахъ Новгородскихъ*, вспомнимъ *мятежъ* Кіевлянъ при Изяславѣ 1-мъ, и требованія, предложенныя ими на вѣчѣ Игорю II-му.» — *Не множество*, а нѣсколько примѣровъ точно есть; но слово: *мятежъ*, показываетъ, какъ должно смотрѣть на сіи исключенія. Кіевское вѣче такъ мало значило, что Изяславъ въ послѣдствіи самовластно распоряжалъ имъ (см. *Кенигсб. списокъ*,

Дворъ Князя состоялъ изъ *боярь*. Симъ древнимъ названіемъ, означались почетные, отличенные Княземъ и приближенные къ нему люди (87). Военные чиновники: *тысяцкіе*, *сотники*, дополняли число придворныхъ. Они, и вообще избранная воинская дружина Князей, носили названіе *гридни*, или Двора Княжескаго. Впрочемъ, съ XI-го вѣка сіе слово замѣнялось уже словомъ: Дворъ (88).

стр. 120). О Новгородскихъ вѣчахъ, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь нечего *говорить*, ибо въ Новгородѣ были они совсѣмъ другое.

(87) Имя *Боярина* встрѣчается въ глубокой древности. Отъ чего произошло оно, не знаемъ, но, еще до Скандинавовъ Славяне знали его: у Булгаровъ были *Бояре* (см. Memoriae populor. T. II стр. 525) и Греки переводили сіе имя (*Βοϊλαδων*, Bohiladis) словомъ, означавшимъ: *Вельможа*, *Начальникъ*. Безъ сего свидѣтельства, можно-бы почесть названіе Боярина Сѣвернымъ, слыша звукъ: *яръ* (Iahrl). Многіе почитаютъ боярина происшедшимъ отъ *болѣю*, зная, что въ старину писали его *болярина*. Карамзинъ производилъ имя боярина отъ *боя*, говоря, что въ древнихъ спискахъ Несторовой лѣтописи написано: *Бояре*; но въ тоже время, онъ опровергалъ свою догадку, ибо есть еще древнѣе письменные памятники, гдѣ находимъ *болярина* (см. *Ист. Г. Р.* т. I, стр. 74, и прим. 167).

(88) *Гридня* произошло отъ Скандинавскаго: Grith, и значило: *дворъ господскій, княжескій*; отсель гри-

Кромѣ воинской, небольшой дружины, или *отроковъ* княжескихъ, Князья не имѣли постоянныхъ войскъ (89). Въ случаѣ опасности, или похода, жители вооружались: имъ раздавалось оружіе, хранимое у Князя, и отбираемое при

динъ, какъ *придворный* (см. Барона Розенкампфа, *Обозр. Кормчей книги*, стр. 315). Имя *двора* и *дворянъ*, вмѣсто *гридни* и *гридиновъ*, является въ лѣтописяхъ при Андреѣ Боголюбскомъ. Воины, бывшіе при боярахъ, именовались иногда *пасынки*, ибо Сѣверный и Германскій обычай: ѣхать на войну съ дружиною, или отроками, каждому знаменитому человѣку, постоянно сохранялся на Руси. Именованія: *казначей*, *ключникъ*, *постельникъ*, *конюшій*, весьма древніе. Вообще, кажется, можно вывести слѣдующія различія: вся аристократія Княжеская раздѣлялась на *княжихъ мужей* и *княжихъ отроковъ*. Первые вообще были *бояре*; исправляя какую-либо должность, принимали они общее названіе *тіуновъ*, а по мѣсту и должности имена: *тысяцскаго*, *вирника*, *мытника*, и проч. Вторые были вообще *гридины* (потомъ *дворяне*), а по должностямъ назывались: *сотскіе*, *метники* (метельники), *тіуны княжіе*, *сельскіе*, *ратные*, и пр., т. е. что собственно *бояринъ* и *гридинъ* не означали *древле никакого чина и мѣста*, а только *званіе*, какъ нынѣ *придворный*, *чиновникъ*, *разночинецъ*.

(89) Доказательства въ событіяхъ. Введеніе постоянныхъ, наемныхъ или набранныхъ изъ жителей войскъ, въ Европѣ относится къ половинѣ XV-го вѣка, и имъ обязаны мы предпріимчивому Карлу VII-му, Королю Французскому.

роспускѣ войска: сіе Скандинавское обыкновеніе сохранялось долго на Руси (90).

Будучи рабами Князей, тѣмъ не менѣе подданные его считались людьми свободными. Общее именованіе всѣхъ было: *крестьянинъ*, имя, испорченное изъ имени: *христіанинъ*, чѣмъ отличали себя принявшіе Христіанскую вѣру (91). Но званія раздѣлялись однакожъ на *людиновъ* и рабовъ, или *холоповъ*. Первые имѣли право торговать, пріобрѣтать имѣнія, участвовать въ совѣтахъ городскихъ. Холопы лишены были всего: такъ назывались люди, пріобрѣтенные людиномъ покупкою; ихъ имѣніе принадлежало господину. Людинъ могъ закабалить себя и дѣтей, за извѣстную цѣну: права отца были тогда безграничны (92).

---

(90) Кіевляне говорили Изяславу, желая биться съ Половцами: »Выдай, Княже, оружія и кони.« (*Кен. Сп.* стр. 118). Воины не надѣвали броней въ походѣ; оружіе и брони везли за ними на возахъ. Мономахъ пишетъ: «Ходихомъ за Супой, и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половецкіе Князи, восемь тысячь, и хотѣхомъ съ ними *рати* (т. е. воины) биться, *но оружіе бяхомъ услали на передъ на повозахъ*» (*Духовн. Влад. Мон.* стр. 36).

(91) Во всѣхъ древнихъ памятникахъ читаемъ: *крестьянинъ*, вмѣсто: *Христіанинъ*; не отъ слова ли: *крестъ*, сдѣлано было сіе измѣненіе?

(92) Вообще номенклатура и подраздѣленія званій въ древней Руси, требуютъ еще изслѣдова-

Важное мѣсто въ гражданствѣ съ самаго введенія Христіанской вѣры, заняло Духовенство. Вводимое сначала волею Князей, Христіанство распространилось по всѣмъ областямъ Русскимъ, возобладало умами, увлекло сердца, и, пользуясь симъ важнымъ средствомъ, Духовенство пріобрѣло великія права, силу и богатство. Получая десятину, будучи неподсудно никому, кромѣ своихъ начальниковъ, обладая умами и совѣстью Князей, Іерархія духовная была могущественна. Ее призывали въ совѣты Князей, и къ одру умирающаго раба.

Сомнѣваясь въ томъ началѣ Іерархіи, какое до сихъ поръ предполагаютъ, и думая, что Митрополія въ Кіевѣ и Епископія въ Новгородѣ на-

---

ній Мы будемъ имѣть случай говорить о семъ предметѣ, предварительно изъясненномъ здѣсь и въ 1-мъ томѣ (стр. 73 и слѣд). Имѣя уже общее понятіе, скажемъ, что всего труднѣе въ семъ отношеніи изслѣдованія хронологическія, и что всего легче можемъ мы принять позднѣйшее названіе за древнее. Скажемъ въ отношеніи званій то, что говорили въ отношеніи древняго мѣстнаго управленія (прим. 82): надобно-бы сообразить и изъяснить всѣ званія, какія донынѣ находятся еще въ Россіи. Вызывая на подобные труды опытныхъ юристовъ, просимъ только ихъ не увлекаться толкованіями Татищевыхъ и Болтиныхъ, большею частію невѣрными: можно-ли и повѣрить, напримѣръ, что бы *смердъ* происходило отъ *смердѣть*? Карамзинъ съ симъ соглашался!

чались только со времен Ярослава, мы не имѣемъ также вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, когда началось и какъ раздѣлялось чиноначаліе духовное въ другихъ областяхъ. Извѣстія, изъ коихъ видно, что во время Владиміра установлены были Епархіи въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Бѣлгородѣ и Черниговѣ, столь-же недостовѣрны, какъ и извѣстія объ учрежденіи Епархій въ Переяславлѣ, Хельмѣ, Тмуторокани, Полоцкѣ, Туровѣ, Смоленскѣ, Перемышлѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ послѣдующее время, до начала XIII-го столѣтія. Являются духовные сановники въ разныхъ поименованныхъ нами мѣстахъ, но не во всѣхъ; систематическія подробности, и каталоги Епископовъ, кажется, большею частію выдуманы въ позднѣйшія времена (93).

---

(93) Мы говорили уже о недостовѣрности извѣстій, касательно начала Іерархіи въ Руси (т. I. стр. 233 и 263). *Каталогами Епископовъ* называются списки Іерарховъ, составленные Захаріемъ Копыстынскимъ, Кіевопечерскимъ Архимандритомъ (сконч. въ 1626 г.), изъ коихъ бралъ матеріялы Димитрій Ростовскій, для росписи Кіевскихъ Іерарховъ, и неизвѣстный Сочинитель каталога всѣхъ Іерарховъ Русскихъ, жившій въ началѣ XVIII-го вѣка. Сего-то послѣдняго Сочинителя («мало въ Словесности искуснаго,» какъ говоритъ Сочинитель *Исторіи Россійской Іерархіи*, т. I, стр. V) огромная тетрадь разошлась по Россіи, и служила въ послѣдствіи осно-

Можно полагать, что съ учрежденіемъ удѣльныхъ княжествъ при Ярославѣ, учреждались въ каждомъ изъ нихъ Епархіи, и поставляемы были Епископы; слѣдственно: въ половинѣ XI-го

вою всѣхъ, съ важностію повторяемыхъ извѣстій. Довольно выписать заглавіе сей тетради, чтобы судить объ отрѣченіи отъ нея ученой критики. Вотъ заглавіе оной: « *Каталогъ или лѣтописаніе бытности Архіереевъ Россійскихъ, гдѣ могло о которыхъ изобрѣстися въ писаніи* и явно въ книгахъ лѣтописцевъ Россійскихъ, и каталоговъ и *Синопсиса Кіевскихъ*, и помянниковъ, и изъ житій Святыхъ и Прологовъ, и изъ иныхъ разныхъ. » — Въ этомъ Каталогѣ находимъ Епископію *Порожскую*, но Іерархи, въ ней упоминаемые, упомянуты въ то-же время и въ Юрьевской Епархіи. Далѣе: означается Епархія *Тмутороканская*, ибо въ Посланіи Симона, Епископа Владимірскаго (сконч. 1226 г.), упомянутъ Епископъ Тмутороканскій, Николай. Развертываемъ сіе Посланіе (*Памятники Росс. Словесности XII-го вѣка*, М. 1821, стр. 256), и узнаемъ, что Симонъ ссылается въ своемъ показаніи на лѣтопись Ростовскую. А какъ составлялись лѣтописи? У Нестора поставлено: « И положи (Владиміръ) написавъ клятву (о десятинѣ) въ церкви сей рекъ: « аще кто сего посудитъ, » и проч. — въ *Никоновской лѣтописи*, тоже является слѣд. образомъ: « И положи написавъ клятву въ *святей, божественней* церкви, *ту стоящу Леонту, Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи, и Епископамъ Фотія Патріарха, и Русскимъ Епископамъ, и Пресвитерамъ, и инокамъ, и Князямъ, и боярамъ, сице глаголя:* аще кто посудитъ, » и проч.

вѣка, въ Русскихъ земляхъ, кромѣ Полоцка и Новгорода, могли быть: Митрополія въ Кіевѣ, и Епископіи въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Переяславлѣ, Владимірѣ Волынскомъ (94). Епископіи распространялись потомъ, по мѣрѣ умноженія удѣловъ, уничтожались съ уничтоженіемъ, и измѣнялись съ ихъ измѣненіемъ. Главою Духовенства пребывалъ Митрополитъ Кіевскій до самаго паденія Кіева, послѣ чего, съ Великимъ Княжествомъ и престолъ Митрополита перенесли во Владиміръ.

Исторія Русской Іерархіи представляетъ намъ слѣдующія замѣчательнѣйшія обстоятельства.

Мы видимъ явную уступку Грековъ въ креще-

Какъ груба эта нелѣпая вставка! Далѣе у Нестора: «и сотвори праздникъ великъ въ тотъ день боярамъ и старцемъ градскимъ.» Въ Никоновской лѣтописи то-же читаете слѣдующимъ образомъ: «И сотвори въ той день праздникъ велій, *съ Митрополитомъ и съ Епископы, и съ бояры, и со всѣми вельможами своими*» (см. *Кен. спис.* стр. 87; *Никон. лѣтопись*, т. I, стр. 106). — Такихъ доказательствъ, какъ измѣняли и уродовали почтеннаго, правдолюбиваго Нестора, можно представить сотни.

(94) Дабы составить вѣрное руководство для изысканія, тѣмъ, которые рѣшатся заняться критическою исторіею Русской Іерархіи, мы прилагаемъ въ концѣ тома всѣ извѣстія, находящіяся въ Несторовой лѣтописи, касательно сего предмета до XII-го вѣка. См. *Дополненіе* VII-е. Вотъ *единственное* основаніе!

нія Русп. Церковь Греческая, не проживвшая-ся власти Греческихъ Императоровъ ни въ чемъ, кромѣ духовныхъ дѣлъ, перенесла свой духъ въ Русскую землю. Тѣмъ болѣе невозможно было думать о политическомъ владычествѣ, приводя въ Святой Законъ горделиваго Князя Владиміра. Здѣсь была взаимность: политика Грековъ требовала уступки; политика Владиміра устраняла чуждую власть, и первую Іерархію, какъ мы уже говорили, составили въ Кіевѣ одни простые Іереи, надъ которыми, важностью лица, а не саномъ, владычествовалъ Анастасій, духовникъ Князя (95). Но, кромѣ власти политической, были переданы духовенству всѣ преимущества, какими пользовалось оно въ Греціи: т. е. *Десятина* и *Церковные Суды*.

Бѣгство Анастасія; увеличившееся число церквей; начало монастырей; лучше понимаемое величіе Князя, требовали духовнаго Іерарха съ большею властію, большимъ величіемъ. Но политика Ярослава, допуская учрежденіе Митрополіи, не дала въ семъ случаѣ Грекамъ большаго преимущества; первый Кіевскій Митрополитъ, вѣроятно, былъ Грекъ; въ 1051 году Ярославъ возвелъ смиреннаго пустынножителя въ великій санъ Митрополита. Иларіонъ, мирный отшельникъ, природный Руссъ, безъ сомнѣнія, не книжный и не ученый, и Лука, Епископъ Новгородскій,

(95) См. т. I, стр. 233, 263.

также Руссъ, отстранили своимъ избраніемъ вліяніе Грековъ. Наслѣдники Ярослава не умѣли воспользоваться его примѣромъ, и Греки успѣли наконецъ утвердить избраніе Кіевскихъ Митрополитовъ за Царьградомъ. Не смотря на то, власти государственной никогда не передавали Князья Духовенству, тѣмъ менѣе Грекамъ, и безпрерывно дѣлали покушенія: избирать Митрополитовъ изъ Руссовъ, требуя только согласія Царяградскаго Патріарха. Новгородъ, присвоившій себѣ право избирать Епископовъ Новгородскихъ, кажется, старался усилить вліяніе Грековъ на Кіевъ, и, пользуясь междоусобіями, спорилъ о зависимости Кіева отъ Царьграда; онъ видѣлъ въ семъ дѣлѣ одно изъ средствъ къ ослабленію силы Великихъ Князей. Важнѣйшее событіе было по сему отношенію при Изяславѣ, когда жестокія междоусобія раздирали Русскія земли. Удаленіе Митрополита Михаила въ Царьградъ и кончина его, побудили Изяслава, княжившаго тогда въ Кіевѣ, приступить къ избранію новаго Митрополита. Хитрый Князь желалъ совершить сіе избраніе Русскими Епископами, не спрашиваясь Грековъ. Но, это казалось столь необыкновенно, что Князь поставлялъ сему предлогомъ единственно бывшее тогда въ Патріаршествѣ Царяградскомъ замѣшательство (96). Всѣ со-

(96) Патріархъ Михаилъ сложилъ съ себя достоинство сіе, въ 1146 г., и удалясь въ обитель, гдѣ жилъ

гласились съ нимъ, кромѣ Новгородскаго Епископа Нифонта, который жарко спорилъ, что будучи рукоположены Митрополитомъ, который поставленъ былъ Царяградскимъ Патріархомъ, Русскіе Іерархи не имѣютъ права сами поставлять Іерарха выше себя, безъ благословенія Царяградскаго Патріарха. Недоумѣвали, не знали что дѣлать. Наконецъ, одинъ изъ Епископовъ предложилъ поставить Митрополита главою Св. Климента, принесенною изъ Херсона Владиміромъ (97). Всѣ другіе согласились, кромѣ Нифонта. Не смотря на его сопротивленіе, Митрополитъ Кириллъ, Кіевскій схимникъ, былъ однакожъ поставленъ, благословенный Св. мощами, а Нифонтъ заключенъ въ монастырь; оттуда ушелъ, не признавалъ Митрополита, называлъ его волкомъ, а не пастыремъ, именовалъ

прежде, такъ раскаявался въ удаленіи изъ оной на Патріаршество, что ложась ницъ лицомъ у порога церкви, просилъ мимоходившихъ попирать его ногами. Козьма, преемникъ Михаила, сверженъ былъ въ 1147 г., и десять мѣсяцевъ не было въ Царьградѣ Патріарха; Николай, избранный потомъ, патріаршествовалъ три года, и удалился; Церковь раздиралась въ то время ересями и смутами.

(97) См. т. I, стр. 222. — Благословеніе Архипастырей мощами святителей и угодниковъ было въ обыкновеніи у Грековъ и въ Руси. Греческихъ Патріарховъ благословляли рукою Св. Іоанна Крестителя.

Епископовъ человѣкоугодниками, и получалъ изъ Царяграда похвалы за свою ревность, а въ послѣдствіи пріобрѣлъ за постоянное свое упорство громкое имя *Поборника Русской земли* (98). Смерть Изяслава доставила Нифонту еще большее торжество: Георгій Долгорукій вступилъ на Великое Княжество, призвалъ Нифонта на совѣтъ, испросилъ Митрополита Константина отъ Царяградскаго Патріарха, и торжественно собралъ соборъ Епископовъ. Митрополитъ Кириллъ былъ низверженъ, лишенъ сана, заключенъ въ монастырь; всѣ поставленные имъ духовные чины были лишены своихъ мѣстъ и званій. Даже — провозглашено было проклятіе памяти Изяслава (99)! Чрезъ немного времени Георгій скончался; дѣти и родственники Изяслава овладѣли Кіевомъ. Они не хотѣли слышать о Константинѣ, но не смѣли уже думать объ отреченіи отъ Царьграда, и только просили Грековъ дать имъ Митрополита новаго. Добродѣтельный Константинъ уступилъ свой престолъ, прибывшему изъ Царьграда Митрополиту Θеодору, и удалился въ Черниговъ. Совѣсть терзала его въ остальное время жизни, и онъ

---

(98) На требованіе Климента служить съ нимъ обѣдню, Нифонтъ отвѣчалъ: «*Ты волкъ, а не пастырь*» (см. *Патерикъ*).

(99) Воскресенская лѣт. т. II, стр. 50.

хотѣлъ позоромъ на землѣ искупить прощеніе небесное. — «Не хороните меня,» написалъ онъ въ завѣщаніи, раскрытомъ послѣ его кончины — «привяжите мнѣ веревку за ноги; вытащите меня за городъ, и бросьте на съѣденіе псамъ и хищнымъ птицамъ: ради меня возмущена была Церковь.» — Связанный клятвою, исполнитель завѣщанія ужаснулся, но, поступилъ по волѣ Константина, и тѣло добраго Пастыря три дня лежало на распутіи; страшныя чудеса увѣрили наконецъ въ прощеніи Небесномъ, и Константинъ былъ похороненъ съ надлежащею почестью (100).

И такъ, въ самомъ избраніи главнаго начальника духовной Іерархіи, власть Князей была весьма значительна. Духовной Іерархіи оставалось только непосредственное вліяніе на политическую власть: судъ совѣсти; посредничество между Князьями и Вельможами; то, что принадлежало духовенству въ Греціи (101). Впро-

---

(100) О чудесахъ ничего нѣтъ въ Кенигсб. спискѣ. Описавъ странное завѣщаніе и исполненіе онаго, лѣтописецъ прибавляетъ только: «На утрій-же день, Святославъ Князь, сдумавъ съ мужьями своими и съ Епископомъ, вземше тѣло его, похорониша въ церкви у Св. Спаса въ Черниговѣ» (ст. 234).

(101) Примѣровъ посредничества находимъ множество; проклятіе и благословеніе принадлежало духовенству. Выше говорили уже мы объ отличіи политической власти духовенства на Западѣ и на Востокѣ.

чемъ, и это поприще заключало въ себѣ довольно важности и попеченій, если притомъ духовенство являло еще собою всю ученость вѣка, и соединяло съ тѣмъ исполненіе трудной обязанности. Къ сему присовокуплялось вначалѣ самое введеніе и распространеніе Христіанской вѣры; потомъ, стараніе удалить всѣ, хотя и отдаленныя, покушенія Запада, а наконецъ усилія основать самобытную отъ Греческой Церковь Русскую. Присовокупимъ къ сему тяжкую грозу бѣдствій, безпрерывно носившуюся по небосклону Руси до самыхъ Монголовъ, и внутреннія смятенія и неустройства въ самомъ составѣ Церкви, неизбѣжно являющіяся всюду, гдѣ только дѣйствуетъ человѣкъ, и слѣдственно — страсти его, не умирающія ни за монастырскими стѣнамо, ни за тюремными заклепами.

Удивительно быстро распространена была вѣра Христіанская въ Руси; скоро учредилось повсюду и Духовное чиноначальство; но, все это вначалѣ могло быть только внѣшнее: умы и сердца долго не покорялись, повинуясь уставамъ новой вѣры какъ власти гражданской. — Мы упоминали уже о явныхъ противоборствахъ Христіанству, ибо иначе не льзя объяснить волхвовъ, являвшихся въ разныхъ областяхъ Русскихъ, долгое время послѣ кончины Ярослава. Умъ человѣческій, по природѣ своей, склоненъ къ таинственности, и, даже робѣя суда совѣсти, лю-

бить онъ предаваться силѣ противоборствующей съ тою, которую обязанъ уважать. На семъ основана та наклонность къ волшебству, колдовству, тайнымъ знаніямъ, которыя, усердно почитая наважденіемъ враждебной божеству силы, тѣмъ не менѣе слабость человѣческая весьма часто готова признать владычествомъ. Донынѣ простолюдины наши, истощивъ пособія Медицины, и иногда — самыя пособія Религіи, прибѣгають къ чародѣю, хотя и увѣрены, что въ семъ случаѣ грѣшать противъ обязанности своей, противъ совѣсти, подвергаются опасности быть уловленными врагомъ человѣческаго рода. Тайна въ глазахъ людей кажется имъ достаточною нынѣ, но за нѣсколько столѣтій всѣ повѣрья о колдовствѣ и волшебствѣ еще не достигли подобнаго отношенія. Тогда были они еще тайнымъ вѣрованіемъ въ религію, хотя и отвергнутую, но все еще обольстительную, и, не смотря на новый порядокъ дѣлъ, могли казаться вѣрованіемъ основнымъ, по крайней мѣрѣ, равносильнымъ Христіанскому вѣрованію (102).

---

(102) Примѣры всего лучше поясняютъ дѣло. Въ Россіи народы Финскіе, Якуты, Тунгузы, многіе Буряты суть Христіане, т. е. *крещеные*; но колдуны и шаманы скрываются между ими донынѣ, и трудно еще рѣшить, кому они болѣе вѣрятъ: Тагарѣ, Абасы (Якутскіе боги), Бурхану, Шайтану, или истинному Богу, а также священнику или шаману? Первый влады-

Послѣ сего, не трудно было жрецу Славянскаго, или Финскаго идолослуженія, обольщать и увлекать за собою цѣлыя области и города (103). Время бѣдствій особенно было ими избираемо для распространенія злыхъ заблужденій.

Такъ въ Ростовской области, въ княженіе Святослава, во время голода, явились два кудесника, распространяя какое-то нелѣпое понятіе о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, и увѣряя, что хлѣбъ, рыбу, медъ скрываютъ въ тѣлахъ своихъ женщины. Жители приводили къ нимъ матерей, женъ, сестеръ, дочерей своихъ, и волхвы, *обморачивая* легковѣрныхъ, разрѣзывали женщинамъ спины, плечи, и показывали вынятые изъ тѣла съѣстные припасы. Многія женщины были растерзаны на-

---

ка ихъ, второй другъ и совѣтникъ. Всего страннѣе, что и Русскіе простолюдины, живучи между сими народами, принимаютъ такія-же повѣрья, и вѣрятъ Лапландскимъ и Якутскимъ шаманамъ.

(103) Надобно различать идолослуженіе и миѳологію Славянскую, Скандинавскую и Финскую. Превосходное разсужденіе Моне (Uebersicht der Geschichte des Heidenthums in nördlichen Europa), о коемъ неоднократно уже мы упоминали, всего лучше показываетъ сіе различіе. Что Финское идолослуженіе имѣло вліяніе на Руссовъ, видимъ изъ разсказа Новгородца о ворожбѣ у Чудскаго кудесника (*Кенигсб. списокъ*, рукописи листъ 105).

родомъ, какъ чародѣйки (104). Воевода Янъ, сынъ Вышаты, былъ тогда въ Ростовѣ, сбирая дань Князю Святославу. Онъ узналъ о злыхъ кудесникахъ, и потребовалъ выдачи ихъ; но жители не хотѣли его слушать, а волхвы, устрашась опасности, бѣжали въ лѣсъ, и Янъ, съ 12-ю воинами и священникомъ, спѣшилъ туда. Тамъ встрѣтилъ онъ волхвовъ, и съ ними нѣсколько человѣкъ, обольщенныхъ ими. Избѣгая кровопролитія, Янъ хотѣлъ уговаривать, но едва самъ не былъ убитъ. Оборотя топоръ на противника, Янъ ударилъ начинщика обухомъ: началась драка; священника убили, но Янъ одолѣлъ, и волхвы бѣжали въ Бѣлозерскъ. По требованію Яна, Бѣлозерцы привели ихъ къ нему. Подробности допроса и смерти

---

(104) «*Въ мечтѣ* прорѣзываша за плечомъ» . . (*Кен. сп.* рук. *л.* 103). Это выражается нынѣ Русскимъ словомъ: *обмороґивать.* Такъ донынѣ ни одинъ простолюдинъ не вѣритъ, что искуство и ловкость помогаютъ фокусникамъ, и увѣрены, что они *обмороґиваютъ зрителей.* Замѣчательно, что на старухъ, особливо безобразныхъ, всюду падало и падаетъ обвиненіе въ колдовствѣ. Неужели безобразная старость всегда почиталась и почитается признакомъ зла? Любопытно еще, что даже нынѣ нѣкоторыя изъ старухъ, будучи увѣряемы другими, что онѣ колдуньи, сами начинаютъ вѣрить этому въ преклонныхъ лѣтахъ. Имя *колдуньи* почти вездѣ у насъ принадлежность старухи уродливой.

волхвовъ любопытны, служа для насъ вѣрнымъ изображеніемъ времени. Выписываемъ ихъ (105).

«Пришедъ въ Бѣлозерскъ, Янъ сказалъ Бѣлозерцамъ: «Не выйду отъ васъ цѣлое лѣто (106), ежели не выдадите волхвовъ.» Бѣлозерцы схватили ихъ и привели. «Для чего погубили вы столько народа?» спросилъ Янъ волхвовъ. «Женщины держатъ въ себѣ обиліе,» отвѣчали волхвы, и съ истребленіемъ ихъ будетъ *гобина* (107). Если хочешь, мы передъ тобою вынемъ изъ какой нибудь женщины жито, рыбу, или что тебѣ угодно.»—Вы лжете! « сказалъ Янъ.» Богъ сотворилъ человѣка изъ земли: онъ состоитъ изъ костей,

---

(105) Янъ, дѣйствующее лицо въ семъ разсказѣ, есть тотъ самый старецъ Янъ Вышатичъ, о коемъ мы уже упоминали (см. т. I, стр. LXVIII). Разсказъ его находится подъ 1068-мъ годомъ Несторовой лѣтописи. Вотъ еще поводъ къ подозрѣнію, что въ Несторово повѣствованіе вписаны были въ послѣдствіи нѣкоторыя прибавленія (см. т. I. стр. 193). Замѣтимъ сходство этой вставки съ разсказами Торговича, котораго слышалъ продолжатель Несторовой лѣтописи. Разсказъ Яна едва-ли принадлежитъ самому Нестору.

(106) Слѣдственно: сборщикъ дани, цѣлое лѣто проживающій въ какомъ-либо мѣстѣ, не былъ тамъ пріятнымъ гостемъ? Черта, много изъясняющая въ древнемъ правленіи Руссовъ.

(107) Потерянное слово, отъ котораго остался у насъ сложный глаголъ: *угобжать* (однократное: *угобзить*).

крови и жилъ; если кромѣ того есть въ немъ что либо, это знаетъ только Богъ (108). «Мы лучше вѣдаемъ,» отвѣчали волхвы, «какимъ образомъ созданъ человѣкъ.» — «Какъ-же онъ созданъ?» спросилъ ихъ Янъ. Волхвы отвѣчали: » Богъ мылся въ *мовницѣ*, вспотѣлъ, отерся ветошкою, и бросилъ ее на землю съ небесъ. Тогда сатана заспорилъ съ Богомъ: «Кому изъ нихъ въ сей ветошкѣ сотворить человѣка. Наконецъ, споръ рѣшился тѣмъ, что дьяволъ сотворилъ тѣло человѣка, а Богъ вложилъ въ него душу. « (109) «Бѣсъ

---

(108) Кажется, такъ должно понимать слова лѣтописи: «По истинѣ лжато: сотворилъ Богъ человѣка отъ земли, составленъ костьми, и жилами и отъ крове, и нѣсть въ немъ ничтоже, но токмо Богъ единъ вѣсть» (*Кениг. спис.* рукоп. л. 104). Думаю, что вѣрное изъясненіе подобныхъ мѣстъ, гдѣ видны понятія, духъ, мнѣнія древнихъ Руссовъ, важнѣе изслѣдованій о годѣ смерти какого нибудь маленькаго и ничего не сдѣлавшаго Изяславича, Давидовича, Борисовича.

(109) Вотъ подробности, подтверждающія сказанное нами въ предыдущемъ примѣчаніи. Лѣтописецъ слышалъ ихъ отъ самого дѣйствовавшаго въ семъ случаѣ лица, и хотя передалъ намъ обезобразивъ ихъ, но, за всѣмъ тѣмъ онѣ важны и дороги. Обезображеніе состоитъ въ томъ, что волхвъ, изъяснявшій догматы своей Миѳологіи, не могъ называть боговъ своихъ *демонами* и *діаволами*: такими представлялись они только Яну и лѣтописцу. Надобно знать, что прежде всякое идолослуженіе почитали служеніемъ демону,

прельстилъ васъ, коему вы вѣруете,» вскричалъ Янъ, выслушавъ сіи бредни. —« Мы вѣруемъ въ Антихриста.» — Гдѣ онъ?—«Сѣдитъ въ безднѣ.—«То бѣсъ» сказалъ Янъ, «а Богъ сѣдитъ на небесахъ, славимый отъ ангеловъ, предстоящихъ предъ Нимъ со страхомъ и не могущихъ воззрѣть на Него. Изъ сихъ ангеловъ, за гордыню свою, сверженъ былъ единый, тотъ, кого называете вы Антихристомъ: онъ въ безднѣ ожидаетъ, пока пріидетъ Богъ съ небеси, свяжетъ, и посадитъ его, съ слугами его и съ вѣрующими въ него. Но вы не только тамъ, еще и здѣсь, отъ меня, примете муку. — « Боги наши говорятъ намъ,» отвѣчали волхвы, « что

злому духу, и потому въ идолахъ язычниковъ думали видѣть изображеніе дьявола. Такъ Индійская *Ямантага*, символъ вѣчной жизни, казалась Европейскимъ миссіонерамъ символомъ сатаны; такъ Эгингардъ, жизнеописатель Карла Великаго, называлъ миѳологію Саксоновъ служеніемъ діаволу (culte des démons, см. Histoire des Français, соч. Сисмонди, т. II, стр. 236), хотя Саксоны вовсе не думали о дьяволахъ, поклоняясь своему Водану и Ирмензулю. Въ словахъ Бѣлозерскаго волхва, сквозь темноту разсказа, мы видимъ одинъ изъ догматовъ Скандинавской миѳологіи: Скандинавы вѣрили, что человѣкъ родился отъ пота великана Имера, котораго будто-бы въ послѣдствіи разрубили боги, и создали изъ него небо и землю. Вотъ, кажется, *мовница*, гдѣ мылся и *вспотѣлъ* богъ, по сказанію волхва. Сотвореніе души добрымъ началомъ, а тѣла злымъ, и понятіе, что богъ сидитъ *въ безднѣ безднъ*, суть также преданія Скандинавовъ.

ты ничего сотворить намъ не можешь.»—Лгутъ ваши боги! сказалъ Янъ. — «Веди насъ къ Святославу; ты не можешь ничего дѣлать съ нами!» закричали волхвы. Тогда Янъ велѣлъ ихъ бить и рвать у нихъ бороды, спрашивая: что̀ говорятъ ваши боги? — Веди насъ къ Святославу! кричали волхвы. Тутъ связали ихъ, заткнули имъ рты, бросили ихъ въ ладью, и повезли. На устьѣ Шексны Янъ остановился, и спрашивалъ волхвовъ снова: что̀ говорятъ вамъ боги ваши?— «Ты умертвишь насъ.» — Правду вамъ повѣдали, отвѣчалъ Янъ. — «Много добра получишь отпустивъ насъ,» сказали ему волхвы, «и много страданій, если погубишь.» — Нѣтъ! Если погублю васъ, то мзда мнѣ будетъ, а если отпущу, то гнѣвъ отъ Бога. У кого изъ васъ, сказалъ Янъ собравшимся вокругъ него жителямъ, не погубили сіи злодѣи сродниковъ? — У меня мать; у меня сестру; у меня дочь! кричали многіе. Мстите-же своихъ! сказалъ Янъ. Люди схватили волхвовъ, убили ихъ, и повѣсили на деревѣ. На другой день, всѣ видѣли медвѣдя, который взлѣзъ на дерево, и съѣлъ трупы волхвовъ».

Еще болѣе важное событіе было въ Новгородѣ, во время княженія Глѣба. Страшный волхвъ явился тамъ, прельстилъ многихъ, порицалъ Христіанскую вѣру, и успѣлъ возмутить народъ. На площади Софійской собрались Новгородцы,

повѣрили чудесамъ волхва, и хотѣли убить Епископа. Торжественно вышелъ Епископъ, въ священномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. «Кто за него, и кто со мною?» восклицалъ онъ. Волхвъ богохульствовалъ, кричалъ, что пойдетъ пѣшкомъ черезъ Волховъ; народъ волновался, и только Князь Глѣбъ съ дружиною приложились къ Св. Кресту и стали съ Епископомъ; народъ не внималъ ничему, и стоялъ на сторонѣ волхва. Тогда Глѣбъ, спрятавъ топоръ подъ *скуту*, подошелъ къ волхву, и спросилъ: «Твое всевѣдѣніе простирается-ли на слѣдующій день, или только то знаешь ты, что сегодня будетъ?» — Все провижу! отвѣчалъ волхвъ. — «И то, что случится съ тобою сегодня?» продолжалъ Князь.— Я сотворю великія чудеса! вскричалъ волхвъ. Тогда Князь съ размаха ударилъ его топоромъ, и съ паденіемъ злодѣя, народъ безмолвно разошелся (110).

При Изяславѣ, въ 1071 г., волхвъ, явившійся въ Кіевѣ, пугалъ народъ странными предвѣщаніями: утверждалъ, что по судьбамъ свыше, земля должна перевернуться, что Днѣпръ потечетъ вспять,

---

(110) *Скутаніе* значило *спрятаніе*, *сохраненіе* (см. *Іоаннъ Экзархъ Булгарскій*, стр. 196); что-же такое значитъ: *скута?* (не пола-ли платья)? — Разсказъ о Новгородскомъ волхвѣ, см. *Кен. спис.* (рукоп. листъ 106).

Греція станетъ на мѣстѣ Руси, Русь на мѣстѣ Греціи, и всѣ другія земли измѣнятся. Одни повѣрили ему; другіе смѣялись надъ нимъ, и говорили ему: «Бѣсъ играетъ тобою, на пагубу твою.» — «Это исполнилось, «прибавляетъ лѣтописецъ,» и въ одну ночь волхвъ пропалъ безъ вѣсти (111).»

Къ сожалѣнію, мало разсказываютъ наши лѣтописцы о подробностяхъ сихъ событій, любопытныхъ для насъ болѣе нежели извѣстія о мѣлкихъ сшибкахъ съ Половцами и Печенѣгами. Впрочемъ, довольно для того, чтобы понять: какія смятенія въ народѣ, долго послѣ крещенія Руси, производили остатки идолослуженія.

Должно предполагать, что со введеніемъ православія, немедленно явились и гибельныя лжи, вездѣ его сопровождающія (112). Чѣмъ священнѣе истина,

(111) «Бѣси-бо, подтокше, на зло водятъ, по семъ-же смѣются, ввергши въ пропасть смертную,» прибавляетъ лѣтописецъ (*Кен. спис.* рук. листъ 103).

(112) Трудно исчислить всѣ заблужденія, и превратные, кривые толки, коимъ подвергалась святая Христіанская вѣра; трудно изъяснить, до какой нелѣпости доходилъ умъ человѣческій, теряясь во глубинѣ истинъ ея! Но, какъ святой залогъ Божества человѣку, неколебимостью среди заблужденій, она доказываетъ намъ свое божественное начало. Повѣрятъ-ли тому, что краткое изложеніе споровъ только о воплощеніи Богочеловѣка, составляетъ книгу въ двухъ

лѣмъ большее число заблужденій ее окружают: всегдашняя участь бѣднаго человѣка! Стеченіе разныхъ народовъ въ Кіевѣ, волненіе умовъ отъ нововведенія, и Схоластика, сдѣлавшаяся необходимостью тогдашнихъ Христіанъ, производили смятенія въ нѣдрахъ Церкви (113).

Знаменитая ересь *Павликіанъ*, первая вкралась въ Кіевъ. Монахъ Адріанъ, скопецъ, пришедшій въ Кіевъ, вѣроятно изъ Булгаріи, разсѣвалъ свои заблужденія, охуждалъ Церковь и ея уставы. Но Митрополитъ Кіевскій успѣлъ задушить зло въ началѣ. Съ первыми правилами вѣры, внушали Руссамъ омерзѣніе къ ереси Павликіанской, и потому она не могла имѣть успѣха (114). Въ 1123

томахъ, въ большой листъ, содержащую въ себѣ почти 900 листовъ? Смотри Петавія, Opus de theologicis dogmatibus, etc.

(113) Хазары, Жидовской и Мугаммеданской вѣры; раскольники разнаго рода, отпавшіе отъ Греческой Церкви; послѣдователи Латинской Церкви; Жиды, издревле зашедшіе въ Русь — таково было смѣшеніе религій въ Кіевѣ. Схоластика была тогда Философіею, единственною наукою, единственнымъ остаткомъ Греческаго просвѣщенія Смотр. о семъ далѣе.

(114) *Павликіане* была ересь, похожая на Манихейскую, въ X-мъ вѣкѣ особенно распространившаяся въ Булгаріи. Павликіане признавали только Новый Завѣтъ; не имѣли никакой Іерархіи; отвергали непорочность Богоматери; приписывали созданіе міра духу тмы и огня; почитали Іисуса Христа безтѣлеснымъ,

году другой еретикъ, по имени Димитрій, также явился противникомъ Церкви, былъ преслѣдованъ, и заточенъ въ темницу (115). Болѣе важное событіе произошло въ 1157-мъ году. Послѣдователь *Армянской* Церкви, Мартинъ, дерзко началъ порицать церковные уставы и распространять свои нововведенія, состоявшія изъ смѣшенія мнѣній разнообразныхъ сектъ. Его

и потому отвергали крестъ. Павликіанъ съ особеннымъ остервененіемъ истребляли въ Греціи, огнемъ и мечемъ; въ Булгаріи были они извѣстны подъ именемъ *Богомиловъ*. Въ числѣ Павликіанскихъ книгъ, преданы были православною Церковію проклятію: *Вопросы къ Богородицѣ о нѣдузѣ естественнемъ, еже именуютъ трясавица.* Сіи вопросы состояли изъ разсказовъ, что Патріархъ Сисеній бесѣдовалъ съ Богоматерью на горѣ Синаѣ, и узналъ отъ нея, что лихорадокъ всего семь, и что всѣ онѣ были дочери Ирода (см. *Іоаннъ, Экз. Булгарскій,* стр. 210). Это повѣрье осталось у насъ донынѣ въ народѣ; слѣдственно: Павликіане у насъ существовали, и ихъ книги извѣстны были въ Руси, и, можетъ быть, имѣли большое вліяніе на народъ, отъ чего сіи еретики и были сильно преслѣдованы. Замѣтимъ, что извѣстіе о еретикѣ Адріанѣ мы беремъ изъ новѣйшихъ извѣстій, именно въ слѣдствіе изложеннаго нами здѣсь замѣчанія. Въ древнихъ лѣтописяхъ нашихъ, извѣстій о ереси Адріана никакихъ нѣтъ.

(115) Древнихъ свидѣтельствъ нѣтъ и на сію ересь (см. *Описаніе Кіево-Софійскаго собора,* соч. Митрополита Евгенія (Кіевъ. 1825 г).

сочиненіе, подъ названіемъ: *Правда*, и сильное краснорѣчіе обольстили многихъ. Мартинъ, изученный премудрости Эллиновъ и Латиновъ, смѣло предсталъ на соборъ, собранный Митрополитомъ, и предложилъ свое ученіе. Вотъ главныя основанія ереси Мартина: Евхаристію должно совершать на винѣ, безъ воды, и на опрѣснокахъ съ изображеніемъ распятія, а не на квасномъ хлѣбѣ, съ изображеніемъ двочастнаго креста; слѣдуетъ поститься въ субботу, среду и пятницу на Сплошной недѣлѣ и Пасхѣ, а въ Страстную субботу ѣсть сыръ, яйца и рыбу; должно уничтожить проскомидію, муропомазаніе при крещеніи, обращеніе на востокъ въ молитвахъ; слѣдуетъ ходить по солнцу, а не противъ солнца; надобно позволить монахамъ ѣсть мясо; говорить *аллилуіа* должно дважды; креститься съ лѣваго плеча, слагая при томъ большой перстъ съ послѣдними двумя пальцами, а благословляя сложеніемъ перста большаго съ среднимъ и указательнымъ; ставить храмы алтаремъ на полдень; отправлять литургію по обрядамъ Латиновъ. Наконецъ, касаясь важнѣйшихъ догматовъ, Мартинъ полагалъ въ Богочеловѣкѣ одно естество, утверждая, что І. Х. принесъ плоть съ неба. — Споры были сильные, и число приверженцевъ Мартина такъ велико, что рѣшились перенесть дѣло на судъ Цареградскаго Патріарха, ибо Мартинъ ссылался на Греческую Церковь, и множество пи-

саній Св. Отецъ, коихъ невозможно было отыскать въ Руси. Его заключили въ тюрьму, и когда изъ Царьграда получили опровержение и проклятіе, въ Кіевѣ торжественно повторили сіе проклятіе; Мартинъ отрекся отъ многихъ своихъ предложеній, но защищалъ другія, и былъ посланъ въ Царьградъ. Тамъ — несчастнаго еретика сожгли (116).

Въ 1161 году возсталъ споръ въ Суздальской области. Епископъ Леонтій утверждалъ, что въ праздники, если они придутся въ среду и пятницу, не должно ѣсть мяса (117). Послѣ долгаго пренія, Леонтія послали въ Царьградъ, гдѣ, оскорбивъ

---

(116) Подробное описаніе ереси Мартина, и бывшаго по сему случаю Собора въ Кіевѣ, помѣщено въ *Пращицѣ противу вопросовъ раскольническихъ*, соч. Архіепископомъ Питиримомъ (СПб. 1721 г.). Карамзинъ сомнѣвался въ достовѣрности сего событія. Митрополитъ Платонъ пишетъ, что *подлинный* (?) протоколъ упомянутаго Собора хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ, отысканный въ началѣ XVIII-го вѣка, въ Кіевскомъ Николаевскомъ монастырѣ (см. *Кратк. церк. Росс. Исторія*, т. I, стр. 90). Карамзинъ замѣчаетъ, что протоколъ « дѣйствительно хранится въ Синодальной библіотекѣ, подъ № 518, « но *запечатанъ*. » *Ист. Г. Р.* т. II, прим. 415).

(117) Изъ предыдущаго примѣчанія видно, что историческая критика *можетъ сомнѣваться* въ существованіи ереси Мартина, и соборѣ, по поводу оной бывшемъ. Но, соображеніе ересей, бывшихъ послѣ

Греческаго Императора бранью, онъ едва не былъ брошенъ въ рѣку (118). Послѣдователи Леонтія: Поликарпъ, игуменъ Печерскій и Антоній, Епископъ Черниговскій, продолжили его ересь; собрался соборъ, свергъ обоихъ еретиковъ, и заточилъ въ темницу. Вскорѣ снова собранъ былъ соборъ, на которомъ осудили Θеодора, Епископа Ростовскаго, уличеннаго во множествѣ преступленій и въ ересяхъ. Ему выкололи глаза, опрѣ-

---

того, кажется, доказываетъ, что ересь Мартина *точно существовала,* ибо послѣдовавшая за нею ересь Леонтія была отраслью Мартиновыхъ мнѣній.

(118) «Стоящу Царя *товары* (таборомъ?) надъ рѣкою, и Леону молящу на Царя, удариша слуги Царевы Леона за шею, и хотѣша въ рѣцѣ утопити» (*Кен. спис* стр. 237). Тутъ были послы: Кіевскій, Суздальскій, Переяславскій и Черниговскій. Леонтій замѣчателенъ тѣмъ, что интригами успѣлъ взойдти на Суздальскую Епархію, и былъ оттуда изгнанъ за *умноженіе церквей,* отъ чего доходы священниковъ уменьшились. Карамзинъ изъясняетъ слова лѣтописи: «*Умножилъ бяше церковь, грабя и попы,*» тѣмъ, что Леонтій *умножилъ церковные налоги* (*Ист. Г. Р.* т. III, прим. 29). Едва-ли можно на это изъясненіе согласиться. Переведенный въ Ростовъ, Леонтій прославился своею ересью. Излагая оную, мы слѣдуемъ *Кен. списку* (стр. 237): «поча учити не ясти мясъ въ господскіе праздники въ среду и пятокъ, ни на Рождество Христово, ни на Крещеніе.» Въ *Кіевской лѣт.* сказано напротивъ (см. Карамзина, *Ист. Г. Р.* т. II, прим. 29).

зали языкъ, отрубили руку, и потомъ голову (119).

Во всѣхъ сихъ ересяхъ видимъ преимущественно какое-то вліяніе Латинской Церкви. Папа, не смотря на удаленіе и отдѣленіе Руси отъ Запада, не прекращалъ своихъ покушеній (120). Русскіе Іерархи крѣпко противоборствовали ему, писали, спорили. Никифоръ, Митрополитъ Кіевскій, подробно излагалъ заблужденія Латиновъ, въ посланіи своемъ къ Владиміру Мономаху (121).

---

(119) Ересь Леонтія произвела большое волненіе, а продолженіе оной Поликарпомъ и Антоніемъ ужаснуло до такой степени, что раззореніе Кіева въ 1168-мъ году почитаемо было наказаніемъ Божіимъ за сей грѣхъ, павшій на Русскую землю. Өеодоръ Епископъ былъ судимъ за притѣсненія міранъ, священниковъ и иноковъ, и за какую-то ересь. Никоновская лѣтопись прибавляетъ свои обыкновенныя сказки (см. Карамзина *Ист. Г. Р.* т. III, прим. 30). Странно, что Карамзинъ не вѣритъ имъ, а въ текстъ Исторіи *вноситъ сіи сказки безъ оговорки.*

(120) Принимая разныя покушенія, и достовѣрныя и недостовѣрныя доказательства ихъ, за факты, Іезуитъ Кулеша, въ книгѣ своей: Wiara Prawosławna (Вильна, 1704 г.), насчиталъ 2837 доказательствъ того, что Церковь Русская древле зависѣла отъ Папы. Около 3000 доказательствъ — довольно! Смотр. объ источникѣ многихъ сказокъ въ семъ отношеніи, *Описаніе Кіево-Софійскаго собора,* стр. 68.

(121) Это посланіе хранится въ Синодальной библіотекѣ, и напечатано К. Ө. Калайдовичемъ въ *Па-*

«Ты спрашивалъ меня, благородный Князь» — писалъ Никифоръ — «какъ отвержены Латины отъ святой, соборной, православной Церкви, и я, обѣщавъ тебѣ, симъ повѣдаю вины ихъ.» Слѣдственно: Князья занимались ревностно ѳеологическими тонкостями, думали и разсуждали о нихъ. «Не однажды, и не дважды, но множицею прочитайте мое посланіе, ты Князь и дѣти твои. Князьямъ, какъ отъ Бога избраннымъ и призваннымъ на православную вѣру, должно разумѣть словеса Христовы и основаніе церковное твердое, да будутъ они, какъ св. Церкви, такъ и людей, порученныхъ имъ отъ Бога, основаніе, свѣтъ и наставленіе. Богъ царствуетъ небесными; вамъ-же, съ помощію Его, царствовать зем-

---

мятникахъ Росс. Словесности XII-го вѣка; извѣстные онаго списки не старѣе XVI-го вѣка, но древность слога явна. Есть еще у насъ посланіе Митрополита Кіевскаго Іоанна къ Папѣ Римскому. Іоаннъ, Грекъ родомъ, прибылъ въ Кіевъ въ 1164 г., скончался въ 1166 году. Греческій текстъ его посланія найденъ Маттеемъ въ Синодальной библіотекѣ; Герберштейнъ, въ XVI-мъ вѣкѣ, перевелъ сіе посланіе на Латинскій языкъ, и помѣстилъ въ Rerum Moscov. Comment. — Списковъ Славянскаго перевода не найдено старѣе XIV вѣка; впрочемъ посланіе не замѣчательно. Было-ли оно отправлено, или только написано? не знаемъ; но въ обоихъ случаяхъ это не были условія на миръ. См. его въ *Памятникахъ Росс. Слов. XII-го вѣка* (стр. 209-218).

ными, дольными, въ роды и роды. Вы избраны отъ Бога, возлюблены Имъ, и возлюбили Его; разумѣйте-же словеса его и испытуйте.»

Вотъ причины отчужденія Латинской Церкви отъ Греческой, по изложенію Никифора (мы соблюдаемъ порядокъ, въ какомъ онѣ находятся у Никифора, дабы видѣть, что казалось ему важнѣйшимъ, что менѣе важнымъ): *Жидовскій обычай* служить на опрѣснокахъ; ядепіе давленины, *чего и Жиды не дѣлали*; постриженіе волосъ и бороды, что отвергнуто *и Моисеемъ и Евангеліемъ*; постъ въ субботы — *дѣло, достойное проклятія*; ядепіе нечистыхъ животныхъ; позволеніе монахамъ есть мясо и свиное сало; соединеніе мясопуста и маслопуста, и позволеніе ѣсть въ посты яйца, сыръ и молоко; мнѣніе о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына — зловѣрство великое, *Жидовство* и Савелліева ересь; пѣніе за литургіею, вмѣсто: «Единъ Святъ, Единъ Господь, Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца»— «Единъ святъ, единъ Господь, во славу *Бога Отца съ Св. Духомъ*;» безбрачіе священниковъ; позволеніе жениться на другой сестрѣ, послѣ смерти первой; обычай цѣловаться послѣ Причащенія, ибо «Христосъ рекъ намъ: «пріимите, ядите,» но не сказалъ: «пріимите, ядите и цѣлуйте прочихъ;» ношеніе перстня на рукѣ Епископа; позволеніе Духовенству ходить на войну и ратовать; *Жидовское* или Аріанское крещеніе однимъ погруженіемъ; посыпа-

ніе крещаемымъ въ уста соли; измѣненіе словъ Св. Апостола Павла: «Малый квасъ все вмѣшеніе квасить», словами: «Все вмѣшеніе тлить (122); не почитаніе Св. мощей и иконъ — *Гностическое, Иконоборное ученіе*; не признаніе святыми Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; неправильное раздѣленіе Церкви. «Мы,» пишетъ Никифоръ, «отдѣляемъ алтарь, и считаемъ его болѣе святымъ, нежели прибожнокъ и преддверіе, въ которыхъ позволяемъ стоять просицамъ и женамъ, во внутреннюю церковь допуская болѣе книжныхъ, а въ вышнюю церковь лѣпшихъ и книжнѣйшихъ людей. У Латиновъ-же не раздѣлено святое отъ скверпаго, и алтарь не чтимъ: во время литургіи, послѣ Евангелія, входятъ въ него женщины, цѣлуютъ Евангеліе и священниковъ, и не только входятъ честныя и добрыя жены, но и *скверныя рабы* (123).» — Описывая исторію раздѣленія Церквей, Никифоръ пишетъ о первобытномъ повиновеніи Папы Царя-

---

(122) Замѣчательно поясненіе Никифора по сему случаю: «Да вонми, Княже мой, како о той вещи лжутъ: квасъ-бо (вмѣшеніе рекше въ муку и въ воду), то паче роститъ, и кваситъ, и велико творитъ, а не растлитъ, еже есть погубитъ» (*Пам. Росс. Слов.* стр. 161, 162).

(123) Вотъ яркая черта времени! «Входятъ жены въ алтарь. . . не токмо *честныя и добрыя жены*, но и *скверныя рабы*» (*Памят. Росс. Слов.* стр. 162).

градскому Патріарху. «Потомъ (говоритъ онъ) старый Римъ пріяли Нѣмцы, и вскорѣ старые и правовѣрные мужи, хранившіе и державшіе законъ правый, прешли. По кончинѣ ихъ, юные и не утвержденные послѣдовали Нѣмецкой прелести, впали въ вины многія и различныя, отреклись отъ закона и *приняли явное Жидовство.*«(124)

Но не всегда однакожъ наши сановники судили своихъ Западныхъ противниковъ столь строго. Иногда, не спрашивая Церковь Царяградскую, они сносились съ Западными Іерархами, и принимали отъ нихъ церковныя положенія. Такъ внесены были въ Русскую Церковь праздники, не признанные Греческою Церковью. Это происходило, кажется, отъ временныхъ несогласій съ Греками, и отъ постояннаго, хотя и глубоко скрытаго желанія Русскихъ Іерарховъ—быть самовластительными и самобытными. Корыстолюбіе, пристрастіе Греческихъ Іерарховъ, часто оскорбляли нашихъ духовныхъ сановниковъ. Для сего, тщательно старались они объяснить себѣ церковные уставы, перевести книги, установить порядокъ, безъ пособія Греческихъ Патріарховъ. Въ 1274

---

(124) Это посланіе совершенно показываетъ степень ѳеологическихъ знаній древнихъ Руссовъ. Никифоръ прибылъ въ Кіевъ изъ Царьграда въ 1104 (или 1106 г.), и скончался въ 1120 г. — Любопытное изложеніе догматовъ Греческой религіи, сообразно по-

году, Кириллъ Митрополитъ съ негодованіемъ писалъ, что прежде » помрачены они были облакомъ мудрости Эллинскаго языка (125). «Безпрерывныя бѣдствія Русской Церкви, страдавшей среди браней гражданскихъ, набѣговъ, междоусобій, множественныхъ перемѣнъ политическихъ, разрушали всѣ подобныя предпріятія. Отъ сего происходило, что для укрѣпленія себя, Русскіе Іерархи принуждены были, покоряясь власти обстоятельствъ и волѣ Князей, соблюдать повино-

---

нятіямъ XII-го вѣка, находимъ въ рѣчи, которую влагаютъ лѣтописцы въ уста Херсонскихъ священниковъ, при отъѣздѣ Владиміра изъ Херсона. Замѣтимъ, что *ипостась* переводится въ сей рѣчи словомъ: *собство*, и что для изъясненія таинства Св. Троицы употребляются слѣдующія, прекрасныя, выраженія: «три собства совершенна, мысленна, раздѣляема числомъ собственнымъ, а не божественнымъ; раздѣляется-бо не раздѣльно и совокупляется не размѣсно» (*Пушк. сп.* стр. 77).

(125) Праздникъ пренесенія мощей Св. Чудотворца Николая, изъ Миръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, отправляемый нашею Церковью 9-го Мая, есть праздникъ уставленный Католиками; его принялъ въ Русскую Церковь Митрополитъ Ефремъ, при В. К. Всеволодѣ; Греки сего праздника не признали. — Слова Кирилла, см. въ *Русскихъ достопамятностяхъ* (Ч. I, стр. 106—108, гдѣ помѣщено Правило Кирилла Митрополита, находящееся при древней Кормчей, хранящейся въ Синодальной библіотекѣ).

веніе Царьграду, чтобы Греческую Іерархію представлять, какъ нѣчто высшее, чему всѣ обязаны были повиноваться, и что самые Князья должны были уважать (126).

Мы сказали уже, что вся Іерархія Русская признавала владыкою своимъ Митрополита Кіевскаго. Онъ поставлялъ всѣхъ Епископовъ, судилъ ихъ, разрѣшалъ затрудненія (127). Такуюже власть каждый Епископъ имѣлъ въ своей Епархіи. Въ случаяхъ важныхъ Митрополитъ всегда созывалъ соборъ, или совѣтъ духовныхъ; опре-

---

(126) Отпаденіе Латинской Церкви отъ Греческой почитаемо было тяжкимъ грѣхомъ (см. *Пушк. спис.* стр. 79, 80). Припомнимъ слова Нифонта, при поставленіи Митрополита Кирилла.

(127) Впрочемъ, нѣтъ свѣдѣній: именовались-ли древніе Кіевскіе Митрополиты Митрополитами *всея Руси*. Митрополитъ Платонъ пишетъ, что Епископы избирались Князьями, съ согласія духовенства и гражданъ, а только посвящались Митрополитомъ (*Кр. церк. Росс. Исторія*, т. I, стр. 52). Думаемъ, что Митрополитъ имѣлъ въ семъ случаѣ весьма большое участіе. Впрочемъ, при поставленіи Луки въ Епископы Суздальскіе, вопреки Николаю, прежде его поставленному противъ воли Князя Всеволода (1165 года), Лѣтописецъ прибавляетъ: « Нѣсть достойно наскакати на Святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ и Св. Богородица, *и Князь хочетъ и людіе* » (*Кен. сп.* рук. *л.* 229). Но, это не сказано-ли условно въ отношеніи къ Князю и народу?

дѣленіе Собора, при несогласіи и различіи голосовъ, требовало утвержденія Цареградскаго Патріарха и его сановниковъ (128.)

Высшая Русская Іерархія подтверждала, или, лучше сказать, свидѣтельствовала совѣты, договоры, требованія Князей (129). Казалось-бы, что при томъ легко ей было получить сильнѣйшее вліяніе на политическія обстоятельства. Но, кро-

---

(128) Драгоцѣнныя свѣдѣнія о поставленіи Іереевъ, и разныхъ церковныхъ распоряженіяхъ, смотр. въ *Русскихъ Достопамятностяхъ* и *Памятникахъ Росс. Слов. XII-го вѣка*, гдѣ помѣщены: Посланіе Іоанна Митрополита; Правило Кирилла Митрополита; Вопросы монаха Кирика; Отвѣты на оные Святителей, и Прибавленіе Иліи Архіепископа. Впрочемъ, Греческіе Номоканоны и Кормчія были основаніемъ всѣхъ уставовъ церковныхъ.

(129) Духовные сановники иногда брали на себя даже разрѣшеніе отъ присяги и клятвъ. Когда В. К. Мстиславъ хотѣлъ начать войну съ Всеволодомъ Черниговскимъ, и, убѣждаемый къ миру, говорилъ, что онъ далъ клятву защищать Ярослава, оскорбленнаго Всеволодомъ, Игуменъ Григорій («иже бѣ любимъ Володиміру, *честенъ*-же Володиміру, и отъ всѣхъ людей,» т. е. *въ чести*) сказалъ ему: «На мя буди той грѣхъ, еже преступити крестъ; то есть *лжей* (легче), неже прольяти кровь Христіанскую.» Соборъ Іереевъ подтвердилъ сіи слова и сказалъ Князю: «*На ны будь грѣхъ*,» и Князь согласился; но совѣсть въ послѣдствіи мучила его (*плакася того по вся дни живота*). см. *Кен. спис.* стр. 183.

нѣ направленія, какое дано было духовной власти Греческимъ ея происхожденіемъ, направленіемъ духовнымъ, Князья не допускали ее къ дѣйствію на политическій бытъ. Отъ сего произошло, что безмѣрная власть надъ совѣстью и умами, при особенномъ понятіи Руссовъ о религіи, совершенно исчезала въ гражданской жизни. Такъ всегда бываетъ при полудикомъ состояніи народа, когда религія не есть пастырь и другъ души, но, строгій судія, страшащій только загробною жизнію. Голосъ ея бываетъ подобенъ грому, гремящему иногда изъ тучь, устрашающему простолюдина, и забываемому, когда тучи разсѣялись.

Безмѣрная власть духовная показывается намъ въ двухъ отношеніяхъ. Русская Церковь съ самаго начала возобладала двумя важными дѣйствіями: причтеніемъ къ лику святыхъ и проклятіемъ. Въ первомъ отношеніи, она соборными постановленіями присоединяла къ лику святыхъ избранныхъ и благословенныхъ ею мужей и женъ, не спрашивая позволенія Греческой Церкви (130).

---

(130) Какъ происходилъ сей святой обрядъ, видимъ изъ повѣсти объ открытіи мощей Св. Ѳеодосія Печерскаго, и Князей Бориса и Глѣба (*Кен. спис.* стр. 130, 121). Если чудеса отъ гробницы доказывали святость покойника, мощи его переносили въ церковь, и признавали его святымъ; нашедши нетлѣнное тѣло, не

причисляли въ число святыхъ, доколѣ чудеса не доказывали святости нетлѣнія. Русская Церковь въ началѣ приняла чествованіе всѣхъ святыхъ мужей и женъ, коимъ праздновала Греческая Церковь; потомъ причтено было къ лику святыхъ, отдѣльно отъ Грековъ, до нашего времени 142 праведныхъ мужей, женъ и мучениковъ (см. *Дополненіе* VIII, въ концѣ сего тома, гдѣ означены всѣ Русскіе угодники и святители). Замѣтимъ: 1-е, что хотя Греки вообще не принимали канонизацій Русской Церкви, но были однакожъ и исключенія. Въ Сербскомъ Прологѣ XIII-го вѣка (см. *Іоаннъ, Экз. Булгарскій*, стр. 90. Сей Прологъ хранится въ библіотекѣ Румянцова) находимъ: *Св. Кирилла и Меѳодія, Ѳеодосія Печерскаго, Княгиню Ольгу, Князей Бориса и Глѣба*; кромѣ того помѣщенъ *Князь Мстиславъ, сынъ Мономаха*, хотя наша Церковь не причла его къ лику святыхъ; 2-е, въ самой Руси долго по разнымъ мѣстамъ праздновала была память святыхъ, *не обще признанныхъ*; такіе примѣры отчасти есть и нынѣ. Въ Новгородѣ, напримѣръ, отправляется служба многимъ угодникамъ, коихъ память въ цѣлой Россіи не празднуется (Епископы: Іоаннъ, Лука, Князь Владиміръ Ярославичъ, супруга Ярослава Анна, и проч.); такъ и въ Кіевѣ находится 84 святые мужа и 60 главъ мироточивыхъ, коимъ вообще Соборы празднуютъ въ Субботу послѣ Воздвиженія и въ 28-й день Августа. Но, въ общіе Россійской Церкви святцы многіе изъ нихъ не внесены. Первое произошло отъ отдѣленія духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти въ Россіи; второе, отъ отдѣленія въ послѣдствіи Малороссійской Церкви отъ Великороссійской

ляла доходъ Іереевъ и діаконовъ. Сверхъ того, священники и весь причетъ имѣли особыя земли, произведенія коихъ употребляли для своего пропитанія. Всякая купля, продажа, мзда строго была имъ запрещаема (133). Церковное благолѣпіе составлялось особливыми приношеніями прихо-

---

субботу, такъ называемые ими: *за упокой*? Можно-ли въ Воскресенье рѣзать птицу или убивать скотину? Надобно-ли поднимать руки къ верху, отрицаясь отъ діавола при крещеніи? Дозволять-ли погребать мертвыя тѣла съ иконою? Можно-ли ѣсть рыбью кровь (употребленіе крови животныхъ строго запрещалось)? Можно-ли ѣсть животное, въ силкѣ удавившееся, но потомъ зарѣзанное? Въ комнатѣ, гдѣ живутъ мужъ съ женою, можно-ли быть иконѣ? Отвѣты Нифонта показываютъ необыкновенный умъ сего Святителя (см. *Русск. Достопам.* Ч. I. стр. 106, 118, и *Пам. Росс. Слов. XII-го вѣка*, стр 173—203). Замѣтимъ, что многіе древніе церковные обряды и уставы въ наше время, или вовсе уничтожены, или измѣнены. Любопытные могутъ видѣть это, разсматривая нѣкоторые изъ указанныхъ нами источниковъ, также древнія Кормчія, Требники, Патерикъ, Минею-Четію, и прочія церковныя книги.

(133) За гривну положено было служить пять панихидъ; Епископы взимали за поставленіе 7 гривенъ; безъ *вѣнечной памяти* не могъ совершиться бракъ; каждая церковь ежегодно вносила Епископу *данныя деньги* (см. Платона, *Кр. церк. Росс. Ист.* т. I, стр. 53, 54; *Пам. Росс. Слов.* XII-го вѣка, стр. 173, и *Русск. Достоп.* ч. I, стр. 112).

жанъ и благочестивыхъ дателей (134). Къ церковному причету присовокуплялись еще многіе и различные люди: дѣти Іереевъ, діаконовъ, дѣти причетниковъ, жены всѣхъ ихъ; рабы, отпущенные по духовному завѣщанію господъ, или *задушные*, т. е. получившіе свободу въ надеждѣ отпущенія за сіе грѣховъ; благочестивые люди, посвящавшіе себя исцѣленію ближнихъ молитвами; люди увлеченные благочестіемъ, и странствовавшіе повсюду для спасенія себя моленіемъ въ разныхъ святыхъ мѣстахъ; люди, налагавшіе на себя обѣтъ: сходить для поклоненія гробу Господню въ Іерусалимъ, и совершившіе сей обѣтъ;

---

(134) Такія пожертвованія были весьма значительны. Видимъ это изъ грамоты Кн. Всеволода (см. *Русск. Достопам.* ч. I, стр. 76), данной церкви Св. Іоанна Предтечи въ Опочкахъ. Какіе-же дары получали знаменитыя церкви и обители, особливо въ стольныхъ городкахъ! Замѣчательно, что древнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ грамотъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ, есть грамота В. К. Мстислава и сына его Всеволода, на вклады ихъ въ Юрьевскій Новгородскій монастырь. Снимокъ оной, съ изъясненіями, былъ приложенъ къ Вѣстнику Европы (1818 года № 15, 16, 20). Это собственно данная, на подаренныя Юрьевскому монастырю помѣстья, пошлины, и большое серебряное блюдо. Дары и приношенія въ церкви и обители могли быть различные: помѣстья, земли, рыбныя ловли, сады, деньги, пошлины, рабы, одежда, и проч. Отъ сего стали издревле накопляться въ храмахъ великія богатства всякаго рода.

люди, получившіе исцѣленіе вѣрою; люди не могущіе кормить себя трудомъ, и питавшіеся подаяніемъ у церквей (135).

Черное духовенство, состоя изъ людей отрекшихся отъ міра, было совершенно не причастно мірской жизни. Самые строгіе уставы подчиняли жительствующихъ въ обители власти начальника монастыря. Воздержаніе, постъ, безпрерывная молитва, безмѣрная умѣренность въ пищѣ и питьѣ, отреченіе отъ всѣхъ суетъ, до того, что самое имя мірянина перемѣнялось при вступленіи его въ монашество, и онъ отрекался отъ всѣхъ родныхъ и друзей, мысль единственно о спасеніи души своей и участіе въ мірскомъ только молитвою — таковы были обѣты монаха или инока, монахини или инокини (136).

---

(135) Учрежденіемъ больницъ, богадѣленъ, и другихъ благотворительныхъ заведеній, Руссы одолжены были Христіанской религіи. См. о семъ далѣе. — Исчисленіе людей, причислявшихся къ церкви, мы уже видѣли въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава. Въ числѣ ихъ упомянуты: паломникъ, лѣчецъ, прощеникъ (получившій исцѣленіе по вѣрѣ, что называлось *прощеніемъ*), странникъ, и проч.

(136) Мы упоминали уже о началѣ монастырей въ Руси (т. I, стр. 269). Но сначала это были просто церкви, съ особенными келліями, гдѣ собирались, жили и молились отшельники, или отшельницы. Уставъ монастырскій введенъ былъ прежде другихъ въ Кіево-

Многіе не довольствовались даже симъ, и принимали на себя званіе *схимниковъ* и *схимницъ*, послѣ чего почти запрещалось говорить, и позволялось *переступать только черезъ три порога*. Нѣкоторые изъ отшельниковъ подвергали себя еще болѣе тяжкимъ истязаніямъ: носили власяницы, вериги, зарывались въ землю, замуровывались въ стѣнахъ, пещерахъ и на столбахъ (137).

Печерскомъ монастырѣ Св. Ѳеодосіемъ, когда у него было въ обители уже 100 черноризцевъ. Уставъ сей списанъ былъ съ Греческаго устава Студійскихъ монаховъ (т. е. написаннаго Св. Ѳеодоромъ Студійскимъ, для обители, имъ учрежденной; житіе его, смотр. *Минею-Четію*, Ноября 11-го дня); «отъ того же монастыря пріяша всѣ монастыри уставъ — како пѣти пѣнія монастырскія, и поклоны какъ держати, и чтенія почитати, и стояніе въ церкви, и весь рядъ церковный, и на трапезѣ сѣданіе, и что ясти въ кія дни — тѣмъ-же почтенъ есть монастырь Печерскій старѣй всѣхъ (*Кен. спис.* стр. 112).» Первоначальный основатель Печерскаго монастыря, Св. Антоній, родомъ изъ Любеча на Днѣпрѣ, былъ постриженъ въ Аѳонскихъ горахъ, и жилъ въ многочисленныхъ тамошнихъ монастыряхъ нѣсколько времени.

(137) Инокъ, монахъ, *черноризецъ* (atratus, μελανειμων), въ противность *бѣльцамъ* (albati, λευκημονουντες) т. е. мірянамъ, послѣ того, какъ монахи приняли черный цвѣтъ для одежды, бывшій прежде цвѣтомъ одежды древнихъ Греческихъ философовъ. Первая степень есть обыкновенное монашество, или *Ангельскій чинъ*; высшая степень, *высокій Ангельскій чинъ*.

Изобразивъ главныя черты древняго политическаго и гражданскаго состоянія Русскихъ земель, и взаимныя отношенія разныхъ областей и званій, намъ должно изобразить нравственное состояніе Русскихъ земель вообще. Здѣсь всего труднѣе составить себѣ вѣрное, истинное понятіе о прошедшемъ. Мы, хотя съ трудомъ, можемъ собирать факты; но мы такъ удалены отъ всего, чему прошло столько вѣковъ, что необходимо почти вмѣшивается въ понятія наши чуждое вѣкамъ протекшимъ (138).

(схима), отличающійся одеждою, съ изображеніемъ Херувимовъ и крестовъ. Три порога разумѣются: порогъ кельи, порогъ церкви и, обратно, порогъ кельи. Къ любопытнымъ памятникамъ письменнымъ о монашеской жизни, принадлежатъ уставы разныхъ монастырей Русскихъ; изъ нихъ особенно укажемъ на Уставъ монастырскій Св. Корнилія Комельскаго (см. *Ист. Росс. Іерархіи*, т. IV. стр. 661, и слѣд.). — Примѣры чрезвычайныхъ тѣлесныхъ истязаній особенно были въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Вспомнимъ только о Св. Іоаннѣ Многострадальномъ, который умеръ закопавшись по грудь въ землю; мощи его и донынѣ въ семъ положеніи пребываютъ нетлѣнны.

(138) Древніе вѣка имѣли въ отношеніи Исторіи свои предразсудки, которые старался я изъяснить въ Предисловіи къ 1-му тому *Исторіи Русскаго народа*; въ новѣйшее время, сіи предразсудки смѣнились другими. Главный изъ всѣхъ, и самый обольстительный, есть тотъ, что мы не различаемъ настоящаго

Между тѣмъ правственное обозрѣніе необходимо: дѣеписаніе, заключающее въ себѣ одни хронологическія показанія, географическія обозрѣнія и голословные памятники протекшаго, будетъ подобно знанію, разсѣкающему только мертвое тѣло. Мы должны оживить бытъ нашихъ предковъ, должны переселиться къ нимъ, въ ихъ гридницы и хижины, ихъ хоромы и на ихъ вѣчи; должны

отъ прошедшаго, себя отъ предковъ, и также заступаемся за нихъ, какъ за себя, не понимая, что они не могли имѣть ни идей, ни понятій нашихъ, слѣдственно, думали и жили совсѣмъ иначе, нежели мы, хотя чрезъ то не могутъ подвергаться ни малѣйшему осужденію. Тѣмъ опаснѣе для безпристрастнаго Историка сей предразсудокъ, что съ нимъ смѣшиваютъ ложнопонимаемую любовь къ отечеству, и человѣку, не отдавшему себѣ отчета въ философіи Исторіи, голосъ истины весьма часто кажется оскорбительнымъ и несправедливымъ. Другой предразсудокъ есть тотъ, что мы не скоро можемъ разувѣрить себя въ понятіяхъ застарѣлыхъ, и освободиться отъ авторитета нашихъ благонамѣренныхъ, умныхъ, но — ошибавшихся предшественниковъ. Сіи два недостатка всего замѣтнѣе въ *Исторіи Гос. Росс.*, сочиненной Карамзинымъ, твореніи, которое безъ нихъ, при неподражаемомъ искуствѣ Автора, было-бы превосходно. Посему почитаю необходимо нужными указанія на нѣкоторыя, главныя, основныя его ошибки, хотя совсѣмъ не имѣю въ виду мѣлочной критики, и ясно вижу, что примѣчаніями своими досаждаю безусловнымъ по-

говорить съ ними ихъ языкомъ, думать ихъ умомъ. Безчисленныя трудности насъ останавливаютъ, и болѣе всего наши собственные предразсудки, и невѣрныя начала, на коихъ мы основываемъ свои сужденія. Слѣдуетъ прежде всего положить начала твердыя для выводовъ нашихъ.

Общество есть изображеніе человѣка, ибо общество есть собственно человѣкъ, помноженный

читателямъ незабвеннаго Карамзина. — Самый образъ писанія Исторіи въ новѣйшія времена, т. е. послѣ Среднихъ вѣковъ, поставляетъ въ затруднительное положеніе новыхъ Историковъ. А. Тьерри прекрасно раздѣлилъ образъ писанія Исторіи, бывшій послѣ Среднихъ вѣковъ, на три методы (Lettres sur l'hist. de France, стр. 53 и слѣд.). Оставивъ монастырскія лѣтописи, въ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ преимущественно стали издавать сборники любопытнѣйшаго (trésor, miroir, jardin des histoires). Потомъ явились подражанія Древнимъ Историкамъ: raconter avec pompe, supposer des discours bien faits, tracer des portraits avec finesse, ce furent les qualités que l'on exigea d'un historien, et sur lesquelles on mesura le degré d'estime qu'il convenait de lui accorder. За тѣмъ потребовали Исторій съ фразами, сентенціями и разсужденіями. Все это прекращается только въ новѣйшее время, когда созданная Англичанами, одушевленная умомъ Германцевъ и краснорѣчіемъ Французовъ, Исторія является истинною дщеріею Философіи и опыта. Надобно-ли дѣлать примѣненія словъ Тьерри къ Россіи?

на природу (139). Человѣкъ состоитъ изъ духа и тѣла; жизнь его есть борьба съ Природою: цѣль борьбы скрыта за предѣлами міра; переходы борьбы составляютъ возрасты человѣка, и періоды Исторіи. Народы, какъ люди, родятся, ростутъ, мужествуютъ, старѣютъ и умираютъ, то есть: бываютъ, какъ человѣкъ, дѣтьми, мужами и старцами. Каждое общество есть уже побѣда человѣческаго духа надъ Природою. Таинственная мудрость Провидѣнія, въ судьбѣ народовъ видимая, состоитъ въ томъ, что именно въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, является народъ, для совершенія долга своего въ общей жизни Человѣчества.

Полную жизнь человѣка составляетъ совершенное развитіе и соединеніе духовной и вещественной стороны. Три великіе дѣятеля жизни государствъ производятъ сіе развитіе и соединеніе въ обществѣ человѣческомъ: духъ человѣка находитъ дѣятеля своего въ божественной *религіи*, которая, непосредственно переданная Бо-

---

(139) Сіе выраженіе не покажется странно, если вникнуть въ сущность бытія частнаго и бытія общественнаго, и узнать противоположность одного съ другимъ. Впрочемъ, послѣдующія слова изъясняютъ мысль, которой я не присвоиваю себѣ, но употребляю ее какъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ, краткихъ очерковъ сущности бытія человѣческаго, данныхъ намъ новѣйшею Философіею.

гомъ, указываетъ человѣку на высшее назначеніе его, и у первобытныхъ, не знающихъ истины Христіанства народовъ замѣняется Естественнымъ Богопознаніемъ. Земной дѣятель общества есть, въ семъ отношеніи, *Науки и Знанія,* относящіяся къ Природѣ, такъ-же какъ Богопознаніе къ небу. Отношенія людей одного къ другому, и народа къ народу, составляютъ *Законы,* нравы, и обычаи: здѣсь всего болѣе видно дѣйствіе природы, какъ побѣждаемаго препятствія къ полному развитію человѣческой жизни. Отъ того Географія и Этнографія должны быть принимаемы какъ предметы важнаго содержанія. Общность всѣхъ трехъ дѣятелей составляетъ то, что мы называемъ *общественнымъ образованіемъ* (140). Исторія сего образованія есть истинная Исторія народовъ.

Религія необходима: нѣтъ народа въ мірѣ, самаго дикаго и грубаго, который не имѣлъ-бы религіи. Но, какъ начало Божественное, впадая

---

(140) Civilisation, « фактъ всеобщій, скрытый, сложный, трудный для изслѣдователя, для повѣствователя, но тѣмъ не менѣе существующій, имѣющій право быть изслѣдованнымъ и объясненнымъ. . . Его понимаютъ болѣе или менѣе, раздвигаютъ объемъ его болѣе или менѣе, но всегда употребляютъ, и всегда понимаютъ. Сего однакожъ недостаточно: смыслъ сего слова, всеобщій, человѣчеству принадлежащій, народный, надобно изучать » (слова Гизо).

въ міръ страстей и слабостей человѣческихъ, религія уподобляется елею, вливаемому въ бурныя волны моря, утишающему ихъ въ послѣдствіи, но въ началѣ заливаемому волнами. Отъ сего падаетъ въ грубѣйшія искаженія всякая религія не истинная. Религія Христіанская, чистая и святая, неистребима; но должна также испытывать волненія, искаженія и превратности. Говоря по Откровенію объ истинахъ, она кажется человѣку болѣе относящеюся къ сердцу, нежели къ уму. Потому, человѣческій умъ долго кажется совершенною противоположностью религіи. Святость и истина ея узнаются только тогда, когда умъ примиренъ бываетъ съ нею. Но вѣка протекаютъ, доколѣ сей святой миръ бываетъ заключенъ (141); борьба-же обнаруживалась всегда слѣдующимъ образомъ: исполнители священныхъ таинствъ религіи хотѣли рѣшительнаго уничтоженія ума передъ вѣрою; въ противоположность имъ, люди отдѣляли религію отъ жизни, считали ее грознымъ судіею, съ которымъ должно быть наружно въ мирѣ, и только казавшееся имъ неразрѣшимымъ, рѣшали они вліяніемъ религіи. Отъ сего все чудесное, и всѣ обряды ея были прини-

---

(141) Когда человѣкъ, съ откровенностью Сократа, объявитъ свое незнаніе, и Философскіе опыты и изслѣдованія свои поведетъ по пути, назначенному Религіею.

маемы людьми; отъ того только въ бѣдствіяхъ и при концѣ жизни, когда безвѣстная будущность стоитъ рядомъ съ человѣкомъ, уже открывая свое таинственное покрывало, человѣкъ содрогается, раскаявающійся его умъ трепещетъ, и, какъ дитя на лоно матери, человѣкъ повергается безпрекословно въ отверстыя объятія вѣры.

Но, при дѣятельности тѣлеснаго состава, когда умъ человѣческій еще не примиренъ съ вѣрою, человѣкъ охотнѣе стремится къ земному, ищетъ любопытныхъ рѣшеній на вопросы въ небѣ, на землѣ, въ себѣ самомъ, но—не въ религіи, такъ, какъ у Древнихъ, по словамъ одного великаго Историка, *все было богомъ, кромѣ самого Бога* (142). — Науки, знанія раждаются; передаются отъ народа къ народу; занимаютъ людей; приспособляются къ страстямъ человѣческимъ, къ удобствамъ жизни, къ дѣламъ общественнымъ. Въ народѣ младенчествующемъ сіи начала бываютъ слабы; почти всѣ обращаются только на удобства общежитія. Тайны религіозныя смѣшиваются съ выдумками, полу-истинами и ошибками ума. Все дѣлается тайнымъ, ужасающимъ. При перевѣсѣ религіознаго направленія, Поэзія, Знанія, кажутся какимъ-то грѣхомъ; при перевѣсѣ ве-

(142) Слова Боссюэта.

щественныхъ отношеній, Религія становится жертвою страстей, отношеній, мірской суеты (143).

При такомъ состояніи, отношенія людей въ обществѣ бываютъ сбивчивы, невѣрны, неопредѣленны; понятія смѣшиваются; порядокъ возмущается. Сила вещественная преимуществуетъ, законы бываютъ грубые, варварскіе; нравы становятся жестоки; права сомнительны.

Люди не понимаютъ тогда, что самоотверженіе есть высочайшая добродѣтель общественная: человѣкъ думаетъ только о себѣ, и осмѣливается употреблять для своихъ личныхъ пользъ и

---

(143) Таковы два направленія, вездѣ и во всемъ обнаруживаемыя человѣкомъ. Взгляните на Философію. Ей два пути: *опытъ*, изслѣдованіе частнаго (анализъ); *умозрѣніе*, изслѣдованіе общихъ основаній (синтезъ). Но отдѣльно, первый всегда ведетъ къ матеріяльности, вещественности; другой всегда оставляетъ насъ внѣ существованія, въ идеалахъ; отдѣльно, первый оканчивается Скептицизмомъ, второй Мистицизмомъ. Возьмите двѣ крайности религіознаго человѣка: одна поведетъ его изъ міра, и заставитъ для неба пренебрегать жизнію вещественною; другая погубитъ его Религію въ вещественной жизни, и оставитъ его при однихъ обрядахъ. Только Философъ, эклектикъ и Христіанинъ въ одно время, будетъ и Христіанинъ совершенный, и гражданинъ доблестный, и мудрецъ истинный; это-то осмѣлился я назвать *святымъ миромъ ума и вѣры*.

выгодъ счастіе другихъ, знанія, силу и — самую вѣру. Ему противятся другіе, и въ сей борьбѣ заключается тогда вся жизнь общественная. Правитель не понимаетъ, что польза личная подвластныхъ ему есть средство для его пользъ. Подданный думаетъ о самосохраненіи отъ силы, и пользуется каждымъ случаемъ къ насильственной борьбѣ съ властію. Духовный пастырь ищетъ выгодъ въ злоупотребленіи своего святаго назначенія; воинъ защищается мечемъ; торговецъ золотомъ; рабъ униженіемъ, хитростью и, когда есть случай, горделивымъ буйствомъ; знаніе пріемлется не цѣлью, но средствомъ. Частная жизнь каждаго старается сосредоточиться и отвлечься отъ жизни общей. Только бѣдствіе общее соединяетъ тогда выгоды всѣхъ, и безотчетно являетъ то, что при дальнѣйшемъ общественномъ образованіи является по вѣрному разсчету ума (144).

Изображенное нами общественное образованіе есть участь всѣхъ младенчествующихъ народовъ. Оно долженствовало быть и—было участью Русскихъ земель, въ томъ періодѣ, который мы разсматриваемъ.

---

(144) Такъ, какъ самый злодѣй можетъ броситься въ горящій домъ, когда знаетъ, что въ немъ и его дитя находится; но такой поступокъ станетъ-ли на ряду съ подвигомъ гражданина, хладнокровно сказавшаго правду сильному?

Назовемъ - ли тогдашнихъ Руссовъ варварами? Если подъ симъ именемъ понимать людей безнравственныхъ, дикихъ, лишенныхъ понятія о Богѣ, обязанностяхъ къ ближнему, кочующихъ, неимѣющихъ постоянныхъ жилищъ, то, періодъ варварства тогда прошелъ уже для Руссовъ: въ половинѣ XI-го вѣка общество гражданское, власть, общественныя отношенія, существовали на Руси. Руссы имѣли уже религію, нравы, обычаи, знанія, поэзію, торговлю; но все сіе было въ колыбели, представляло странное смѣшеніе доброты и злодѣйства, ума и невѣжества, истины и заблужденія, гордости и униженія, словомъ: истинное состояніе младенчествующаго народа.

Добродѣтеленъ - ли человѣкъ, если онъ безъ всякаго сознанія слѣдуетъ движенію сердца? Ни мало! Добродушіе, откровенность, простота младенца, не заставятъ насъ назвать дитя добродѣтельнымъ: оно добро, по естественному стремленію нашему къ наслажденію, и зло, если это стремленіе не опредѣлено умомъ. Истинная добродѣтель не есть безотчетный порывъ (145).

---

(145) «Добродѣтель есть союзъ ума и сердца; вѣкъ добродѣтельнаго есть спорный разсчетъ страстей съ добродѣтелью,» сказалъ одинъ изъ великихъ писателей, и — сказалъ вѣрно.

Узнавъ главныхъ дѣятелей общественной жизни: *Религію, Знанія, Законы,* разсмотримъ въ сихъ отношеніяхъ древнюю Русь. Прежде всего вниманіе наше обращаютъ Законы, ибо въ полудикомъ обществѣ, Религія вмѣщается въ число законовъ: непосредственное дѣйствіе оной есть уже отвлеченная мысль (146).

Законы суть произведенія народнаго характера, нравовъ и отношеній Правительства къ народу, образуемыхъ географическимъ и историческимъ ходомъ обстоятельствъ (147).

---

(146) Любовь къ ближнему, уваженіе къ родителямъ, исполненіе обязанностей Христіанина, потому что все это *должно* исполнять, будутъ конечно отвлеченныя понятія для человѣка непросвѣщеннаго. Ему говорятъ иначе: «Исполняй, или наказаніе послѣдуетъ за неисполненіемъ,» а сими словами предписываютъ уже ему не *нравоученіе,* но *положительный законъ.* Пастырь Церкви для просвѣщеннаго есть другъ и совѣсть; для непросвѣщеннаго онъ бываетъ судія и законъ.

(147) Здѣсь заключенъ въ нѣсколькихъ словахъ выводъ изъ труда вѣковъ. Отсылаю читателей къ великому творенію Монтескьё: De l'esprit des lois, гдѣ сущность закона объяснена съ геніяльною ясностію въ 1-й книгѣ I-го тома (Des lois en général). Великая Екатерина извлекла въ безсмертный Наказъ свой основныя истины творенія Монтескьё. Возьмите, для примѣра, ея слова о томъ, что составляетъ законы. «Многія вещи господствуютъ надъ человѣкомъ: вѣра,

Характеръ народа, по географическому положенію первобытныхъ Русскихъ земель въ климатѣ холодномъ, и только отчасти въ умѣренномъ, былъ далекъ отъ живости обитателей южныхъ странъ. Зима, продолжаясь большую половину года, дѣлала Славянина домосѣдомъ, неповоротливымъ и грубымъ. Сильнѣйшее дѣйствіе Скандинавіи, и недостатокъ средствъ жизни, дали болѣе живости сѣверному Славянину; южный былъ безпечнѣе, тяжелѣе и мечтательнѣе своего сѣвернаго родича. Славянинъ требовалъ не многихъ наслажденій, былъ терпѣливъ; страсти неукротимыя, подкрѣпляемыя издревле таинственными формами Миѳологіи, потомъ принужденною покорностью власти Варяговъ, могли вспыхнуть въ груди его на долго, двигнуть его на многое, но—не мгновенно.

Надъ головою такого человѣка висѣлъ мечъ, стѣснялъ его волю, не давалъ ему надежды въ будущемъ, и погружалъ его въ грубое, ограничен-

---

климатъ, законы, правила, принятыя отъ Правительства, примѣры дѣлъ предшедшихъ, нравы, обычаи. Отъ сихъ вещей раждается общее въ народѣ умствованіе, съ оными сообразуемое. . . Законъ не происходитъ единственно отъ власти. (*Наказъ*, глава VI, §§ 45 и 63). Наше опредѣленіе есть повтореніе сказаннаго Великою Монархинею, и великимъ мыслителемъ.

ное и бѣдное наслажденіе настоящимъ. Правитель считалъ подвластнаго средствомъ для блага своей жизни. Онъ наказывалъ преступленіе, ибо оно разрушало порядокъ, но не зналъ, что предупрежденіе зла есть его главная обязанность. Послушаемъ, что̀ говорилъ Руссъ объ отношеніяхъ правителя къ народу, и народа къ правителю. «Гдѣ законъ, тамъ и обидъ много, ибо Князь естествомъ своимъ подобенъ всякому человѣку; властью-же сана подобенъ онъ Богу: противящійся ему, противится Богу, и для такихъ не даромъ Князь мечъ носитъ, ибо онъ есть Божій слуга, и отъ него поставленъ. Богъ даетъ власть, ему-же хощетъ. Если земля управится предъ Богомъ, Богъ поставляетъ ей Князя праведнаго, любящаго судъ и правду, и много тогда отдается согрѣшеній землѣ, ибо Князь есть глава земли. Когда-же Богъ казнитъ землю, то поставляетъ ей Князя юнаго, окружаетъ его злыми совѣтниками, и возращаетъ на ней грѣхи (148).» — «Чтите Бога, чтите Князя: первое вы рабы Бога, второе вы рабы Князя (149).»

---

(148) Мысли, безпрерывно повторяемыя нашими лѣтописцами (см. для примѣра, *Кен. спис.* рукоп. л. 215, 223).

(149) Сіи слова помѣщены въ любопытномъ Поученіи Новгородскаго Епископа Луки Жидяты (см. т. I,

Довольно для того, что бы понимать отношеніе подвластнаго къ повелителю. Законы, при такихъ понятіяхъ были только *уголовные уставы о пеняхъ Князю*, о весьма не многихъ отношеніяхъ между подданными, о порядкѣ суда, и платѣ чиновникамъ (150).

стр. 262), которое напечатано въ *Русскихъ Достопамятностяхъ* (Ч. I, стр. 7-10). Лука, *первый* Епископъ Новгородскій, правилъ паствою болѣе 20 лѣтъ.— Хотите-ли видѣть и понять направленія и духъ среднихъ временъ повсюду? Сличите съ приведенными здѣсь словами проповѣдь, какую, почти современникъ Луки Жидяты, Архіепископъ Реймсскій, говорилъ въ Лаонѣ, во Франціи. Взявъ въ текстѣ слова Апостола: Servi, subditi estote in omni timore dominis, Архіепископъ сказалъ между прочимъ: «Вы рабы, и посему будьте со страхомъ покорны господамъ своимъ; если кто изъ васъ соблазняется въ повиновеніи своемъ ихъ суровостью, ихъ скупостью, помните святыя слова: повинуйся не только доброму и благому, но и жестокому и строптивому. Посему-то наша Церковь предаетъ проклятію (damnantur anathemate) всякаго, кто побуждаетъ рабовъ не слушаться господъ своихъ, тѣмъ-же паче противиться имъ силою (Scr. rer. franc. т. XII, стр. 257). Эти *рабы* были свободные жители несчастнаго города Лаона!

(150) Говоря о томъ, что *Русская Правда* не есть уложеніе, данное Новгороду Ярославомъ, (т. I. стр. 270), *а сборъ законовъ, составленный въ разныя времена, изъ разныхъ источниковъ, разными людьми,* мы доказывали это разностью списковъ Русской Правды, противорѣчіями въ одномъ и томъ-же спискѣ,

Собранные въ Новгородѣ законы заключали въ

и вообще образомъ составленія законовъ въ Среднія времена. Для увѣренія въ послѣднемъ, отсылаемъ читателей къ превосходному творенію Берлинскаго Профессора Савиньи: Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. Тамъ они могутъ найдти исторію Русской Правды въ исторіи законовъ Западной Европы въ Среднія времена; тамъ открываются такіе-же пояснительные факты для законовъ древней Руси, какіе находили мы, поясняя Исторіею Феодализма и Общинъ городскихъ въ Западной Европѣ, Исторію Удѣловъ и Новгорода. Почему, сами Новгородцы, не только другіе древніе Руссы, почитали Правду уставомъ Ярослава, легко можемъ изъяснить, зная уже политическія мнѣнія древней Руси. Мы старались привесть ихъ въ извѣстность и ясность для читателей нашихъ. И засимъ сомнѣвающихся, прошу читать *Исторію и изъясненіе Салическихъ законовъ*, сочиненіе изданное Г-мъ Віардосо (Бременъ 1808 г.). Есть еще люди, вовсе отвергающіе древность Русской Правды. Они видятъ въ ней уложеніе, въ позднѣйшія времена, послѣ Ярослава составленное; такимъ людямъ надобно прежде всего забыть слово: *Уложеніе*, и замѣнить его словомъ: *Сборникъ*. Тогда они увидятъ всю нелѣпость предположенія своего. Пусть сообразятъ они простоту, грубость, малосложность Русской Правды, и идутъ отъ нея постепенно до Судебника и Уложенія; они поймутъ постепенность переходовъ, которой не знали наши лѣтописцы, но мы знаемъ, и должны знать. При такомъ наблюденіи легко будетъ убѣдиться, что въ Русской Правдѣ соединены древнѣйшіе Скандинавскіе, Германскіе и отчасти Славянскіе законы, съ уста-

себѣ слѣдующія постановленія (151).

новленіями Русскихъ Князей и Новгородскаго Вѣча, до самаго XIII-хо вѣка, отъ коего остался намъ древнѣйшій списокъ Русской Правды.

(151) Мы беремъ въ основаніе древнѣйшій списокъ *Русской Правды*, сохранившійся въ Новгородской Кормчей, хранящейся нынѣ, въ Синодальной библіотекѣ. Съ него напечатана Русская Правда, вѣрнымъ, палеографическимъ образомъ, въ *Русскихъ Достопамятностяхъ*, К. Ѳ. Калайдовичемъ (Ч. I, стр. 28, 58). Прилагаю сей драгоцѣнный памятникъ древности, вполнѣ, въ концѣ сего тома (см. *Дополненіе IX-е*). Кажется, что всѣ другіе, напечатанные списки суть или сокращенія, или съ позднѣйшими дополненіями доставшіеся намъ списки. Для систематическаго изъясненія Русской Правды, я измѣняю древній порядокъ статей, и располагаю ихъ по своему. Древнее расположеніе ихъ было произвольное и безпорядочное; съ этимъ согласиться должно при первомъ взглядѣ на Русскую Правду. Общіе выводы систематическаго разсмотрѣнія Русской Правды, см. далѣе. Прежде всего надобно узнать самый предметъ. — Печатныя изданія Русской Правды исчислены въ I-мъ томѣ *Исторіи Русскаго народа*, (стр. 271); въ семъ исчисленіи пропущено, что нѣсколько разъ печатали ее въ разныхъ лѣтописяхъ, какъ-то, въ *Софійскомъ Временн.* изданн. П. М. Строевымъ. (М. 1820 г. Ч. I, 111-129).

Законы уголовные.

I. Кровь требует крови, и убійца подвергается мщенію ближних убитаго, которые могут убить его, наблюдая слѣдующій порядок: *первый* мститель—брат; *второй* — отец; *третій* — сын; *четвертый* — сын брата (племянник по брату); *пятый* — сын сестры (племянник по сестрѣ), без различія званій и чина(152).

---

(152) Вѣроятно, это был *древнѣйшій обычай Славян*, ибо мщеніе кровью за кровь, столь страшное у Скандинавов, было повсюдно на Востокѣ, и у других многих народов: оно существовало у Евреев, Арабов, Персов, Кавказских народов, также Абиссинцев, Греков (см. Эрша и Грубера, Allg. Encyclopädie, т. XI, стр. 89—93). Варяги, напротив, обратили сей обычай в свою пользу, опредѣлив виру, сначала с условіем: «*иже не будет кто мстя,*» так же как их собратія и Германцы установили в Англіи и Франціи, гдѣ Wehrgeld мог оплатить смерть Епископа, Барона, даже Короля, (см. Юмову, The History of England, ч. I, приб. 1.). Если Владимір и в самом дѣлѣ отмѣнил было виры, введя смертную казнь, то вскорѣ увидѣл, по совѣту духовных и старцев (десятина из доходов шла духовенству), что виры необходимы, а дѣти Ярослава рѣшительно запретили мщеніе за кровь (Bluthrache), и уставили виры: «отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, яко же Ярослав судил, тако же и сынове его уставиша.»

II. *Если-же мстителей не будетъ,* то убійца платитъ въ Княжескую казну *виру*, плату за голову. — Полная вира составляетъ 40 гривенъ (153).

Ктобы ни былъ убитый: Руссъ, Изгой, Славянинъ, если только онъ купецъ, людинъ, гридинъ, *боярскій тіунъ,* метникъ, княжескій отрокъ, конюхъ, поваръ, взносится полная вира (154).

---

(153) Ибо ниже сказано при вирѣ за женщину: «*полъ-виры*, 20 гривенъ.»

(154) *Изгой,* Чухна (Бар. Розенкампфа, *Обозр. Кормч. книги,* стр. 228): это Латышское слово, и значитъ: *выходецъ*, ибо Изгои были поселены въ Новгородѣ (см. Карамзина, *Ист. Г. Р.* т. II, прим. 108, гдѣ Изгоямъ опредѣляется настилка части мостовой). Карамзинъ думалъ, что за всѣхъ *свободныхъ людей* платили полную виру, читая, безъ порядка поставленныя слова: « Аще ли будетъ Русинъ, любо гридь, любо купецъ, любо тіунъ бояресkъ, любо метникъ, любо Изгой, любо Славянинъ, то 40 гривенъ положите занъ. » Но здѣсь разумѣется, что за *гридина*, *купца*, *тіуна боярскаго* и *метника* — будутъ-ли они *Руссы, Чухны, Славяне,* платить 40 гривенъ, а не то, что бы *за всякаго свободнаго человѣка* платить полную виру. Далѣе видимъ, что за муку огнищанина взималось 12, за муку смерда только 3 гривны; имѣніе послѣ безсыновнаго смерда шло въ казну, а послѣ боярина не шло; слѣдственно: не было равенства гражданскихъ правъ между свободными званіями, хотя смерды

Но если онъ былъ княжій мужъ, или княжій тіунъ, или огнищный тіунъ, взносится двойная вира, 80 гривенъ.

Если-же онъ былъ *сельскій тіунъ*, княжій или ратный, или ремесленникъ, 12 гривенъ.

За рядовича всякаго, за смерда и холопа 5 гри-

были и не рабы. Вѣроятно, что смерды были жители не городовъ, а селеній, и потому не имѣли преимуществъ, коими пользовались горожане. Въ слѣдующей статьѣ: *о убійствѣ*, сказано, что за людина взимается 40 гривенъ; но *смердъ* былъ-ли *людинъ* (liude)? Притомъ, *дикая* вира не то, что *простая вира*. Чтеніе въ смыслѣ противномъ, принудило Карамзина почесть половину статьи: *О Княжи отроцѣ*, и всю статью: *О ремественницѣ*, относящеюся только къ рабамъ. Но, читая первыя статьи Русской Правды сряду, мы видимъ, что это несправедливо, ибо пояснивъ: простую *виру*, *дикую виру*, *поклоны вирные*, далѣе объясняютъ: *малыя виры*, плату *за сверженіе виръ*, и переходятъ къ *поболхъ*, и ни изъ чего не выходитъ, что бы сіи малыя виры были *уроки господамъ за убіеніе рабовъ и рабынь*, и что бы статьи объ оныхъ только къ рабамъ относились. — Въ одномъ спискѣ Русской Правды (изд. Шлецера), вмѣсто: *тіунъ боярескъ*, сказано: *ябедникъ*. Это значитъ, какъ говоритъ Бар. Розенкампфъ, должностной человѣкъ, имѣющій порученіе, и происходитъ отъ Скандинавскаго am-bjonda, aembed (ябеда), тоже, что Нѣмецкое amt, отъ чего Amtmann, или по Латыни ambactus (см. *Об. Кормч. книги*, стр. 314).

вень; но за дядьку и кормилицу, хотя бы онъ, или она были рабскаго званія, 12 гривенъ.

За женщину рабу взносится 6 гривенъ, и вообще *половина платы* за всякую женщину свободнаго состоянія, противъ той платы, какую за мужчину того-же состоянія платить опредѣлено. Если женщина была ремесленница—12 гривенъ.

Но, *въ послѣдствіи уставлено*, что за раба и рабыню *виры нѣтъ*; но если рабъ или рабыня убиты безъ вины, то убійца платитъ цѣну ихъ господину, и взноситъ въ казну Княжескую 12 гривенъ *продажи* (155).

---

(155) Такъ я читаю слова: «Въ сельскомъ тіунѣ, Княжи и ратайнемъ, 12 гривенъ, *а за рядовича* 5 *гривенъ, также и за боярескъ* (т. е. раба боярска), а за ремьственника и за ремьственницу по 12 гривенъ, *а за смерди и холопъ* 5 *гривенъ*, а за рабу 6 гривенъ, а за кормильца 12 гривенъ, и за кормилицу, *хотя си буди холопъ или раба*.» Полагаю, что слова: «А за смерда и холопа 5 гривенъ,» есть повтореніе словъ: «а за *рядовича* 5 *гривенъ, тако-же и за боярескъ*.» Примѣровъ такого рода повтореній найдемъ много и въ нынѣшнемъ приказномъ слогѣ. Возразятъ: неужели рабъ цѣнился *на равнѣ съ смердомъ*? Почему-же нѣтъ? — *Людины, купцы, огнищане* отличались, а *смердъ* могъ считаться на ряду съ рабомъ, если и не согласимся, что имя его происходило отъ глагола: *смердѣть*. У Франковъ полагалось 200 су за простаго Франка, 100 за туземца Галліи, владѣтеля земли, и 45 за

III. Если кто будетъ убитъ въ общей дракѣ, убійца убѣжитъ, вервь заступится за головника, и преслѣдовать его не будетъ, то должна платить *дикую виру,* т. е. *двойную* виру, въ срокъ на нѣсколько лѣтъ, ибо платитъ ее безъ головника. Но если убійца не убѣжитъ, то половину платитъ убійца, половину вервь и въ сей половинѣ виновный платитъ свою часть.

туземца Галліи, *податнаго человѣка, или пахаря чужой земли* (не раба однакожъ, но un tributaire ou cultivateur de la propriété d'un autre); въ Англіи за *тана* платили 1,200 шиллинговъ, а *Керля, или Серля,* 200 шиллинговъ (см. Галлама, L'Europe au moyen âge, т. I, 170, II, 11). Керли не были рабы, но, такъ называвшіеся иначе, villani и bordarii. Вотъ наши *смерды* (ceorls)! — За смерть рабовъ платили-же въ казну только не *виру,* а *продажу*: отличіе важное, ибо *продажа* значило *пеню за меньшее преступленіе,* и вѣроятно, что бѣдные смерды радовались, когда въ послѣдствіи за смерть ихъ взносилось 5 гривенъ, но только *виры,* а за раба платилось 12 гривенъ, но — *продажи*! Честолюбіе человѣческое странная загадка: какой Французскій дворянинъ не приходилъ въ отчаяніе, когда опредѣлялось повѣсить его, какъ простолюдина, а не отрубить ему голову, какъ дворянину! Отъ нашего предположенія неравной виры за граждань свободныхъ, смотря по ихъ званіямъ, и уравненія виры за смерда и раба, распадается одно изъ доказательствъ Карамзина, что Варяги были *призваны,* а *не покорили* Славянъ (Карамзинъ, т. I, стр. 66). . Чтожь дѣлать!

Но, кто убилъ кого въ частной ссорѣ, или на пиру, то платитъ самъ за себя, безъ участія виры.

IV. Если вервь за убійцу не заступится, и самъ онъ платить виры не можетъ, то отдастся Князю на потокъ и разграбленіе съ женою и съ дѣтьми (156).

---

(156) Вотъ важныя, хотя чрезвычайно темныя статьи. Прошу читателей внимательнѣе разсмотрѣть ее въ текстѣ Русской Правды. *Какъ я* понимаю ее, это видно изъ моего перевода; цѣль сей статьи я объяснялъ въ I-мъ п. (стр. 80). Карамзинъ, мнѣ кажется, рѣшительно не понялъ сей статьи, и изъяснялъ ее неудовлетворительно и превратно. «Аже, кто убьетъ Княжя мужа *въ разбои*,» онъ перевелъ: «Ежели кто убьетъ человѣка въ ссорѣ или въ пьянствѣ, и скроется,» т. е. онъ соединилъ слѣдующую послѣ статью: «Оже будетъ убитъ, или въ свадѣ, или въ пиру явлено.» Положимъ, что «головника не ищутъ,» значитъ: *скроется*, а не то, что «*скрывшагося не хотятъ искать,*» за что-жь было платить верви, когда головникъ *не скрылся* (будетъ головникъ въ верви)? За то, отвѣчаетъ Карамзинъ, что убійство сдѣлалось *въ ссорѣ* или *въ пьянствѣ*, и прибавляетъ: «Законъ весьма благоразумный въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченнаго виномъ или ссорою, онъ побуждалъ всякаго быть миротворцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не платить вмѣстѣ съ виновнымъ.» Но развѣ убійство *безъ ссоры* могло быть? Было по мнѣнію Карамзина, и за него-то отдавали на потокъ

V. Безусловно на потокъ и разграбленіе отдается зажигатель гумна, или дома; но прежде сего взимаются съ него убытки хозяину дома или гумна. Также безусловно отдается на потокъ человѣкъ, укравшій коня (157).

VI. Если кто кому либо нанесетъ рану, и сей умретъ отъ оной, то считать убійствомъ, и взимать виру.

VII. Кто отрубитъ у кого либо руку, или ногу, или такъ ранитъ, что рука или нога усохнетъ, также кто вышибетъ глазъ, платитъ Князю полвиры, и раненому 10 гривенъ.

и разграбленіе. Карамзинъ самъ дивится всему этому и восклицаетъ: «*уставъ жестокій и несправедливый!* (см. *Ист. Гос. Росс.* т. II, стр. 49).

(157) «Не думаю, что бы народъ могъ дѣйствительно разграбить его имѣніе: гораздо вѣроятнѣе, что оно шло въ казну,» говоритъ Карамзинъ (Ист. Гос. Росс. т. II, пр. 72). Эверсъ объяснилъ изъ Шведскихъ законовъ, что *потокъ* и *разграбленіе* значило конфискацію имѣнія, и отдачу въ рабство Князю, ибо *рабы Княжескіе* были отдѣльны отъ его *подданныхъ.* Разумѣется, что если нечѣмъ было заплатить виры, рабство Князю было условіе закона. — Конь ѣзжалый, военный, цѣнился весьма дорого: сличите цѣну за покражу другихъ животныхъ, неѣзжалаго жеребенка и кобылу. У Саксоновъ за кражу воинскаго коня казнили смертью. Донынѣ ужаснѣйшее оскорбленіе назвать Русскаго крестьянина *конокрадомъ*: это слѣды древности.

VIII. Всѣ другія преступленія наказываются не вирою, но *продажею*, взносимою въ казну Князя, а именно, за побои:

Кто ударитъ другаго мечемъ въ ножнахъ, или рукоятью меча, батогомъ, чашею, рогомъ, *тылѣснею* (?), продажи (за обиду) 12 гривенъ.

Кто вырветъ часть бороды, такъ, что виденъ будетъ признакъ сего, продажи 12 гривенъ; кто выбьетъ зубъ, такъ, что кровь видна будетъ, продажи 12 гривенъ и гривна раненому.

Кто ранитъ другаго мечемъ, не смертельно, продажи 3 гривны, а гривна раненому на излеченіе (158).

Кто поранитъ другому палецъ, продажи 3 гривны, и гривна кунъ раненому.

Кто ударитъ другаго до крови, или до синяго пятна, продажи 3 гривны.

Кто толкнетъ другаго, къ себѣ или отъ себя, ударитъ въ лицо, или ударитъ палкою, продажи 3 гривны.

IX. Кто отплатитъ ударомъ за ударъ, хотя бы и мечемъ, суда не давать. — Кто самъ начнетъ драку и будетъ прибитъ, тотъ самъ виноватъ что началъ, и суда нѣтъ (159).

---

(158) Явное противорѣчіе съ статьею, которая за ударъ мечемъ въ ножнахъ полагала 12 гривенъ.

(159) «То ему за платежъ, оже и били.»

X. Если рабъ ударитъ свободнаго человѣка, господинъ долженъ заплатить за него продажи 12 гривенъ, или выдать его обиженному, который имѣетъ право убить раба (160).

XI. Продажи за разныя своевольства:

Кто обнажитъ мечъ, хотя и не ударитъ, продажи гривна кунъ.

Зачинщикъ брани платитъ продажи 60 кунъ.

Кто ѣздилъ на чужомъ конѣ безъ дозволенія хозяина, продажи 3 гривны (161).

Если смердъ мучитъ смерда безъ Княжескаго слова, продажи 3 гривны, и за муку смерду гривна кунъ.

Кто мучитъ огнищанина, продажи 12 гривенъ и за муку огнищанину гривна.

XII. Продажи за причиненіе убытковъ:

Кто порчею уморитъ у кого либо скотину,

---

(160) И за тѣмъ обиженный имѣлъ право, встрѣтивъ раба, убить его. Но послѣ Ярослава велѣно было только брать съ него гривну кунъ, или бить сколько угодно.

(161) Всеобщій законъ у Германцевъ и Скандинавовъ. По этому заключали, что Русская Правда взята отъ Скандинавовъ (Шлецеръ *Нест.* Рус. пер. I. 325). Эверсъ доказалъ, что то же было у Ютовъ, Салійскихъ и Рипуарскихъ Франковъ (*Предв. Изслѣд.* т. I, стр. 91).

продажи 12 гривенъ и гривна *урока* за пакость (162).

Кто перервешъ веревку въ перевѣсѣ, продажи 3 гривны, и обиженному гривна кунъ.

Кто похишишъ борть, или испортишъ ее, перекопаешъ межу бортную, запашешъ межу ральную, перегородишъ шыномъ межу дворную, срубишъ дерево межное, продажи 12 гривенъ.

Если при томъ останутся слѣды, вервь обязана искать вора, или платить продажу (163).

---

(162) « Пакощами порѣжетъ конь, или скотину, то продажа 12 гривенъ, а за пагубу гривна урокъ платити. » Кажется, что рѣчь идетъ о *порчѣ* скота, столь извѣстной у насъ донынѣ въ простонародіи, и приписываемой колдовству. Карамзинъ думалъ, что это значитъ: *умышленно зарѣзать*, и прибавилъ нравоучительное размышленіе: « Злоба безчестила гражданъ, » и проч. (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 53).

(163) Карамзинъ (*Ист. Г. Р.* т. II, 53, и прим. 80) читалъ: *бобрѣ*, вмѣсто *борть*, ибо кромѣ принятаго нами въ основаніе списка, въ другихъ стоитъ: *бобрѣ*; но можно-ли было за бобра платить 12 *гривенѣ*? Притомъ, далѣе въ сей статьѣ идетъ рѣчь о борти и межевыхъ деревьяхъ. О бортѣ ниже сказано еще: « Аще борть *подьтнеть*, то 3 гривны продажи, а за дерево полъ-гривны » : противорѣчіе съ закономъ, коимъ тотъ кто *украдетѣ*, *раззнаменаетѣ*, *перетнетѣ* борть, или замѣченное дерево, платитъ 12 гривенъ. Борть значило дерево съ значкомъ. Карамзинъ внесъ

XIII. Продажи за воровство и грабежъ:

1. Кто поймаетъ вора на мѣстѣ преступленія, будетъ-ли то клѣтный, или другой какой-либо, имѣетъ право убить его, если не можетъ взять живаго, и за убійство нѣтъ виры и отвѣта, а воръ погибаетъ, какъ собака (164).

2. Если-же воръ пойманъ, то его не убивать, но вести на Княжій дворъ.

3. Если люди видѣли вора уже пойманнаго, а потомъ онъ окажется убитъ, то убившій платитъ *продажи* 12 гривенъ.

4. За всѣ воровства, кромѣ кражи коня, взыскивается продажа (165), а именно:

За украденнаго раба продажи 12 гривенъ, и цѣна раба хозяину.

За покражу челнока 8 кунъ; ладьи 60 кунъ; струга гривна; ладьи набойной 2 гривны; морской ладьи 3 гривны.

оба закона въ текстъ свой, и полагаетъ на 53-й страницѣ II-го т. *Ист. Г. Р.* за стесаніе бортныхъ знаковъ 12 гривенъ, а на 54-й за ссѣченіе самой борти только 3 гривны!

(164) *Клѣть* значила вообще комнату; въ текстѣ сказано: «убьютъ въ пса мѣсто.» —

(165) Но, заплативъ продажу и цѣну, или *урокъ*, должно-ли было возвращать краденое? Кажется, что возвращеніе краденаго избавляло отъ урока, ибо въ одномъ мѣстѣ именно говорится, что при возвращеніи не i одномъ слѣдовало за ущербъ доплачивать.

За украденнаго въ перевѣсѣ сокола, или ястреба, 3 гривны и хозяину гривна (166).

За выдерку улья 3 гривны продажи; если притомъ былъ медъ, прибавляется 10 кунъ; если былъ *олекъ*, 5 кунъ (167).

За воровство клѣтное, выводъ скотины изъ

---

(166) Соколъ и ученый ястребъ цѣнился чрезмѣрно дорого, слѣдственно, онъ составлялъ важную принадлежность знатныхъ. Соколиная охота была страсть, роскошь знатныхъ Скандинавовъ, Германцевъ, Франковъ (см. Галлама, L'Europe au moyen age, т. IV, стр. 144). Отнятіе сокола за долгъ считалось безчестіемъ должника; у дворянина даже запрещалось отнимать его; цѣны соколовъ были безмѣрныя; бывали даже сильныя сраженія за соколовъ. Карамзинъ полагалъ, что большою цѣною соколовъ — « законодатель хотѣлъ *обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицелововъ въ ихъ промыслѣ* (Ист. Г. Р. т. II, стр. 54)!! — Голубиная охота осталась и донынѣ страстью Русскихъ простолюдиновъ; потому и за голубей, вѣроятно ученыхъ, была цѣна огромная. И донынѣ есть голуби, продаваемые весьма большою цѣною. Странная охота сія состоитъ въ томъ, что заставляютъ голубей летать разными образами; это называется: *гонять голубей*.

(167) « Аже бчелы выдеретъ, то 3 гривны продажи, а за медъ, оже будутъ бчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ-ли олекъ, то 5 кунъ.» Слѣдственно пасѣки были въ лѣсахъ, а ульи просто въ дуплахъ деревъ. Что такое: *олекъ*?

хлѣва, похищеніе жита изъ гумна, или ямы, 3 гривны и 30 кунъ. Если воръ былъ не одинъ, то каждый изъ участниковъ платитъ по столь-ку; сіе разумѣется о продажахъ и за другія воровства.

За покражу на полѣ овцы, козы, кобылы, свиней, продажи 7 кунъ; вола и жеребца неѣзжалаго гривна; коровы 40 кунъ; третьяка 30 кунъ; *лонщины* полъ-гривны; теленка и свиньи 5 кунъ; поросенка и барана 1 ногата; коровьяго молока 5 ногатъ (168).

5. Всѣ сіи наказанія касаются только свободныхъ людей; но рабъ, Княжій, боярскій и церковный, продажею не казнится, какъ рабъ, но платитъ за него господинъ, вдвое противъ свободнаго, или отдаетъ раба истцу. Если будетъ доказано, что жена или дѣти его знали или хоронили украденное, господинъ платитъ за нихъ особо, или отдаетъ ихъ вмѣстѣ съ рабомъ.

---

(168) Эта статья доказываетъ, что на потокъ и разграбленіе отдавался воръ коня *ѣзжалаго, военнаго*. Впрочемъ, есть противорѣчащая сему статья, гдѣ сказано, что за кражу Княжаго коня полагается 3 гривны, « а за инѣхъ 2 гривны. » *Лонщина* значитъ: годовикъ; въ Сибири донынѣ говорятъ: *лонись* (нарѣчіе, значитъ: *въ прошломъ году*).

Платежъ господина за украденнаго рабомъ коня 2 гривны (169).

6. Люди свободные, участвовавшіе въ воровствѣ съ холопомъ, или скрывшіе украденное имъ, идутъ въ продажу своимъ чередомъ.

---

(169) Здѣсь соединяются три статьи, вѣроятно, разновременныя: цѣна коню это доказываетъ. Видимъ, что господа продавали рабовъ и распоряжали ими, отдѣляя отъ семействъ. Словами: « *рабъ Княжій, боярскій или церковный* « перевожу слова: « холопи, любо княжи, любо боярски, любо *черньчи.* » Карамзинъ полагалъ, что *черньчи*, значитъ: *рабы смердьи*, т. е. простыхъ людей: » Ихъ-же, безъ сомнѣнія, называли и черньчими или холопями черни » (*Ист. Г. Росс.* т. II, прим. 86). Но гдѣ доказательства? Выше говорили мы о смердахъ, какъ о непользовавшихся полною вирою, и напротивъ явно, что вира полагалась за нихъ на ряду съ рабомъ, слѣдственно, все предположеніе о *рабахъ смердовъ* исчезаетъ. Понятіе-же, что *черньчи* значитъ: *чернечій, чернцу принадлежащій*, всего вѣрнѣе и ближе. Въ другихъ спискахъ Русской Правды именно сказано: *чернечьскы* (Соф. Вр. Строева, т. I, стр. 116).

Законы гражданскіе

I. *О долгахъ.*

---

1. Если кто взялъ куны въ долгъ, и потомъ запирается въ нихъ, то обвиняющій долженъ представить свидѣтелей, и если свидѣтели присягнутъ, то, кромѣ возвращенія долга, за обиду (170) виновный платитъ 3 гривны.

Если куны даны были купцомъ и купцу, для покупки и торга (171), то свидѣтелей не требуется, и только запирающійся долженъ присягнуть.

Если-же куны отданы были на сохраненіе, и обвиняемый запирается, или отдававшій обвиняетъ, что ему не все вѣрно возвращено, то обвиняемый присягаетъ, и свидѣтелей не требуется (172).

---

(170) «За неже не далъ ему за много лѣтъ, «слѣд. дѣло идетъ о нѣсколько-лѣтнемъ долгѣ.

(171) «Въ куплю или въ гостьбу.» Для купеческихъ долговъ уменьшены были судебные обряды: это признакъ Новгорода.

(172) *Поклажаи*: сохраненіе, поклажу. — Изъясненіе, почему опредѣлялась такая умѣренность: « За неже (хранившій) ему болою дѣлъ (дѣлалъ) и хоронилъ товаръ его.»

Но, если кто далъ что либо другому, получая съ него прибытокъ (куны изъ процентовъ, медъ въ наставъ, жито въ присыпъ) то требуются свидѣтели непремѣнно; впрочемъ, при долгѣ такого рода, если онъ данъ былъ деньгами, не болѣе 3 гривенъ, можно обойдтиться и безъ свидѣтелей, съ присягою истца. Но долгъ болѣе 3-хъ гривенъ требуетъ свидѣтелей непремѣнно, и истцу суда не давать, ибо онъ самъ виноватъ, что свидѣтелей у него нѣтъ (173).

---

(173) Слѣд. отдававшій въ процентъ пользовался меньшими противъ другихъ удобствами. Изъясненіе, почему за неимѣніемъ свидѣтелей, при долгѣ болѣе трехъ гривенъ, суда не давать, за присягою: «рещи ему тако: *промиловалъ еси, оже еси не ставилъ послуховъ.*» Странно: почему отдача изъ *барыша*, всюду, до знаменитаго Бентама, перваго защитника процентовъ, считалась грѣхомъ и неправеднымъ нажиткомъ? Это изъясняется, если не ошибаюсь, сущностью дѣла и соображеніемъ нравовъ каждаго первобытнаго народа. Трудъ капитала не поставлялся ни во что; требовался личный трудъ, и деньги при томъ не считались товаромъ. Въ Среднія времена еще болѣе обезславило проценты то, что Жиды занимались ими преимущественно. Такихъ предразсудковъ всегда и вездѣ найдемъ довольно. Что древніе Руссы почитали *рѣзоимство* грѣхомъ, видимъ множество доказательствъ. «Мзды не емлите и въ лихву не дайте,» говоритъ Лука Жидята, исчисляя главнѣйшіе грѣхи (*Русск. Достоп.* ч. I, стр. 10). Рѣзоимецъ не могъ быть избранъ ни въ священники, ни въ діаконы.

2. Если кто взялъ чужое въ долгъ, и утратилъ его неотвратимымъ случаемъ, на водѣ, отъ огня, отъ войны, платитъ въ сроки, ибо онъ не виноватъ, и пагуба была по Божіей волѣ.

3. Но, кто взявъ чужое въ долгъ пропилъ, *пробилъ*, или отъ неразумѣнія утратилъ, воля заимодавцевъ разсрочить, или взять у него все, и его самого продать.

4. При многихъ заимодавцахъ, уплата долга изъ имѣнія должника производится слѣдующимъ порядкомъ:

Прежде отдать иногородцу и чужеземцу, ибо они, давая въ долгъ, менѣе способовъ имѣли знать состояніе должника; потомъ вычесть, если есть, казенный долгъ; за тѣмъ остальное отдать заимодавцамъ того мѣста, гдѣ живетъ должникъ(174).

Кто много бралъ съ должника процентовъ, тотъ лишается участка въ дѣлежѣ (175).

---

(174) *Гость изъ иного города, или чужеземецъ*, слѣд. не только *иностранецъ*, какъ говоритъ Карамзинъ (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 59). Изъясненіе, почему давалось такое преимущество: « не вѣдая (что онъ уже долженъ) запуститъ зань товаръ. »

(175) Въ послѣдствіи это было пояснено, при Владимірѣ Мономахѣ и Олегѣ Черниговскомъ, и установлено: « кто возьметъ процентами *тройную сумму* противъ отданнаго капитала, тотъ лишается долга.

5. Проценты по 10 кунъ въ годъ на гривну, почитаются законными (176).

Кто взялъ деньги на мѣсяцъ, но возвратилъ ранѣе мѣсяца, не смотря на то платитъ за мѣсяцъ; если-же время продолжилось болѣе мѣсяца, то считать третью года.

6. Всѣ сіи постановленія касаются только свободныхъ людей; рабъ не имѣетъ права брать

(176) Если 25 кунъ составляли гривну, то законные проценты были 40 на 100; не дивимся этому: при малости капиталовъ въ Среднія времена проценты были всюду безмѣрные. Въ Италіи, не смотря на установленіе $12\frac{1}{2}$, въ XIII вѣкѣ доходили проценты до 20; во Франціи, указомъ Филиппа Прекраснаго, 1311 года, было положено 20, а въ Англіи, при Генрихѣ III-мъ платили по 10 за каждые два мѣсяца (*Галламъ*, L'Europe au moyen age, т. IV, 193). Изъ процентовъ отдавались не однѣ деньги, но и медъ *въ наставъ*, жито *въ присыпъ*, скотина *въ приплодъ*: были-ль установлены на это проценты? Были, и поелику любопытныя установленія объ этомъ объясняютъ древнее скотоводство, земледѣліе, и могутъ показать разсчеты владѣтелей земель съ закупами, или наемщиками и половинщиками, также разсчеты опекуновъ, при сдачѣ имѣнія малолѣтныхъ, мы прилагаемъ выписку разсчета, сохранившуюся въ *Софійскомъ Временникѣ* (изд. П. М. Строевымъ, ч. I. стр. 117); см. *Дополненіе* X, въ концѣ тома.

въ долгъ, и кто далъ ему, суда не имѣетъ (177).

Но рабъ можетъ торговать съ позволенія своего господина, и въ семъ случаѣ господинъ отвѣчаетъ за долги его, или лишается раба, котораго должники могутъ продать (178).

Если-же рабъ обманомъ возьметъ въ долгъ, сказавшись незнающему его свободнымъ человѣкомъ, то господинъ платитъ за него, или отдаетъ раба обманутымъ заимодавцамъ.

Если бѣглый рабъ добылъ товаръ, то, по сыскѣ его, господинъ платитъ долгъ раба, и беретъ себѣ и товаръ и раба.

II. *О наслѣдствѣ.*

1. Каждый имѣетъ право при смерти своей распорядиться своимъ имѣніемъ, какъ ему угодно.

---

(177) Донынѣ сохранившееся обыкновеніе; см. примѣч. слѣдующее.

(178) Слѣдственно, въ семъ случаѣ, мы отступили еще въ отношеніи понятій о кредитѣ отъ нашихъ предковъ. Нынѣ, повѣрившій крѣпостному человѣку болѣе пяти рублей, не имѣетъ никакого права взыскивать, если должникъ ему не платитъ, хотя крѣпостные люди *могутъ свободно торговать, записываться въ гильдіи, и имѣютъ полное право требовать долговъ съ свободнаго человѣка*, и посадить его даже въ тюрьму за неплатежъ долга!!

2. Если-же особаго распоряженія не сдѣлано, то получаютъ его наслѣдники мужескаго пола, съ отдачею части по душѣ (179).

3. Если наслѣдниковъ мужескаго пола нѣтъ, то послѣ боярина и гридина наслѣдуютъ дочери, а послѣ смерда имѣніе поступаетъ въ казну (180), при чемъ не замужнимъ дочерямъ дается часть, а замужнія ничего не получаютъ.

4. Дѣти, прижитыя съ рабою, участія въ наслѣдствѣ не имѣютъ, но имъ и матери ихъ дается свобода.

5. Домъ отцовскій всегда достается меньшому сыну (181).

6. Жена беретъ послѣ мужа у дѣтей своихъ часть, и то что ей подарено было мужемъ, но она не наслѣдница по мужѣ.

7. Если умершій былъ женатъ дважды, то дѣти отъ первой жены берутъ только то, что слѣдовало ихъ матери, и что отецъ ихъ подарилъ ей.

---

(179) Слѣдственно, наслѣдники непремѣнно обязаны были за полученіе наслѣдства взносить что-либо въ церковь?

(180) « Аже умретъ смердъ, то задница Князю: » въ другихъ спискахъ именно прибавлено: « умретъ *безъ дѣтей.* »

(181) Противоположность Скандинавскимъ законамъ, коими домъ отдавался старшему сыну.

8. Дочь при братьяхъ не наслѣдница послѣ отца; но если она не за-мужемъ, то братья обязаны по возможности выдать ее за мужъ.

9. Жена послѣ мужа, обязавшись остаться во вдовствѣ, есть опекунша имѣнія до возраста дѣтей. Она имѣетъ право жить въ домѣ своего мужа, и если бы дѣти не были на сіе согласны, то ихъ къ сему припудить. Кромѣ части, и кромѣ даннаго мужемъ, она не имѣетъ права ничего требовать, но сего, законно принадлежащаго ей, есть она полная хозяйка, имѣетъ право отдать его кому захочетъ, можетъ раздѣлить сыновьямъ, и если они оскорбили ее, то дочери, или дочерямъ. Если-же она умретъ не распорядивъ своего имѣнія (182), то наслѣдуетъ тотъ сынъ, который кормилъ ее, и у котораго она жила.

10. Если-же послѣ смерти перваго мужа, жена вышла за другаго, имѣя малолѣтныхъ дѣтей,

---

(182) «А матери, который-же сынъ будетъ добръ, тому-же *дастъ* свое; аще всѣ будутъ ей сынови лихи, а дочери *можетъ дати*, кто ю кормитъ.» Слѣдственно: здѣсь было *непремѣнное условіе*, ограничивавшее произволъ матери, и, вѣроятно, требовался судъ людей, знавшихъ обхожденіе дѣтей съ матерью. Вотъ и подтвержденіе: «*безъ языка-ли умретъ*, то у кого будетъ на дворѣ была, и кто ю кормилъ, *тому взяти.*»

и прижила дѣтей со вторымъ мужемъ, то дѣти ея наслѣдники имѣнію отцовъ своихъ порознь. Если она утратитъ имѣніе первыхъ дѣтей своихъ, то отвѣтствуетъ своимъ имѣніемъ; вотчимъ можетъ быть опекуномъ, но если растеряетъ имѣніе своихъ пасынковъ, дѣти его должны вознаградить своихъ сводныхъ братьевъ вполнѣ. Должно, что бы всѣ сіи дѣла были утверждены свидѣтелями.

11. При выходѣ вдовы за другаго мужа, ближайшій родственникъ перваго ея мужа имѣетъ право вступиться за сиротъ его, и взять ихъ самихъ и имѣніе ихъ себѣ на руки. Вотчимъ избирается опекуномъ съ общаго согласія родни.

Опекунъ, родственникъ-ли это будетъ, или вотчимъ, беретъ все имѣніе малолѣтныхъ передъ свидѣтелями, и по возрастѣ ихъ обязанъ все исправно возвратить: приобрѣтенное-же имъ на имѣніе малолѣтныхъ процентами или торгомъ (*что срѣзитъ или пригоститъ*) остается въ его пользу, за то, что онъ ихъ содержалъ и заботился объ нихъ (*зане кормилъ и печаловался*). Но приплодъ отъ рабовъ, и отъ скота, онъ отдаетъ весь малолѣтнымъ, и за всякую утрату изъ имѣнія, имъ взятаго, и изъ сего приплода, отвѣчаетъ своимъ имѣніемъ.

III. *О рабахъ.*

1. Рабомъ почитается:

а. Тотъ, кого свободный человѣкъ купитъ, хотя-бы то за полгривны, при свидѣтеляхъ, и хотя-бы одну ногату за него далъ.

б. Тотъ, кто женится на рабѣ чьей-либо.

в. Кто безъ условій приметъ на себя должность рабскую (183).

---

(183) Всѣ такія условія дѣлали холопомъ *обѣльнымъ* т. е. полнымъ; но особыя условія при принятіи должности, или при женитьбѣ на рабѣ, составляли исключенія, и потому говорилось: «пойметъ рабу *безъ ряду*, тіунство *безъ ряду*, «и то и другое «*съ рядомъ*», при чемъ полагалось: «како ся будетъ *рядилъ*, на томъ-же *стоитъ*.» — Карамзинъ думалъ, что *закупъ*, «который не выслуживъ срока уходилъ, и послѣ того не могъ доказать, что *ходилъ къ Князю, или судьямъ, искать управы на господина*, дѣлался рабомъ (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 48). Это ошибка. Статья о томъ, что въ случаѣ бѣгства закупа, обѣль (т. е. обѣльный холопъ) можетъ искать суда отъ лица своего господина (т. е. быть его повѣреннымъ), Карамзинымъ и другими читана слѣдующимъ образомъ: «Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, *то обѣль;* идетъ имать кунъ, а явно ходитъ, или къ Князю или къ судьямъ бѣжитъ, *обиды дѣля своего господина*, но про то не робятъ его, *но дати ему правду.*» Смыслъ тотъ: «Аже закупъ бѣжитъ отъ господа (*если наемщикъ убѣжитъ отъ господина*);

2. Купившій чужаго раба, долженъ возвратить его, если настоящій хозяинъ сыщется и потребуетъ. Если купившій присягнетъ, что купилъ раба не за-знаемо, то получаетъ заплаченныя имъ деньги.

3. Если рабъ убѣжитъ, господинъ долженъ объявить объ немъ на торгу.

4. Когда объявленіе на торгу сдѣлано, то никто не имѣетъ права держать у себя раба бѣглаго, не подвергаясь наказанію, а именно: продержавшій раба, хотя три дня, кромѣ выдачи, платитъ въ казну продажи 3 гривны.

Давшій хлѣба рабу, или указавшій ему дорогу, платитъ продажи за раба и за рабу по 5 гривенъ.

то обѣль идетъ искать кунъ (*а обѣльный рабъ будетъ преслѣдовать его за господскій долгъ*), а явлено ходить, или къ Князю или къ судіямъ (*то ему позволяется судиться на Княжескомъ Дворѣ и предъ судіями*), бѣжить обиды дѣля своего господина (*ибо онъ объ убыткѣ, нанесенномъ его господину, старается*), но, про то не робятъ его (*и съ нимъ не поступать, какъ съ рабомъ*, т. е. какъ съ неимѣющимъ права на судъ. *Робить*, быть рабомъ, отъ того: *робые дѣти*), *но дати ему* правду. — Въ Сибири донынѣ сохранился глаголъ: *робить*, въ значеніи глагола: *работать*, и отъ него есть производные: *заробить*, *выробить*, и проч.

5. Если кто видѣлъ и не остановилъ раба, укрывалъ его, или далъ пособіе, и все сіе сдѣлано не за-знаемо, то учинившій сіе ничего не платитъ, но въ невинности своей онъ долженъ присягнуть.

6. Кто поймаетъ бѣглаго раба и извѣститъ господина его, получаетъ за *переемъ* гривну кунъ. Если онъ еще и удержитъ у себя бѣглаго или бѣглую, то получаетъ за раба 4 гривны, за рабу 5 гривенъ, сверхъ переемной гривны.

7. Господинъ отыскиваетъ своего раба; по подозрѣнію у кого либо, не иначе, какъ взявъ воина у Посадника, и заплативъ ему 10 кунъ; сей платежъ производится, если-бы подозрѣніе по обыску оказалось и несправедливо (184).

IV. *О работникахъ.*

1. Кто взялся работать у другаго изъ жалованья, участка, или изъ хлѣба, тотъ не рабъ, но *закупъ*, или работникъ.

2. Кто бьетъ закупа за дѣло, вины нѣтъ; но кто бьетъ его въ пьянствѣ и безъ вины, тотъ платитъ продажу и даетъ обиженному извѣстный урокъ, какъ свободному человѣку.

---

(184) «Шедши увязати и» (т. е. *связать* раба): за это-то *вязебное* платилось отроку, котораго брали у *Посадника*: слѣды Новгорода.

3. Кто продастъ закупа за раба, то не только закупъ свободенъ отъ всего долга, но, за обиду его, продавшій платитъ въ казну 12 гривенъ продажи.

4. Кто обидитъ закупа въ его участкѣ, или жалованьѣ, тотъ долженъ возвратить ему излишне насчитанное, или взятое, и за обиду ему дать 7 кунъ.

5. Если закупъ отдалъ наемщику свой долгъ, а тотъ его отпускать не станетъ, то, возвративъ по суду, платитъ продажи 3 гривны.

6. Если закупъ утратитъ *своего* коня (185) въ полѣ, господинъ ему ничего не платитъ; но за коня, соху или борону хозяйскую, если потерялись въ полѣ, и конь не былъ введенъ во дворъ и конюшню хозяйскіе, закупъ обязанъ платить, кромѣ того, если онъ отлучился отъ нихъ, будучи посланъ на другую работу хозяиномъ. — Если-же конь былъ введенъ въ хлѣвъ, и орудія земледѣльческія положены на мѣсто, закупъ не отвѣчаетъ.

---

(185) *Воискыи* конь; слѣдую Карамзину, переводя это слово: *своего* (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 57), хотя и не увѣренъ въ точности изъясненія. Къ чему послѣ этого сказано: «*то не платити ему*?» Статья темная.

Судопроизводство.

1. Всѣ судныя дѣла производятся на Княжескомъ Дворѣ (186).

2. Въ уголовныхъ дѣлахъ всѣ обвиненія и оправданія доказываются свидѣтелями *(послухами)*.

Изъ сего исключается въ разсужденіи побоевъ, если кто явится на Княжій Дворъ въ крови, или съ синими пятнами, какъ съ явными свидѣтельствами; но поклепъ безъ такихъ доказательствъ, и безъ свидѣтелей, не пріемлется.

3. Свидѣтелей въ тяжбѣ о побояхъ довольно двухъ.

4 Но кто обвиняетъ Варяга или *Колбяга*, долженъ поставить полное ихъ число (187), и свидѣтели должны присягать.

---

(186) И въ Новгородѣ такъ называлось судное мѣсто. Здѣсь не должно разумѣть Двора, *гдѣ живетъ Князь*. Такъ прибавочное: Royale, Impériale, означаетъ только покровительство, принадлежность къ правительству, а не мѣстопребываніе Короля или Императора.

(187) *Полная видока вывести*. Сколько-же? *Семерыхъ*, говоритъ Карамзинъ (*Ист. Г. Р.* т. II, 61). Не смѣемъ подтвердить этого. Слово: *Колбягъ*, Карамзинъ переводитъ: *чужестранецъ*; но въ статьѣ: *О долзѣ*, чужестранецъ замѣнено словомъ: *чужеземецъ*. Имя

5. Судъ въ убійствѣ равенъ для мужчины и женщины.

6. Доказательства невинности, если нѣтъ свидѣтелей, должны быть слѣдующія:

а. Въ малыхъ тяжбахъ, присяга.

б. Въ тяжбахъ, за кои слѣдуетъ продажи не менѣе полугривны золота, правоту доказываетъ *испытаніе водою.*

в. Въ тяжбахъ, за кои слѣдуетъ виры, или продажи болѣе полугривны золота, правоту доказываетъ *испытаніе желѣзомъ* (188).

Варяга, и отношеніе, въ какомъ оно упоминается, показываетъ, что эта статья относится къ началу владычества Варяговъ въ Руси.

(188) Испытаніе водою и желѣзомъ въ судебныхъ дѣлахъ состояло въ томъ, что обвиняемый долженъ былъ вынуть изъ кипящей воды какую либо вещь (крестъ, кольцо), или взять въ руку раскаленное желѣзо. Потомъ завязывали ему и запечатывали руку, и если при осмотрѣ, черезъ три дня (у Руссовъ, кажется, черезъ день. Въ этомъ увѣряютъ слова: *про хожденіе ночное*) рука не разбаливалась, но оказывалась зажившею, такъ, что ожога вреда и боли не причиняла, это доказывало правоту обвиняемаго, хотя-бы и были свидѣтели и присяга противъ него. Говорили, и Карамзинъ подтвердилъ (т. II, пр. 100), что это обыкновеніе перешло къ Руссамъ отъ Скандинавовъ; но Эверсъ доказываетъ, что зная испытаніе желѣзомъ, Скандинавы никогда не испытывали водою (Das ält. Recht der Russen, стр. 339). Испыта-

7. Свидѣтели должны быть люди свободные.

Рабъ пріемлется въ свидѣтели по нуждѣ, если уже нѣтъ свободнаго человѣка, и то не иначе, если онъ *тіунъ боярскій;* если по свидѣтельству раба, обвиняемый подвергнется испытанію желѣзомъ и оправдается, то за муку обвинявшій платитъ ему гривну, но за испытаніе по свидѣтельству свободнаго человѣка ничего не платится.

Закупъ, по нуждѣ, можетъ быть свидѣтелемъ *(за нанявшаго его человѣка?)* въ малой тяжбѣ.

ніе желѣзомъ и водою было у древнихъ Грековъ, у Калмыковъ, Германцевъ, Цельтовъ, и *могло быть* у Славянъ (см. *Ист. Карла V-го*, Робертсона. т. I, прим. XXII). Въ Среднія времена, когда Юриспруденція была въ совершенномъ упадкѣ, испытанія, какъ огнемъ и водою, такъ и другія подобныя имъ, стали почитать *Божіимъ судомъ*, и поставлять ихъ выше всякихъ другихъ судебныхъ доказательствъ. Приведемъ забавный примѣръ: Въ 775 г. положено было рѣшить тяжбу между Архіепископомъ Парижскимъ и Аббатомъ монастыря Св. Діонисія, тѣмъ, что заставили двухъ человѣкъ стоять передъ Распятіемъ, съ распростертыми руками: чей защитникъ скорѣе опустилъ руки, того обвинили. — Въ XI-мъ вѣкѣ рѣшали въ Испаніи споръ о томъ, которая обѣдня лучше, Мозарабская или Папская, исправленная, бросивъ въ огонь списки той и другой обѣдни, и условясь почитать ту лучше, которая не сгоритъ.

8. Рабъ въ дѣлахъ своего господина можетъ быть истцемъ (189).

9. Всякая покупка на торгу, коня, одежды, скотины, должна быть засвидѣтельствована, или *мытникомъ*, или двумя свидѣтелями изъ свободныхъ людей. Безъ сего, если потомъ окажется, что вещь была потерянная, чужая, или украденная, покупщикъ отвѣчаетъ какъ за воровское, за-знаемо купленное.

10. Воръ, пойманный на воровствѣ, ведется къ суду на Княжій Дворъ.

11. О воровствѣ, если воръ и не на лицо, также и о потерѣ, должно объявить на торгу, и кто, зная объявленіе, черезъ три дня не возвратитъ чужаго, отвѣчаетъ.

12. Кто находитъ слѣды украденнаго, тотъ беретъ постороннихъ людей и свидѣтелей (190), и гонитъ по слѣду. Если слѣдъ пропадетъ на *большомъ торгу* (191), или на пустомъ мѣстѣ,

---

(189) См. выше, прим. 183. Впрочемъ не ограничивалось-ли это только ходатайствомъ въ случаѣ бѣгства другаго раба, или закупа?

(190) «Слѣдъ гнати съ чужими людьми и съ послухи.»

(191) Такъ, кажется, должно разумѣть слова: «Аже погубятъ слѣдъ *на гостинци на велицѣ*, а села не будетъ.» На торгу отысканіе происходило особеннымъ образомъ, что видно изъ другихъ статей о воровствѣ, и краденыхъ, или опознанныхъ хозяи-

изслѣдованіе прекращается. Но если слѣдъ доведетъ къ какому селенію, то жители его должны отвести слѣдъ отъ себя далѣе; если-жь они не отведутъ, искать вора не будутъ, или станутъ отбиваться, то имъ платить и цѣну пропажи и продажу (192).

13. Кто свою пропажу, или украденное у него, коня, одежду, скотину, опознаетъ у кого-либо, а тотъ продавшаго ему не знаетъ, но покупку свою законно свидѣтельствовалъ, то по присягѣ свидѣтелей, что вещь принадлежитъ опознавшему оную, тотъ, кто имѣетъ ее, долженъ возвратить прежнему хозяину, но продажи за сіе нѣтъ, и если-бы въ вещи чего либо не доставало, прежній хозяинъ не вправѣ взыскивать недостающаго (193).

14. Если же имѣющій вещь знаетъ того, у кого купилъ оную, или потомъ вспомнитъ, то идетъ на сводъ съ требующимъ оную и продавшимъ ее. Если откроется, что продавшій ее укралъ,

---

номъ вещахъ. Карамзинъ читалъ: *у гостинницы* (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 54). Неужели тогда были *трактиры* по большимъ дорогамъ, и при томъ *большіе* (великіе)?

(192) Татьбу (цѣну, чего стоило украденное).

(193) « А что погибло, того ему (истцу) не искати, а оному (отвѣтчику) жалѣти своихъ кунъ, зане не знаетъ у кого купилъ. »

то платитъ продажу. Но если и сей также купилъ, то сводъ идетъ далѣе, до конца. Когдаже сводъ пойдетъ изъ города, то окончитъ его на третьемъ лицѣ, которое платитъ продажу и недостающее въ вещи. Сіе третье лицо имѣетъ право идти за городомъ, изъ селенія въ селеніе, до конца, и взыскивать продажу и цѣну вещи, имъ заплаченныхъ.

15. Такой сводъ дѣлается и при находкѣ украденнаго раба; но если-бы рабъ переходилъ черезъ многія руки, то настоящій хозяинъ идетъ только до третьяго лица, и сіе третье лицо должно на время выдать ему въ замѣну своего раба; поелику рабъ не вещь, не льзя сказать: не знаю у кого купилъ (194), то третье лицо идетъ съ нимъ до послѣдняго лица, или настоящаго вора, и сей платитъ продажу; тогда рабъ отдается настоящему хозяину, а взятый имъ на время, въ замѣнъ, возвращается по принадлежности.

16. Всѣ дѣла, уголовныя и гражданскія, производятся судіями, или чиновниками, для того поставленными.

17. Сіи чиновники получаютъ отъ виръ, продажъ, присягъ, испытаній желѣзомъ и водою, дѣ-

---

(194) « То есть не скотъ, не льзя рещи: « не вѣдѣ у кого есмь купилъ, » но по языку идти до конца. «

лежа наслѣдства, если дойдетъ до суда, извѣстную плату (195).

Подробный разборъ сего драгоцѣннаго памятника древняго законодательства, что̀ можетъ прибавить къ другимъ свѣдѣніямъ о бытѣ и общественной жизни Руссовъ? Поясняя отношенія между повелѣвавшими и повелѣваемыми, показывая то, чего не передаютъ лѣтописцы — сущность образованія общественнаго, онъ служитъ повѣркою другихъ нашихъ замѣчаній. Видимъ, что онъ оправдываетъ ихъ, и выводимъ:

---

(195) Мы говорили уже о чиновникахъ уголовныхъ и гражданскихъ (прим. 88), также и о платѣ имъ, или *поклонахъ, перекладахъ, сметныхъ, ссадныхъ* платежахъ (прим. 81). Прибавимъ здѣсь, что отрокъ Княжескій (*дѣтскій*; кажется, отъ слова: *дѣтинецъ* — городокъ или крѣпость, ибо воины Княжескіе жили въ городкахъ), позванный къ разбирательству спора о наслѣдствѣ, бралъ съ тяжущихся гривну кунъ. — Изложивъ подробно Русскую Правду, должно прибавить, что мы не выставляли варіантовъ оной изъ разныхъ списковъ, также прибавокъ явно новыхъ, и не отмѣчали различій между списками, ибо все это завело-бы насъ въ большія подробности. Изъ нѣкоторыхъ критическихъ примѣчаній нашихъ читатели могутъ замѣтить, что донынѣ еще не кончены критическія изслѣдованія о Русской Правдѣ. Скажемъ болѣе: они еще *далеко не кончены*, и должны составить отдѣльный и большой трудъ какого нибудь трудолюбиваго критика. Мы старались только извлечь здѣсь главный, общій смыслъ.

1-е. Несообразность удивленія, какое донынѣ многіе изъявляли къ первобытнымъ законамъ Руссовъ; напротивъ, это законы народовъ полудикихъ, едва имѣющихъ грубыя понятія о самыхъ первыхъ потребностяхъ общества, едва понимающихъ сущность общественной безопасности и правъ гражданскихъ (196).

---

(196) Неужели и удивленіе къ Русской Правдѣ есть *доказательство патріотизма?* Если не такъ, то чему-же приписать слѣдующія замѣчанія нашихъ историковъ: не понимая, на чемъ основывалось установленіе виръ въ Среднія времена, они говорятъ: «Законодатели *берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества*, и думали, что денежная пеня могла отвращать злодѣянія» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 47)! Для чего вы думаете, по ихъ мнѣнію, виры бралъ Князь, а не оплачивалось ими нанесенное другому оскорбленіе? Для того, что тогда «*всякое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ Государя*, блюстителя *общей безопасности*» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 51)! Наслѣдство послѣ безсыновнаго боярина и гридина переходило къ дочерямъ, а послѣ безсыновнаго простолюдина шло Князю. Что-жъ изъ сего слѣдуетъ? «Видимъ *законное*, важное *преимущество* чиновниковъ воинскихъ» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 63)!! Множества подробностей, особливо законовъ объ условіяхъ и сдѣлкахъ, не находимъ въ Русской Правдѣ: «*взаимная польза и честь* служили вмѣсто законовъ,» говорятъ намъ (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 66). Мы не кончили бы, если-бъ захотѣли пересказать все, что наговорено въ неумѣст-

2-е. Доказательство, что законы состояли въ томъ же, въ чемъ состояли всѣ извѣстные намъ древніе законы другихъ народовъ въ Среднія времена: это собственно уголовное уложеніе, съ прибавленіемъ немногихъ гражданскихъ постановленій (197).

ную похвалу древнихъ законовъ Русскихъ. Слич., что въ XVIII-мъ вѣкѣ думали и писали о древнихъ Германскихъ законахъ: Карамзинъ былъ отголоскомъ сихъ мнѣній, и своихъ предшественниковъ.

(197) Кажется, что читаешь выводы, сдѣланные послѣ разбора Русской Правды, читая слѣдующія слова: « Это собственно уголовные законы: уголовное право занимаетъ въ нихъ первое, и почти все мѣсто. Право политическое является косвенно, въ примѣненіи, въ отношеніи къ дѣламъ, которыя почитаются установленными, коихъ не хотятъ даже исчислять. По гражданскому праву встрѣчаемъ нѣсколько распоряженій болѣе точныхъ, опредѣляющихъ то или другое обстоятельство, включенныхъ съ намѣреніемъ. Въ судопроизводствѣ уголовномъ напротивъ предполагаются всѣ предметы уставленными, извѣстными: дополняется только немного промежутковъ, опредѣляются только въ немногихъ случаяхъ обязанности судей и свидѣтелей. Уголовное право преимуществуетъ, цѣль закона — наказать преступленіе, опредѣлить мѣру наказанія: это *уголовное уложеніе*. Таковы бываютъ всѣ первоначальныя законоположенія. Уголовными законами дѣлаетъ народъ *первый видимый* или, лучше сказать, *первый письменный* шагъ (если можно такъ выразиться) изъ варварскаго состоянія къ общественности. Тогда не думаютъ писать политическихъ за-

3-е. Достовѣрное свидѣтельство, что Русская Правда, въ томъ видѣ какъ она дошла до насъ, есть смѣшеніе законовъ Скандинавскихъ и Германскихъ, древнихъ Славянскихъ обычаевъ, даже Греческихъ и церковныхъ законовъ. Но—замѣтимъ важное обстоятельство: это смѣшеніе произошло подъ сильнымъ вліяніемъ народа - повелителя, Варяговъ, и Князя повелѣвающаго безусловно и безотчетно. Видно, что взаимныя условія Князей и знатныхъ не входили въ народные законы; видно страдательное состояніе подвластныхъ вообще, и особенно несчастное положеніе рабовъ: все было только въ пользу Князя, даже самое пре-

---

коновъ. *Кто* управляетъ, *какъ* управляетъ, дѣло для народа не нужное, не принадлежащее ему: о государственныхъ уставахъ спорить тогда не кому. Гражданское право также существуетъ, какъ событіе: соглашенія и отношенія людей отданы естественному равновѣсію, или совершаются по нѣсколькимъ основнымъ правиламъ, нѣсколькимъ формуламъ, обще принятымъ. Законное установленіе сей части проявляется съ бо̀льшимъ развитіемъ общества. Первыя усилія общественной жизни состоятъ въ поставленіи предварительныхъ преградъ необузданной, отдѣльной волѣ каждаго дикаря, то есть, въ опредѣленіи казни излишеству частной свободы.» Все это — говоритъ Гизо о *Салическихъ законахъ*, важной отрасли законоположеній Европейскихъ въ Среднія времена (Hist. de la civil. en France, т. I): вотъ настоящая точка зрѣнія и на Русскіе древніе законы!

ступленіе, и народъ, какъ лицо самостоятельное, нигдѣ не является (198).

4-е. Законы были собственно краткія, недостаточныя замѣтки, братыя въ руководство при судопроизводствѣ; остальное дополнялось словесно и по преданію. О многомъ говорится, какъ объ извѣстномъ дѣлѣ, и это остается для

---

(198) Изъ замѣчаній нашихъ на Русскую Правду можно видѣть, что почитавшіе оную снимкомъ съ Скандинавскихъ законовъ ошибались, такъ же, какъ и почитавшіе оную уложеніемъ, даннымъ отъ Ярослава Руссамъ. Предположеніе о спискѣ оной съ Германскихъ законовъ столь-же неосновательно. Представителемъ первой системы можно почесть *Шлецера*, второй *Карамзина*, третьей *Эверса*. Подумаете, что каждый обязывался представить свое отдѣльное предположеніе, не думая о тѣхъ истинахъ, что духъ человѣческій вездѣ проявлялся одинаково, и измѣняла его только мѣстность; что ни одинъ народъ и никогда не списывалъ вполнѣ и не бралъ цѣликомъ законовъ другаго, и законодательство нигдѣ не ограничивалось однимъ источникомъ. Важное обстоятельство: *законы существовали не для Варяговъ-побѣдителей*, кажется, было донынѣ упускаемо изъ вида, но оно явно! Замѣтимъ одно главнѣйшее: въ Русской Правдѣ ничего не упоминается о поединкахъ, этомъ основномъ пунктѣ законовъ Скандинавскихъ. Славяне не знали рѣшенія дѣлъ поединками, и Варяги не ввели его къ нимъ, когда все то, что умножало власть Князей, было ими утверждено и принято отъ Славянъ.

насъ темнымъ и неяснымъ, особенно въ судебныхъ обрядахъ (199).

5-е. Видимъ объясненное уже нами прежде различіе между властью *гражданскою и духовною*, и опредѣленіе того участія, какое предоставлено было духовенству, *какъ судебному правительству:* отъ гражданскаго рѣшительно удалено было все, что отдано было власти духовенства,

---

(199) Что прежде мы сказали предположительно, то, послѣ разсмотрѣнія Русской Правды, можемъ подтвердить съ большимъ основаніемъ. Собственно, это замѣтки, собранныя въ разное время, разными людьми: форма ихъ сіе доказываетъ. Мы видимъ противорѣчія одной статьи противъ другой; упоминанія объ измѣненіяхъ, дополненіяхъ; смѣсь понятій; разницу текстовъ. Собраніе сдѣлано въ Новгородѣ: это видно. Какъ-же зашли въ него указы дѣтей Ярославовыхъ и другихъ Князей? Просто, Новгородцы ихъ приняли и записали. Но, скажутъ намъ, формы изложенія доказываютъ, что это законы народа, надъ которымъ Князь имѣлъ полную власть; какъ-же согласить сіе съ вольностью Новгорода? Но формы оставались въ Новгородѣ безъ перемѣны, при измѣненіи сущности, такъ, какъ судебное мѣсто въ Новгородѣ называлось *Княжимъ Дворомъ*, хотя Князь не имѣлъ судебной власти. Мы донынѣ судимся по Уложенію Царя Алексія Михайловича, т. е. беремъ часть его въ законъ; другія части остаются безъ вниманія, но Уложеніе повторяется для насъ вполнѣ, и съ тѣми частями, которыя не составляютъ уже для насъ законовъ.

и Князь не вмѣшивался въ *виры,* предоставленныя суду церковному (200).

6-е. Насъ изумила-бы странность многихъ понятій, если-бы мы не были знакомы съ тогдашнимъ образованіемъ Европы. Какъ важенъ былъ тогда *судъ Божій;* какое жестокое наказаніе полагалось за преступленія значительныя по тогдашнимъ понятіямъ (201)!

7-е. Еще болѣе изумляемся, что нѣкоторыя части законовъ и юридическихъ понятій, прошли черезъ столько вѣковъ, и остались донынѣ положительными правами. Здѣсь открываемъ, сколь далекія вѣтви распространяетъ жизнь общественная, и какъ необходимъ для узнанія характера и

---

(200) Замѣтьте, что ни одно преступленіе, поименованное въ уставахъ о судахъ церковныхъ, не упоминается въ Русской Правдѣ. Церковные законы сохранили свою силу даже донынѣ, хотя съ измѣненіемъ, но въ назначенныхъ имъ первоначально предѣлахъ. См. любопытный отвѣтъ Митрополита Евгенія, на вопросъ: *имѣетъ-ли Кормчая книга силу и употребленіе въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ Россійскихъ?* (*Описаніе Кіево-Софійскаго Собора,* стр. 235).

(201) На прим. великія наказанія за покражу коня, сокола; важность испытанія водою и желѣзомъ; взятіе имѣнія послѣ безсыновнаго простолюдина въ казну, и проч.

быша народнаго взглядъ на полную исторію народа, на всѣ ея подробносши (202).

8-е. Видимъ, вмѣстѣ съ грубостью нравовъ, дикостью понятій, малосложностью обязанностей, и ту дѣтскую простоту, то дикое добродушіе нравовъ, которыхъ мы уже не можемъ понимать. Какъ просты изъясненія многихъ законовъ; какъ много значила власть отца; какое сильное непосредственное вліяніе имѣла религія на составъ общественной жизни (203)!

Здѣсь слѣдовало-бы съ такою-же подробностью разсмотрѣть *Русскія церковныя уложенія*, но мы должны оставить сіе по многимъ причинамъ, отложить, по крайней мѣрѣ, до изображенія временъ, послѣдовавшихъ за XII-мъ столѣтіемъ, коимъ на сей разъ ограничиваемъ наше изображеніе древней Руси. Тогда оказались уже явнѣе

---

(202) Кромѣ отдѣленія церковныхъ судовъ, или *суда по совѣсти*, отъ положительныхъ гражданскихъ судовъ, замѣтимъ для примѣра: неравенство требованій долга казеннаго и частнаго; уничтоженіе долга, учиненнаго рабомъ; отдачу дома отцовскаго младшему сыну; все это донынѣ существуетъ положительно. А сколько отношеній косвенныхъ пережило цѣлыя столѣтія?

(203) Впрочемъ, вспомнимъ въ семъ случаѣ слова Гизо, выше приведенныя, и не будемъ повторять словъ Монтескьё, примѣненныхъ Карамзинымъ къ Русской Правдѣ (*Ист. Г. Р.* т. II, 66).

слѣдствія церковныхъ уставовъ на общественную жизнь. Предоставляемъ другимъ любопытное изслѣдованіе объ источникѣ Русскихъ церковныхъ законовъ—законахъ церковныхъ Греческихъ, также образѣ первоначальнаго введенія и постепенномъ ходѣ ихъ въ Руси (204): трудъ огром-

---

(204) Съ нетерпѣніемъ ждемъ окончанія труда почтеннаго Барона Г. А. Розенкампфа о Кормчей Книгѣ, или церковныхъ судахъ. Первое отдѣленіе его важнаго сочиненія (*Обозрѣніе Кормчей Книги въ историческомъ видѣ*, изд. Обществомъ Ист. и древн. Россійскихъ, М. 1829 г.) показало уже обширныя свѣдѣнія Автора, и умѣнье употреблять оныя по предмету своихъ занятій. Баронъ Розенкампфъ раздѣлилъ систематически списки Номоканоновъ и Кормчихъ, указалъ время ихъ введенія, означилъ Русскія прибавки къ переводамъ съ Греческаго. Въ то же время, онъ обратилъ взоръ испытующей критики на подлинники Греческихъ церковныхъ законовъ, и переводы ихъ на другіе языки. Выходитъ, что съ самаго начала Христіанской вѣры въ Руси, сдѣланы были покушенія къ переводу церковныхъ законовъ Греческихъ. Такъ въ отвѣтахъ Нифонта, Епископа Новгородскаго (*Пам. Русск. Слов. XII вѣка*, стр. 192), находимъ уже выписку изъ Греческихъ Номоканоновъ (*Обозр. Кормчей Книги*, стр. 47). Но полные переводы должно отнести далѣе XII столѣтія. Будемъ говорить о семъ важномъ предметѣ въ своемъ мѣстѣ, а для полнаго и подробнаго разсмотрѣнія обращаемъ вниманіе читателей на превосходный трудъ Барона Розенкампфа.

ный, требующій великихъ предварительныхъ свѣдѣній. Укажемъ двѣ главныя отличительныя черты, на которыхъ долженъ основаться, если не ошибаемся, будущій изслѣдователь, и которыя предварительно должно имѣть намъ въ виду, для послѣдующихъ разысканій.

1. Отдѣленіе ихъ отъ *положительныхъ гражданскихъ уголовныхъ законовъ* при введеніи христіанской вѣры, что мы старались уже пояснить, изображая основанія церковной Русской Іерархіи.

2. Съ тѣмъ вмѣстѣ, *смѣшеніе съ Греческими церковными уставами Русскихъ обычаевъ, понятій и мнѣній:* таково было введеніе *виръ*, вмѣсто *эпитимій и казней*, существовавшихъ въ Греціи.

Изложивъ сущность одного изъ трехъ главныхъ дѣятелей общественной жизни—сущность *Законовъ*, обращаемся къ изъясненію сущности другаго столь-же важнаго предмета — *Религіи*, вообще въ отношеніи оной къ древнимъ Руссамъ *до XII-го столѣтія.*

Принявъ вѣру Христіанскую по повелѣнію, видя въ духовныхъ сановникахъ особаго рода властителей, не понимая таинствъ Религіи, ужасаемые въ будущемъ страшными карами за малѣйшее помышленіе, Руссы не могли найдти въ Религіи крѣпкой утѣшительницы и спасительницы своей. Повелѣнія Религіи Христіанской противились ихъ наклонностямъ: наказанія слѣдовали за отступленіемъ

отъ правилъ; эпитиміи ужасали провинившихся; адская мука грозила сомнѣвающемуся. Въ поученіи духовнаго пастыря прежде всего предписывалось: «Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутрени, обѣдни, вечерни. Въ своей клѣти, ложась спать, помолись Богу, и потомъ ложись въ постелю.» За симъ уже слѣдовали нравственныя правила (205).

Разсматривая уставы древнихъ церковныхъ сановниковъ Руси, находимъ, что обряды самые мѣлочные занимали ихъ. Странные вопросы возникали, и суевѣріе грубое существовало между самыми духовными особами (206).

---

(205) Поученіе Луки Жидяты (*Русскія Достоп.* стр. 7). Сличите это поученіе съ Духовною Владиміра Мономаха: нѣсколько мыслей одинакихъ даже выражены одинакими словами. Любопытно еще сличать все это съ тѣмъ, что тогда было на Западѣ. Изобразивъ понятія тогдашняго западнаго Христіанина, Мосгеимъ (Hist. eccl. т. I, стр. 324) прибавляетъ: « Видимъ подробное объясненіе, что такое значитъ Христіанинъ, и въ этомъ объясненіи нѣтъ ни слова ни о любви къ Богу, ни о покорности Его волѣ, ни о законахъ Его, ни о правосудіи, ни о любви къ ближнимъ.» Сличите съ поученіемъ Луки Жидяты и наставленіями Мономаха поученія западныхъ Іерарховъ, напечатанныя въ сочиненіи Мосгеима и Дахера, Spec. vet. script.

(206) См. выше: вопросы Кирика и отвѣты Нифонта.

Схоластическіе споры, суевѣріе, все, что затемняло святую вѣру въ Греціи, перешло и къ Руссамъ. Безпрерывно являлись предвѣстія, наважденія діавола, таинственныя знаменія. «Бѣсы прельщаютъ человѣка,» говорилъ Руссъ, «являясь во снѣ, въ мечтахъ, и ихъ наущеніемъ волшебствуютъ люди. Всего-же болѣе бѣсовское волхвованіе бываетъ черезъ женъ, ибо искони прельстилъ бѣсъ жену, а она прельстила мужа (207). « Выписываемъ нѣсколько примѣровъ суевѣрій, примѣтъ, знаменій, и разсужденія лѣтописцевъ при сихъ случаяхъ (208).

«(1064 г.) Въ сіе время было знаменіе на западѣ: звѣзда превеликая, съ лучами, точно кровавыми; являлась она по захожденіи солнца, въ теченіе семи дней. Послѣ сего были многія междоусобія и нашествія невѣрныхъ на Русскую землю. Кровавая звѣзда сія проявляла кровопролитіе. Въ то же время родилось уродливое дѣтище, неизвѣстно у кого, и брошено было въ рѣ-

(207 *Кенигсб. сп.* рук. листъ 106.

(208) Ихъ можно-бы представить сотни, ибо лѣтописи и памятники ими наполнены. Сообразите послѣ сего изображеніе Русскихъ нравовъ до XIII вѣка, сдѣланное Карамзинымъ, и вы увидите, какъ несправедливо смотрѣлъ онъ на религіозныя понятія и нравы тогдашнія (*Ист. Г. Р.* т. III, 223, 224). Примѣры, здѣсь представленные, всѣ взяты изъ Кенигсб. списка Несторовой лѣтописи.

ку, откуда выволокли его рыболовы неводомъ: цѣлый день *позоровались* на него всѣ люди, и опять бросили его въ рѣку (209). Тогда же измѣнилось солнце: перестало быть свѣтло, но было ночный мѣсяцъ, что язычники называютъ: *было снѣдаемо* (210). Такія знаменія не на добро.» Здѣсь Лѣтописецъ приводитъ примѣры, какъ предъ нашествіемъ Антіоха на Іерусалимъ, въ теченіе сорока дней видны были на воздухѣ сражавшіеся воины; какъ при Неронѣ надъ Іерусалимомъ сіяла звѣзда въ видѣ копья; какъ при Юстиніанѣ сіяло солнце безъ лучей и падали звѣзды; какъ при Маврикіи родился уродъ съ рыбьимъ хвостомъ, песъ о шести ногахъ, дитя съ четырьмя ногами, и другое двухъ-головое; какъ въ Сиріи, предъ нашествіемъ Сарациновъ, треснула земля на три поприща, изъ трещины явилась *мечта*, и прорекла гибель Палестинѣ (211). « Знаменія въ небѣ, звѣздахъ, солнцѣ,

---

(209) *Позоровать* — потерянное слово, отъ котораго, остались: *позорище, позорный,* и другія вѣтви.

(210) Слѣдовательно: Азіятское суевѣріе, будто затмѣніе солнца происходитъ отъ того, что къ нему приближается ужасное чудовище и хочетъ пожрать его, было и у Славянъ.

(211) «Изыде дивно изъ земли мечта человѣки глаголюще.» Примѣры чужеземные нашелъ лѣтописецъ у Георгія Амартолы. См. статью П. М. Строева, *Труды Общ. Исторіи и Древн. Росс.* т. IV, кн. I,

птицахъ и другомъ, не на благо бываютъ: вѣщаютъ они рать, гладъ, или смерть.»

«(1102 г.) Было на небѣ знаменіе въ 29-й день Января, и потомъ по два дня: пожарная заря, отъ востока, запада, юга и сѣвера, и во всю ночь отъ нея, какъ отъ луны полной свѣтилось. Февраля 5-го было знаменіе въ лунѣ, а 7-го числа въ солнцѣ: огородилось оно тремя дугами, коихъ хребты обращены были къ солнцу. Видя все сіе, благовѣрные люди, съ воздыханіемъ и слезами, молились Богу, дабы обратилъ Онъ сіе знаменіе на добро, ибо знаменія и къ злу и къ добру бываютъ. Богъ услышалъ молитвы. На слѣдующій годъ вложилъ Онъ благую мысль Русскимъ Князьямъ идти на Половцевъ.

«(1110 г.) Было знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ, въ 11-й день Февраля: явился столпъ огненный, отъ земли до неба, молнія освѣтила

---

181. Замѣтимъ, что Руссы полагали различіе между *знаменіями* и *примѣтами*: первымъ, какъ отъ Бога показуемымъ, они вѣрили, и толковали ихъ къ добру и къ худу, молясь, да отвратитъ Провидѣніе, если они знаменуютъ что либо неблагопріятное. *Примѣты*, какъ нѣчто земное, и человѣкомъ замѣчаемое и изъясняемое, почитались грѣхомъ и суевѣріемъ; см. объ нихъ далѣе. Кометы, затмѣнія солнечныя и лунныя, землетрясенія, воздушные метеоры, явленія птицъ на церквахъ, сѣверное сіяніе, вѣтры, бури, пареліи — все это почиталось *знаменіями*.

всю землю, и нощью прогремѣлъ громъ, и весь міръ сіе видѣлъ. Сначала столпъ сталъ на каменной трапезницѣ, такъ, что креста ея не было видно, и постоявъ мало отступилъ, и сталъ надъ гробомъ Св. Ѳеодосія, а потомъ поднялся къ верху, обратясь къ Востоку лицомъ, и былъ невидимъ. Это былъ не столпъ огненный, и не огонь, но Ангелъ являлся. Ангелы являются, или огненнымъ, или пламеннымъ столпомъ. Такъ и Пророкъ Давидъ рекъ: «Творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный.» Посылаетъ Ангеловъ, куда хощетъ, Владыко и Творецъ всѣхъ, и приходя на мѣста благія и домы молитвы, Ангелы нѣсколько являютъ себя, такъ, что и человѣкамъ можно ихъ видѣть. Прямо-же естества ангельскаго не льзя видѣть человѣкамъ. Самъ Моисей великій не могъ видѣть Ангела: водилъ Израильтянъ днемъ столпъ облачный, а нощію столпъ огненный. Но это былъ не столпъ, а ангелъ шелъ во дни и въ нощи. Такъ и наше явленіе показывало имущее быть, что и было. На другое лѣто пошли Князья на невѣрныхъ, и не сбылись-ли слова: *Се Ангелъ предъ тобою предыдетъ; Ангелъ твой будетъ съ тобою?*»

При такомъ направленіи религіозныхъ понятій, нравственныя предписанія вѣры терялись для народа въ обрядахъ, соблюденіи формъ, внѣшнемъ уваженіи къ Церкви и священникамъ. И въ духовныхъ требахъ и вѣрованіяхъ, не въ одномъ судѣ

церковномъ, повиновались священнику, какъ тіуну въ дѣлахъ гражданскихъ. Отъ сего долженствовало произойдти двумъ крайностямъ: лицемѣрному безбожію и неограниченному религіозному восторгу. Крестить диитя и молиться спѣшилъ всякій; но за порогомъ церкви, или кончивъ молитву, забывалъ наставленія Религіи. Грубыя, чувственныя наслажденія увлекали Русса, а потворство пастырей, большею частію не превышавшихъ образованіемъ духовныхъ чадъ своихъ, давало средства избавляться отъ преслѣдованій и наказаній. Отъ того благочестивые люди, добрые пастыри и отшельники сокрушались о развратѣ міра, безпрерывно вопіяли противъ слабостей и заблужденій, и при каждомъ несчастіи народномъ говорили о гнѣвѣ и наказаніи Божіемъ, съ трепетомъ видя во всемъ приближеніе знаменій кончины міра. «Наводитъ Богъ на насъ по гнѣву своему иноплеменниковъ,» говорили они, «дабы, сокрушенные, вспомнили мы о Богѣ. Междоусобія-же бываютъ отъ соблазненія діавола. Богъ не хощетъ зла человѣкамъ, но блага, а діаволъ радуется злу, убійству, кровопролитію, воздвигаетъ свары, зависть, брато-ненавидѣніе, клеветы. И — согрѣшившей землѣ, казнитъ ее Богъ смертію, или голодомъ, или наваждeніемъ поганыхъ, или вередами, или гусеницею, или иными казнями. «Изложивъ потомъ многіе тексты Св. Писанія, лѣтописецъ продолжаетъ: « Сіе слышавъ

вытягнемъ на добро, взыщемъ суда, избавимъ обидимаго, придемъ на покаяніе, не воздадимъ зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господу Богу нашему, постомъ, и рыданіемъ, и слезами омоемъ всѣ грѣхи наши. Такъ, мы называемся Христіане, но Христіане-ли мы? Не погански-ли мы живемъ. Вѣруемъ не доброй встрѣчѣ, и встрѣтивъ черноризца, *единца*, или свинью, возвращаемся: все это поганское, все это по наущенію діавола. Другіе держатъ у себя коби, вѣрятъ чиханью, думая, что оно идетъ во здравіе, но это лесть діавола. А другія плотоугодія, трубы, скоморохи, гусли, русальи, что они? Видимъ игрища утолоченныя, и людей на нихъ множество, которые сбираются, бѣсятся, позоруются. Придетъ часъ молитвы — церковь пуста. За все это пріемлемъ мы отъ Бога казни (212).»

---

(212) *Кен. списокъ*, рук. *л.* 99. — Карамзинъ полагаетъ, что *единцомъ* называли монахиню. *Кобь* должно быть музыкальное орудіе: въ Малороссіи донынѣ извѣстна *кобза*, струнный инструментъ. Замѣтьте, что значило тогда: *быть не Христіаниномъ*. Русальи, вѣроятно, значитъ завиваніе вѣнковъ въ Русалье лѣто, донынѣ извѣстное въ Малороссіи. Мы еще не имѣемъ полнаго описанія всѣхъ сохранившихся на Руси древнихъ суевѣрій и народныхъ праздниковъ, гдѣ язычество смѣшано было съ Христіанствомъ. По сему съ особеннымъ удовольствіемъ слышали мы,

Подобныя мысли, приводя въ уныніе, многихъ заставляли рѣшительно отказываться отъ суеты міра. Влекомые жаркою вѣрою, многіе не берегли уже объ общественной жизни, оставляли дѣла, семейства, шли въ монастыри; другіе давали обѣты путешествовать въ Іерусалимъ. До насъ дошло одно изъ древнихъ путешествій, въ подробномъ описаніи. Сей путешественникъ былъ игуменъ Даніилъ, названный *паломникомъ*, ибо такъ называли всѣхъ, бывавшихъ въ Іерусалимѣ (213). Даніилъ пишетъ, что нашелъ въ Іеру-

---

что Профессоръ Московскаго Университета И. М. Снегиревъ хочетъ печатать свое описаніе сохранившихся на Руси суевѣрій; отрывки изъ онаго, намъ извѣстные, весьма удовлетворительны. *Коляда, Иванъ Купала, Русалки, Семикъ, Ярило, печенье блиновъ, пироговъ, сочней, жженіе соли въ извѣстные дни, разставливанье деревьевъ въ Троицынъ день*, и проч., достойны изслѣдованій. Къ суевѣрнымъ примѣтамъ, исчисленнымъ лѣтописцемъ, должно причислить еще многое: звонъ въ ушахъ, кликъ ворона, пѣніе курицы, миганье глаза, вой собаки, изгрызеніе чего-либо мышью, появленіе черной кошки, вѣру въ сны, искры изъ огня, потушеніе свѣчи, щебетанье сороки, появленіе дятела, стукъ стѣннаго червячка, и проч. (см. *Іоаннъ Экз. Булгарскій*, стр. 211). Всего этого боялись, все это старались истолковать, и еще многое изъ этого донынѣ ужасаетъ суевѣрнаго простолюдина.

(213) *Паломниками* назывались сіи странники отъ финиковыхъ вѣтвей, или *пальмъ*, съ которыми слушали они въ Вербное Воскресенье, въ церкви Гроба Гос-

салимѣ много Руских, и служилъ молебны за здравіе Русскихъ Князей. Іерусалимъ былъ уже тогда завоеванъ Крестоносцами. Даніилъ видѣлъ героевъ, воспѣтыхъ въ послѣдствіи безсмертнымъ Тассомъ (214). Паломничество наконецъ до того умножилось, что многіе, давшіе обѣщаніе: сходить въ Іерусалимъ, не въ силахъ были выполнить его, и просили разрѣшенія духовныхъ пастырей. «Этотъ обѣтъ губитъ Русскую землю», отвѣ-

---

подня, заутреню, и которыя приносили потомъ, за великую рѣдкость, въ отечество. Въ Успенскомъ соборѣ донынѣ хранятся такія вѣтви. Въ Западной Европѣ путешественниковъ въ Палестину также именовали: Palmarius и palmatus.

(214) Путешествіе Даніила Паломника сохранилось во множествѣ списковъ; ни одинъ изъ нихъ еще не напечатанъ. Даніилъ, вѣроятно, былъ Черниговскій житель: величину Іордани онъ уподобляетъ величинѣ рѣки Сновы, текущей близъ Чернигова. Онъ былъ въ Іерусалимѣ въ самомъ началѣ XII вѣка. Призванный къ Балдуину, Даніилъ поклонился ему до земли, и получилъ отъ него позволеніе повѣсить лампаду при гробѣ Господнемъ, *отъ всея земли Русскія*. Балдуинъ узналъ потомъ Даніила короче, любилъ его, бралъ съ собою въ походъ къ Дамаску, ибо онъ, пишетъ Даніилъ о Балдуинѣ, «мужъ благодѣтеленъ и смиренъ вельми и не гордитъ.» Изъ Руских, бывшихъ въ Іерусалимѣ, Даніилъ именуетъ: Изяслава Ивановича, Городислава Михайловича, двухъ Кашкичей, прибавляя: «и иніи мнозіи» (см. *Словарь писателей духовнаго чина*, т. I, стр. 111 и *Ист. Г. Р.* т. II, прим. 211).

чалъ благоразумный Новгородскій Епископъ, и велѣлъ разрѣшать просящихъ (215). Въ монастыри приходили многіе знатнѣйшіе бояре, отдавали все имѣніе, и просили ангельскаго чина. Другіе постригались передъ кончиною, и отпускали тогда на волю рабовъ, *за душу* свою. Многіе, живя въ мірѣ, носили власяницы подъ платьемъ и вериги. Наконецъ самые Князья и Княжескаго рода жены и дѣвицы отвергались міра, и все отдавали въ церкви и монастыри (216). Богатства церковныя стали увеличиваться; ревность монашествующихъ умножалась: многіе уединялись въ пещеры, пустыни, терзали плоть различными мученіями. Всѣхъ болѣе славился святостію Кіевскій Печерскій монастырь, основанный Св. Антоніемъ. Симонъ, Епископъ Суздальскій, писалъ въ посланіи своемъ къ Поликарпу, монаху Печерскому, хотѣвшему оставить монастырь, для перехода въ санъ высшій: «Братъ! уразумѣй, какова

(215) Памятн. Росс. Слов. стр. 203.

(216) Такъ Варлаамъ, богатый бояринъ, принесъ въ Печерскую обитель всѣ свои богатства, бросилъ къ ногамъ Св. Антонія боярскую одежду, и постригся; онъ былъ потомъ игуменомъ. Трогательное описаніе постриженія супруги Всеволода Георгіевича, которую провожали въ монастырь самъ Всеволодъ и дѣти ея, *со слезами многими, зане бяше до всѣхъ до презлиха добра*, см *Кенигс. спис.* рук. л. 257.

слава вашего монастыря и, устыдясь, покайся, благослови тихое и безмятежное житіе, къ коему Богъ привелъ тебя. Охотно оставилъ-бы я епископство мое, и былъ послушникомъ у вашего игумена; но, ты знаешь, что̀ меня удерживаетъ. Кто не знаетъ меня, грѣшнаго Епископа Симона, создавшаго красоту Владиміра Соборную церковь, и такую-же Суздальскую церковь? Сколько здѣсь градовъ и селъ! Сколько десятины церковной собираютъ въ сей землѣ, и всѣмъ симъ владѣетъ худость моя. Но повѣришь-ли? — Богомъ тебѣ клянусь, что всю сію славу и власть почелъ-бы я навозомъ, если-бы могъ, какъ палочка, прислониться къ вратамъ Печерской обители, или какъ соръ валяться на дворѣ ея, бывъ попираемъ ногами ходящихъ. Единый день въ дому Божія Матери лучше тысящи лѣтъ временныя чести: тамъ-бы, тамъ-бы хотѣлъ я жить, а не въ селеніяхъ грѣшниковъ (217).»

Теперь понятно, что религія Руссовъ была, или вѣрованіемъ, коего чудеса и мистика, замѣнившія мистику и чудеса идолослуженія, горячо были принимаемы міpянами, старавшимися притомъ исполнять церковные обряды, или увлекающимъ душу восторгомъ набожности. То и другое не показывало въ Религіи Христіанской кроткой руково-

---

(217) Пам. Росс. Слов. XII вѣка, стр. 256, и слѣд.

дительницы ума и сердца, какъ мы уже это выше замѣтили, небеснаго вождя, который не воспрещаетъ прелестей міра и общества, не указываетъ на жизнь отшельника, какъ на высшую степень благочестія, и позволяетъ уму просвѣщаться знаніями. И древле понимали сію истину, но затемняли понятія (218).

Для полнаго уразумѣнія, обратимся къ памятникамъ. Мы имѣемъ драгоцѣнный остатокъ общественной мудрости и образованности Руссовъ XII-го вѣка. Это духовная, или поученіе Владиміра Мономаха, оставленное симъ Княземъ его дѣтямъ. Представляемъ здѣсь содержаніе онаго.

---

(218) Ошибка понятія состояла въ томъ, что будто по слабости только человѣческой можно позволить мірское житіе, а верхъ совершенства Христіанскаго житія долженствовало-бъ быть совершенное отреченіе отъ міра; высшая-же степень онаго — презрѣніе мірскаго, и даже наруганіе надъ его суетами. Слич. ниже помѣщенное Посланіе Никифора Митрополита къ Владиміру Мономаху, и три степени Христіанскихъ добродѣтелей, въ немъ описываемыя. Сравн. также слова Владиміра Мономаха въ духовной, о томъ, какими малыми средствами можно спастись человѣку въ мірѣ. Это попущеніе слабости человѣческой другіе распространяли далѣе, и въ томъ-то состояло противорѣчіе общественной жизни религіознымъ понятіямъ, отъ чего совѣсть мірянина всегда была въ страхѣ, что онъ несовершенно исполняетъ долгъ Христіанскій, и заслуживаетъ упрекъ духовенства мірскому житію.

«Первое, ради Бога и души своей, да будетъ страхъ Божій въ сердцѣ вашемъ, и да творите милостыню неоскудную, ибо она есть начатокъ всякому добру (219). . . Помните наставленія Василія Великаго юношамъ, душею чистымъ и тѣломъ несквернымъ. Будьте кротки въ бесѣдѣ; употребляйте въ мѣру даже и слово Господне; ѣшьте и пейте безъ шума; при старыхъ молчите, мудрыхъ слушайте, старшимъ покоряйтесь, равныхъ себѣ и меньшихъ любите; безъ лукавства бесѣдуйте, хотя и разумѣйте, что говорите; не свирѣпствуйте словомъ, не осуждайте, не смѣйтесь много, стыдитесь старѣйшихъ, не бесѣдуйте съ женами безстыдными, потуп-

---

(219) Сіе посланіе сохранилось въ Пушкинскомъ спискѣ Несторовой Лѣтописи и было издано отдѣльно, подъ названіемъ: *Духовная Великаго Князя Владиміра Всеволодовича Мономаха* (СПб. 1793 г.). Примѣчанія Издателя забавны, переводъ текста во многомъ ошибоченъ, но самый текстъ весьма драгоцѣненъ, по точности, съ какою онъ напечатанъ. Прилагаемъ его въ концѣ тома (см. *Дополненіе* XI е), отдѣливъ отъ онаго письмо Мономаха къ Олегу, и молитву, что все было смѣшано въ изданіи 1793 года (письмо съ половины 14-й строки текста на стр. 48, до 4-й строки 58-й стран. гдѣ начинается и идетъ до конца книги молитва). Представляя здѣсь переводъ только наставленій Мономаха, мы выпускаемъ самое начало, вставки изъ Библіи и Писаній Св. Отецъ, также историческую часть Духовной, что объяснимъ въ другомъ мѣстѣ.

ляйте очи къ землѣ и возносите душу къ небу, ходите чинно и стройно. Не ищите власти, дабы васъ почитали, но если чѣмъ другимъ можете почтеніе приобрѣсть, Богъ да благословитъ васъ. О Владычица Богородица! отыми отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не вознощусь суетою міра сего, въ тщетномъ семъ вѣкѣ! Научитесь, вѣрные люди, быть благочестными дѣлателями; обрѣтите очамъ укрѣпленіе, языку удержаніе, уму смиреніе, тѣлу порабощеніе, гнѣву погубленіе, имѣйте помыслы чистые, понуждаясь на добрыя дѣла, Бога ради! Отнимающему у тебя не мсти; ненавидитъ или гонитъ кто тебя—терпи; хулитъ—молись. Избавляйте обидимыхъ, защищайте сиротъ, оправдывайте вдовъ. «Придите», говоритъ Господь, «и будутъ-ли грѣхи ваши, какъ багряное, подобно снѣгу убѣлю ихъ.« Да сіяетъ-же весна постная и цвѣтъ покаянія! Очистимъ себя, братья, отъ всякія крови, плотскія и душевныя, и возопіемъ Свѣтодавцу: «*Слава Тебѣ, Человѣколюбецъ!*» —

«Уразумѣйте, дѣти мои, какъ человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ: мы люди, грѣшные и смертные, но кто зло сотворитъ намъ, готовы пожрать того, и кровь его пролить, а Богъ, владѣющій жизнію и смертію, терпитъ согрѣшенія наши, хотя они превышаютъ главы наши, терпитъ цѣлый вѣкъ нашъ,

Какъ отецъ чадо свое бьетъ любя, и снова объемлетъ, такъ и Богъ Господь, допустивъ грѣхъ, показываетъ намъ вѣрную побѣду его въ трехъ дѣлахъ добрыхъ, коими можетъ діавола побѣдить и Бога достигнуть: *покаяніи, слезахъ и милостынѣ*. Тяжки-ли сіи дѣла, дѣти мои, если сими тремя дѣлами можемъ отбыть грѣховъ своихъ и царствія Божія наслѣдовать? Умоляю-же васъ, Бога ради, не лѣниться, не забывать рѣченныхъ трехъ добрыхъ дѣлъ; они не тяжелы: это не одиночество, не монашество, не голодъ, что все другіе добрые терпятъ, но весьма малымъ улученіе милости Божіей, ибо что есть человѣкъ, если потребуется болѣе (220)...

«Послушайте меня, дѣти мои, и если всего не возможете, то хотя въ половину. Если Богъ толико умягчаетъ сердце ваше, что вы можете плакать моляся: «какъ блудницу, мытаря и раз«бойника помиловалъ, такъ и насъ грѣшныхъ «помилуй» — то и въ церкви молитесь со слезами, и дома, ложась спать. Не пропускайте ни одной ночи безъ того, чтобы не встать и не помолиться съ земными поклонами; хотя три земные поклона сотворите: не забывайте сего и не лѣнитесь, ибо ночною молитвою человѣкъ побѣждаетъ діавола, и все, что онъ въ день со-

(220) Слѣдуютъ выписки изъ Псалтири и, *кажется*, Шестоднева Василія Великаго.

грѣшилъ, ему прощается. И на конѣ ѣздя, если другихъ молитвъ не знаете, твердите тихонько: *Господи помилуй*! твердите безпрестанно; это лучшая молитва, и лучше молиться, нежели нелѣпицу мыслить. Всего-же болѣе не забывайте убогихъ, по сколько можете по силѣ кормите ихъ, дайте сиротѣ, и оправдайте вдовицу, не давая сильнымъ погубить человѣка. — Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, и не повелѣвайте убивать, хотя-бы и повиненъ былъ смерти: не губите ни одной души Христіанской. О чемъ-бы вы ни говорили, не клянитесь именемъ Божіимъ, не креститесь въ утвержденіе словъ своихъ: въ семъ нѣтъ никакой надобности. Если станете давать присягу братьямъ, или кому-бы то ни было, подумайте: можете-ли сдержать ее; присягнувъ-же блюдите, да не погубите души своей преступленіемъ присяги. Епископовъ, священниковъ и игуменовъ встрѣтивъ съ любовію, просите себѣ благословенія; не удаляйтесь отъ нихъ, но по силѣ любите и снабжайте ихъ, да наградятъ они васъ молитвою къ Богу. Паче всего не имѣйте гордости, ни въ сердцѣ, ни въ умѣ. Говорите: «Смертны мы, сего дня живы, а завтра во гробѣ; честно отдаю все, что мнѣ дано было отъ Бога: не наше, а Его, поручено было намъ на малое время.» Не хороните богатствъ вашихъ въ землю: это грѣхъ великій. Старыхъ чтите, какъ отца, а молодыхъ,

тыми его! Не бойтесь смерти, дѣти мои! творите дѣла, мужамъ приличныя, что Богъ вамъ для дѣланія пошлетъ, творите, не страшась ни рати, ни звѣря, ни воды, ни коня: ничто не погубитъ васъ, если Богу не угодно, а если угодно Богу, то ни отецъ, ни мать, ни братья васъ не защитятъ. Хорошо, если отецъ дитя хранитъ, но Божіе блюденіе еще лучше человѣческаго.» (222)

И такъ, вся мудрость, все просвѣщеніе, какое могъ передать дѣтямъ отецъ, состояли въ нравственныхъ наставленіяхъ, въ подтвержденіи, чтобы при томъ они исполняли обряды вѣры и молились. Вспомнимъ, что мы прочитали завѣтъ Государя, и притомъ Государя, превышавшаго умомъ и образованіемъ всѣхъ современниковъ. Перейдите отъ сего къ низшимъ званіямъ, къ рабамъ, которыхъ бытіе казалось столь ничтожно, и вы поймете образованность того времени.

Вообще свѣтъ наукъ и знаній освѣщалъ тогда Востокъ и Малую Азію: Европа была въ глубокомъ мракѣ (223). Древніе Славяне

---

(222) Здѣсь начинается письмо Мономаха къ Олегу, и за тѣмъ слѣдуетъ молитва.

(223) Съ паденіемъ Рима, пало и просвѣщеніе въ Европѣ. Востокъ, подъ державою Халифовъ въ Малой Азіи, сохранялъ и развивалъ въ Восточныхъ формахъ древнее наслѣдіе наукъ, знаній и Философіи, угасшей въ V-мъ вѣкѣ, съ послѣдними философами Александрій-

знали земледѣліе и скотоводство, начало нѣкоторыхъ ремеслъ, строили домы, умѣли дѣлать грубое оружіе, имѣли нѣсколько грубыхъ музыкальныхъ инструментовъ, пѣли дикія пѣсни, знали раздѣленіе времени, считали нарѣзками: симъ ограничивалось все (224). Варяги не могли

ской школы. Греки считали только строчки въ своихъ поэтахъ, дѣлали варварскія компиляціи, выписки, и спорили о Ѳеологіи. На западѣ Европы немногіе даже умѣли читать и писать. Карлъ Великій ставилъ крестикъ, вмѣсто подписи имени: онъ не зналъ грамотѣ; Епископы, собиравшіеся на Соборы, вмѣсто подписей, тоже чертили signum crucis manu propriâ pro ignoratione litterarum (*Дюканжъ*, т. III, стр. 1191); позволено было поставлять въ священники того, кто *можетъ читать* Евангеліе и *буквально пересказывать* содержаніе прочитаннаго (Бруккера, Hist. Philos. т. III, стр. 631). Книги сдѣлались такъ рѣдки, что ихъ надобно было покупать безмѣрною цѣною; принесеніе духовной книги въ даръ церкви награждалось отпущеніемъ грѣховъ. Незнаніе Географіи простиралось до того, что жители Парижа не знали городовъ Фландріи.

(124) Мы говорили уже о степени просвѣщенія Славянъ (т. I, стр. 63—81). Первобытныя ихъ понятія о Географіи, Астрономіи, другихъ знаніяхъ, сохранились въ народномъ преданіи, и могли-бъ быть собраны трудолюбивымъ изыскателемъ. Такъ, напримѣръ, простолюдины наши называютъ главнѣйшія созвѣздія особыми именами (Большая Медвѣдица—*Возъ*, Плеяды—*Утиное Гнѣздо*, и проч.); травы, деревья имѣютъ у

принесть къ нимъ никакихъ новыхъ познаній, кромѣ усовершенствованія Военнаго Искусства, устройства крѣпостей и городовъ (125). Ознакомленіе Руссовъ съ Греками, особливо введеніе Христіанской вѣры, умножили знанія въ Руси; но всѣ они касались только удобствъ жизни, или относились къ новой Рели-

---

нихъ свою номенклатуру. Годъ раздѣляли Славяне на 12 мѣсяцевъ, и считали по онымъ свои весенніе, лѣтніе, осенніе и зимніе праздники, распредѣляли работы, и узнавали продолженіе времени. Вотъ древнѣйшія именованія мѣсяцевъ по-Славянски: Январь, *Просинецъ* (синій?); Февраль, *Сѣчень*; Мартъ, *Сухой*; Апрѣль, *Березозолъ*; Май, *Травной*; Іюнь, *Изокъ*; Іюль, *Червень* (красный); Августъ, *Заревъ*; Сентябрь, *Рюенъ*; Октябрь, *Листопадъ*; Ноябрь, *Груденъ* (замораживающій землю; отъ сего: путь *грудный* — колоть, когда земля замерзла, но еще снѣгу нѣтъ); Декабрь, *Студеный*. Слово: *годъ*, значило тогда просто *время* (Die Zeit, le temps); не называли-ль Славяне года собственно (Das Jahr, l'année) *рокомъ*? Это слово сохранилось у Поляковъ, такъ же какъ и имена трехъ мѣсяцевъ: czerwiec, listopad, grudzień, хотя сими именами Поляки означаютъ не Іюль, Октябрь и Ноябрь, но *Іюнь*, *Ноябрь* и *Декабрь*.

(225) Можно-бы вывесть правила Военнаго Искусства древнихъ Руссовъ, соображая описанія походовъ и битвъ въ лѣтописяхъ, гдѣ часто находимъ множество военныхъ подробностей. Строеніе деревянныхъ городковъ должно отнести рѣшительно къ пришествію Варяговъ.

тіи. Такъ, искуство читать, писать, строить, иконописаніе, цѣленіе болѣзней. начало ремеслъ, усовершенствованіе Военнаго Искуства, были слѣдствіемъ ознакомленія Руссовъ съ Греками, и другими народами. Но, собственно умъ коснѣлъ въ лѣности и невѣжествѣ, а схоластика губила всѣ начала его опытовъ.

Мы видѣли, что Владиміръ заводилъ училища; послѣ него Ярославъ и другіе Князья старались о томъ-же; но здѣсь все ограничивалось чтеніемъ и письмомъ, заключалось въ Св. Писаніи и церковныхъ книгахъ: донынѣ существующій въ простонародіи курсъ книжнаго ученія доказываетъ намъ состояніе и цѣль древнихъ училищъ. Научась читать Св. книги, писать ихъ, узнавъ церковное правило, человѣкъ былъ уже *грамотный*, *книжный* (226). Кромѣ сего письменность упо-

---

(226) Вездѣ, гдѣ говорится объ училищахъ, о наукѣ, лѣтописцы ничего не разумѣютъ болѣе, кромѣ чтенія Свящ. Писанія. Хваля Владиміра за учрежденіе училищъ, Ярослава за умноженіе книгъ, они видятъ одно благо въ сихъ подвигахъ: *чрезъ то доставлена возможность Руссамъ читать Св. Писаніе*. « Владиміръ землю Русскую крещеніемъ просвѣтилъ; Ярославъ насѣялъ книжныя слова въ сердца людей, а мы пожинаемъ ученіе книжное. Книги есть путь къ покаянію; ими обрѣтаемъ мудрость. Онѣ рѣки, напояющія вселенную, исходъ милости, и неисчерпаема глу-

треблялась только въ общественныхъ дѣлахъ, для сохраненія договоровъ, но не болѣе. Можетъ быть страшились даже употреблять на свѣтское сочиненіе письмена, коими выражались словеса Божественныя (227). Великое количество книгъ церковныхъ, потребныхъ для богослуженія, малое число писцовъ—все останавливало успѣхи письменности. Она сосредоточивалась въ религіи и въ духовенствѣ. Кромѣ книгъ библейскихъ

бина ихъ. Онѣ утѣшеніе печали, узда воздержанія. Кто часто читаетъ книги, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ и съ Святыми; читая Пророческія бесѣды, Евангельское ученіе, Апостольскія дѣянія и житія Святыхъ, воспріемлетъ душа великую пользу» (*Кен. сп. рук. л.* 88). Курсъ простонароднаго ученія, донынѣ сохраняющійся, весьма любопытенъ. Ученикъ начинаетъ учить буквы, склады, потомъ наизустъ Часословъ и Псалтирь. Когда онъ выучилъ ихъ, то приучается разбирать уже всякую церковную книгу, списываетъ ихъ, и курсъ ученія конченъ. См. извѣстіе Голикова о курсѣ ученія его, который былъ во всеобщемъ употребленіи до самаго учрежденія училищъ при Екатеринѣ (*Дѣянія Петра Великаго*, т. I, предисловіе).

(227) Донынѣ еще осталось у насъ въ народѣ недовѣрчивое презрѣніе ко всему писанному и печатанному *не-церковными* буквами, при глубокомъ уваженіи къ церковной печати, и къ самому манеру переплета церковныхъ книгъ.

и кромѣ Славянскихъ переводовъ писаній Св. Отецъ (228), библіотеки Руссовъ составлялись тогда изъ *Сборниковъ*. Это были отдѣльныя статьи, взятыя изъ писателей духовныхъ, или не-

---

(228) О первоначальныхъ Славянскихъ переводахъ писаній Св. Отецъ, см. соч. К. Ѳ. Калайдовича, *Іоаннъ Экзархъ Булгарскій*. Лѣтописцы явно преувеличиваютъ число книгъ, переведенныхъ на Славянскій языкъ при Ярославѣ и его преемникахъ. Читая, что *книгами были клѣти исполнены*, вспомнимъ слѣдующее: кто изъ простолюдиновъ нынѣ не удивляется, видя на полкѣ десятка три, четыре книгъ? Такъ думали и на Западѣ въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ. Библіотека Кройландскаго Аббатства въ Англіи славилась за чудо, а въ ней было всего 300 томовъ. Замѣтимъ, что кромѣ Библіи, церковныхъ законовъ и книгъ для церковной службы, на Руси были переводы нѣкоторыхъ сочиненій Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина. Вообще Литтература Булгарская была, вѣроятно, вполнѣ перенесена на Русь. Въ ней заключалось вообще нѣсколько книгъ, переведенныхъ и передѣланныхъ съ Греческаго. Число не духовныхъ книгъ было чрезвычайно ограниченно. Вѣроятно, что какимъ нибудь переводомъ Греческой лѣтописи, выборкою о дѣлахъ Александра Македонскаго, Кира Персидскаго, и т. п. ограничивалось все. Какая-то Троянская Исторія была переведена на Булгарскій языкъ при Царѣ Симеонѣ. Любопытную выписку изъ оной см. *Іоаннъ Экз. Булгарскій*, стр. 190—201. — Ученость нашихъ лѣтописцевъ сходитъ вся на весьма немногіе источники.

большія сочиненія духовныя, вмѣстѣ собранныя. Древнѣйшій изъ такихъ дошедшихъ до насъ Сборниковъ, относится къ 1073-му году. Онъ пергаментный, писанъ красивымъ уставомъ; заглавныя буквы золотыя. Въ предисловіи, которое написано въ четыреугольникѣ, украшенномъ изображеніемъ птицъ, и другихъ предметовъ, писецъ говоритъ: «Великій въ Князьяхъ Святославъ, вожделаніемъ весьма вожделавъ, держаливый владыка *обавити* смыслъ, сокровенный въ глубинѣ *многостропотныхъ* книгъ премудраго Василія, повелѣлъ моему немудровѣдѣнію перемѣну сотворить рѣчи иначе, наблюдая неизмѣняемость смысла. Какъ пчела любодѣльная, съ всякаго цвѣтка *псанію* собираетъ въ сотъ, такъ Князь нашъ въ велемысленное сердце свое, какъ въ сотъ, все собираетъ, и проливаетъ его изъ устъ своихъ предъ болярами, на ученіе ихъ, являясь имъ новый Птоломей, вѣрою, еще-же болѣе желаніемъ и сборомъ многочестныхъ божественныхъ книгъ, коими компаты свои наполнилъ, сотворивъ себѣ тѣмъ вѣчную память, которая будетъ ему вѣнцомъ, въ *непребродный* вѣкъ вѣковъ.» — Въ послѣсловіи книги, писецъ говоритъ: «Окончаніе всѣмъ книгамъ таково: *чего себѣ не хочешь, того и другому не твори.* Въ лѣто 6581-е, написалъ Дьякъ Іоаннъ сей Сборникъ Великому Князю Святославу.» Слѣдуетъ повтореніе предисловія. — Все

содержаніе сего драгоцѣннаго памятника составляютъ статьи духовныя (229).

Изъ нихъ-же составленъ другой, дошедшій до насъ Сборникъ, относящійся къ 1076-году, и писанный также при Святославѣ (230).

Употребленіе письменъ для лѣтописей, кажется, никѣмъ не было сдѣлано кромѣ Нестора, сохранившаго намъ бытія древнія (231). Но,

---

(229) *Сборникъ*, отъ *собирать*; ихъ называли еще *изборниками* (отъ *избираю*). Великое множество Сборниковъ дошло до насъ рукописныхъ. Древнѣйшіе большею частію состоятъ изъ статей духовнаго содержанія; въ послѣдствіи, чѣмъ новѣе, тѣмъ они разнообразнѣе. Святославовъ Сборникъ отысканъ К. Ѳ. Калайдовичемъ въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря (см. *Іоаннъ Экз. Булгарскій*, стр. 102).

(230) Онъ хранится въ Эрмитажной библіотекѣ.

(231) Считаю это почти аксіомою, или положительною истиною. Какая нибудь лѣтопись Греческая попалась Нестору, и онъ началъ писать лѣтопись свою. Кромѣ его *никто не писалъ никакой лѣтописи*, и только Несторову Лѣтопись продолжали другіе. Многіе надѣются, что со временемъ отыщемъ мы еще какихъ нибудь основныхъ лѣтописцевъ, кромѣ Нестора: это пустая надежда, ибо мы знаемъ уже, хотя не подробно, но, вполнѣ всю нашу древнюю лѣтописную литтературу, и въ ней — *одинъ Несторъ вездѣ, и болѣе ничего нѣтъ*. Естественно-ли, что бы другой источникъ не проявился гдѣ нибудь донынѣ въ тысячѣ извѣстныхъ намъ списковъ лѣтописей?

вмѣстѣ съ библейскими и служебными церковными книгами появились на Русскомъ языкѣ и поученія Святителей Греческихъ. Имъ подражали пастыри Русскіе. Кириллъ, Епископъ Туровскій, славился своимъ краснорѣчіемъ духовнымъ и пріобрѣлъ громкое имя *Втораго Златоуста*, паче всѣхъ въ Руси возсіявшаго, и святымъ и пресвѣтлымъ ученіемъ своимъ просвѣтившаго концы земли Русскія» (232). Многія нравоучительныя и духовныя посланія, поученія, притчи, сказанія, житія Святыхъ, дошли до насъ, и многія изъ нихъ любопытны въ высокой степени (233).

---

(232) Творенія Кирилла Туровскаго изданы К. Ѳ. Калайдовичемъ въ *Памятникахъ Росс. Слов. XII-го вѣка* (стр. 1—153). Они состоятъ изъ 12-ти проповѣдей и 3 духовныхъ притчей. Кириллъ жилъ въ половинѣ XII-го столѣтія; онъ былъ на Соборѣ, гдѣ осудили Ѳеодора, Епископа Ростовскаго, и жарко спорилъ съ Ѳеодоромъ. Вторымъ Златоустомъ названъ онъ въ *Прологѣ*.

(233) Мы говорили уже о Посланіи Никифора Митрополита; о другомъ Посланіи сего Святителя упоминаемъ далѣе. Житія Святыхъ Русскихъ первый началъ писать Несторъ, включая ихъ въ свою Лѣтопись; потомъ составили изъ нихъ *Патерикъ*, распространивъ и дополнивъ сказанія Несторовы (см. *Словарь пис. Дух. чина*, ч. II, стр. 93). — Притчи Кирилла Туровскаго весьма любопытны. Какъ живое изображеніе мудрости его времени, излагаемъ здѣсь содержаніе одной изъ нихъ: Былъ *Царь* и жилъ въ большомъ

Слогъ ихъ вообще есть подражаніе Греческой современной имъ риторикѣ. Можемъ полагать, что многое даже переведено было прямо съ Греческаго. Языкъ вообще теменъ, не смотря на многословіе. Безпрестанныя риторическія украшенія; выписки текстовъ изъ Св. Писанія; стараніе доказывать силлогизмами; грубость нравовъ, выказывающаяся изъ подъ блеска ораторскаго—вотъ

городъ; у него было много *совѣтниковъ* и одна *дочь*; живя безпечно и не готовя *оружія* на случай бѣды, онъ любилъ *подданныхъ* и радѣлъ объ нихъ. Однажды *ночью*, испугали его *молвою о бунтѣ*; оружія заготовлено не было, и одинъ изъ подданныхъ вывелъ Царя изъ города, и привелъ его къ *горѣ*, гдѣ сквозь *окно пещеры*, Царь увидѣлъ *старца*, бѣдно одѣтаго; множество оружія лежало вокругъ него, *жена старца* пѣла ему сладкую пѣснь, а *нѣкто небеснаго вида*, подносилъ ему драгоцѣнное, веселящее питье. Царь изумился, сличивъ свою суету и печаль съ радостью и наслажденіемъ бѣднаго старца. Изъясненіе: Царь *умъ*; городъ, гдѣ онъ жилъ *тѣло*; подданные *пять чувствъ*; дочь *душа*; совѣтники *мірскія мысли*; небреженіе объ оружіи *нерадѣніе о душѣ*; ночь *суета міра*; бунтъ *бѣдствія житейскія*; выходъ Царя изъ города *смерть*; гора *монастырь*; старецъ въ рубищѣ *монашеское званіе*; множество оружія *монастырскія занятія и попеченія о душѣ*; пещера въ горѣ *монастырская церковь*; смотрѣніе въ окно пещеры *слушаніе монашескихъ совѣтовъ*; жена старца *мысль о смерти*; небесный юноша *Христосъ*.

отличительныя черты древней письменности Руссовъ. Таковы всѣ памятники и Западнаго красноречія того времени. Всего любопытнѣе въ семъ отношеніи *Слово о Даніилѣ Заточникѣ.* Сосланный въ далекія сѣверныя области, Даніилъ писалъ Слово, или Посланіе свое къ Князю Георгію Долгорукому. Предлагаемъ его вполнѣ, ибо ни въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ не выражается вѣкъ въ такой степени (234).

---

(234) Не прилагаю подлинника, ибо, хотя онъ носитъ всѣ признаки древности, но явно подновленъ; дошедшіе до насъ списки его не древнѣе XVI-го вѣка. Онъ напечатанъ въ *Пам. Росс. Слов.* (стр. 229 — 240). Преданіе о Даніилѣ Заточникѣ, прославившемся по своему Посланію и, можетъ быть, по другимъ сочиненіямъ, оставалось долго на Руси. Посланіе напоминаетъ намъ нѣсколько историческихъ событій, изъ коихъ нѣкоторыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ. Множество поговорокъ и пословицъ, находимыхъ у Даніила, донынѣ сохранилось въ народѣ, и вообще это Посланіе можетъ почесться и образцомъ тогдашняго образованія, и типомъ древней народности. — Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь распространяться подробно о каждомъ, частномъ въ Исторіи Русскаго народа предметѣ, и только слегка очеркиваю ихъ, предоставляя полнѣйшее развитіе другимъ, или себѣ со временемъ. Исторію Русской Литтературы донынѣ составляли у насъ или изъ хронологическихъ замѣтокъ и несноснаго хвастовства о нашемъ древнемъ просвѣщеніи и современной славѣ, или начинали ее только съ Петра,

«Вострубимъ, братіе, какъ въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, начнемъ бить въ серебряные органы, и возвѣсмъ мудрость свою. Боже, Боже мой! для чего ты меня оставилъ! Возстань слава моя, возстань въ псалтири и гусляхъ! Возстану рано и исповѣдаюся Ему; разверзу въ притчахъ гаданія мои, возвѣщу въ народахъ славу мою, ибо сердце смысленнаго укрѣпляется въ тѣлѣ его мудростію.

« Бывалъ языкъ мой, какъ трость книжника скорописца, и увѣтливы бывали уста мои, какъ рѣчная быстрота. Посему покушался я писать всѣ сердечныя помышленія мои, покушался, и — разбивалъ ихъ, какъ древле младенцевъ о камень. Но, пишу наконецъ, ибо боюсь хулы твоей, Князь и господинъ мой! Да не почтешь меня смоковницею проклятою, безъ плодовъ покаянія. Сердце мое нынѣ, какъ лицо безъ очей; умъ мой, какъ дремлющій воронъ; жизнь моя разсыпалась, какъ Ханаанскій Царь въ ничтожествѣ; нищета покрыла меня, какъ Чермное море Фараона. Но, убѣ-

---

даже съ Ломоносова. То и другое несправедливо. Намъ надобно не патріотическое хвастовство, но философское воззрѣніе на духъ древней письменности и Поэзіи нашей, а начиная съ Ломоносова, мы по неволѣ кончимъ Карамзинымъ и Пушкинымъ — высшею степенью прививной Словесности нашей; народная Поэзія и письменность, и основныя стихіи будущаго пропадаютъ для наблюдателя.

гаю отъ лица ничтожества моего, какъ раба Агарь отъ Сарры: видалъ я твое добросердечіе ко мнѣ, Князь мой, и къ прежней любви притекаю. Помню слова Писанія: «просящему дай и стучащему въ дверь отвори, да не лишенъ будешь царства небеснаго», и еще: «возверзи печаль твою на Бога, и Онъ препитаетъ тебя.»

«Князь мой! живу я нынѣ, какъ трава блекнущая, растущая въ тѣни, на которую ни солнце не сіяетъ, ни дождь не падаетъ. Такъ и я всѣми обидимъ, ибо закрытъ отъ тебя страхомъ грозы твоей, какъ оплотомъ твердымъ. Не взирай на меня, какъ волкъ на агнца, но воззри, какъ мать на младенца. Взгляни на птицъ небесныхъ, которыя не орутъ, не сѣютъ, и въ житницу не собираютъ, но уповаютъ на милость Божію. Такъ мы на твою милость уповаемъ.

«О Князь мой! Бѣлое озеро мнѣ какъ смола черно; Лачъ озеро мнѣ плачъ горькій; Новгородъ не новъ, а ветхъ для меня (235): не цвѣтетъ участь моя! Друзья и ближніе отвергли меня: я не могу поставить передъ ними трапезы богатой. Дружились нѣкогда и со мною, но какъ съ солонкою, а при бѣдствіи врагами являются и помога-

---

(235) Въ подлинникѣ здѣсь выходитъ игра словъ: «Кому *бѣло озеро*, а мнѣ *чернѣе смолы*; кому *Лачъ озеро*, а мнѣ на немъ сѣдя *плачъ горькій*.» —

ют подбить мнѣ ноги: очами плачутъ со мною; а сердцемъ смѣются. Нѣтъ, не вѣрую другу, не надѣюсь на брата. Не лживо говорилъ Князь Ростиславъ: *лучше смерть, нежели Курское княженіе.* Такъ и намъ, людямъ простымъ: *лучше смерть, нежели бѣдность.* Говоритъ и Соломонъ: « не требую ни бѣдности, ни богатства: богатъ буду — гордъ буду; бѣденъ буду — рѣшусь воровать и грабить. » Меня обдержитъ бѣдность: спаси-же меня, вопію къ тебѣ, Князь мой! помилуй меня, сынъ Великаго Владиміра, да не плачу, какъ Адамъ, изгнанный изъ рая. Дай тучѣ моего ничтожества пасть на землю: богатаго вездѣ знаютъ, и въ чужой землѣ у него друзья, а бѣдной и на родинѣ невидимый ходитъ; заговоритъ богатый — всѣ замолчатъ, а кончитъ — вознесутъ слова его до облаковъ; заговоритъ бѣдный — всѣ закричатъ на него, и ротъ ему зажмутъ: чьи ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Избавь же меня отъ бѣдности, Князь и господинъ мой! Избавь, какъ серну отъ тенетъ, какъ птицу отъ клящовъ, какъ цыпленка отъ когтей ястреба, какъ овцу отъ льва. Я живу, будто дерево при дорогѣ растущее: всѣ рубятъ его и имъ огонь зажигаютъ; такъ и я, огражденный страхомъ грозы твоей. Исчезаетъ олово, часто расплавляемое, исчезаетъ и человѣкъ отъ усиленныхъ бѣдъ. Кто можетъ питаться солью? Кто будетъ уменъ въ печали? Легко хитрить и мудровать при чужой бѣдѣ, а не при своей. Знаю,

что золото искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница много мучимая чище хлѣбъ даетъ, а въ печали человѣкъ обрѣтаетъ умъ совершенный. Но, какъ моль съѣдаетъ платье, такъ человѣка печаль: у печальнаго кости сохнутъ. Князь! человѣка въ печали призрить, все равно, какъ жаждущаго въ жаркій день студеною водою напоить. Птица радуется веснѣ, младенецъ матери, а я возрадуюсь твоей милости: весна украшаетъ цвѣтами землю, а ты оживляешь всѣхъ людей, и сиротъ и вдовицъ, отъ вельможъ потопляемыхъ. Позволь мнѣ предстать предъ тобою, Князь мой, передъ лицо твое, ибо образъ твой государевъ прекрасенъ, и лицо твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой многоплодовитъ, какъ прекрасный рай! Худъ я, но умѣю добру дивиться. Когда ты веселишься за роскошнымъ столомъ, вспомни, что я сухой хлѣбъ ѣмъ; когда пьешь сладкое питье, вспомни, что я болотную воду пью; когда лежишь на мягкой постелѣ, подъ собольимъ одѣяломъ, вспомни, что я подъ ветхимъ платомъ сплю, зимою мерзну, а лѣтомъ дождевыя капли, какъ стрѣлы, сердце мнѣ проницаютъ. — Да не будетъ рука твоя, Князь мой! сжата на подаяніе убогимъ: чашею моря не расчерпать, ни дачею намъ дома твоего не истощить. Неводъ не держитъ въ себѣ воды, но только рыбу; такъ и ты, Князь, держи только людей, не держи золота и серебра, но раздавай ихъ. Прекрасна ткань, испещренная

многими шелками; таковъ и Князь со многими людьми окрестъ его, честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ. Соломонъ говорилъ: «Слава Царю во многихъ странахъ;» такъ и тебѣ, да будешъ, Князь мой, слава и побѣда во многихъ странахъ; слава-же и побѣда бываетъ отъ многихъ людей. Хвалился Іезекія посламъ Царя Вавилонскаго, показывая имъ много золота и серебра. Они отвѣчали ему: «Нашъ Царь богатѣе тебя: не множествомъ золота, но множествомъ воиновъ; людьми золото добудешь, а золотомъ людей не добыть (236).»

Такъ говорилъ и Святославъ, сынъ Игоря, идя на Царя (Греческаго): «Братья! намъ-ли отъ града погибнуть, или ему отъ насъ плѣненному быть?» Какъ повелитъ Богъ, такъ и будетъ: и единый поженетъ сто, и отъ сотни двинется тысяча; надѣющійся на Бога, какъ гора Сіонъ, во вѣки не подвижется. Дивно-ли за оградою коней пасти, а съ добрымъ Княземъ воевать! Всего болѣе погибаютъ полки безнарядіемъ. Что̀ и въ великомъ звѣрѣ, если у него головы нѣтъ? Такъ и добрые полки безъ добраго Князя — гибнутъ!

---

(236) Этотъ-же отвѣтъ влагаютъ лѣтописцы посламъ Нѣмецкаго Императора, приходившимъ къ Святославу, когда онъ велѣлъ показать имъ свои сокровища: «Се ни во что-же есть: лежитъ-бо мертво; сего суть кметіе лучше: мужи-бо ся доищутъ и больше сего.» (*Кен. спис.* стр. 123) Сказаніе, которое нравилось народу, прилагаемо было ко всему, и повторялось въ разныхъ видахъ.

«Гусли строятся перстами, тѣло стоится жилами, дубъ крѣпится множествомъ корней, а мы твоею державою. Князь отецъ всѣмъ: отца и мать оставляютъ и къ нему идутъ въ слуги. Служащій доброму господину дослужится свободы, а служащій злому дослужится большей работы. Князь щедрый, какъ рѣка, безъ береговъ сквозь дубравы текущая, напояетъ не только людей, но и скотовъ и звѣрей; Князь скупой, какъ рѣка, съ высокими, каменными берегами: не льзя ни самому напиться, ни коня напоить. Бояринъ щедрый, какъ колодецъ воды прѣсной; бояринъ скупой, какъ колодецъ воды солной. Но — не строй жилища близъ жилища Княжескаго; не держи села близъ села Княжескаго. Тіунъ Княжескій—огонь *трепетицею* накладенный; воины его — искры огненныя! Отъ огня устережешься, такъ искра платье прожжетъ.

«Не лиши-же, Князь мой, хлѣба бѣднаго мудреца, и не возноси до облаковъ богача безсмысленнаго и безумнаго: нищій мудрецъ — золото въ грязномъ сосудѣ; богачъ безсмысленный — дорогое изголовье, соломою набитое. — Не смотри на наружность мою, Князь мой, но смотри на внутренность: скудный одѣяніемъ, я обиленъ разумомъ; юнъ лѣтами, но старъ смысломъ: парилъ я мыслію, какъ орелъ подъ облаками! Поставь сосудъ подъ потокъ, каплющій съ языка моего, да накаплю тебѣ сладчайшаго меда словесъ моихъ, по слову Давида: «Сладки словеса-

твоя, паче меда устамъ моимъ,» и по слову Соломона: «добрыя словеса напоютъ душу, а сердце безумнаго покрыто печалью.» Посылаешь умнаго человѣка, не говори ему много, а посылаешь глупаго, говори, да и самъ не лѣнись идти за нимъ, ибо очи умнаго желаютъ благихъ, а очи глупаго ищутъ только пированія. И не лучше-ли слушать отъ умнаго споръ, нежели отъ глупаго совѣтъ! Дай только средство умному, онъ еще умнѣе будетъ; но не сѣй на закраинахъ жита, ни мудрости на сердцѣ глупаго. Дураковъ не орютъ, ни сѣютъ, въ житницы не собираютъ — они сами родятся! Какъ въ ветхій мѣхъ воду лить, такъ дурака учить. Собакѣ и свиньѣ не надобны серебро и золото, дураку не надобны умныя слова: мертвеца не разсмѣшишь и дурака не научишь. Когда синица орла проглотитъ, камень по водѣ поплыветъ (237), свинья станетъ на бѣлку лаять, тогда дуракъ поумнѣетъ. Не скажешь-ли ты мнѣ Князь: «По глупости говоришъ?» — Отвѣчаю: не видалъ я неба холщеваго, ни звѣздъ *лутовяныхъ*, ни дурака умное слово говорящаго. Или скажешь: «Слялъ,

---

(237) Это-же заставляютъ лѣтописцы Булгаровъ говорить Владиміру: «Тогда не будетъ между нами мира, когда хмель на водѣ потонетъ, а камень поплыветъ» (*Кен. спис.* стр. 73). См. объ этомъ походѣ на Булгаровъ т. I, стр. 199.

какъ собака! »— Что-же? Добрую собаку и Князья и бояре любятъ. Или скажешь: « Солгалъ, какъ воръ!» — Нѣтъ, Князь! не бѣдствовалъ-бы я теперь столько, если-бы воровалъ. Губитъ дѣвица красоту свою развратомъ, а мужчина мужество свое воровствомъ.

« Князь и господинъ мой! не море топитъ корабли, но вѣтеръ; не огонь разжигаетъ желѣзо, а надуваніе мѣхами. Такъ и Князь: не самъ онъ впадаетъ во многія дѣла злыя, но совѣтники его вводятъ. Съ добрымъ совѣтникомъ Князь высокаго престола додумается; съ худымъ совѣтникомъ и малаго лишится (238). Скажу-ли тебѣ, Князь: есть присловье въ народѣ — коза не скотина, ежъ не звѣрь, ракъ не рыба, летучая мышь не птица, не мужчина тотъ, кѣмъ жена повелѣваетъ, не жена та, которая невѣрна мужу, не работа подъ женками возъ возить. Не знаю дива дивнѣе того, кто женится изъ корысти на безобразной и злой женщинѣ. Однажды, видя, что такая женщина глядитъ въ зеркало и румянится, я сказалъ ей: « Не глядись въ зеркало, зная красоту свою: не порадуешься на себя. » Говорятъ: женись у богатаго, ради чести, и пей, ѣшь, веселись во многой радости, хотя и злая жена будетъ; а

(238) Еще игра словъ: « Съ добрымъ *думцею* Князь высока стола *додумается*, а съ лихимъ *думцею думаетъ*, и малаго стола лишенъ будетъ. »

я скажу: лучше вола привесть къ себѣ въ домъ, нежели злую жену. Волъ молчитъ и зла не мыслитъ, а злая жена — бьешь ее, бѣсится, ласкаешь, высится, въ богатствѣ гордится, въ бѣдности осуждаетъ. Что такое злая жена? Гостинница неусыпающая, торжище бѣсовское, людской мятежъ, ослѣпленіе уму, начало всякому злу, поборница грѣху, преграда спасенію. Испытывайте мужья дѣла женъ своихъ, не смотря на красоту лицъ ихъ и ласковыя слова, а не то лучше дай вамъ Богъ, чтобы лихорадка васъ била. Берегись, если жена говоритъ тебѣ: «Свѣтъ очей моихъ, господинъ мой! не могу смотрѣть на тебя, не могу слышать разговоровъ твоихъ: обмираю, и трепещетъ все тѣло мое!» Вспомните слова Писанія: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ. Въ церковь ходятъ женщины, и молятся, но учиться имъ надобно дома, у мужей своихъ, а вамъ, мужья, по закону держать ихъ, ибо благо обрѣтшему добрую жену! Добрая жена вѣнецъ мужу и безпечаліе; злая жена печаль лютая, бѣда дому! Червь дерево точитъ, а злая жена домъ мужа своего. Лучше въ ветхой лодкѣ по водѣ ѣздить, нежели злой женѣ тайну сказать: въ ветхой лодкѣ только платье замочишь, а злая жена всю жизнь твою погубитъ. Лучше камень долбить или желѣзо варить, нежели злую жену учить: скорѣе уваришь желѣзо, нежели злую жену научишь: ученья не слушаетъ, Бога не боит-

ся, людей не стыдится — все укоряетъ и все осуждаетъ. Что ужаснѣе льва въ четвероногихъ, что лютѣе змѣи въ пресмыкающихся? Но всего этого злѣе злая жена. Болѣе женской злобы нѣтъ на землѣ: отъ нея Адамъ изъ рая изгнанъ; отъ нея Іосифъ въ темницѣ былъ; отъ нея пророкъ Даніилъ ко львамъ былъ брошенъ. О злое орудіе діавола! — У одного мужа умерла злая жена, и онъ повелъ дѣтей своихъ продавать. «Для чего это?« спросили люди.—Если они въ мать родились, отвѣчалъ мужъ, то хочу скорѣе продать ихъ, пока они меня не продали.—

«Но, обращаюсь къ тому, о чемъ говорилъ прежде. Князь мой! я за море не ходилъ, у философовъ не учился, но какъ пчела сбираетъ съ разныхъ цвѣтовъ и составляетъ соты, такъ я изъ многихъ книгъ собиралъ словесный медъ и разумъ, и слилъ вмѣстѣ, какъ мѣхъ воды морской, не по своему разуму, но по Божію промыслу. Довольно, и то не много-ли наговорилъ я.» (239).

---

(239) Слѣдующее за тѣмъ окончаніе написано Даніиломъ послѣ; вотъ оно: «Это написалъ я въ изгнаніи, на Бѣлѣ-озерѣ, закаталъ въ воскъ, бросилъ въ озеро, рыба проглотила, ее поймали и принесли къ Князю; такъ дошло до него мое писаніе, и онъ велѣлъ меня освободить.» Кажется, что это какая-то аллегорія. — Слѣдуетъ сатирическая выходка: «Не отвѣчай безумному по безумію его, да не будешь по-

Образцами древней письменности можно почесть еще многія духовныя пѣсни, легенды, приписки, также рѣчи, вымышленныя и вложенныя въ уста разныхъ историческихъ лицъ лѣтописцами. Такъ, напримѣръ, говоря о полученіи Княземъ Глѣбомъ извѣстія о смерти брата его Бориса, лѣтописецъ заставляетъ его оплакивать смерть брата слѣдующими словами: « Увы! Боже мой! лучше-бы мнѣ умереть съ братомъ, нежели жить на свѣтѣ семъ! Лучше-бы мнѣ, смотря на лицо твое Ангельское, братъ мой, умереть съ тобою! Нынѣ для чего я одинъ остался? Гдѣ рѣчи твои, глаголанныя ко мнѣ, братъ мой любимый? Не услышу я уже твоихъ кроткихъ наставленій! Если ты улучилъ милость у Бога, моли, да и я приму ту же страсть, какую пріялъ ты. Лучше мнѣ съ тобою умереть, нежели въ свѣтѣ семъ сует-

---

добенъ ему. Нѣтъ! не стану болѣе ничего говорить; не уподоблюсь ветхому мѣху, изъ котораго бѣднякамъ падаетъ богатство; не уподоблюсь жерновамъ, которые сами голодны, а другихъ насыщаютъ; не хочу, что бы меня ненавидѣли за многую бесѣду. Птицу, которая часто поетъ, не любятъ. Есть простое присловье: не кстати рѣчь продолжительная — она не паволока» . . . За симъ, пожелавъ Князю Самсоновой силы, Александровой храбрости, Іосифова разума, Соломоновой мудрости, Давидовой кротости, Даніилъ прибавляетъ: « Худо сумасшедшему давать ножъ, а лукавому власть. »

номъ оставаться.» Сказавъ о убіеніи Глѣба, лѣтописецъ восклицаетъ: «Жертва непорочная, жертва словесная! ты принесла Богу воню благоуханія твоего, пріяла вѣнецъ, вошла въ небесныя обители, узрѣла брата своего, и возрадовалась съ нимъ неизреченною радостію, какой удостоилась за братолюбіе свое. О! коль добро и коль красно, еже быти братіи вкупѣ.» Сказавъ наконецъ о погребеніи Бориса и Глѣба, лѣтописецъ вставляетъ въ разсказъ свой родъ похвальной пѣсни. Вотъ она:

«Совокуплены вы тѣлами, а тѣмъ паче душами вашими у Владыки, всѣхъ Царя, пребываете въ радости безконечной, въ свѣтѣ неизреченномъ, цѣлебные дары подавая Русской землѣ, и чужеземнымъ странникамъ, къ вамъ съ вѣрою притекающимъ: хромые ходятъ, слѣпые прозираютъ, болящіе цѣлятся, окованные разрѣшаются, темницы разверзаются, печальные утѣшаются, *напастные* избавляются! Вы заступники Русской земли, свѣтильники, сіяющіе выну молитвами ко Владыкѣ о людяхъ вашихъ. Должны мы достойно хранить васъ, страстотерпцы Христовы! Должны мы прилежно молиться вамъ, глаголя: радуйтесь страстотерпцы Христовы, заступники земли Русской, исцѣленіе подающіе приходящимъ къ вамъ съ вѣрою и любовію! Радуйтесь небесные жители, въ плоти Ангелы бывшіе, единомысленные, столпъ единообразный, святостію

единодушные, и чрезъ то, страждущимъ исцѣленіе подающіе! Радуйтесь Борисъ и Глѣбъ богомудрые, какъ потоки, текущіе отъ кладязя воды живоносныя, на исцѣленіе вѣрныхъ! Радуйтесь лукаваго змія поправшіе, свѣтозарно явившіеся, какъ свѣтила всю землю Русскую озарившія, и вѣрою неуклонною тму разгоняющіе! Радуйтеся недреманныя очи, стяжавшіе души на совершеніе Божіе, святыхъ заповѣди въ сердца пріемшіе, блаженные! Радуйтеся братья, вкупѣ, въ мѣстахъ златозарныхъ, въ селеніяхъ небесныхъ, въ славѣ неувядающей сущіе, и сего по достоянію сподобившіеся! Радуйтеся Божіими свѣтлостями явно облистаемые, весь міръ обтекающіе и бѣсовъ прогоняющіе, недуги исцѣляющіе, свѣтильники предобрые, заступники теплые, съ Богомъ сущіе, воины, божественными лучами разжигаемые, доблественные страстники, души вѣрныхъ просвѣщающіе! Возвысила васъ свѣтоносная, небесная любовь, и всего краснаго въ житіи небесномъ вы наслѣдовали: славу, райскую пищу, свѣтъ разумныя, красныя радости. Радуйтесь всѣ сердца напояющіе, горести и болѣзни отгоняющіе, страсти злыя исцѣляющіе, каплями святыми крови своей очервленившіе багряницу славную, которою одѣянные, всегда со Христомъ царствуете, моляся за новыхъ христіанъ, и за сродники свои, ибо земля Русская благословилась вашею кровью, и мощамъ вашимъ, въ ней пребываю-

щимъ, духомъ божественнымъ просвѣщаетися, когда вы, мученики, съ мучениками за люди ваши молитеся. Радуйтеся свѣтлыя звѣзды, за утро восходящія! Христолюбивые страстотерпцы и заступники наши! покорите невѣрныхъ подъ ноги Князей нашихъ; молитесь, да пребываютъ они мирно, союзно и здраво; спасите ихъ отъ междоусобій и отъ пронырства діавола; заступитесь и за насъ, поющихъ и почитающихъ ваше честное торжество, во вся вѣки до скончанія.» (240).

Дипломатическій, или дѣловой слогъ, лишенный всѣхъ риторическихъ украшеній, былъ грубъ, и отъ того кажется для насъ иногда вовсе непонятнымъ, состоя болѣе изъ легкихъ замѣтокъ, или намековъ. Мы показали уже нѣсколько примѣровъ опаго (241). Главное, что должно замѣтить касательно книжнаго и дѣловаго языка — различіе сихъ языковъ.

Получивъ переводы Священнаго Писанія, и

---

(240) (*Кен. спис.* рукоп. *листъ* 78). Весь этотъ наборъ похвалъ показываетъ грубое желаніе подражать Греческимъ духовнымъ пѣснямъ, составленнымъ въ похвалу Богоматери и Святыхъ, подражать даже въ самыхъ выраженіяхъ.

(241) Договоры Новгорода, Правда Русская, Уставы церковные Владиміра и Ярослава. Договоры Олега и Игоря писаны яснѣе, обстоятельнѣе, но, вѣроятно, они сочинены Греками.

духовныхъ книгъ, на измѣненномъ Сербскомъ и Булгарскомъ нарѣчіяхъ Славянскаго языка, и видя отличіе его отъ своего языка разговорнаго, обще употребительнаго, Руссы впали въ ту же ошибку, въ какую впали жители Западной Европы, въ отношеніи языка Латинскаго. Они стали почитать свой разговорный языкъ неприличнымъ для книгъ, и усиливались писать все книжное на искуственномъ Славянскомъ языкѣ. Не имѣя правилъ, они искажали его, а между тѣмъ через сіе усиліе отдалился отъ писанія Русскій языкъ, на которомъ составлялись только дѣловыя бумаги. Хотя вообще ихъ дошло до насъ весьма немного древнихъ, но довольно для уразумѣнія сказаннаго нами (242).

Какъ письмена употреблены были главнѣйше для Религіи, такъ и зодчество, принесенное въ Русь Греками, устремлено было къ сему предмету, и только отчасти входило въ общежитіе. Правда, Князья и знатные люди строили себѣ терема и красные дворы; Кіевъ, Новгородъ, и другіе города,

---

(242) Всѣ наши письменные памятники, кромѣ актовъ, суть доказательства неудачнаго желанія выражаться языкомъ Библейскимъ. Грамматики Славянской не было, и потому писали все на удачу, безъ всякихъ правилъ. Мнѣніе наше о Церковномъ Славянскомъ языкѣ, мы уже сказали въ 1-мъ томѣ (см. *Дополненіе VI*).

были обводимы каменными стѣнами (243), но симъ все и ограничивалось. Всѣ обиталища Князей и бояръ были деревянныя; города состояли изъ кучь маленькихъ, худо построенныхъ домовъ. Бѣдные люди жили въ землянкахъ, хижинахъ; богатые и знатные въ хоромахъ, которыя отдѣлялись отъ женской половины сѣнями. Домы были огорожены заборами, въ которыхъ ворота всегда были заперты. Кажется, смотря на домы нашихъ селянъ, и на малое измѣненіе въ постройкѣ ихъ, съ того времени какъ мы имѣемъ уже описанія домовъ Русскихъ до нашего времени, можно полагать, что типъ первобытныхъ строеній Руссовъ еще остался на нынѣшнихъ крестьянскихъ домахъ въ Руси (244).

---

(243) При Ольгѣ былъ однакожъ въ Кіевѣ *каменный* Княжій теремъ (*Кен. спис.* стр. 47). — Мы видѣли, что Кіевъ обведенъ былъ каменною стѣною при Ярославѣ (т. I, стр. 270); Ладогу обвели каменною стѣною въ 1116 году.

(244) Изображенія и описанія Русскихъ домовъ и жилищъ мы имѣемъ съ начала XVI столѣтія; малое измѣненіе въ образѣ постройки и расположеніи съ того времени, и простота, грубость жилищъ нашихъ поселянъ, могутъ служить доказательствомъ того мнѣнія, что намъ не трудно угадать образъ устройства самыхъ первобытныхъ домовъ Русскихъ. Два сруба деревянные, съ *краснымъ* окномъ въ каждомъ, и съ *волоковыми* окнами по бокамъ, соединенные плете-

Многіе знатные люди имѣли при домахъ часовни, и даже церкви; посему не удивительно, что въ Кіевѣ, даже въ X-мъ вѣкѣ, могло быть большое количество церквей, особливо считая множество церквей соединенныхъ въ монастыряхъ и соборахъ (245). На строеніе ихъ вообще не жалѣли издержекъ и трудовъ. Греческіе зодчіе, построившіе Десятинную церковь, украсили ее мозаикою, мраморомъ, живописью. Также великолѣпно устроена была Софійская церковь въ Кіевѣ, при Ярославѣ, и Софійскій храмъ въ Новгородѣ (246).

ными, или досчатыми стѣнами, составлявшими сѣни, гдѣ лѣтомъ находились служанки съ работою (*сѣнныя дѣвки*); на право свѣтлица, на лѣво другая; внизу (ибо домы были двухъ-этажные) анбары и кладовыя — таково было жилище знатнаго, богатаго Русса. Домы бѣдняковъ, особливо не въ городахъ, составлялъ срубъ, съ приплетенными къ нему сѣнями. Печи были черныя, безъ трубъ; животныя жили вмѣстѣ съ людьми.

(245) Только все однакожъ не 400, какъ пишетъ Дитмаръ, и чему *вѣритъ* Карамзинъ, повѣрившій и тому, что Кіевъ въ величіи *соперничалъ* съ *Царьградомъ*. Адамъ Бременскій, утверждавшій послѣднее, не зналъ даже надлежащимъ образомъ и имени Руси. См. обо всемъ этомъ *Ист. Г. Р.* т. I, стр. 246, и прим. 522.

(246) Описаніе Софійскаго Кіевскаго Собора издано Митрополитомъ Евгеніемъ; мы неоднократно упоминали о сей важной и чрезвычайно любопытной кни-

Впрочемъ, не будемъ давать свободы воображенію. Не должно представлять себѣ ни изящества, ни огромности въ тогдашнихъ храмахъ молитвы. Вкусъ въ Греческомъ зодчествѣ былъ тогда въ совершенномъ упадкѣ: грубыя формы, золото, драгоцѣнные матеріялы, составляли для Грековъ все изящество. При переходѣ зодчества къ Рускимъ, огромность исчезла; осталась одна грубость вкуса, и при томъ въ нашихъ древнихъ церквахъ замѣтны измѣненія противъ Греческихъ: зодчество древнихъ Русскихъ церквей собственно есть смѣшеніе Греческаго и какого-то варварскаго вкуса (247). Толстыя четыре стѣны, съ тремя полукругами съ внѣшней стороны алтаря, съ сводами тяжелыми, которые поддерживаются четырьмя огромными столпами, поставленными по срединѣ церкви; окошки длинныя, узкія, безъ всякихъ украшеній, похожія болѣе на щели,

---

гѣ. О Десятинной церкви до сихъ поръ имѣемъ мы недостаточныя только описанія. Сообразите вообще извѣстія П. И. Кеппена о древнѣйшихъ памятникахъ зодчества въ Россіи — *Списокъ Русскимъ памятникамъ* (М. 1822 г.).

(247) Здѣсь такое-же было уклоненіе, какое представляетъ Мавританская архитектура. Собственно зодчество Русское должно составить въ Исторіи художествъ особую вѣтвь отъ Греческаго, такъ, какъ новое зодчество наше отъ современной архитектуры Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ.

нежели на отверстія для свѣта; происходившая отъ того мрачность; огромный иконостасъ, клиросы, загораживавшіе нижнюю часть церкви отъ алтаря; въ монастыряхъ паперть, гдѣ собирались иноки обѣдать, при чтеніи молитвъ; особыя мѣста для Князей, Іерарховъ, мужчинъ и женщинъ; многіе придѣлы, съ иконостасами и клиросами; снаружи огромная глава, колокольня, толстая и низкая, съ нѣсколькими колоколами, клепалами, и билами—вотъ изображеніе древняго храма Русскаго, и въ немъ не льзя искать ни изящества древняго Греческаго, ни величія Готическаго зодчества (248).

Мы сказали, что Греки ввели къ Руссамъ *иконописаніе*; не можемъ сказать: *живопись*, ибо живопись употреблялась тогда только для образовъ, или иконъ. На Руси существовало даже какое-то суевѣрное повѣрье, будто-бы употреб-

---

(248) При наблюденіи древнихъ памятниковъ нашихъ, въ церквахъ и зданіяхъ тщательно надобно отличать новѣйшія пристройки. Наше равнодушіе къ обезображенію древностей неизъяснимо! Ихъ ломаютъ, перестроиваютъ, закрашиваютъ, забѣливаютъ, и мы часто не узнаемъ того, что было извѣстно намъ изъ прежнихъ описаній. Готическое зодчество рѣшительно никогда не существовало на Руси. — Остатки мозаики, или *муссіи*, т. е, изображеній, составленныхъ изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ стекла, донынѣ существуютъ въ Кіевѣ и Новгородѣ,

лять живопись на изображенiе разныхъ предметовъ и портреты, грѣхъ, но, кажется, сiе повѣрье явилось въ послѣдствiи. Въ старинныхъ книгахъ находимъ мы множество изображенiй, фигуръ, портретовъ (249). Иконы и образа были писаны на доскахъ дубовыхъ, даже кипарисныхъ, особеннымъ, весьма не изящнымъ образомъ. Получивъ первыя иконы изъ Корсуня, Руссы называли всѣ иконы такого манера *Корсунскими* (250). Золото, яркiя краски на одеждѣ, особенный темный цвѣтъ тѣла,

---

(249) *Сборникъ* Святославовъ украшенъ изображенiями сего Князя, его Княгини и дѣтей.

(250) Такъ *Корсунскими* донынѣ называются многiе древнiе образа. Любопытные могутъ видѣть образецъ ихъ въ иконѣ Всемилостиваго Спаса, находящейся въ алтарѣ Успенскаго Собора и иконѣ Богоматери, находящейся въ придѣлѣ Св. Стефана, въ Успенскомъ Соборѣ. Съ нихъ писаны, въ увеличенномъ видѣ, большiя иконы Успенскаго Московскаго и Новгородскаго Софiйскаго Соборовъ, называемыя *Корсунскими*. Образъ Успенiя Богоматери, въ Кiево-Печерскомъ Успенскомъ Соборѣ, также принадлежитъ къ древнѣйшимъ (см. *Спис. Русск. Памятн.*, П. И. Кеппена). Здѣсь должно упомянуть о дверяхъ Новгородскаго Софiйскаго Собора, составленныхъ изъ мѣдныхъ досокъ, съ изображенiями. Отсылаемъ читателей къ сочиненiю Г-на Аделунга о сихъ дверяхъ (Die Korsunschen Thüren, etc. Берлинъ, 1823 г.) гдѣ доказано, что сiи двери перешли въ Новгородъ съ Запада, и Корсунскими называются несправедливо; впрочемъ онѣ замѣчательны.

волосы правильными полосками, отличают древнія иконы. Ими покрыты были иконостасы, клиросы, престолы. Часто иконам придавали огромнѣйшій размѣръ. Искусство иконописанія сохранилось у насъ донынѣ въ особомъ цехѣ художниковъ. Теорія иконописанія, словесно передаваясь изъ рода въ родъ, извѣстна имъ и нынѣ въ такой степени, что нынѣшніе наши иконописцы могутъ въ совершенствѣ снять самую древнюю икону (251). Образа и иконы были украшаемы ризами, золотыми и серебряными, вѣнцами, драго-

---

(251) Мнѣ донынѣ не случалось читать техническаго изложенія Русской иконной живописи. Цехъ живописцевъ, пишущихъ иконы, называется у насъ *Иконописнымъ*. Въ простонародіи донынѣ остается сомнѣніе: должно-ли почитать образами и молиться иконамъ, писаннымъ не на древній, а на такъ называемый *Итальянскій* манеръ, т. е. по правиламъ изящной живописи. Это однакожъ сглаживается временемъ; но старообрядцы дорого цѣнятъ древнія иконы, тщательно сбираютъ ихъ отвсюду, и не покланяются новымъ, *Нѣмецкимъ* (какъ они называютъ) *образамъ*. У иконописцевъ нашихъ есть свои правила даже о томъ, какъ изображать святыхъ; сіи правила называютъ они *Персональникомъ*, и подъ симъ названіемъ существуютъ между ними рукописныя тетрадки, начало коихъ приписываютъ Алимпію, Печерскому иноку, славившемуся *зографіею*, или иконописаніемъ.

цѣнными каменьями (252). Ихъ окружали множествомъ лампадъ, привѣсокъ, и страшились искать въ нихъ предмета для изящнаго искусства, съ благоговѣніемъ преклоняясь предъ ними. Стѣнное писаніе, альфреско, отличалось огромностью размѣровъ, пестротою, яркостью красокъ, и также темнымъ цвѣтомъ тѣла (253). Касательно живописи на пергаментѣ, въ книгахъ, можемъ замѣтить, что здѣсь примѣтно особенное, не Греческое вліяніе. Такъ, напримѣръ, не льзя не видѣть страннаго сходства украшеній Руническихъ Скандинавскихъ камней и заглавныхъ буквъ и виньетокъ нашихъ древнихъ книгъ. Такъ

---

(252) На украшеніе иконы Богоматери Пирогощей ризою, Князь Андрей Боголюбскій употребилъ одного золота болѣе 30 гривенъ, кромѣ серебра, жемчугу и дорогихъ камней (*Кенигсб. спис.* рук. л. 212).

(253) Слѣды древнѣйшаго альфреско найдены въ остаткахъ Десятинной церкви; оно сохраняется также въ Георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ, въ Спасской церкви близъ Полоцка, въ церкви Волотовскаго упраздненнаго монастыря, близъ Новгорода, въ Рождественской церкви въ Городнѣ (*Вертязинъ городокъ*, первая станція отъ Твери къ Москвѣ), и проч. — Въ Ладогѣ и Городнѣ сія живопись была заштукатурена варварами-возобновителями церквей, и только отвалившаяся штукатурка открыла слѣды древней живописи (*Сл. Собр. Русск. Пам.* П. И. Кеппена, стр. 35 и слѣд.)

въ чеканкѣ оружій воинскихъ введены были Восточныя украшенія (254).

Говоря объ искуствахъ, употребленныхъ для богослуженія и церквей, скажемъ, что Греки ввели къ Руссамъ разнообразное церковное, Греческое пѣніе; съ тѣмъ вмѣстѣ введены были и нотные знаки (255).

Ваяніе, находившееся въ совершенномъ упадкѣ у Грековъ, не было употребляемо для церквей, и огра-

---

(254) Сличите, напримѣръ, Рунныя украшенія съ заглавною виньеткою списка *Шестоднева* XIII вѣка, коей снимокъ приложенъ къ *Іоанну Экз. Булгарскому* (*Рис. 3-й*).

(255) Первоначально было на Руси *Столповое* (cantus planus) пѣніе, одноголосное, заключающее во всѣхъ переливахъ не болѣе 3-хъ нотъ. *Демественное* (отъ *Доместикъ*, запѣвало), состоящее изъ одного пѣвца и хора, вторящаго пѣвцу, введено позднѣе. Потомъ началось *Симфоническое*, трехъ и восьми-голосное. Въ послѣдствіи явились разныя онаго измѣненія. Ноты назывались древле *знаменіями*, и сперва состояли изъ буквъ, подобно Греческимъ; потомъ ихъ замѣнили *крюковыя* ноты, состоявшія изъ странныхъ крючковъ, и *подметокъ*. Нотныхъ книгъ, писанныхъ крюками, дошло до насъ весьма много; но они употребляются теперь только раскольниками, и рѣшительно замѣнены нотами линейными, Гидоновыми. См. изображеніе крюковыхъ нотъ, и замѣчанія о церковномъ Русскомъ пѣніи, Митрополита Евгенія (*Отечеств. записки*, 1821 г. №. 19).

ничивалось обдѣлкою гробницъ, обсѣченіемъ камней и выдѣлкою грубыхъ изображеній человѣка и животныхъ. Его уничтожала всего болѣе суевѣрная мысль: изображеніемъ святыхъ въ статуяхъ, уподобить ихъ идоламъ (256).

Начала Медицины были перенесены къ Руссамъ отчасти Греками, отчасти съ Востока. Состоя до самаго XV-го вѣка изъ собранія эмпирическихъ замѣчаній, потемненная суевѣріями и несправедливо понимаемыми пособіями Религіи, которыя почитаемы были не средствомъ приготовленія души для другаго міра, но лекарствомъ положительнымъ, Медицина находилась у самихъ Грековъ въ грубомъ состояніи (257). Здоровый климатъ, про-

---

(256) Мы говорили уже о гробницѣ Ярослава. При разрытіи Десятинной церкви найдены еще два гроба, изъ краснаго, песчанистаго лещадника, или шифера, съ выпуклою насѣчкою, въ которой изображенія походятъ на изображенія, находящіяся на Ярославовой гробницѣ. Надписей на гробахъ не найдено, ибо ихъ никогда не бывало. Чьи сіи гробы, неизвѣстно.

(257) Подробную Исторію Медицинскихъ знаній въ Россіи, написалъ знаменитый врачъ В. Рихтеръ: Geschichte der Medicin in Russland. M. 1813—1817, 3 тома (сія превосходная книга переведена на Русскій языкъ, и издана въ М. 1814—1820 гг. подъ названіемъ: *Исторія Медицины въ Россіи*). — Невѣжество соединяло съ многими болѣзнями наитіе діавола, а съ цѣленіемъ оныхъ непосредственное чудотвореніе. Отъ этого, въ самомъ дѣлѣ, были странныя болѣзни, и *клику-*

стая жизнь, простая пища, трудъ, отъ того легкія, простыя болѣзни, нѣсколько травъ, зелій и молитва передъ мощами, или иконою, составляли Медицинскія пособія Русса. Общественность ввела болѣе сложныя болѣзни въ Руси, и съ введеніемъ Христіанской вѣры Медицина находилась въ рукахъ или пріѣзжавшихъ съ Востока врачей, или духовныхъ особъ. При многихъ монастыряхъ заведены были больницы, бани, аптеки. Первое изъ такихъ заведеній было устроено въ Переяславлѣ Епископомъ Ефремомъ, въ 1089-мъ году. Оградивъ монастырь каменною стѣною, онъ устроилъ въ немъ заведенія для призрѣнія страждущихъ (258).

шество, или бѣснованіе, играло едва-ли не первую роль въ старинной Медицинѣ. Впрочемъ, простота жизни вообще была лучшимъ лекарствомъ для народа. Странныя лекарства, описанныя въ старинныхъ лечебникахъ (которыхъ впрочемъ не дошло до насъ старѣе XVI-го вѣка) объяснены въ вышеупомянутой книгѣ Рихтера.

(258) «Ефремъ въ сіе лѣто многа зданія воздвиже.... и городъ каменъ, и *строеніе банно каменно,* сего-же не бысть прежде въ Руси» (*Кен. спис.* стр. 130). Употребленіе бань издревле служило Руссамъ врачевствомъ. Инокъ Алимпій, Печерскій иконописецъ, славился также и медицинскими познаніями. Агапитъ (конч. 1095), другой инокъ, былъ названъ *безмезднымъ врачемъ,* ибо лечилъ всѣхъ безъ всякой платы; къ нему приходили отвсюду толпами. Давъ обѣтъ не выходить изъ обители, гдѣ жилъ, онъ заочно ис-

Кромѣ землепашества и содержанія животныхъ, пчеловодства, звѣриной ловли, Руссамъ извѣстны были нѣкоторыя ремесла. Они выдѣлывали кожи, дѣлали грубыя шерстяныя ткани, умѣли плесть изъ липовыхъ лыкъ обувь, и валять грубыя шапки, или колпаки. Обдѣлка металловъ также была имъ извѣстна издревле (259).

Не знаемъ, что̀ еще знали древніе Руссы. По крайней мѣрѣ отъ Грековъ не перешло къ нимъ, кажется, ничего болѣе. Довольно было и того благодѣянія, что Греки передали имъ Религію и общественность. Другія знанія и науки оставались неизвѣстными, почитались безбожіемъ, и такъ были обезображены, что должно было въ самомъ дѣлѣ

цѣлилъ Владиміра Мономаха. Когда присланныя Агапитомъ къ Мономаху лекарства показаны были Армянину, врачу весьма искусному, но безуспѣшно лечившему его до того времени, сей сказалъ: « Это не наши лекарства, а кажется, получены изъ Александріи» (см. *Патерикъ*). Слѣд. извѣстныя лекарства были нарочно получаемы Агапитомъ изъ разныхъ мѣстъ.

(259) Объ *усмаряхъ*, или кожевникахъ, о *лаптяхъ*, пчеловодствѣ, звѣроловствѣ, скотоводствѣ, мы имѣемъ древнѣйшія извѣстія. Слово: *скорнякъ*, сохранившееся донынѣ (когда слово: *скора* — шкура, уже утратилось) доказываетъ древность сего занятія на Руси. Серебряныя ложки приказалъ *выковать* Владиміръ для гостей своихъ; оружіе дѣлали себѣ Руссы издревле.

почитать ихъ болѣе прихотью ума человѣческаго (260).

Надобно понять общее направленіе Среднихъ вѣковъ, дабы уразумѣть ходъ образованія и просвѣщенія на Востокѣ и на Западѣ. Міръ древній развивался въ Изящныхъ Искуствахъ и Философіи, или любви къ мудрости человѣческой; міръ новый долженъ былъ развиться въ Политикѣ и Христіанской Религіи, или божественной мудрости. Перемѣна была столь велика, что все древнее необходимо долженствовало пасть въ забвеніе, когда общественность древняя была ниспровергнута варварами. Тогда Религія заняла все мышленіе человѣка, и прикладывая все къ сей единой мысли, человѣкъ видѣлъ безуміе въ Философіи и Поэзіи, идолослуженіе въ Изящныхъ Искуствахъ, обольщеніе діавола въ наукахъ. Между тѣмъ, когда новое общество устроивалось по новымъ идеямъ, и подъ совершеннымъ вліяніемъ Религіи, хотя потерявшей въ то время первобытную чистоту и употребленной какъ орудіе страстей, міръ древній боролся съ новымъ и соединялъ исторію Человѣчества древняго и новаго. Примиривъ общественность древнюю съ новою,

---

(260) Астрономія смѣшана была съ *Астрологіею*, Математика съ *Кабалистикою*, Медицина съ колдовствомъ, Философія путалась въ обезображенныхъ системахъ Востока и Греціи.

онъ примирилъ и Религію съ Философіею и Знаніями человѣка (261).

И начала сего міра не было еще въ томъ періодъ, который мы изображаемъ. Человѣкъ, весь погруженный въ Религію, видѣлъ въ древнемъ мірѣ поганство въ мудрости человѣческой, волшебство въ Математикѣ, искалъ Физики и Географіи въ духовныхъ книгахъ и Библіи, почиталъ силу наукою

(261) Полная жизнь человѣческаго общества должна составлять три отдѣленія: *блага*, *изящнаго*, *истины*. Первое развивается въ общественности, подъ преимуществомъ всего *полезнаго;* второе въ произведеніяхъ собственно-изящныхъ, подъ преимуществомъ *пріятнаго;* третье, начинаясь въ Религіи, доводитъ къ Божественному, по чистымъ изслѣдованіямъ ума. Вотъ объемъ полнаго развитія человѣка въ обществѣ, какъ существа, состоящаго изъ двухъ сторонъ — *тѣлесной* и *душевной*. Можемъ подраздѣлять показанные отдѣлы на *полезное* (знанія прикладныя къ основнымъ наукамъ, промышленность, Политическую Экономію), *справедливое* (*Юриспруденцію* и Права), *изящное* (Поэзію и изящныя искусства и художества), *божественное* (Религію и Богословіе), *мыслительное* (Философію). Это будетъ все равно, такъ-же какъ наименованіе трехъ вышепоказанныхъ отдѣловъ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, *Политикою*, *Поэзіею* и *Философіею*. Обозрѣніе сихъ идей, и убѣжденіе въ томъ, что въ нихъ заключены всѣ стихіи жизни человѣчества, составляютъ торжество новѣйшихъ мыслителей, и ставятъ насъ на вѣрную стезю во всѣхъ приложеніяхъ.

Правъ, легендою замѣнялъ Исторію, духовными пѣснями Поэзію и Схоластикою Философію. «Іудеи «знаменія просятъ, Эллины премудрости ищутъ, «мы-же вѣруемъ въ Христа распятаго» — были слова тогдашняго христіанина. — «Вѣдайте книги, отводящія отъ Бога, говорили Руссамъ, «онѣ суть: *Астрологія, Астрономія, Землемѣріе, Волшебство.*» (262).

Такъ надлежало быть устремленнымъ направленію вѣка. Не отвергнувъ рѣшительно всего древняго, не испытавъ всей тщеты ума надъ изъясненіями, толкованіями, прибавленіями къ святой вѣрѣ, преданной въ чистотѣ Богочеловѣкомъ, человѣкъ не достигъ-бы своей цѣли въ новомъ мірѣ. Отселѣ необходимость Христіанской Схоластики (263).

---

(262) О книгахъ истинныхъ и ложныхъ (*Іоаннъ, Экз. Булгарскій*, стр. 208).

(263) Въ твореніяхъ Кузена, Аста, ихъ предшественниковъ и послѣдователей, мы не находимъ исторіи *схоластики собственно-Греческой.* Они оканчиваютъ древнюю Философію эпохою Новоплатониковъ Александрійской школы (VI-мъ вѣкомъ) и переходятъ къ *Схоластикѣ Западной Европы* Среднихъ временъ, ибо тамъ начало, изъ коего развилась новѣйшая философія, съ одной стороны въ Рамузѣ, Бруно, Декартѣ, Спинозѣ; съ другой въ Ванини, Баконѣ, Гоббезѣ, Локкѣ, довершаясь въ Лейбницѣ, Кантѣ, Шеллингѣ. Но, какъ на Западѣ Скептицизмъ, Мистицизмъ и Нравственная

Можемъ изумляться нелѣпости ея во многомъ, но еще болѣе изумляемся, если сообразимъ, въ какой степени проникла она въ Среднія времена повсюду, и какъ могъ человѣкъ изобрѣсть столь тон-

Философія Шотландіи составляютъ особыя вѣтви въ исторіи новой Философіи, такъ въ цѣлой исторіи Философіи Схоластика Грековъ, или *восточная*, должна составлять особый переходъ, наравнѣ съ *Западною* Схоластикою: она не погибала, и существовала до самаго того времени, когда съ XV-го и XVI-го вѣка Западная Философія, дѣлая переходъ отъ Схоластики, разлилась въ Польшѣ. Перешедъ въ Польшу, она дошла къ намъ, и смѣшалась съ Греческою Схоластикою, кончившеюся для Грековъ съ Царьградомъ, но уцѣлѣвшею у насъ. Отъ того особый характеръ нашихъ *Русскихъ Схоластиковъ* съ XV-го и XVI-го столѣтія, отличный отъ характера *Схоластиковъ западныхъ*. Главное въ томъ, что на Западѣ преимуществовалъ въ Схоластикѣ *Аристотель*, у насъ *Платонъ*, или, лучше сказать, Ново-Платоники Александрійскіе. Нужноли здѣсь объяснять, что такое вообще Схоластика? Желаніе помирить истины Откровенія и повѣсть Библейскую съ Философскими системами и повѣстью Человѣка, что необходимо долженствовало ввести въ метафизическій Мистицизмъ, ибо при этомъ умъ подвергали безусловной покорности вѣрѣ, требуя отъ него въ тоже время полныхъ объясненій на все. Отъ того была смѣсь понятій: Аристотель и Платонъ рядомъ съ Василіемъ Великимъ и Діонисіемъ Ареопагитомъ; названія: Doctor angelicus и Doctor seraphicus, данныя Ѳомѣ Аквинейскому и Іоанну Бонавентурію; мысль причесть къ лику святыхъ Платона, Сократа,

кія приложенія, запутанности, придумать такіе выводы. Не говоря уже о спорахъ, касательно Бога, природы, вѣры, человѣка, Схоластика имѣла совершенно особливый, свой взглядъ на всѣ предметы: Исторія, Естествознаніе, Поэзія, были запутаны схоластическими вопросами и тонкостями. Греки, часто считавшіе схоластику дѣломъ болѣе важнымъ, нежели государственныя дѣла, могли-ль не перенести ея къ Руссамъ? И въ самыхъ первыхъ началахъ ученія о Христіанской Религіи, передаваемыхъ Греками, мы находимъ глубокіе слѣды Схоластическаго Богословія. Потомъ, вмѣстѣ съ истинами, Схоластика глубоко внѣдрилась въ понятія Русскаго духовенства. Самыя ереси въ Русской Церкви были нечто иное, какъ схоластическія умствованія. Другіе слѣды Схоластики разсыпаны въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Такъ, напримѣръ, излагая библейскую исторію, лѣтописецъ входитъ въ изъясненія о крещеніи. « Мы обновляемся водою при крещеніи потому (говоритъ онъ), что когда при Ноѣ умножились грѣхи, Богъ навелъ потопъ на землю, и потопилъ людей водою, а потомъ рекъ: *Погубивъ ихъ водою, водою и огнищу.* Такъ Израильтяне крестились въ морѣ отъ

Аристотеля.— Прежде всего скажемъ, что не должно осуждать Схоластики, не узнавъ подробно ея исторіи: она была необходима, и для каждаго мыслителя всегда останется любопытною въ величайшей степени.

Египетскаго злаго нрава. Вода была прежде всего и Духъ Божій надъ нею носился, посему и крещеніе бываетъ водою и духомъ. Но преображеніе человѣка первое было водою, и Гедеонъ прообразилъ его, ибо, когда Ангелъ велѣлъ ему идти на Мадіамъ, онъ положилъ руно на гумнѣ, и рекъ: «*Будетъ-ли на всей землѣ роса, а на рунѣ суша?*» Такъ было, и сіе знаменовало то, что Жиды есть сухое руно, а страна окрестная, орошенная, другіе народы, и на другихъ народахъ нынѣ роса крещенія, а на живыхъ суша (264).» Всего любопытнѣе въ семъ отношеніи Посланіе Митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. Желая преподать Князю полезныя наставленія, онъ излагаетъ сущность Христіанской нравственности, и между прочимъ входитъ въ метафизическія изслѣдованія.

---

(264) Сей разсказъ вставленъ въ повѣствованіе Греческаго философа, изъяснявшаго Владиміру вѣру Христіанскую (см. *Пушк. спис.* стр. 55—72). Какъ живо отражаются здѣсь Восточные символы! Сообразите объясненіе Крейцера о символахъ и миѳахъ во (Французскомъ переводѣ Гиньо, Religions de l'antiquité, т. I. Введеніе, глава 2). Изъ множества примѣровъ символическаго мистицизма, разсыпанныхъ во всѣхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ, укажемъ еще на изъясненія Кирилла Туровскаго о монашествѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что монашество началось при исходѣ Израильтянъ изъ Египта, и библейскими преданіями объясняетъ всѣ его символы (*Пам. Росс. Слов.* стр. 102—117).

«Мы сугубы, «пишетъ Никифоръ: « словесны и безсловесны, духовны и тѣлесны; духовное въ насъ чудное нѣчто, Божественнаго касается, а тѣлесное грубо, сластолюбиво, страстно. Отъ сего между ими всегда рать многая, и положенъ Богомъ *постъ,* укрощающій тѣлесныя страсти, и доставляющій высшему началу побѣду. Если-бы Адамъ постился, то не согрѣшилъ-бы, и Богъ не требовалъ-бы поста отъ насъ; но невоздержностью погубленное, воздержностью возставляется. Видишь-ли, Князь благовѣрный и кроткій, что постъ есть основаніе добродѣтели, и посему-то онъ возсіялъ въ мірѣ, какъ солнце. — Въ человѣкѣ, « продолжаетъ Никифоръ, » смѣшано зло и благо, какъ плевелы съ пшеницею. Посему должно намъ великое вниманіе имѣть, что бы не принять зла за благо и блага за зло. Красенъ и добръ на видъ былъ плодъ, погубившій нашего праотца, но внутри его была ловитва зла, т. е. преслушаніе. »

Извинясь потомъ въ риторическихъ прибавкахъ, Никифоръ излагаетъ, что душа человѣка сотворена была дуновеніемъ Божіимъ, по сему и говорится, что *человѣкъ по образу Божію созданъ.* Душа, объясняетъ Никифоръ, состоитъ изъ трехъ началъ: *словеснаго, яростнаго, желаннаго. Словесное* весьма важно, но возвышая насъ къ Богу, какъ Авраама и Эноха, Словесное и губитъ насъ, какъ погубило древнихъ Эллиновъ и діавола. *Яростное* значитъ ревность къ Богу имеетъ къ врагамъ его: здѣсь

является злоба и зависть, благовѣрство и зловѣрство. Примѣръ неправильнаго употребленія Яростнаго есть Каинъ, устремившій Яростное на брата; примѣры правильнаго употребленія: Моисей, убившій Египтянина, который билъ Жидовина, и въ ярости сошедшій съ Синая, и избившій Израильтянъ; Финеесъ, убившій преступника; Илія, зарѣзавшій жрецовъ Вааловыхъ. Но разбойникъ, который убьетъ поганаго идолослужителя, будетъ неправъ, ибо Яростное употребитъ онъ по злобѣ и корыстолюбію. *Желанное* есть высшее стремленіе къ Богу, и забвеніе всего для Бога, такое состояніе, когда все человѣческое раздирается, какъ вретище, но человѣкъ говоритъ тогда: «обратилъ плачъ мой на радость, разодралъ одежду мою, и одѣлъ меня веселіемъ.» Сіе веселіе раждается отъ золъ и страданій, Бога ради принятыхъ; тогда человѣкъ прорастаетъ, какъ сѣмя животное, творитъ чудеса, прорицаетъ будущее, приближается къ Богу, и дѣлается святымъ, подобнымъ Богу на землѣ (265).

---

(265) Сіе Посланіе напечатано въ *Русскихъ Достопамятностяхъ* (ч. I, стр. 61—75). Карамзинъ видѣлъ въ немъ только примѣръ того, какъ «древніе учители нашей Церкви бесѣдовали съ государями, соединяя усердную хвалу съ наставленіемъ Христіанскимъ.» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 169), а Издатели Посланія находили его драгоцѣннымъ «*по расположенію самаго*

«Повѣдавъ тебѣ о тричастномъ души человѣческой (продолжаетъ Никифоръ), повѣдаю о слугахъ ея, воеводахъ, вспоминателяхъ, которыми она тѣлесно дѣйствуетъ, будучи сама безплотна, и между тѣмъ принимая воспоминанія. Душа сѣдитъ въ головѣ; умъ у нея, какъ свѣтлое око; она наполняетъ все тѣло своею силою. Такъ ты, Князь, сѣдишь въ своей землѣ, и слугами и воеводами наполняешь землю, и дѣйствуешь, будучи самъ господинъ и Князь.«

Никифоръ объясняетъ, что слуги души суть пять чувствъ. Зрѣніе, если только человѣкъ въ умѣ, всегда вѣрно; слухъ, напротивъ, бываетъ иногда обманчивъ. « Отъ чего ? Недоумѣваю, но толкуютъ, что видѣніе переднюю часть только, слѣдовательно, одну, видитъ, а слухъ ощущаетъ и переднее и заднее, внимаетъ спереди глаголющему и сзади вопіющему,» и отъ сего развлекается. Слѣдуютъ наставленія объ употребленіи пяти чувствъ, и о томъ, что по усмотрѣнію Никифора, Мономахъ

сочиненія, по слогу *чистому* и *пріятному*, а *всего болѣе* — по описанію душевныхъ качествъ кроткаго Владиміра» (*Русск. Достоп.* т. I, стр 59)!! — Ученіе Никифора есть чистая Новоплатоническая, Александрійская Философія; его *желанное*, есть Александрійскій ἕνωσις, и три степени человѣческаго совершенствованія, по изложенію Никифора, есть полная теорія Ѳеургіи Александрійской.

по *словесному* велик, не мал и по *яростному*, но мал по *желанному*. Замѣчательны слова Митрополита объ употребленіи слуха, и самое окончаніе посланія. (266)

Зная сіи подробности, и соображая первобытные нравы Варяговъ и Славянъ, мы видимъ, что образовывали собою области Русскія до XII-го вѣка. Языческая религія погибла, и остатки ея смѣшались съ Религіею Христіанскою того времени, которая была обременена Схоластикою. Политическое образованіе составилось изъ смѣшенія Скандинавіи, Азіи и Греціи. Всѣ стихіи приведены были такимъ образомъ въ броженіе, страсти имѣли свою цѣль, но первобытное съ новымъ не было соединено и уравнено, такъ же какъ и въ политическомъ составѣ Руси не было ничего постоянно единаго, цѣлаго, общаго.

Мы увѣряемся, что касательно умственной дѣятельности, при составленіи Русскаго народа, и Славяне и Скандинавы младенчествовали, имѣли только начала самыхъ первыхъ общественныхъ и необходимыхъ свѣдѣній. Но есть одинъ элементъ нравственнаго образованія, начинающійся съ первою идеею о религіи, съ первыми понятіями человѣка о себѣ самомъ и природѣ. Сей элементъ— *Поэзія*, образующая со временемъ Словесность

---

(266) *Русск. Достоп.* т. I, *стр.* 70-75.

народа. Если человѣкъ говоритъ, то онъ уже поетъ; при алтарѣ, и въ битвѣ, онъ изъявляетъ чувство пѣснью; въ досугѣ веселья и въ заботѣ горести, душа его изливается пѣснями. Дикарь сопровождаетъ мертвое тѣло друга, или подруги, пѣснью, и что бы запомнить законъ, что бы разсказать былое, онъ излагаетъ ихъ въ пѣснѣ. Исторія, вѣра, законодательство дикихъ и полудикихъ народовъ, все заключено бываетъ въ пѣснопѣніяхъ. Потомъ отдѣляются отъ пѣснопѣній исторія, вѣра, законы, какъ отношенія человѣка къ протекшему, къ небу, къ себѣ подобнымъ, и Поэзія составляетъ особый элементъ духа человѣческаго.

Скандинавы и Славяне слѣдовали сему неизмѣнному закону природы человѣка. Скальды были Иродотами, Тиртеями и Орфеями своихъ соотечественниковъ (267). У Славянъ, какъ мы уже говорили, существовала Поэзія. Но пѣсни Скальдовъ и гусляровъ Славянскихъ разлетѣлись въ звукахъ и исчезли. Ничего, рѣшительно ничего не дошло до насъ. Древнѣйшій памятникъ Русской Поэзіи относится къ началу XIII-го вѣка: это *Слово о полку Игоревомъ* (268). Въ немъ нахо-

---

(267) Мы говорили о Скандинавскихъ Скальдахъ (т. I. стр. 8). Изъ ихъ пѣсней составлены были въ послѣдствіи Исторія и Миѳологія Скандинавская.

(268) Сіе древнее произведеніе найдено было въ *Сборникѣ*, принадлежавшемъ Графу А. И. Мусину-

димъ мы слѣды другихъ пѣснопѣній, но въ темныхъ и неясныхъ намекахъ (269). Всѣ другіе па-

---

Пушкину. Карамзинъ видѣлъ сей Сборникъ (*Ист. Г. Р.* т. III, пр. 272); но послѣ того рукопись потерялась, какъ мы слышали. Къ счастію, безцѣнная рѣдкость, въ немъ, и только въ немъ, сохранившаяся (по крайней мѣрѣ донынѣ неизвѣстенъ другой списокъ Слова о Полку Игоревомъ), напечатана была Графомъ Мус. Пушкинымъ (*Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ Удѣльнаго Князя Новагорода - Сѣверскаго Игоря Святославича*, писанная стариннымъ Рускимъ языкомъ въ исходѣ XII-го столѣтія. М. 1800 г. in 4). Въ послѣдствіи, ее изъясняли многіе, печатали, переводили, перелагали въ стихи. Достовѣрность Слова о Полку Игоревомъ не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Мы прилагаемъ его къ III-му тому *Исторіи Русскаго народа*, съ объясненіями.

(269) Самое начало: » Не лѣпо ли ны бяшетъ, » братіе, начати *старыми словесы* трудныхъ повѣ» стей о полку Игоревѣ, Игоря Святославича ». Далѣе: » Начатися же той пѣсни по былинамъ сего » времени, а *не позамышленію Бояню* ». Слѣдуетъ описаніе Бояна: » Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу вспомнимъ *Баюна*, который по золотой цѣпи ходитъ съ одного дерева на другое, сказываетъ сказки, заводитъ пѣсни. См. т. I, стр. 206), « сѣрымъ вол» комъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки. Пом» няшетъ бо *рѣчь первыхъ временъ усобицъ* (т. е. какъ бывало во времена первыхъ междоусобій) тог» да пущашетъ 10 соколовъ на стадо лебедей; кото-

мятники Русской Поэзіи относятся ко временамъ позднѣйшимъ, и потому мы будемъ говорить о нихъ

» рый дотечаше, та преди пѣснь пояше: *старому* » Ярославу; *храброму* Мстиславу, *иже* зарѣза Реде» дю предъ полки Касожскими; *красному* Романови » Святославичу. Боянъ же, братіе, не десять соколовъ » на стадо лебедей пущаше, но своя *вѣщіе* персты » на *живыя* струны вскладаше, они-же сами Княземъ » славу рокотаху«.—Здѣсь понятно, 1е, что Пѣвецъ Игоря хочетъ пѣть *по примѣру прежнихъ пѣвцовъ;* 2-е, что прежде пѣвали похвалы разнымъ Князьямъ, пуская соколовъ во имена ихъ, и чей соколъ прежде билъ лебедя, тому Князю и пѣснь была пѣта; 3-е, что былъ какой-то знаменитый *Боянъ*, пѣвецъ, превосходившій всѣхъ и пѣвавшій безъ жребія. Боянъ упоминается еще нѣсколько разъ въ Словѣ о Полку Игоревомъ. » О Бояне, соловію стараго времени! Абы » ты сія полки ущекоталъ, скача славію (соловьемъ) » по мыслену древу, летая умомъ подъ облаки, сви» вая славы оба полы сего времени, рыща въ тропу » Трояню, чресъ поля на горы. Пѣти было (т. е. *те» бѣ-бы пѣть*) пѣснь Игорю, *того Олега* внуку. *Не » буря соколы занесе черезъ поля широкая; гали» ци стада бѣжатъ къ Дону великому* (не слова-ли » Бояна приводятся здѣсь?). Чили вспѣти было вѣ» щій Бояне, Велесовъ внуче « (кажется: *или уже » намъ воспѣть, Боянъ вѣщій, внукъ Велеса?*)». Говоря о славномъ Князѣ Полоцкомъ Всеславѣ, Пѣвецъ оканчиваетъ такъ: » Аще и вѣща душа въ дру» зѣ тѣлѣ, но часто бѣды страдаше. Тому вѣщій Бо» янъ и *правую* (прьвое) припѣвку смысленный рече: » *ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда*

въ другихъ мѣстахъ (270). Не можемъ-ли мы однакожъ отыскать самую древнѣйшую Поэзію Руссовъ?

Первая Поэзія каждаго народа бываетъ *лирическая*, неопредѣленное стремленіе коей подобно неопредѣленному первому крику младенца; изъ нея развиваются *эпопея* и *драма*, т. е. тѣ два рода Поэзіи, въ коихъ человѣкъ разсказываетъ самъ и заставляетъ разсказывать другихъ. Это составляетъ переходъ отъ лирической поэзіи, близкій, быстрый, такъ что нѣтъ народа самаго дикаго, у котораго-бы не нашли мы эпопеи и драмы. Но формы ихъ грубы, смѣшаны, неопредѣленны: эпо-

---

» *Божія не минути* «.—Наконецъ: » Рекъ Боянъ и » ходы на Святославля, пѣстворца стараго времени » Ярославля Ольгова Коганя хоти: *тяжко ти головы* » *кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы* (кажется, это опять приводятся слова Бояна) «. Осмѣлимся-ли послѣ сего предположить, что *вѣщій, смысленный Боянъ, соловей стараго времени, растекавшійся по мыслену древу соловьемъ, умомъ, какъ сизый орелъ, летавшій подъ облаками, сѣрымъ волкомъ рыскавшій чрезъ поля на горы, когда хотѣлъ кого пѣснію ущекотать, подъ вѣщими перстами коего, какъ живыя, рокотали струны гуслей*, былъ внукъ другаго пѣвца, Велеса, и пѣлъ Всеслава Полоцкаго и Олега Черниговскаго, двухъ героевъ своего времени, знаменитыхъ по доблести и бѣдствіямъ?

(270.) Слич. сказанное въ I-мъ т. стр. 204, 205.

нея состоитъ въ украшенномъ разсказѣ событій, драма въ лицедѣйственномъ пѣніи, гдѣ является нѣсколько пѣвцовъ и хоръ, составляя разговоръ, и украшая пѣнье мимикою. За тѣмъ начинаются грубыя формы сатиры, романа и другихъ поэтическихъ образовъ творенія духа человѣческаго (271).

Вѣроятно, что Олеговъ и Святославовъ сопровождали Скальды; вѣроятно, что на пиршествахъ Владиміра провозглашали они свои эпическія, лирическія и драматическія пѣснопѣнія. Но со введеніемъ Христіанской вѣры, Поэзія Русская казалась идолослуженіемъ, остаткомъ поганства, была преслѣдуема, гонима, запрещаема, наконецъ изгнана изъ Княжескихъ чертоговъ, и въ первобытныхъ своихъ формахъ сошла въ низшія званія, гдѣ легко ей было принять новыя формы, въ коихъ тип

---

(271) У дикихъ Американцевъ, у нашихъ Якутовъ, существуютъ уже лирика и драма. И что такое разговоры и игры дѣтей, гдѣ представляютъ они нѣсколько разныхъ лицъ, какъ не желаніе изобразить драматически видимое и чувствуемое ими? Востокъ изобиловалъ лирическими, драматическими и эпическими твореніями, съ незапамятныхъ временъ. Разумѣется, мы говоримъ все это не тѣмъ людямъ, которые, глядя только на миѳическія преданія Грековъ, начинаютъ Трагедію съ Греческаго козла, а Комедію съ дрожжей, которыми актеры мазали себѣ лицо. Но въ наше время совѣстно даже и упоминать о подобныхъ мнѣніяхъ.

старыхъ едва могъ быть примѣтенъ. Въ Княжескихъ и боярскихъ теремахъ, она получила напротивъ преобразованіе, какое было съ нею въ Германіи, Франціи и Скандинавіи. Герои древнихъ пѣсенъ остались, но преображенные; пѣвецъ принужденъ былъ принять языкъ Христіанина, устранить вліяніе древнихъ боговъ, и измѣнить миѳъ, славя Бога истиннаго. Не смотря на то, грубое смѣшеніе видно, древнее основаніе явно (272).

Такимъ образомъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, мы убѣждаемся, что множество повѣствованій о событіяхъ историческихъ въ древней нашей Исторіи, были нечто иное, какъ сочиненія

---

(272) Мы переносимъ къ Русскимъ Сагамъ то, что по глубокимъ изслѣдованіямъ Шведскихъ, Датскихъ и Германскихъ ученыхъ доказано касательно Германскихъ и Скандинавскихъ Сагъ. Здѣсь два главныя воззрѣнія: 1-е что миѳы и саги смѣшивались, переходя отъ одного народа къ другому; позднѣйшее сливалось съ древнѣйшимъ, и самобытное каждаго народа съ занятымъ отъ другихъ; 2-е, что Христіанство всегда истребляло только видимость язычества, но духъ его оставался, и потомки обращавшихся смѣшивали духъ язычества съ внѣшностью Христіанства, сами того не подозрѣвая, ибо тайна умирала съ предками ихъ, обратившимися первоначально въ Христіанскую вѣру.—Выводы изъ множества изслѣдованій по симъ предметамъ собралъ Моне, въ своемъ *Обозрѣніи исторіи язычества Сѣверной Европы* (см. объ этомъ сочиненіи выше).

древнихъ Скальдовъ Русскихъ, въ коихъ поэтически разсказаны историческія событія. Исчислимъ здѣсь тѣ мѣста лѣтописей, гдѣ звуки Поэзіи отзываются изъ небытія.

1. *Завоеваніе Кіева Хазарами.* Хазары требуютъ дани; Поляне собираютъ совѣтъ, думаютъ, и даютъ имъ дань мечами обоюду-острыми. Хазары приносятъ сію дань къ своимъ старцамъ. «Не добра сія дань, «отвѣчаютъ старцы.» Мы покоряемъ страны мечемъ объ одномъ острее; по сіи данники одною стороною отобьютъ, другою покорятъ насъ (273).

2. *Смерть Аскольда и Дира.* Драматическій разсказъ (274).

---

(273) Къ сей сагѣ, лѣтописецъ-Христіанинъ прибавляетъ: » Это и сбылось, ибо не по своей волѣ говорили Хазарскіе старцы, но по Божію повелѣнію. Такъ привели нѣкогда Моисея предъ Фараона и говорили: « Царь! онъ хочетъ смирить землю Египетскую «—и сбылось сіе: погибли Египтяне отъ Моисея, а прежде Израильтяне были работники Египтянъ. Такъ и Руссы нынѣ владѣютъ Хазарами » (*Пушк. сп.* стр. 10, 11).

(274) Мы изложили уже его въ 1-мъ томѣ (стр. 102, 103.) Дабы видѣть, какъ, при переходѣ въ позднѣйшія времена, саги постепенно украшались, слич. описаніе смерти Аскольда и Дира въ *Никоновской лѣтописи* (ч. I, стр. 24).

3. *Походъ Олега къ Царьграду*. Эпическій разсказъ (275).

4. *Смерть Олега*. Олегъ вопрошаетъ кудесниковъ и волхвовъ: «Отъ чего смерть ему будетъ?»—Отъ любимаго твоего коня! отвѣчаетъ одинъ волхвъ. Олегъ велитъ удалить коня. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ вспоминаетъ о конѣ, спрашиваетъ и узнаетъ, что конь его уже издохъ. Олегъ смѣется надъ волхвомъ, и ѣдетъ посмотрѣть на кости коня. Голый остовъ головы лежалъ на лугу. «Отъ сего-ли лба будетъ смерть мнѣ?» говоритъ Олегъ, и ногою трогаетъ остовъ: въ немъ крылась змѣя; она ужалила Олега; Князь разболѣлся и умеръ (276).

5. *Походъ Игоря къ Царьграду*. Эпическій разсказъ (277).

---

(275) См. изложеніе его, ч. I, стр. 116, 117. Въ сей сагѣ сохранилось даже и названіе *вѣщаго*, данное Олегу, и столь знакомое намъ изъ Слова о Полку Игоревомъ. Прибавки Христіанскія видны въ уподобленіи Олега Св. Димитрію Селунскому.

(276) *Кенигсб. сп.* стр. 33.—Вотъ сага, явно перенесенная изъ Скандинавіи. Это самое происшествіе разсказывали Скандинавскіе Скальды объ Оддурѣ, Князѣ Норвежскомъ, и оно, взятое изъ Сагъ, вписано въ Торфееву *Норвежскую Исторію*. См. Шлецера, Несторъ, R. A. т. III, стр. 345.

(277) См. изложеніе его въ I-мъ т. стр. 146.

6. *Мщеніе за смерть Игоря.* Полная эпическая поэма. Она начинается смертію Игоря. Древляне, убивъ его, требуютъ Ольгу въ супружество за Князя своего. Ольга притворно соглашается. Лодку, въ которой пріѣхали Древлянскіе послы, несутъ Кіевляне на рукахъ, и бросаютъ въ приготовленную для того яму. «*Хороша-ли вамъ честь?*» спрашиваетъ Ольга Древлянъ, наклоняясь къ ямѣ. «*Тяжеле Игоревой смерти!*» отвѣчаютъ Древляне. Ихъ засыпаютъ землею. Ольга требуетъ въ поѣзжане знаменитыхъ Древлянъ, скрывая смерть первыхъ пословъ. Новые послы пріѣзжаютъ; ихъ ведутъ парить въ банѣ, и тамъ сжигаютъ. Ольга посылаетъ сказать Древлянамъ, что бы они готовили меды, и позволили ей прежде отправить тризну на могилѣ Игоря. Тризна совершается. Тутъ Древляне напиваются пьяны, и ихъ побиваютъ. Коростень, городъ Древлянскій, осажденъ; Древляне отчаянно сражаются. Ольга видитъ трудность завоеванія, и проситъ, вмѣсто дани, по *три голубя* и по *три воробья* отъ каждаго дома. Древляне согласны; требуемая дань вручена Ольгѣ. Ночью, воробьи и голуби возвратились въ городъ съ зажженными фитилями. Коростень запылалъ; жители бѣгутъ; Руссы побиваютъ ихъ, или берутъ въ плѣнъ, и Ольга торжествуетъ (278).

---

(278) *Пушк. сп.* стр. 27—31.

7. *Крещеніе Ольги.* Драматическое пѣснопѣніе (279).

8. *Походъ Святослава въ Булгарію.* Полная поэма. Излагаемъ ее, для сличенія съ историческимъ повѣствованіемъ (280).

Святославъ занимаетъ Булгарію, беретъ 80 городовъ, и дань съ Грековъ. Печенѣги нападаютъ на Кіевъ. Описывается спасеніе Кіева. Святославъ возвращается, разбиваетъ Печенѣговъ, дѣлитъ области сынамъ, и снова обращается въ Булгарію (281).

Булгары сражаются. Святославъ побѣждаетъ ихъ, и посылаетъ за данью къ Грекамъ. Греки

---

(279) *Пушк. сп.* стр. 32-34.—Сага оказывается здѣсь въ разсказѣ, будто Императоръ Греческій влюбился въ Ольгу, и былъ ею хитро обманутъ.

(280) Мы извлекли историческое повѣствованіе о войнѣ Святослава въ Булгаріи изъ Греческихъ источниковъ (т. I, стр. 167-188). Сличите съ онымъ сагу, здѣсь предлагаемую, дабы вполнѣ узнать разницу сагъ отъ Исторіи, и образъ прибавокъ, которыя мы только предполагали въ повѣствованіяхъ объ Олегѣ, Игорѣ и Ольгѣ, не имѣя средствъ повѣрить ихъ; здѣсь эта повѣрка легко можетъ быть произведена.

(281) Не должно-ли полагать здѣсь начала другой саги предположивъ, что первая заключала въ себѣ спасеніе Кіева и оканчивалась смертію Ольги, а вторая вмѣщала второй походъ Святослава въ Булгарію и смерть его?

согласны, но тайно готовятся на битвы, и сто тысячь Греческихъ воиновъ приходитъ; они разбиты Руссами.

Царь Греческій сзываетъ бояръ своихъ. «Что́ сотворимъ? « говоритъ онъ.» Намъ не устоять противъ Святослава. «—Пошли къ нему дары на искушеніе, говорятъ бояре, мы узнаемъ: не любитъ-ли онъ золота и паволокъ. Отправляютъ золото, паволоки и мужа мудраго, замѣчать взоръ, лицо, мысли Святослава. Грековъ вводятъ къ нему. Святославъ и не взглянулъ на золото и паволоки, предъ нимъ повергнутыя. «*Возьмите* !» говоритъ онъ своей дружинѣ. Новый совѣтъ Грековъ. « Искусимъ его еще,» говорятъ бояре Царю своему. « Пошли ему оружіе.» Увидя оружіе, Святославъ схватываетъ мечь съ радостію, хвалитъ доброту его, цѣлуетъ. Услышавъ о семъ Греки робѣютъ. «Лютъ мужъ сей,» говорятъ они: « богатствомъ не дорожитъ, а оружіе беретъ.»— Они соглашаются платить дань; Святославъ дудаетъ съ дружиною. «Если не сотворимъ мира,» говоритъ онъ,» Царь узнаетъ, что насъ мало: Русь далеко; Печенѣги ратуютъ съ нами; гдѣ помощь? Заключимъ же миръ, когда Греки согласны платить дань.»—Желая собрать болѣе войска по заключеніи мира, Святославъ идетъ въ Русь, и погибаетъ въ Днѣпровскихъ порогахъ (282).

---

(282) *Пушк. сп.* стр. 39-43.

9. *Исторія Рогнѣды Полоцкой.* Послѣ описанія несчастной свадьбы ея, слѣдуетъ описаніе охлажденія любви Владиміра къ ней, и ревности Рогнѣдиной. Она рѣшается убить Князя соннаго; но Владиміръ просыпается въ ту минуту, когда кинжалъ Рогнѣды занесенъ на его сердце. Рогнѣда укоряетъ Князя за смерть отца, братьевъ и не любовь. Владиміръ, въ гнѣвѣ, рѣшается торжественно наказать ее; велитъ ей убраться въ лучшія одежды, и сѣсть на великолѣпномъ Княжескомъ ложѣ. Онъ входитъ въ ея теремъ, и въ то самое время, когда хочетъ поразить Рогнѣду, сынъ Владиміра и Рогнѣды, Изяславъ, бросается между ними. «Ты не одинъ здѣсь, отецъ мой!» восклицаетъ Изяславъ. «Кто-жъ думалъ, что и ты здѣсь!» восклицаетъ Владиміръ, роняетъ мечъ, прощаетъ Рогнѣду, и даетъ ей съ сыномъ городъ въ удѣлъ (283).

10. *Битва съ Печенѣгами.* Два войска сходятся, но не желая пролитія крови, Печенѣги предлагаютъ рѣшить споръ единоборствомъ. Руссы недоумѣваютъ въ выборѣ воина. Приходитъ старикъ кожевникъ, и объявляетъ Князю, что у него есть юноша сынъ, необыкновенной силы. Дѣлаютъ испытаніе. Юноша убиваетъ разъяреннаго быка, потомъ сражается съ Печенѣгомъ, побѣж-

---

(283) *Кен. сп.* стр. 185, 186.

даетъ его, и Владиміръ въ честь побѣдителя закладываетъ городъ *Переяславль* (284).

11. *Спасеніе Бѣлгорода.* Печенѣги оступаютъ городъ; Владиміръ далеко; припасовъ въ городѣ мало. По совѣту одного старца, жители собираютъ весь хлѣбъ, дѣлаютъ цѣжу, вливаютъ въ кадь, и ставятъ ее въ глубокій колодезь; въ другой колодезь ставятъ они кадь съ медовою сытою. Потомъ призываются Печенѣги. «Мы вамъ не сдадимся, и будемъ сражаться крѣпко,» говорятъ имъ Бѣлгородцы; «если-же вы думаете выморить насъ голодомъ, то смотрите обиліе наше!» Предъ Печенѣгами черпаютъ они цѣжу, варятъ кисель, и ѣдятъ съ сытою. Изумленные Печенѣги вѣрятъ, что запасы въ Бѣлгородѣ неистощимы, и отступаютъ (285).

12. *Походъ Мстислава на Касоговъ.* Войска, Русское и Касожское, сближаются. Редедя, Князь Касожскій, предлагаетъ рѣшить дѣло единоборствомъ. Мстиславъ принимаетъ вызовъ. Начи-

---

(284.) *Пушк. сп.* стр. 86, 87.—Но Переяславль былъ включенъ въ договоръ Олега съ Греками? Явная поэзія разсказа подтверждается симъ обстоятельствомъ.

(285.) *Пушк. сп.* стр. 90—92.—Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что все, что мы почитаемъ сагами, вносилось донынѣ въ нашу Исторію. Такъ и спасеніе Бѣлгорода киселемъ—вписано Карамзинымъ въ *Ист. Г. Р.* (т. I, стр. 227), какъ событіе историческое!

нается борьба; Мстиславъ изнемогаетъ, обѣщаетъ построить храмъ во имя Богоматери, если побѣдитъ врага. Силы его подкрѣпляются; онъ повергаетъ и убиваетъ Редедю (286).

Вотъ цѣлый рядъ поэмъ, въ коихъ изложена древняя исторія. Многія доказательства увѣряютъ насъ въ семъ предположеніи: отличіе разсказа всѣхъ исчисленныхъ нами событій отъ другихъ мѣстъ лѣтописи, и отъ выписокъ изъ Византійцевъ; сличеніе нѣкоторыхъ изъ сихъ описаній съ историческимъ объ однихъ и тѣхъ-же дѣлахъ повѣствованіемъ; явный Скандинавскій и Германскій образъ разсказа, даже прямое сходство нѣкоторыхъ съ Скандинавскими сагами; подтвержденіе, что именно битва Мстислава и нѣкоторыя другія повѣствованія были пѣты предъ Князьями (287).

---

(286) *Кен. сп.* стр. 101, 102.—Мы видѣли уже въ Словѣ о полку Игоревѣ, что сага о поединкѣ Мстислава съ Редедею точно была пѣта нашими Скальдами, и, слѣдственно, существовала.

(287) *I. Отличіе разсказа.* Выписки изъ Византійцевъ просты, сухи, правдивы; но гдѣ начинается сага, тамъ являются украшенія, рѣчи, прибавки басненныя: корабли на колесахъ, выборъ мечей, дань мечами, сожженіе городовъ, посредствомъ воробьевъ и голубей, спасеніе ихъ киселемъ; повѣствованіе, то дѣлается эпопеею, то драмою. Лѣтописецъ не помѣщаетъ только миѳологіи, которую видимъ въ Словѣ о полку Игоревомъ, и пышнаго описанія подробностей. Но отнимите сіи части отъ Слова о полку

Судя такъ, можемъ предполагать, что призваніе Рурика и братьевъ его; поселеніе Аскольда

Игоревомъ, и вы получите сагу, совершенно похожую на сагу о походахъ Олега, Игоря, Святослава. Сіи саги, такъ, какъ онѣ внесены въ лѣтопись, показываютъ намъ основу, а Слово о полку Игоревомъ образъ, какимъ развивались основы въ сагахъ.— 2-е, *Сличеніе съ Исторіею.* Что историческаго должно отличать въ нашихъ сагахъ, видимъ разбирая сагу о войнѣ Святослава въ Булгаріи. Такъ Германскіе, Шведскіе и Датскіе ученые извлекаютъ Исторію изъ своихъ сагъ.—3-е *Вліяніе Скандинавскихъ и Германскихъ сагъ.* Кромѣ явнаго переноса саги о смерти Олега изъ Скандинавіи, вникните въ сущность всѣхъ нашихъ сагъ, и сличите ихъ съ Нибелунгами, Гельденбухами и сагами Скальдовъ—какое величайшее сходство! Замѣтимъ только одно: поединки, играющіе столь важную роль; но какъ могли они зайдти въ нашу Исторію, если не признать поэтическихъ прибавокъ?—4-е, Свидѣтельство Слова о полку Игоревомъ, что сага о Мстиславѣ существовала, когда разсказъ лѣтописца о поединкѣ Мстислава имѣетъ рѣшительный характеръ саги, становится для насъ чрезвычайно важнымъ. Въ томъ-же Словѣ видимъ, что также были саги объ *Ярославѣ, Олегѣ Святославичѣ, Романѣ Святославичѣ* и *Всеславѣ Полоцкомъ.* Сихъ сагъ нѣтъ въ лѣтописяхъ, ибо тогда уже писали современную лѣтопись; но характеръ Всеслава по лѣтописямъ не тотъ-ли, который поэтически изображенъ въ Словѣ о полку Игоревомъ? Мы будемъ имѣть случай еще неоднократно говорить о семъ важномъ предметѣ, котораго, къ сожалѣнію, не можемъ здѣсь раскрыть подробно.

и Дира въ Кіевѣ; смерть ихъ; война Владиміра съ Булгарами; смерть Варяга, обреченнаго на жертву идоламъ; избраніе вѣръ; смерть Ярополка; смерть Олега Древлянскаго; принятіе Христіанской вѣры; крещеніе Кіевлянъ; бой Мстислава и Ярослава, близъ Листвена—будучи собственно историческими событіями, были съ тѣмъ вмѣстѣ и предметами пѣснопѣній. Рядъ сихъ поэмъ вѣроятно продолжался до самаго нашествія Монголовъ: Пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ, вѣрятно, одно изъ такихъ пѣснопѣній, вполнѣ до насъ дошедшее. Сличая его съ сагами о походѣ Олега и Святослава, видимъ рѣшительное сходство въ вымыслѣ и расположеніи. Какимъ образомъ лѣтописецъ внесъ поэтическія подробности въ свои сказанія, это объясняется весьма легко (288).

(288) Обращаю въ семъ случаѣ вниманіе читателей на безсмертное твореніе Нибура, его Römische Geschichte. Тамъ вполнѣ раскрыто, какъ изъ Римскихъ сагъ образовались повѣствованія о Ромулѣ, Нумѣ Помпиліи, и внесены въ Исторію. Мы говорили о мѣстѣ Поэзіи въ первобытныя времена каждаго народа, и замѣтили прекращеніе вноса сагъ нашихъ въ лѣтописи, когда лѣтописцы начали описывать уже современныя имъ дѣянія. Объ особенной причинѣ прекращенія самихъ сагъ, и переходѣ ихъ въ особую народную Поэзію, скажемъ послѣ. Слич. еще обозрѣніе первоначальной Исторіи въ поэтическихъ формахъ у разныхъ народовъ, въ рецензіи на Нибурово сочиненіе, которая помѣщена была въ The Foreign Quarterly Review

Оканчиваемъ здѣсь, далеко не полную, картину Руси. Въ ней старались мы соединить все, что можно замѣтить въ общественномъ и нравственномъ состояніи Руссовъ до XIII-го вѣка. Такова была тогда Русь, подобная современному ей Западу, и долженствовавшая перейдти новый періодъ бытія народнаго. Въ изложеніи событій мы узнаемъ періодъ сей исторически. Означимъ теперь общими чертами Русь, и выведемъ изъ сего очерка: *чего могла она ожидать въ будущемъ?*

Русь не превышала Запада образованіемъ, просвѣщеніемъ, общественностью, но не была и ниже его; только политическое бытіе оной было отдѣльное отъ бытія западныхъ Европейскихъ земель и народовъ. Тотъ не знаетъ Европы съ X-го по XIII-й вѣкъ, кто поставитъ ее выше Руси при Владимірѣ и Ярославѣ. Голодные волки рыскали тогда по полямъ Италіи, и среди развалинъ древнихъ обществъ возвышались городки, или замки бароновъ, гремѣли народныя вѣчи, а въ обителяхъ раздавались схоластическіе споры. Но равная ошибка—думать, что Русь при Владимірѣ и Ярославѣ была государство сильное, единодержавное, громкое просвѣщеніемъ, вѣрою, гражданственностью. Представляя собою начатки общественности, она уступала Западу

(1828, кн. IV), и переведена въ Телеграфъ 1829, № 8 и 9.

тѣмъ, что не имѣла важныхъ преимуществъ и средствъ, таившихся на Западѣ: древней гражданственности, древняго образованія и просвѣщенія, подобно садовымъ растеніямъ одичавшихъ среди развалинъ, но—не погибшихъ. Надобно было только рукѣ времени удобрить новую почву и пересадить растеніе, сдѣлавшееся дикимъ, чтобы оно снова и пышнѣе расцвѣло: этого Русь не могла ожидать.

Единство Руси заключалось въ *языкѣ* и *религіи*, но не въ политическомъ составѣ, не въ правахъ жителей: вотъ важнѣйшее обстоятельство. Правленіе княжествъ было смѣшеніемъ Азіятскаго и Византійскаго деспотизма, и Скандинавскаго феодализма. Ничто не ручалось Руси ни за безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, ни за миръ внутренній. Ничто не безопасило Руссовъ и отъ естественныхъ бѣдствій, при грубости нравовъ, невѣжествѣ и униженіи обитателей. Жестокость, свирѣпость видны были во всѣхъ дѣлахъ. Вѣра Христіанская истребляла идолослуженіе, но облекалась въ схоластику, приводила въ недоумѣніе, пугала робкій, неопытный умъ. Одна сила меча и золота всѣмъ управляла, и при семъ послѣднемъ отношеніи не было уже спасенія ни въ крестной грамотѣ, ни въ клятвѣ, ибо клятва могла быть разрѣшена, успѣхъ могъ привлечь вѣрность, а построеніе монастыря, или духовная эпитимія, успокоить совѣсть.

Князья хотѣли власти, ибо думали, что для нея назначаясь Провидѣніемъ, они имѣютъ право, когда имѣютъ силу. Не содержа постоянныхъ войскъ, Князь сбиралъ народъ, вооружалъ его, распускалъ, когда опасность проходила, бралъ дань, бралъ виру, и думалъ, что исполняетъ обязанность къ подданнымъ. Строя церковь, убивая поганыхъ, украшая иконы, ходя къ службѣ Божіей, постясь, читая легенды и св. книги, онъ полагалъ, что исполняетъ обязанность Христіанина. Скотница, съ накопленнымъ золотомъ и серебромъ, богатая одежда, погребъ съ медомъ, пивомъ и винами, медуша, съ бадьями меда, обширные заповѣдные лѣса для охоты, толпа рабовъ, большая гридня, красный теремъ, были предметами честолюбія (289). Отслушавъ заутреню и обѣдню, выслушавъ думу бояръ, Князь ѣхалъ охотиться; потомъ садился за столъ, обремененный

---

(289) Лѣтописи наполнены извѣстіями о богатствахъ, какія собирали и скопляли Князья. Хотя и не льзя предполагать количества ихъ по нашимъ понятіямъ о капиталахъ, но все они были весьма велики. Щегольство богатствомъ одеждъ было чрезвычайное: золото, серебро, дорогія ткани, рѣдкое оружіе отличали Князей и вельможъ. Въ примѣръ огромности запасовъ Княжескихъ приведемъ, что когда въ 1146 г. взятъ былъ Путивль, городъ *удѣльнаго* княжества, то, разграбивъ дворецъ тамошняго Князя, побѣдители нашли въ немъ 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина, взявъ притомъ 700 рабовъ.

ѣствами, грубыми, но многочисленными, и спалъ послѣ обѣда. Вечеръ посвящался или молитвѣ, или пиру. Опустошеніе; огнь и мечъ слѣдовали въ походахъ и войнахъ за Княземъ и его дружиною (290).

Бояре, тіуны и гридня слѣдовали примѣру Князя, и твердо защищали его, ибо смерть, за-

---

(290) Охота считалась столь важнымъ дѣломъ, что подвиги на охотѣ оставались въ памяти людей, наравнѣ съ важнѣйшими событіями. Мономахъ, въ своей Духовной, преподавая нравоучительныя правила дѣтямъ, передавая имъ тайны правленія, и разсказывая свои военныя дѣла, говоритъ наконецъ: «Разскажу вамъ, какіе труды мои были и на охотѣ. Когда я княжилъ въ Черниговѣ, то по 10 и по 20 дикихъ, живыхъ коней лавливалъ въ тамошнихъ лѣсахъ, а по рвамъ ѣздя ловилъ ихъ своими руками. Туръ дважды металъ на рога меня, и съ конемъ; олень сшибъ меня и бодалъ, а двѣ лоси, одна ногами топтала, другая рогами бодала; кабанъ отхватилъ у меня мечъ съ бедра; медвѣдь у колѣна подкладъ откусилъ; другой лютый звѣрь бросился ко мнѣ на бедры, и повалилъ меня и съ конемъ, но Богъ сохранялъ меня. Много разъ падалъ я съ коня, дважды расшибалъ голову, и руки и ноги вередилъ въ юности, не блюдя живота и не щадя головы своей.» Подвиги и отвага на охотѣ ставились, слѣдовательно, въ особую честь, такъ же какъ и на Западѣ, гдѣ лучшее украшеніе жилища Барона и рыцаря полагали въ трофеяхъ охоты, память подвиговъ на охотѣ славили въ пѣсняхъ, и отдавали охотѣ половину жизни.—Объ опу-

точеніе, по крайней мѣрѣ — разграбленіе, слѣдовали послѣ пораженія ихъ. Золото, пріобрѣтенное бояриномъ, могло спасти его отъ наказанія за преступленіе, могло выкупить изъ неволи, и его-то собиралъ онъ, роскошествуя и молясь, измѣняя и постясь. Надобно читать лѣтописи, чтобы видѣть, какъ рѣдокъ былъ тогда примѣръ добраго боярина (291).

Еще тяжеле была судьба людина, смерда, погруженнаго въ невѣжество, суевѣрнаго, отягченнаго властію Князя, тіуна, боярина. Ненадежность на будущее, война, нашествіе иноплe-

---

стошеніяхъ войны можемъ судить по разсказамъ Мономаха, который добродушно сознается, что такой то городъ онъ *обжегъ*, такой-то *спалилъ*, въ такомъ-то *не оставилъ ни челядина, ни скотины*.— Мы упоминали уже о равнодушіи, съ какимъ, описывая безчеловѣчіе Руссовъ въ Греціи, лѣтописецъ прибавляетъ: «*и ина многа творяху Русь Грекамъ, елико-же ратніи творятъ* (Кен. сп. стр. 24)

(291) Несчастіе Князя дѣлили неминуемо всѣ его приближенные: ихъ убивали, заточали, грабили.— Сколь скромно и благоговѣйно отзываются вездѣ лѣтописи о Князьяхъ, приписывая все касательно ихъ судьбамъ и волѣ Божіей, столь жестоко и бранчиво, напротивъ, отзываются они, когда рѣчь дойдетъ до бояръ и княжихъ совѣтниковъ. Примѣры сего встрѣчаются безпрестанно въ лѣтописяхъ; память о добромъ бояринѣ въ тоже время передается ими за большую рѣдкость.

менниковъ, голодъ, болѣзнь пожаръ, грозили ему ежеминутно. Религія казалась чѣмъ-то угрожающимъ, страшила его адскими муками за слово, дѣло, мысль, грѣхъ, сдѣланный въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, когда мечъ и врага и повелителя страшилъ его въ здѣшней жизни. Отъ того происходило буйство веселія, грубая чувственность, своеволіе, когда можно было возстать на своего властелина, и покорность каждому изъ тѣхъ, кто имѣлъ силу и власть. Въ низкой, бѣдной хижинѣ, гдѣ дымъ разстилался изъ черной печи, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ жили и домашнія животныя, Руссъ отдыхалъ послѣ труда тяжкаго, ибо несовершенство орудій ремесленныхъ и художественныхъ, малая плата и трудность сбыта произведенія требовали такого труда. Онъ также *откладывалъ* что могъ на *черный день*, и только на кладъ свой могъ надѣяться (292). Гость подвер-

---

(292) Отъ того *клады* и находка ихъ были столь обыкновенны у насъ, даже до новѣйшихъ временъ. Какъ и донынѣ примѣтны еще слѣды быта, который не простиралъ надеждъ далѣе завтра, въ строеніяхъ, мебеляхъ, устройствѣ жизни нашихъ поселянъ! Деревянная хижина, или землянка, нѣсколько грубыхъ лавокъ, столъ, икона, хлѣбъ въ ямѣ, деньги въ землѣ, готовность бѣжать въ городъ при малѣйшей опасности, самая грубая одежда — вотъ древній Руссъ и бытъ его! Возвратившіеся на *пепелища* (замѣтьте значеніе и этого слова)

гался страшнымъ опасностямъ, отправляясь на торгъ по лѣсамъ и пустынямъ, боясь монополій Княжескихъ, разбойника, иноплеменника, непріятеля, и—даже дикаго звѣря. Впрочемъ, торговля была однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ добывать золото, и посему не льзя не изумляться отвагѣ, съ какою переносили всѣ трудности и опасности торгующіе Руссы (293).

Такое состояніе, всегда угрожая бѣдствіемъ, переводя мгновенно изъ тишины и возможнаго счастія въ положеніе ужасное, должно было по-

---

строили вновь свои бѣдные домики, готовя пріютъ въ лѣсахъ, на случай, если не успѣютъ убѣжать въ городъ. Погибшіе покоились мирно, и клады ихъ были предметомъ искательства живыхъ. Дабы удалять искателей, выдумали, что кладъ кладется на добро и на зло; что его надобно открывать съ особыми обрядами, и проч.

(293) См. описаніе Литовскихъ лѣсовъ, и путей, среди ихъ проложенныхъ (т. I, стр. 299). Вспомнимъ, что это описаніе относится къ XV вѣку. Что-же было прежде, когда даже походы войскъ принуждены были иногда предпринимать зимою, ибо лѣтомъ во все не было прохода? Первое дѣло при безпрестанныхъ междоусобіяхъ Князей состояло въ томъ, что гости изъ той области, противъ коей начиналась война, были грабимы и бросаемы въ тюрьму.—Если въ *Кіевѣ*, престольномъ городѣ Великаго Князя, не были безопасны отъ набѣга Печенѣговъ и Половцевъ, то каково было въ другихъ мѣстахъ?

казывать состояніе Духовенства, пользовавшагося многими преимуществами и общимъ уваженіемъ, весьма завиднымъ. Отъ того, часто людинъ вкупался въ церковные люди, старался пристроить себя къ духовнымъ людямъ. При тогдашнемъ состояніи религіозныхъ понятій, монастырь могъ считаться единственнымъ прибѣжищемъ старости и дряхлости.

Намъ представляютъ слѣдующій періодъ удѣловъ, замыкающій собою все время отъ 1055-го до 1224-го года, неожиданнымъ измѣненіемъ, тучею налетѣвшею на Русь, дотолѣ счастливую и благоденственную (294): это совершенно неспра-

---

(294) Мы приводили уже выше сего мнѣнія нашихъ историковъ о періодѣ Удѣловъ и указывали на ту точку зрѣнія, съ которой должно разсматривать сей періодъ (стр. 9-11) Раскрывая истину, не думаю льстить нѣгѣ читателей, не ссылаюсь на то, что *Исторія не романъ и міръ не садъ*, и не полагаю, чтобы наблюдатель, надлежащимъ образомъ созерцающій исторію періода Удѣловъ, могъ сказать, будто «битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума, не богаты ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца» (Карамзинъ, *Ист. Г. Р.* т. I, стр. XIV, XV). Кажется, можемъ уже осмѣлиться на понятіе объ Исторіи болѣе основательное, и почитать современниковъ людьми, ищущими въ Исторіи не одной только пустой занимательности сказаній, но и предмета для размышленій.

ведливо. Пусть думали Руссы XII-го вѣка, что послѣ смерти Ярослава, самыя небесныя знаменія возвѣщали бѣдствія и ужасы. Немного надобно вниманія, если пожелаемъ видѣть, что первоначальная исторія Руси приготовила то состояніе, котораго картину мы изобразили, а разсматривая сію картину, мы понимаемъ — чему изъ сего состоянія долженствовало явиться.

Могло-ли быть все это иначе? Никакъ: безполезна и ничтожна была-бы Исторія, если-бы она не показывала намъ, что каждое изъ событій иначе быть не могло; если-бы она льстила насъ небывалыми картинами счастія, а не показывала намъ въ самыхъ бѣдствіяхъ началъ добра и зла. Состояніе общественности, духъ времени, образъ мыслей и понятій, географическія подробности, современныя событія въ странахъ окружавшихъ Русь, должны были произвесть именно то, что было въ Руси.

Могъ-ли Варягъ понимать благость другаго правленія, кромѣ феодальнаго? Могъ-ли Великій Князь Русскій не дѣлить областей сыновьямъ, что бы задушить чрезъ то феодализмъ? Могъ-ли Князь имѣть наши идеи объ обязанностяхъ Государя къ подданнымъ, и подданный могъ-ли быть привязанъ къ Государю чѣмъ либо другимъ, кромѣ силы и меча? Могли-ль духовные Іерархи внушить другія понятія о Религіи, кромѣ тѣхъ, которыя сами они имѣли? Могла-ль Религія не-

тинная истребить идолопоклонство, не вошедъ въ гражданскіе законы Руси? Могли-ль законы быть чѣмъ либо другимъ, кромѣ смѣшенія законовъ Славянскихъ, Варяжскихъ и Греческихъ? Никакъ.

Но, почему-же Провидѣнію угодно было такъ поздно оживить общественною жизнью обширныя земли отъ Чернаго до Балтійскаго морей, оставляя оныя до IX вѣка по Р. Х. невидимыми и неустроенными? Разрѣшеніе сего находимъ въ цѣлой Исторіи Человѣчества; по крайней мѣрѣ, въ цѣлой Исторіи Русскаго народа. Но сіе оживленіе, начавшись соединеніемъ Славянина съ Варягомъ, распространеніемъ единства языка и Религіи отъ Ильменя и Днѣпра, могло быть продолжено только частною, отдѣльною жизнію разныхъ княжествъ, и взаимною борьбою ихъ политики, мнѣній и выгодъ.

И такъ—*не могла исполниться молитва Ярослава, завѣщавшаго миръ и согласіе дѣтямъ?* Не могла—для сего довольно взглянуть на политическій составъ тогдашней Руси.—Благоговѣя предъ судьбами Провидѣнія, обращаемся къ событіямъ, и изучаемъ ихъ.

ГЛАВА II.

Только одинъ, любимый сынъ Ярослава, Всеволодъ, сопровождалъ къ могилѣ бренные останки *благовластнаго Князя* (295), находившись неотлучно при немъ, во время смертной его болѣзни.

Изяславъ, старшій сынъ Ярослава, немедленно оставилъ Новгородъ, гдѣ онъ былъ тогда, явился въ Кіевъ, и объявленъ былъ, по завѣщанію отца, *Великимъ Княземъ,* владѣтелемъ Кіева, и правой стороны Днѣпра. Другой сынъ Ярослава, Святославъ, началъ владѣть лѣвымъ берегомъ Днѣпра, съ названіемъ Князя *Черниговскаго.* Всеволодъ, стражъ Кіева и Чернигова отъ дикихъ ордъ Востока, сѣлъ въ *Переяславскомъ* своемъ удѣлѣ. Вячеславъ, стражъ Кіева и Чернигова со стороны Полоцка, сѣлъ въ *Смоленскомъ* княжествѣ. Игорь, стражъ Руси съ Запада, въ *Волынскомъ* удѣлѣ.— Въ *Полоцкѣ* княжилъ уже десять лѣтъ (съ 1044 г.) юный сынъ Брячислава, Всеславъ. Новое поколѣніе выступило на поприще жизни.

Осмѣлимся-ли угадать, по оставшимся въ лѣтописяхъ слѣдамъ, и по дѣламъ, характеры и личныя отношенія сихъ шести Князей Русскихъ?

---

(295) Такъ называетъ дѣда своего Владиміръ Мономахъ. См. *Духовную Мономаха.*

Изяславъ, красивый, стройный собою, не имѣлъ ни одной изъ доблестей своего отца и дѣда. Храбрый лично, онъ былъ нерѣшителенъ; добрый душею, слѣдовалъ совѣтамъ другихъ; не имѣлъ, необходимой правителю, твердости духа въ бѣдствіяхъ, и, приходя въ монастыри, бесѣдуя съ отшельниками, раздѣляя ихъ убогую трапезу, часто жалѣлъ, что судьба опредѣлила ему быть Княземъ Кіева, а не Печерскимъ Настоятелемъ. Слабость почти всегда бываетъ спутницею пороковъ и преступленій: увидимъ, куда завела она Изяслава (296).

Всеволодъ, бывшій любимцемъ отца своего, за кротость, смиренномудріе и набожность, при всѣхъ недостаткахъ старшаго брата, еще болѣе его лишенъ былъ тѣхъ достоинствъ, которыя составляютъ доблесть Государей; кажется, онъ измѣнялъ даже наслѣдственной добродѣтели Варяжскихъ Князей — храбрости (297). Не знаемъ Вячеслава и Игоря, вскорѣ умершихъ; впрочемъ, Всеволодъ, Вячеславъ и Игорь, будучи небольшими удѣльными Князьями, были только посредствующія лица между Княземъ Кіевскимъ и

---

(296) См. *Патерикъ*. Несторъ пишетъ: «Бѣ Изяславъ мужъ взоромъ красенъ, тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, крива ненавидя, любя правду, *клюки-жь* въ немъ не бѣ, ни *льсти*, но простъ умомъ (*Кен. спис.* стр. 126).

(297) *Кен. спис.* стр. 133.

сильнымъ соперникомъ его, Черниговскимъ Княземъ.

Сей соперникъ, второй сынъ Ярослава, былъ противоположенъ Изяславу во всемъ. Хотя страдавшій тѣлесными недугами, но сильный и крѣпкій духомъ, честолюбивый и отважный, онъ привлекалъ своимъ радушіемъ, своею разгульностію, былъ храбръ и неутомимъ. Кажется, что съ начала онъ не думалъ нарушать правъ старшаго брата: хотѣлъ только выгодъ, хотѣлъ управлять имъ, и не подорожилъ правами старѣйшинства, когда увидѣлъ, что Изяславъ неспособенъ держать кормило Русскихъ княжествъ, среди опасностей и бѣдствій, отвсюду привлеченныхъ имъ на свою голову (298).

Князь Полоцкій, родовой врагъ поколѣнія Ярославова, Всеславъ отличался между современниками умомъ, дѣятельностію, смѣлостію. Съ изумленіемъ смотрѣли они на него, страшились его, и даже думали видѣть въ дѣлахъ его какую-то таинственную помощь волхвованія. Говорили, что мать его, при самомъ рожденіи, надѣла на

---

(298) О болѣзни Святослава см. *Воскрес. спис.* I, 205; отъ этой болѣзни онъ и скончался. О веселомъ нравѣ его, см. Патерикъ, Житіе Св. Ѳеодосія. Умъ его доказывается и тѣмъ, что Святославъ страстно любилъ читать. См. выше о Сборникахъ, написанныхъ при семъ Князѣ.

него какую-то волшебную повязку, которая способствовала ему быть жестокимъ *и немилостивымъ на кровопролитіе* (299).

Если мы видѣли выше, какъ непроченъ былъ въ политическомъ основаніи своемъ федеративный составъ Русскихъ княжествъ, какъ мало ручался онъ за взаимную безопасность и спокойствіе ихъ, то, сообразивъ характеры и отношенія представителей сего союза, находимъ, что сильная опасность грозила ему отъ самыхъ лицъ, вступившихъ послѣ Ярослава на поприще дѣйствій.

Не знаемъ: завѣщаніе Ярослава было-ли подтверждено имъ при кончинѣ, или было оно слѣдствіе распоряженій сдѣланныхъ прежде, такъ, что Ярославъ не успѣлъ кончить его рѣшительно. Но въ дѣлежѣ Русскихъ земель, съ изумленіемъ находимъ мы учиненное Ярославомъ важное упущеніе: онъ забылъ, кажется, родъ мужественнаго Владиміра, старшаго своего сына. Владиміръ скончался

---

(299) *Ист. Г. Р.* т. II, пр. 118. — Поэтическое изображеніе Всеслава см. въ *Словѣ о полку Игоревомъ*. Исчисляя дѣла его въ чертахъ для насъ не ясныхъ, представляя его какимъ-то необыкновеннымъ человѣкомъ, Поэтъ говоритъ, что Всеславъ « людемъ судяше, Княземъ грады дѣляше, а самъ *въ ночь волкомъ рыскаше*: изъ Кіева дорискаше до куръ Тмутороканя; Великому Хорсови волкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полоцкѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софіи въ колоколы, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша. »

за два года до кончины Ярослава, но у него остался сынъ, Князь *Ростиславъ,* юноша подобный отцу своему, и не получившій никакого удѣла. Не хотѣлъ-ли Ярославъ, чтобы сей внукъ его, жившій въ Новгородѣ, былъ Княземъ Новгородскимъ? Кажется, нѣтъ! ибо Изяславъ былъ опредѣленъ въ Князья Новгорода, и изъ Новгорода перешелъ въ Кіевъ.—Юный Ростиславъ, прежде и послѣ оставался въ Новгородѣ, но безъ удѣла (300).

Уже съ 1036-го года Печенѣги не являлись болѣе на Руси; казалось, что самое имя ихъ исчезло. Но въ восмнадцать послѣднихъ лѣтъ княженія Ярослава, на степяхъ Придонскихъ и Приволжскихъ, вѣроятно, кипѣла смертельная брань между кочующими народами, и первый годъ смерти Ярослава долженъ былъ показать Руссамъ, что гибель Печенѣговъ послужила только къ усиленію новаго, опаснѣйшаго племени варваровъ. *Половцы*, или Ку-

---

(300) Въ припискѣ на древнемъ Остромировомъ Евангеліи (см. ч. I, стр. 228) читаемъ: « Написахъ же Евангеліе се (сіе) рабу Божію, наречену сущу въ крещеніи Іосифъ, а мірски Остромиръ, близоку сущу Изяславу Князю; Изяславу - же Князю *тогда предержащу обѣ власти, и отца своего* Ярослава *и брата своего* Володимира; *самъ-же Изяславъ Князь правляше столъ отца своего* Ярослава Кіевѣ, а брата своего *столъ поручи правити близоку своему Остромиру* Новѣгородѣ. » Это писано въ 1057 году.—Какъ понимать это? По волѣ-ли дѣда не отдавали Ростиславу Княжества?

маны, пришли побѣдителями къ Днѣпру, гоня передъ собою другіе, менѣе значительные, кочующіе народы (301).

Присовокупите къ сему Новгородъ, столь слабо приверженный къ Кіеву, почти враждебный по различію правленія, народнаго духа и выгодъ, и могшій усилить собою враждебнаго Кіеву Князя.

Не Изяславу надобно было возсѣсть на Великое Княжество, чтобы въ столь сомнительныхъ отношеніяхъ Русскихъ земель удержать миръ и власть. Крѣпкая рука, сильная душа были надобны наслѣднику Ярослава.

По крайней мѣрѣ, только поступая совершенно справедливо, храня порядокъ, уставленный отцомъ, и соблюдая дружбу братьевъ, могъ онъ уберечь наслѣдіе отца.... .

Десять лѣтъ княженія Изяслава протекло. Все казалось спокойнымъ; сильныхъ потрясеній не было. Но страсти не спали въ сіи годы; событія готовились, гроза начиналась, и начала раздоровъ и бѣдствій возникали.

Въ 1055 году, Торки, гонимые Половцами, вбѣжали въ Переяславскую область. Всеволодъ выступилъ противъ нихъ, разбилъ ихъ толпы, и—*въ первый* разъ дружины Русскія встрѣтили

---

(301) См. т. I, стр. 48, 49, 109, 144, 265, и далѣе въ семъ въ 2-мъ томѣ.

Половцевъ. Вежи Половецкія, предводимыя Ханомъ Блюшемъ, на сей разъ не сразились съ Руссами; Всеволодъ мирно разстался съ ними; орда Половцевъ повернула обратно въ свои степи.

Вячеславъ, Князь Смоленскій, скончался въ 1057-мъ году. Онъ оставилъ сына Бориса, долженствовавшаго наслѣдовать удѣлъ отца. Но дяди не думали отдать законное наслѣдіе сиротѣ. Не знаемъ: гдѣ остался безудѣльный Борисъ; только по взаимному договору Князей Кіевскаго, Черниговскаго и Переяславскаго, Игорь, Князь Волынскій, получилъ Смоленскъ, а Волынь—отдана была Кіеву: учинено первое нарушеніе отцовскихъ уставовъ и порядка! Кажется, что это своевольное распоряженіе было слѣдствіемъ большихъ переговоровъ: Князья хотѣли обезопасить себя со всѣхъ сторонъ. Они вспомнили несчастнаго своего дядю, Судислава, вывели его изъ тюрьмы, позволили ему постричься, и заставили подъ клятвою отказаться отъ всякихъ притязаній на наслѣдіе отца (302).

Не успѣли Князья раздѣлить новаго наслѣдства, какъ Игорь, переведенный въ Смоленскъ, скончался (въ 1063 г.). Два сына его остались малолѣтными. Успѣшное начало новаго дѣлежа удѣловъ

---

(302) Судислава освободили въ 1059 г. См. объ немъ т. I, стр. 262. Судиславъ могъ быть опасенъ племянникамъ, даже и въ темницѣ.

продолжили безъ остановки. Дѣти Игоря были лишены наслѣдія, такъ-же какъ дѣти Вячеслава. Смоленскъ достался, кажется, Святославу Черниговскому (303). Всеволодъ во всемъ соглашался съ братьями, хотя не вступался въ ихъ новыя пріобрѣтенія, и довольствовался Переяславлемъ. Но, онъ просилъ защиты отъ Торковъ, снова грозившихъ ему. Войска Кіевскія, Черниговскія и Полоцкія пошли на Торковъ по Днѣпру, разсѣяли Торковъ, и сей кочующій народъ погибъ отъ жестокой зимы, голода и болѣзней. Бѣдные остатки его признали власть Русскихъ Князей, и держались около Днѣпра, подъ разными именами (304). На слѣдующій годъ Половецкій Ханъ Сокалъ явился въ Переяславскомъ княжествѣ; тогда въ первый разъ мечъ и огнь пали на Русь отъ руки Половцевъ. Всеволодъ сражался и былъ разбитъ Половцами; но, разграбивъ его землю, они удалились въ свои степи.

Въ такихъ-то событіяхъ протекло десять лѣтъ послѣ смерти Ярослава, и взоръ наблюда-

---

(303) Въ *Воскр. лѣт.* находимъ, что Смоленскъ раздѣлили на три части: извѣстіе позднѣйшее и невѣрное. Въ послѣдствіи, когда дѣти Святослава пришли побѣдителями въ Русь (1094 г.), они заняли *Черниговъ и Смоленскъ.*

(304) Кромѣ города *Торческа*, ими населеннаго, были еще селенія *Переяславскихъ* Торковъ, и проч.

теля открываетъ здѣсь корень всѣхъ грядущихъ золъ (305).

Видимъ, что въ сіи десять лѣтъ явился новый врагъ Руссовъ—Половцы, и расторглось завѣщаніе Ярослава. . . какъ быстро и скоро! Три рода Княжескіе: сынъ Владиміра, *Ростиславъ;* сынъ Вячеслава, *Борисъ;* дѣти Игоря, одинъ неизвѣстный намъ по имени, и другой, *Давидъ,* были оскорблены, обдѣлены дядями. Возмездіе не замедлило.

Въ одно время, Всеславъ Полоцкій, дотолѣ союзникъ Кіева и Чернигова, началъ ратовать, и Ростиславъ, сынъ Владиміра, бѣжалъ изъ Новгорода. Отъ сѣверныхъ предѣловъ Русскихъ областей онъ пробрался въ самыя южныя области. Нѣсколько Новгородцевъ явились съ Ростиславомъ въ Тмуторокани, гдѣ правительствовалъ Глѣбъ, сынъ Князя Черниговскаго, ибо Тмуторокань принадлежала къ Чернигову. Ростиславъ изгналъ

---

(305) Важная ошибка Карамзина, отъ коей весь взглядъ его на періодъ удѣловъ является ложнымъ, сдѣлана въ самомъ началѣ описанія сего періода. Десять лѣтъ, съ 1054-го года протекшихъ, онъ называетъ «*счастливою внутреннею тишиною.*» Не видя, что отнятіе удѣловъ у рода Вячеслава и рода Игоря была явная несправедливость и преступленіе противъ порядка, Карамзинъ говоритъ, что «*дѣти Ярославовы не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно.*» Ист. Г. Р. т. II, 70, 72.

Глѣба, и началъ владѣть Тмутороканью. Святославъ самъ отправился изъ Чернигова въ Тмутороканъ; Ростиславъ не противился дядѣ, и Глѣбъ снова былъ введенъ въ княжество. Святославу нельзя было оставаться въ Тмуторокани: въ срединѣ Руси грозила явная опасность; онъ спѣшилъ въ Черниговъ. Но едва Святославъ оставилъ Тмутороканъ, какъ Ростиславъ вторично изгналъ сына его. Можемъ понимать смѣлое предпріятіе Ростислава: онъ хотѣлъ, кажется, быть вторымъ Мстиславомъ для Кіева, или Чернигова (306). Между тѣмъ какъ Всеславъ грозилъ Князю Кіевскому и Князю Черниговскому изъ Полоцка, Ростиславъ собиралъ дань съ Касоговъ, Хазаръ Таврическихъ, и готовилъ дружины. Греки, жившіе въ Тавридѣ, устрашились новаго

---

(306) Карамзинъ, продолжая ошибку свою, говоритъ, что «*первымъ поводомъ* къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичъ оставилъ сына, Ростислава, который не имѣя никакого удѣла, жилъ *праздно* въ Новгородѣ . . . будучи отваженъ и *славолюбивъ* , онъ . . . *ушелъ* въ Тмутороканъ » (*Ист. Г. Р.* т. II , 72). Нѣтъ ! это была не своевольная отлучка, а требованія должнаго, и совсѣмъ *не первый поводъ къ междоусобію*, а слѣдствія того, что прежде сдѣлано было Князьями. Замѣтьте, что въ *одинъ годъ* Ростиславъ бѣжалъ на югъ , и Всеславъ *рать почалъ* (Кен. сп. стр. 116): это не могло быть случайно.

врага, и одинъ изъ Греческихъ чиновниковъ рѣшился погубить Ростислава измѣною. На пиру, гдѣ Ростиславъ веселился съ дружиною, злодѣй предложилъ пить здоровье Князю, отпилъ половину чаши, влилъ тихонько ядъ и поднесъ Ростиславу, потомъ бѣжалъ въ Херсонъ, и предрекъ кончину Ростиславову. Ростиславову умеръ въ восьмой день, оставя трехъ сиротъ, сыновей: Рурика, Володаря и Василька. Провидѣніе назначало ихъ на бѣдствія и на честь: Глѣбъ снова началъ правительствовать въ Тмуторокани (307).

Между тѣмъ, дерзкимъ предпріятіемъ, Всеславъ возобновилъ память злодѣйства своего отца, Брячислава: неожиданно напалъ онъ на Новгородъ, завладѣлъ имъ, ограбилъ жителей, церкви, снялъ даже колокола и увезъ паникадилы изъ Софійскаго собора, и сжегъ множество домовъ. Съ ужасомъ думали Новгородцы, что еще за четыре года сіе бѣдствіе предвѣщало имъ обратное теченіе Волхова, бывшее цѣлые пять дней (308). Дѣйствуя соединенно, Князья Кіев-

---

(307) Грека измѣнника лѣтописцы называютъ *Катопаномъ*, но это не имя, а чинъ: κατεπάνω. « Бѣ Ростиславъ мужъ добръ на рати, возрастомъ-же лѣпъ, красенъ лицомъ, милостивъ убогимъ » (*Кен. спис.* стр. 117).

(308) « Волховъ иде вспять пять дней » (*Кен. спис.* стр. 116). Это бываетъ иногда весною, отъ накопленія льда въ порогахъ, но лѣтописецъ смотрѣлъ на

скій, Черниговскій и Переяславскій вошли въ Полоцкую землю и осадили Минскъ. Жители защищались отчаянно, но были одолѣны: мужей перерѣзали, женъ и дѣтей *взяли на щитъ* (309). Всеславъ укрылся отъ враговъ близъ Нѣмена. Тамъ преслѣдовали и нашли его Князья. Не смотря на глубокій снѣгъ (въ Мартѣ 1066 г.) началась битва жестокая; Всеславъ былъ разбитъ и бѣжалъ.

Князья спѣшили возвратиться во свояси, ибо Половцы уже готовились къ набѣгу. Но, побѣжденный Всеславъ еще страшилъ Князей: ему пред-

---

сіе явленіе иначе: «се-же знаменіе не добро бысть, на четвертое-бо лѣто пожже Всеславъ градъ.» — О раззореніи и горести Новгородцевъ: «И колокола съима у Святыя Софіи. *О великая бяше бѣда въ часъ той!* и паникадила съима — *Новг. Лѣтоп.* стр. 4).

(309) »Взяша Менескъ, и иссѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щитъ» (*Кен. спис.* стр. 117). Городъ «*взятый копьемъ*», т. е. приступомъ, (*Кенигсб. спис.* стр. 61) терпѣлъ участь, какую въ наше время терпятъ города, взятые штурмомъ; но разница была въ томъ, что плѣнники дѣлались рабами, и ихъ надобно было *окупать*. Вотъ поэтическое описаніе битвы на Нѣменѣ (Немизѣ), въ *Словѣ о полку Игоревомъ*: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла; Немизы кровавые брега не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Русскихъ сыновъ.» Это напоминаетъ Омировскую простоту аллегоріи.

ложили миръ и личное свиданіе, присягнувъ на Св. крестѣ, что никакого зла онъ не долженъ бояться. Всеславъ повѣрилъ клятвѣ, и явился въ таборъ Изяслава, бывшій близъ Смоленска. Едва вступилъ онъ въ шатеръ Изяславовъ, какъ былъ схваченъ, съ двумя сыновьями, закованъ, отвезенъ въ Кіевъ и посаженъ въ темницу.

Довольные успѣхомъ вѣроломства, Князья не боялись болѣе Всеслава, и хотѣли отразить Половцевъ. Орды Половецкія были многочисленны, и уже не думали скрываться; на Альтѣ, памятной убіеніемъ Бориса и побѣдою Ярослава, сразились онѣ съ Русскими Князьями. Послѣ сильной битвы, Половцы одолѣли; Святославъ бѣжалъ въ Черниговъ, Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ. Половцы обратились по слѣдамъ Святослава, грабили и жгли окрестности Чернигова. Святославъ рѣшился на отчаянное дѣло. Собравъ до 3000 воиновъ, онъ указалъ имъ на Половецкія орды, превосходившія ихъ вчетверо. « Дѣти! намъ уже не куда дѣться! Потягнемъ! » воскликнулъ онъ, и ударилъ въ копья, не считая враговъ (310), смялъ неожиданнымъ ударомъ Половцевъ, гналъ,

---

(310) « Потягнемъ, уже намъ не льзѣ камо ся дѣти! » (*Кен. спис.* стр. 119). Не повторилъ-ли Черниговскій Князь въ этомъ случаѣ выраженія своего прадѣда Святослава, который тоже говорилъ въ Переяславцѣ Дунайскомъ? (см. т. 1, стр. 182).

топилъ ихъ въ рѣкѣ Сновѣ, даже захватилъ самаго вождя Половецкаго.

Въ то время, какъ Святославъ торжествовалъ пораженіе враговъ, Князь Кіевскій, потерявъ честь побѣды, утратилъ и престолъ Великокняжескій. Съ остатками войскъ, и братомъ Всеволодомъ, онъ прибѣжалъ въ Кіевъ, не хотѣлъ слушать словъ своей дружины, которая требовала новой рати на Половцевъ, и даже заключилъ въ темницу дерзкихъ воиновъ, предлагавшихъ ему сей походъ. Кіевляне взволновались, собрали вѣче, обвинили во всемъ воеводу Коснячка, и бросились въ домъ его. Но воевода скрылся. Изяславъ съ боярами стоялъ въ сѣняхъ своего дворца, и смотрѣлъ въ окно. «Смотри,» говорилъ ему болярин Тукій, «народъ *взвылъ*: вели охранять Всеслава, или убить его.» Но Изяславъ не рѣшался, бранился съ Кіевлянами изъ окошка, и съ ужасомъ увидѣлъ, что Кіевляне уже отбили дверь темницы Всеславовой, и съ торжествомъ вели плѣннаго Князя на княжескій дворъ. Тогда Изяславъ бѣжалъ, не пошелъ къ братьямъ, и искалъ помощи у Поляковъ. Народъ разграбилъ сокровища Изяслава: золото, серебро, драгоцѣнные мѣха (311). Все-

---

(311) Кіевляне осуждали нарушеніе присяги, данной Изяславомъ, и братьями его, Всеславу; вѣроломное заключеніе Полоцкаго Князя въ темницу казалось имъ

славъ сѣлъ на Кіевскомъ престолѣ. Братья Изяслава не вмѣшивались въ смятенія, хотя и слышали, что Изяславъ нашелъ себѣ защитника въ Королѣ Польскомъ. Кіевскія дружины вышли въ поле, но Всеславъ поступилъ непонятно: не испытавъ боя, онъ тайно бѣжалъ отъ Кіевлянъ, и овладѣлъ своимъ наслѣднымъ Полоцкимъ Княжествомъ. Приведенные въ отчаяніе, Кіевляне прибѣгнули къ Святославу Черниговскому. «Мы зажжемъ Кіевъ и убѣжимъ въ Грецію!» говорили они Святославу, «если ты не уговоришь брата не мстить намъ.»—Святославъ отправилъ пословъ къ брату своему, и уговаривалъ его не водить Поляковъ къ Кіеву: «Всеславъ бѣжалъ, противнаго тебѣ нѣтъ, а если хочешь имѣть гнѣвъ, вѣдай, что намъ жаль отеческаго престола, и мы не дадимъ тебѣ Кіева.» Изяславъ притворился кроткимъ; онъ и Король Польскій оставили войска, и шли къ Кіеву съ малою дружиною. Но уже стогны Кіева обагрены были кровью. Мстиславъ, сынъ Изяслава, вступилъ въ городъ прежде

тяжкимъ грѣхомъ. Бунтъ Кіевскій и освобожденіе Всеслава были въ самый день *Воздвиженія Креста*. Выписываемъ любопытный разсказъ Лѣтописца: «Всеславъ сѣде (въ темницѣ), воздохнувъ и рѣче: «*О кресте честный, понеже къ тебѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего!*» Показа-же Богъ силу крестную, на показаніе землѣ Русской, да не преступаютъ Честнаго Креста, цѣловавше его,» и проч. (*Кен. спис.* рук. *л.* 101).

отца, изрубилъ 70 человѣкъ изъ освободителей Всеславовыхъ, выкололъ глаза другимъ и погубилъ множество невинныхъ людей. Съ поклономъ встрѣтили Кіевляне Изяслава, который, слагая вину кровопролитія на сына своего, вскорѣ показалъ, что все дѣлалось по его волѣ. Страшась возмущеній, онъ перевелъ торгъ Кіевскій на гору, гдѣ стоялъ его теремъ: на торгу собирались Кіевскія вѣчи, и Изяславъ легко могъ разгонять ихъ своими дружинами. Даже Св. Антоній Печерскій былъ изгнанъ имъ изъ Кіева, ибо Изяславъ почиталъ его другомъ Всеславовымъ. Тѣмъ сильнѣе хотѣлъ онъ отплатить обиду Полоцкому Князю. Немедленно отправились его дружины въ Полоцкъ. Всеславъ, изгнанный ими изъ Полоцка, явился съ войскомъ у Новгорода. Жестокое сраженіе рѣшилось въ пользу Новгородцевъ; они съ радостію нашли въ числѣ добычи чудотворный крестъ, увезенный нѣкогда Всеславомъ (312). Полоцкъ объявленъ былъ отъ Изяслава удѣломъ сына его, но Всеславъ изгналъ Изяславича, снова утвердился въ Полоцкѣ, и удержался въ немъ, хотя былъ еще разъ побѣжденъ сыномъ Изяслава. Дру-

---

(312) Здѣсь замѣчательна черта народнаго великодушія, или политики: Новгородцы могли захватить въ плѣнъ самого Всеслава, но не хотѣли и отпустили его (отпустиша Бога дѣля, *Нов. Лѣт.* стр. 5).

гія событія утвердили Всеслава въ Полоцкѣ лучше волшебства, въ которомъ его подозрѣвали.

Мстя Кіевлянамъ и Всеславу, строя церкви и съ торжествомъ перенося въ новую церковь мощи Князей Бориса и Глѣба, прославленные чудесами, Изяславъ не замѣчалъ грозы, надъ нимъ собиравшейся (313).

Святославъ Черниговскій, заступникъ Кіевлянъ, побѣдитель Половцевъ, не вступался въ ссоры Изяславовы съ Полоцкимъ Княземъ, и самъ готовился свергнуть недостойнаго Князя Кіевскаго. (314) Еще во время бѣгства Изяславова, онъ уничтожилъ посадничество Изяславово въ Новгородѣ, и Глѣбъ, сынъ его, перезванъ былъ Новгородцами на княженіе изъ Тмуторокани, гдѣ вѣроятно находилось много удальцовъ Новгородскихъ: мы знаемъ, что Вышата, сынъ Остромира, Посадника

---

(313) Церкви Св. Михаила въ Выдубицкомъ монастырѣ, и Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ. Перенесеніе мощей было торжественное; см. описаніе, и чудеса, при томъ бывшія, *Кен. спис.* стр. 121.

(314) «Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ,» пишетъ Карамзинъ. Сказавъ, что послѣ перенесенія мощей Бориса и Глѣба «Князья разъѣхались друзьями,» Карамзинъ вдругъ начинаетъ такъ: «Сія дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 80). Для изъясненія

Изяславова, ушелъ въ Тмуторокань (315) съ Ростиславомъ. Подъ предводительствомъ храбраго Глѣба Новгородцы сражались съ Всеславомъ въ 1069 году, когда разбили его. Овладѣвъ Новгородомъ, сею важною подпорою власти Кіевскаго Князя, сдѣлавъ столь важный шагъ къ нарушенію правъ Великаго Княжества, Святославъ не могъ уже останавливаться. Въ то время, когда губилъ Полоцкаго Князя, совсѣмъ неожиданно услышалъ Изяславъ о союзѣ противъ него Святослава и Всеволода. Всеволодъ, рабъ перваго человѣка, превосходнаго умомъ и дѣятельностью, охотно согласился на сверженіе Изяслава. Дружины Черниговскія и Переяславскія явились у Кіева, и Изяславъ бѣжалъ. Святославъ пріѣхалъ въ Кіевъ и вступилъ на Великокняжескій престолъ. Увозя съ собою множество сокровищъ — «я найду войска!» говорилъ Изяславъ (316).

Прежде всего подѣлили удѣлы. Новый Великій

такихъ перемѣнъ, если Историкъ самъ не хочетъ соображать хода событій предшествовавшихъ и послѣдующихъ, не худо-бы сказывать причины, лѣтописцами объявляемые: «воздвиже дьяволъ котору въ братьи, бывшей распри между ими» (*Кен. спис.* стр. 122). Лучше сложить вину на дьявола, нежели говорить о событіи безъ причинъ.

(315) Новг. Лѣт. (*Прод. Вивліов.* т. II, 347).

(316) «Иде въ Ляхи со имѣніемъ многимъ, глаголя, яко *симъ налѣзу воя*» (*Кен. спис.* стр. 123).

Князь, также как Изяславъ, не думалъ возпаграждать племянниковъ и внучатъ—детей Вячеслава, Игоря и Ростислава; но, укрепляя дружбу Всеволода, отдалъ сыну его Владиміру Смоленскъ; Всеволодъ остался въ Переяславле; во Владиміръ Волынскій посаженъ былъ сынъ Великаго Князя, Олегъ. Владиміръ, сынъ Всеволода, столь известный потомъ подъ именемъ *Мономаха,* и Олегъ Святославичъ, два юные Князя, казались друзьями и союзниками при дружестве отцовъ, ставши защитниками Кіева и Чернигова съ запада и севера. Но разность душевныхъ свойствъ не могла сблизить ихъ. Одаренные одинакою храбростію, опи были различны во всемъ другомъ: Олегъ былъ добръ, прямодушенъ, Владиміръ хитръ, остороженъ, умелъ казаться добрымъ, смиренномудрымъ, скрывая обширные честолюбивые замыслы; Олегъ привлекалъ любовь подданныхъ и дружинъ своимъ радушіемъ, ласковостію, разгульностію; Владиміръ примернымъ благочестіемъ, набожностію и кротостію (317).

---

(317) Сіи два Князя были прародителями двухъ поколеній, коихъ междоусобія и вражда раздирали Русь полтора столетія. Къ ошибочному вообще взгляду на періодъ Уделовъ, Карамзинъ присовокупляетъ съ появленія сихъ Князей какое-то странное пристрастіе къ Мономаху, и это пристрастіе делаетъ решительно невернымъ все повествованіе его объ Оле-

На другой годъ явились въ Кіевъ неожиданные посѣтители: послы Императора Генриха IV. Изяславъ, не видя средствъ сыскать защиту на Руси, удалился къ Болеславу. Можетъ быть оскорбленный прежде Изяславомъ, и кромѣ того занятой войною съ Императоромъ и Богемцами, Болеславъ не хотѣлъ вступаться, надѣясь скорѣе помощи себѣ отъ новаго Кіевскаго Князя, и не думая сражаться за право Изяслава, не любимаго Кіевлянами. Онъ *указалъ Изяславу путь отъ себя*, и Изяславъ удалился въ Германію (318). Генрихъ IV, увѣренный въ силѣ своей, смѣло хо-

---

говичахъ и Мономаховичахъ: неумѣренная и несправедливая похвала Мономаху и его потомству, и непонятная ненависть къ Олегу и потомству его, видны на каждой страницѣ Ист. гос. Россійскаго. Мы отмѣтимъ нѣсколько самыхъ разительныхъ мѣстъ, гдѣ характеръ историческаго безпристрастія совершенно потерянъ Карамзинымъ. Почитаемъ это необходимымъ потому, что къ несчастію не всѣ *повѣряютъ* Историка, заслужившаго уваженіе, и *вѣрятъ* ему на слово. Противорѣчія наши Карамзину будутъ основаны на изложеніи дѣлъ.

(318) Мы ничего не говорили о томъ, какъ разстался Король Польскій съ Изяславомъ въ 1069 г.— Лѣтописецъ говоритъ, что Изяславъ велѣлъ тайно убивать Поляковъ, когда Король остался зимовать въ Руси, и что это заставило Короля бѣжать (*Кен. сп.* 121). Не пустое-ли это повтореніе того, что было при Святополкѣ (т. I, стр. 249)? Сказки Польскихъ лѣтописей см. Ист. Г. Р. т. II, стр. 78).

швшій бороться даже съ грознымъ первосвященникомъ Рима, Григоріемъ VII-мъ, принялъ Изяслава въ Майнцѣ, и получилъ отъ него богатые дары (319). Изяславъ просилъ помощи и обѣщалъ быть данникомъ Имперіи. Отдаленное завоеваніе могло льстить честолюбиваго Генриха, но онъ не имѣлъ средствъ отправить войско; отправилъ только пословъ, которые приняты были Святославомъ роскошно, великолѣпно одарены, и отправились къ Императору съ вѣстью о силѣ и могуществѣ Руси. Дары, посланные къ Генриху, изумили Дворъ его: «Никогда не видали мы столько золота, серебра и драгоцѣнностей,» говорили придворные Генриха (320).

Въ тоже время, когда Изяславъ билъ челомъ Генриху и отдавалъ ему Русь въ подданство, сынъ его, Ярополкъ, явился въ Римѣ, молилъ защиты у Генрихова врага, Папы Григорія, и соглашался признать верховную власть Латинскаго первосвященника надъ Церковью и землею Русскою. Можетъ быть въ одно время, когда послы Германскіе были въ Кіевѣ, привезли къ Святославу и буллу Папскую. Папа писалъ и къ Поль-

---

(319) Западныя извѣстія, см. *Ист. Г. Р* т. II, пр. 128. Объ этомъ пишетъ Ламбертъ Ашаффенбургскій.

(320) Ламбертъ Ашафф. см. *Ист. Г. Р.* т. II, прим. 129.

скому Королю, который, какъ говорили, обобралъ у Изяслава много серебра и золота. Ни Святославъ не хотѣлъ отдать престола Кіевскаго, ни Болеславъ похищенныхъ сокровищъ по приказу Папы (321). Въ 1076 году, дружины Святослава и Всеволода пошли на помощь Болеславу (322). Торжество Святослава казалось прочнымъ, но грозный защитникъ вступился за Изяслава—смерть! Скитаясь по Германіи и Польшѣ, и тщетно прося защиты и помощи, онъ услышалъ о кончинѣ Святослава. Уже нѣсколько лѣтъ сей Князь страдалъ болячкою на шеѣ, и напрасно прикладывалъ къ язвѣ своей руку Св. Глѣба; въ 1076 году ему разрѣзали опухоль, и онъ скончался отъ неудачнаго леченія (323).

Тогда, набравъ толпу Поляковъ, Изяславъ и дѣти его спѣшили въ Россію. Всеволодъ Переяславскій вышелъ противъ него съ войскомъ, но не сталъ сражаться и помирился. Сражаться и не за что было: договоръ съ бывшимъ Княземъ

---

(321) Письмо Папы къ Изяславу напечатано въ Бароніевыхъ Annal. Eccl. т. XI, стр. 472, а къ Болеславу въ Epist. Gregor. VII, кн. 2.—Въ Ист. Г. Р. сдѣланы выписки изъ оныхъ, т. II, стр. 82-84, и прим. 130.

(322) *Дух. Мономаха:* «ходивъ за Глогавы, до Чешскаго лѣса, четыре мѣсяца»...

(323) Онъ похороненъ въ Черниговской церкви Св. Спаса.

Кіевскимъ легко можно было предвидѣть. Надобно было совокупить силы на дѣтей независимаго Святослава. Рѣшились—еще одинъ родъ Княжескій исключить изъ числа Князей Русскихъ. Отдавъ Владиміру Мономаху Смоленскій удѣлъ, Изяславъ отдалъ Черниговское Княжество Всеволоду, и присоединилъ всѣ другія Княжества къ Кіеву. И такъ кромѣ Великаго оставалось только одно Удѣльное княжество. Изяславъ вступилъ въ Кіевъ; Всеволодъ отправился въ Черниговъ (324).

---

(324) Вся неправая политика Князей Изяслава и Всеволода, ненависть ихъ къ Святославичамъ, и несправедливость раздѣла и обдѣленія Изяслава, обращены Карамзинымъ въ похвалу. *Добродушный* Всеволодъ, говоритъ онъ, «вмѣсто битвы, предложилъ ему (Изяславу) миръ.» Изяславъ, «въѣхалъ въ Кіевъ Государемъ, уступивъ Всеволоду княженіе Черниговское, а сыну его Владиміру Смоленскъ,» т. е. добродушный Всеволодъ обобралъ Изяслава, и насъ хотятъ послѣ того увѣрить, что «братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями!» Далѣе, отнятіе удѣла у дѣтей Святославовыхъ Карамзинъ описываетъ такъ: «*опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ* и замысловъ давнишняго врага своего Всеслава, они (Изяславъ и Всеволодъ) хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго.» Сказавъ, что Олега Мономахъ угощалъ въ Черниговѣ обѣдомъ, Карамзинъ продолжаетъ: «Сей Олегъ, *рожденный властолюби-*

Но такой раздѣлъ рѣшительно зажегъ пламя раздора. Внуки Владиміра, и дѣти Вячеслава, Святослава и Игоря лишены были наслѣдства. Возможно-ли было Изяславу и Всеволоду, хотя и при необыкновенныхъ качествахъ Мономаха, уничтожить требованія Князей храбрыхъ и предпріимчивыхъ, каковы были: Рурикъ, Володарь и Василько Ростиславичи; Борисъ Вячеславичъ; сыновья Святославовы: Глѣбъ Новгородскій, Олегъ Владимірскій, Романъ Тмуторокапскій, Борисъ и Ярославъ, и Игоревы: Давидъ и братъ его—всѣ въ полномъ цвѣтѣ юности и силы! И въ какихъ-же обстоятельствахъ Изяславъ и Всеволодъ отваживались на такое смѣлое предпріятіе? Когда Половцы, готовые сражаться за того, кто платилъ имъ, могли составить дружины противниковъ, и города, гордившіеся своими Княжескими родами, видѣвшіе въ раздѣленіи Ярослава законное дѣленіе, осуждавшіе несправедливость и вѣроломство Изяслава, не терпѣли своевольныхъ перемѣщеній и изгнанія родныхъ Князей своихъ,

---

вымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата, считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ, хотѣлъ свободы, господства» (*Ист. Р. Г.* т. II, 84—86). Невольно повторишь слова Карамзина: «Добродушному читателю остается жалѣть о бѣдныхъ Историкахъ, которые съ важностію и велерѣчіемъ описываютъ *такія* происшествія!» (*Ист.* Г. Р. т. II, пр. 132)

Пока Изяславъ и Всеволодъ дѣлили Русь, сынъ Вячеслава Борисъ, боясь идти въ Смоленскъ, гдѣ былъ храбрый Мономахъ, засѣлъ съ собранною имъ дружиною въ Черниговѣ, но услышавъ о приближеніи Всеволода бѣжалъ и оттуда. Дружины Изяслава свели Олега съ Владимірскаго его удѣла: ему велѣли жить въ Черниговѣ у Всеволода. Оставался Глѣбъ въ Новгородѣ. Одинъ изъ затворниковъ Печерскихъ предсказывалъ Изяславу день смерти Глѣба, и—предвѣщаніе сбылось. Новгородцы взволновались, прогнали Глѣба, и сынъ Изяславовъ, Святополкъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Глѣбъ бѣжалъ въ Заволочье, и тамъ былъ убитъ: сынъ, достойный умнаго отца своего, также умѣвшій побѣдить Всеслава, какъ и сражаться съ предразсудками своего времени (325).

Только въ отдаленной Тмуторокани держался еще сынъ Олега, Романъ, храбрый и смѣлый; туда собрались другіе изгнанники: братъ Романа Олегъ, Борисъ Вячеславичъ, Давидъ Игоревичъ, и Ростиславичи: Рюрикъ и Володарь. Тмуторокань, со временъ отца сихъ послѣднихъ, казалась прибѣжищемъ обдѣленныхъ Князей.

Не думая объ юныхъ врагахъ своихъ, Изяславъ опять спѣшилъ мстить старому врагу, Всесла-

---

(325) *Патерикъ; Кен. сп.* стр. 124. Сей Глѣбъ мѣрялъ море въ Тмуторокани (см. т. I, стр. 166), и убилъ Волхвовъ въ Новгородѣ (выше, стр. 114).

ву Полоцкому, который не вмѣшивался уже ни въ какія дѣла. Всеславъ отбилъ войско Всеволода, но Полоцкъ былъ *обожженъ* и ограбленъ; пируя съ отцомъ своимъ въ Черниговѣ, Мономахъ принесъ ему множество золота изъ награбленной добычи (326).

Карая Всеслава, вмѣшиваясь въ дѣла монастырей, ссорясь и мирясь съ монахами, строя монастырь во имя своего святаго (327), Изяславъ увидѣлъ Всеволода, съ трепетомъ прибѣжавшаго изъ Чернигова въ Кіевъ. Олегъ и Борисъ Вячеславичъ неожиданно явились изъ Тмуторокани съ множествомъ Половцевъ. Мономаха не было. На берегахъ Оржицы (328) Всеволодъ былъ разбитъ; Тукій, любимецъ Изяслава, и множество другихъ бояръ пали въ битвѣ. Побѣдители завладѣли Черниговомъ; Изяславъ обнималъ Всеволода; обѣщалъ ему помогать (329); Мономахъ шелъ къ нимъ

---

(326) « Ожгоша Полтескъ Дух. Мон. ».

(327) Изяславъ гналъ св. Антонія; ссорился за пострижение любимца своего; хотѣлъ великолѣпіемъ новаго, устроеннаго имъ, монастыря. Св. Димитрія, превзойдти Печерскій монастырь (хотя створити выше сего монастыря, надѣяся богатьство). См. Патерикъ и Несторову Лѣтопись, въ разныхъ мѣстахъ.

(328) Рѣчка между Золотоношею и Пирятинымъ.

(329) Рѣчь Изяслава, можетъ быть и невымышленную Лѣтописцемъ, Карамзинъ называетъ *достопамятною*. Не выписываемъ ея: и безъ того довольно лжей надоб-

изъ Смоленска, едва пробился сквозь Половецкія дружины, и повелъ Кіевлянъ на Черниговъ. Черниговцы не сдавались; городъ запылалъ; жители сражались въ городкѣ своемъ. Олегъ и Борисъ, бывшіе тогда внѣ Чернигова, спѣшили на помощь съ наемными Половцами; началась битва. Олегъ, умѣренный и благоразумный, рѣшался вступить въ переговоры, видя многочисленность непріятелей. « Дѣлай что хочешь, «отвѣчалъ ему гордый Борисъ.» Но я не хочу: я всѣмъ имъ врагъ (330)!» Онъ бросился въ бой. Сраженіе было на Нѣжатиной нивѣ, въ 3-й день Октября 1078 года. Дрались съ равнымъ остервененіемъ; Борисъ сражался въ первыхъ рядахъ, и—палъ первый: съ нимъ пресѣкся родъ Вячеслава Ярославича. Олегъ не уступалъ. Видя неколебимость врага, Изяславъ самъ вошелъ въ ряды пѣшихъ воиновъ, и былъ смер-

---

но повторять, не имѣя средства опровергнуть ихъ повѣркою! Если Изяславъ и говорилъ рѣчь свою Всеволоду, то опроверженіе оной въ дѣлахъ его. Всеволодъ заслужилъ при семъ случаѣ отъ Карамзина названіе *несчастнаго*... въ самомъ дѣлѣ несчастный: законные наслѣдники принуждали его отдать взятое имъ неправедно! Карамзинъ увѣряетъ, будто Олегъ и братъ его « думали, что все Государство Русское должно признать власть ихъ » (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 86). Гдѣ доказательства этого?

(330) « Ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ!» (*Кен. сп.* стр. 126).

тельно пораженъ копьемъ. Ряды Половцевъ смѣшались; Олегъ бѣжалъ и укрылся въ Тмутороканп.

Тѣло Изяслава привезли въ Кіевъ. Лѣтописецъ увѣряетъ, что едва слышно было погребальное пѣніе, отъ великаго плача Кіевлянъ: плакалъ цѣлый городъ. Довольно не кстати Изяславъ изображается мученикомъ, и человѣкомъ, *положившимъ душу свою за други своя.* Чѣмъ другимъ, если не ничтожностью характера и гибельными ея слѣдствіями, означено 24-хъ лѣтнее государствованіе сего Князя? Лѣтописи слагали всѣ вины на Святослава. И почему не такъ? Онъ давно покоился во гробѣ, а дѣти его платили бѣдствіями за грѣхи отца (331).

Старый Всеволодъ сѣлъ на Кіевскомъ престолѣ. Начатое кровопролитіемъ, княженіе Всеволода было одно изъ самыхъ несчастныхъ. Онъ зналъ пять языковъ, не терпѣлъ вина, кормилъ нищихъ, чтилъ духовенство и особенно любилъ монаховъ. Отецъ, любя его, просилъ, чтобы и по смерти гробы ихъ не были разлучены. Вѣримъ, ибо увлекаемый въ войну и ссоры другими, Всеволодъ точно былъ добрый, кроткій человѣкъ, и бывши Великимъ Княземъ, жалѣлъ о своемъ прежнемъ житьѣ въ Переяславлѣ. Но, какъ прежде не смѣлъ онъ

---

(331) *Ист. Г. Р.* т. II, 87 и 88. - *Кен. сп.* рук. л. 118, 119.

противиться честолюбію братьевъ, такъ сдѣлавшись Великимъ Княземъ не умѣлъ владѣть Государствомъ (332). Внутри, извнѣ, отвсюду грозили ему враги. Мономахъ былъ единственною опорою отца своего: онъ умѣлъ сражаться, умѣлъ и хитрить, но не могъ указать отцу, какъ править Государствомъ. Старый и хилый Всеволодъ окружилъ себя юными совѣтниками; они своевольничали, не хотѣли собирать на Княжескомъ Дворѣ старцевъ и бояръ: тіуны и отроки продавали правосудіе, грабили народъ (333). Физическія бѣдствія присоединились къ войнамъ и междоусобіямъ: голодъ свирѣпствовалъ во многихъ областяхъ; засухи были столь жестокія, что лѣса горѣли, источники изсыхали, въ народѣ явились болѣзни. Повальная болѣзнь опустошила Кіевъ: продавцы гробовъ сами сказывали лѣтописцу, что въ Кіевѣ, съ Филиппова заговѣнья до Масляницы, продали они 7000 гробовъ, въ 1090 году (334): такъ велико было опустошеніе Кіева. Народъ видѣлъ оправданіе ужасающихъ знаменій въ плачевныхъ событіяхъ. Увѣряя себя въ до-

---

(332) Кен. сп. стр. 133.

(333) И нача любити совѣтъ уныхъ, сіи же начаша, и заводити, и негодовати дружины своея первыя и людемъ не доходить правды, и начаша тіи уніи грабити и продаяти люди (*Кен. сп.* стр. 133, 134).

(334) *Кен. сп.* стр. 132.

стовѣрности ихъ множествомъ свидѣтельствъ, онъ говорилъ, что небо предвѣщаетъ бѣдствія Всеволодова княженія. Разсказывали, что въ разныхъ мѣстахъ подъ землею былъ слышанъ страшный стукъ; что огромный огненный змѣй упалъ въ лѣсъ, когда Всеволодъ былъ тамъ на охотѣ; что въ Полоцкѣ ходили мертвецы и выли страшнымъ образомъ, а ночами бѣсы бѣгали по улицамъ: находили слѣды копытъ конскихъ, и толковали, что это слѣды коней, на коихъ скачутъ бѣсы. Вездѣ являлись волхвы, кудесники, распространяли ереси и предвѣщали бѣдствія (335). Прежде всего спѣшилъ Всеволодъ подѣлить Русь. Святополка оставили до времени въ Новгородѣ; другому сыну Изяславову отдали Владиміръ, придали ему и Туровъ. Все остальное взялъ Всеволодъ.

Мономахъ сторожилъ Кіевъ съ востока, основавшись въ Черниговѣ. Неутомимый Олегъ и братъ его Романъ уже снова вели Половцевъ. Всеволодъ и Мономахъ встрѣтили ихъ на Войнѣ (336), не хотѣли драться, и успѣли лучше и

---

(335) Явленія въ Полоцкѣ наводили такой ужасъ на современниковъ, что они называли Полочанъ *мертвецами* (навье). Полочане не смѣли нѣсколько времени выходить изъ домовъ своихъ по ночамъ (*Кен сп.* рук. *л.* 124).

(336) Урочище близъ Переяславля, или рѣка Вюнка, впадающая въ Остеръ (*Ист. Г. Р.* II, пр. 145).

скорѣе: купили миръ золотомъ. Олегъ и Романъ негодовали, спорили съ Половцами, началась ссора, и Половцы убили Романа. «Тамъ, въ пустынѣ остались и донынѣ кости Романа, сына Святославля, внука Ярославля,» говоритъ лѣтописецъ (337). Олегъ схваченъ былъ Хазарами, пришедшими съ братомъ его изъ Тмуторокани: они увезли его въ Грецію. Какъ плѣнникъ, Олегъ остался на островѣ Родосѣ (338). Желая овладѣть послѣднимъ убѣжищемъ гонимыхъ Князей, Всеволодъ послалъ своего намѣстника Ратибора въ Тмуторокань. Но, кромѣ Святославовыхъ дѣтей, въ Тмуторокани были еще изгнанники: Ростиславичи и сынъ Игоря; они прогнали Ратибора, и не отдавали Тмуторокани.

Должно было оставить ихъ въ покоѣ, ибо Великому Князю грозили другіе враги. Мономахъ поспѣшно отправился къ Смоленску, осажденному Всеславомъ. Полоцкій Князь не забылъ грабежа Мономахова; слыша о приближеніи Кіевскихъ дружинъ, онъ зажегъ Смоленскъ и ушелъ въ свое княжество; Мономахъ гнался за нимъ, и *пожегъ* всю землю Полоцкую до Лукомля, Логожска и Друцка (339); на другой годъ, онъ на-

(337) Кен. сп. стр. 127.

(338) Объ этомъ пишетъ Даніилъ Паломникъ (*Ист. Г. Р.* II, пр. 145).

(339) Дух. Мономаха.

бралъ Половцевъ, схватилъ Минскъ *и не оставилъ въ немъ ни челядинца, ни скотины* (340). Вятичи и Переяславскіе Торки бунтовали; Мономахъ два раза ходилъ въ землю Вятичей, и покорилъ ихъ снова (341). Половцы отвсюду шли въ Русь. Мономахъ обратился на нихъ, преслѣдовалъ, встрѣчалъ, разбивалъ ихъ, но часто заставалъ только горячій пепелъ сожженныхъ селеній, и едва успѣвалъ отбивать плѣнныхъ Руссовъ.

Два года пробывъ въ Греціи, совсѣмъ неожиданно, Олегъ снова явился въ Тмуторокани. Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ бѣжали при его приближеніи. Казнивъ многихъ Хазаровъ, враговъ своихъ, Олегъ готовилъ новыя брани Кіеву. Ростиславичи не смѣли явиться къ Всеволоду и ушли къ сыну Изяславову, Ярополку. Обласканные имъ, они остались во Владимірѣ, когда Ярополкъ отправился праздновать Свѣтлое Воскресенье въ Кіевъ, успѣли обольстить дружины Князя, захватили городъ и объявили себя его властителями. Ярополкъ просилъ защиты Великаго Князя, и, правая рука Всеволодова, Мономахъ явился близъ Владиміра съ Кіевлянами. Мономахъ увидѣлъ необходимость подкрѣпить Русь другими Князьями, когда Олегъ въ тоже время грозилъ Кіеву вой-

---

(340) Дух. Мономаха.

(341) Тогда у Вятичей былъ еще вождь, или Князь, Ходота. *Дух. Мономаха.*

ною. Разсчетъ былъ не затруднителенъ: отцу его гораздо выгоднѣе было пріобрѣсть дружбу храбрыхъ Ростиславичей, нежели сыновъ Изяславовыхъ, изъ коихъ одинъ правилъ Новгородомъ, лишая Кіевъ власти надъ сѣверною Русью, другой не могъ спасти себя даже отъ дерзкой смѣлости двухъ бѣглецовъ. Начались переговоры. Ростиславичи требовали хотя небольшихъ удѣловъ, и Рурику былъ данъ Теребовль, Володарю Перемышль. Василько, младшій братъ, остался при нихъ безъ удѣла. Въ договоръ включили и Давида Игоревича, который, бѣжавъ изъ Тмутороками, набралъ шайку разбойниковъ и грабилъ Греческихъ купцовъ на устьѣ Днѣпра, въ Олешьѣ (342). Онъ былъ призванъ Мономахомъ и получилъ въ удѣлъ Дорогобужъ (343). Ярополкъ остался Княземъ Владимірскимъ; но Ростиславичи, соглашаясь на малое, хотѣли бо́льшаго; можетъ быть Ярополкъ было недоволенъ наградою сихъ пришлецовъ *его* областями (344); хитрые Ростн-

---

(342) Нынѣ мѣстечко Алешки, противъ Херсона.

(343) Дорогобужъ, не тотъ, что въ Смоленской губерніи, но мѣстечко Волынской губерніи, въ Острожскомъ повѣтѣ, на Горыни.

(344) Не соображая никакихъ обстоятельствъ, Карамзинъ порицаетъ Ярополка, говоритъ, что онъ, «*облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его*», и прибавляетъ: «Князь сла-

славичи умѣли воспользоваться слабостію Ярополка, совѣтовали ему воевать, обѣщали пособіе. Уже Ярополкъ собиралъ дружины и хотѣлъ идти на Кіевъ. Зоркій Мономахъ такъ быстро явился въ Волыни, что захватилъ въ Луцкѣ мать, жену, дружину и казну Ярополкову; самъ Ярополкъ бѣжалъ въ Польшу. Мономахъ обмѣнялъ Владиміръ Давиду Игоревичу, вмѣсто Дорогобужа; Ростиславичи все еще молчали, казались дружными, полагая, что гоненіе обратится на дѣтей Изяслава. Но Ярополкъ уже не хотѣлъ сражаться, раскаявался, молилъ простить его; Всеволодъ согласился, и Давидъ съ досадою долженъ былъ снова обмѣнять Владиміръ на убогій Дорогобужъ. Тогда Ростиславичи вмѣшались въ дѣло сотоварища своего въ бѣдствіяхъ. Убійца пронзилъ мечемъ Ярополка, и скрылся въ Перемышлѣ (345). Никто не думалъ преслѣдовать измѣну; привезли тѣло Ярополка въ Кіевъ, и похоронили въ построенной имъ церкви Св. Петра, въ монастырѣ Димитріевскомъ, начатомъ по волѣ Изяслава. Монахи и священ-

---

бый, послушный коварнымъ совѣтникамъ, и скоро наказанный за свою безразсудность» . . . (Ист. Г. Р. II, стр. 98).

(345) Насмѣшка Карамзина въ семъ случаѣ: «Судьба не дала Ярополку времени заслужить великодушіе дяди, или снова быть неблагодарнымъ» (Idem, стр. 98).

ники искренно оплакали Ярополка. «Онъ былъ кротокъ, смиренъ, любилъ братію, всегда исправно давалъ десятину, молилъ Бога сподобить его мученической кончины Св. Бориса и Глѣба, и Богъ услышалъ его молитву (346).» Давидъ Игоревичъ, а не Святополкъ Новгородскій, наслѣдовалъ Владиміръ. Утверждая дружбу съ Игоревичемъ и Ростиславичами, Мономахъ не ошибся. Такъ, Василько употребилъ новое средство отвлечь Половцевъ, которые взяли Пересочепъ на Супоѣ, Переволоку на Ворсклѣ, и грабили берега Днѣпра: онъ вызвался быть ихъ предводителемъ, и повелъ ихъ грабить Польшу (347). Рурикъ умеръ въ 1090 году, и Василько наслѣдовалъ удѣлъ его. Умирясь въ Волыни, Всеволодъ могъ уже приступить къ рѣшительному униженію Изяславова рода. Онъ вызвалъ Святополка въ Кіевъ, и послалъ юнаго внука своего, Мстислава, сына Мономахова, княжить въ Новгородѣ (348). Новгородцы охотно согласились на пе-

---

(346) Кен. сп. стр. 129.

(347) Idem, стр. 132.

(348) Карамзинъ говоритъ, что Святополкъ, «*вѣроятно*, былъ недоволенъ безпокойными Новгородскими гражданами, которые тогда-же призвали къ себѣ юнаго Князя Мстислава, сына Владимірова» (Ист. Г. Р. II, стр. 106). Какъ легко находить вѣроятности самыя невѣроятныя, когда ихъ и современники не находили!

ремѣну; Святополкъ долженъ былъ удовольствоваться небольшимъ Туровскимъ удѣломъ. Видимъ политику Мономаха, управлявшаго отцомъ своимъ: все на востокъ отъ Днѣпра, и Новгородъ, принадлежали наконецъ Кіевскому княжеству. Олегъ, единственный врагъ семейства Всеволодова, не шелъ изъ Тмуторокани; извѣдавъ вѣроломство Половцевъ, можетъ быть, онъ хотѣлъ имѣть средства лучше и вѣрнѣе. Оставляя въ покоѣ Полоцкаго Князя, и мирясь со всѣми другими, Всеволодъ могъ не страшиться Олега, а Мономахъ управляться съ Половцами. Сынъ Мономаха, Изяславъ, утвержденъ былъ удѣльнымъ Княземъ въ Курскѣ, и защищалъ *Посемье*, а Мстиславъ съ Новгородцами *Паволожье* (349). Самъ Мономахъ, владѣя Смоленскомъ, Черниговомъ и Переяславцемъ, хотѣлъ уже начать рѣшительную войну съ Половцами. Ведя дружины Кіева, Смоленска, Чернигова и Переяславля, онъ надѣялся побѣды. Но неожиданное событіе остановило и разрушило всѣ намѣренія Мономаха: Всеволодъ, отягченный лѣтами и огорченіями, скончался (1093 г).

Мономахъ и братъ его Ростиславъ были тогда въ Кіевѣ. Призракъ *Великаго Князя*, изъ за котораго свободно дѣйствовалъ Мономахъ, ис-

---

(349) *Посемье*, земли по берегамъ рѣки Семи; *Паволожье*, приволжскія земли.

чезъ! Мономахъ могъ предвидѣть, какія новыя бѣдствія навлечетъ на Русь вражда за престолъ Великокняжеское. Сыновъ Ярослава не было уже на свѣтѣ ни одного. Слѣдовало занять Кіевскій престолъ кому либо изъ внуковъ. Родъ Изяслава, родъ Святослава и родъ Всеволода могли предъявлять на то права (350). Мономахъ, представитель *Всеволодова* дома, къ несчастію самаго *младшаго*, имѣлъ средства возсѣсть на Великокняжескомъ престолѣ. На его сторонѣ были сила и умъ; но тогда возстали-бы на него всѣ другіе Князья, а при помощи, какую могли найдти они въ Польшѣ, у Половцевъ, Полоцкаго Князя, можетъ быть у самыхъ Новгородцевъ, Мономахъ отважился-бы на борьбу слишкомъ опасную. Слѣдовало предложить Кіевъ Олегу, бывшему другу Мономаха и крестному отцу Мстислава Новгородскаго; но отнятіе удѣловъ отъ всего Святославова рода, гибель Романа, два похода на Русь, и 15-ти лѣтняя личная вражда Олега съ Мономахомъ, дѣлали храбраго, предпріимчиваго Олега ненавистнымъ Мономаху. Мономахъ рѣшился изумить великодушіемъ: *старшій* изъ всѣхъ Князей, изгнанный Мономахомъ изъ Новгорода, Святополкъ, сынъ Изяслава, жившій тогда въ ма-

---

(350) Ростиславичи были племянники дѣтямъ Святослава, Всеволода и Изяслава, слѣд. не имѣли права при жизни дядей.

ленькомъ удѣлѣ своемъ, Туровѣ, неожиданно увидѣлъ пословъ Мономаховыхъ: они предложили ему *Великое княжество Кіевское* (351).

Мономахъ зналъ сего Князя, и страшась сильнаго душею Олега, избиралъ человѣка малодушнаго, ничтожнаго, хорошо понимая, что избраніемъ его умиритъ умы всѣхъ, и въ тоже время предпишетъ какія угодно условія Святополку. Онъ не обманулся: современники славили его великодушіе, а Святополкъ согласился отдать ему Черниговскій и Смоленскій удѣлы; сына его Мстислава оставить Княземъ Новгорода; брату Ростиславу дать удѣлъ Переяславскій. Волынью владѣли Давидъ Игоревичъ, Володарь и Василько Ростиславичи. Слѣдовательно: Святополкъ, съ названіемъ *Великаго Князя*, получалъ *только Кіевскую область*! Кіевляне встрѣтили новаго Князя съ радостію, ждали счастливаго кня-

---

(351) Глава о княженіи Святополка начинается у Карамзина словами: *Великодушіе Мономаха!*—«Владиміръ могъ-бы сѣсть на престолѣ родителя своего, но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступилъ оный Изяславову сыну,» говоритъ Карамзинъ, и не замѣчаетъ ни дѣленія областей при семъ случаѣ, ни отношеній одного Князя къ другому. Между тѣмъ, здѣсь начало важнѣйшихъ событій: униженія Великаго Княжества, возстановленія Черниговскихъ Князей, рѣшимости Мономаха овладѣть престоломъ Кіевскимъ по смерти Святополка.

женія, думая снова видѣть законный порядокъ въ удѣлахъ, и — ошиблись, ибо *не могли не ошибиться* (352).

Ошибся и Мономахъ. Не много находимъ въ Русской Исторіи Князей столь ничтожныхъ, сколь ничтоженъ былъ Святополкъ. Трусливый въ бѣдствіи, надменный въ счастьи, вѣроломный, слабый душею, легковѣрный, неблагодарный, Святополкъ девятнадцать лѣтъ безславилъ собою званіе Великаго Князя, сдѣлался презрительнымъ даже въ глазахъ современниковъ, и возбуждаетъ невольное негодованіе потомства (353). Онъ усердно молился, строилъ церкви, всякій разъ когда отправлялся въ путь ѣздилъ на благословеніе къ Печерскому игумену, но въ тоже время преступалъ всѣ уставы нравственности, жадничалъ денегъ, дозволялъ Жидамъ селиться въ Кіевѣ, торговать и притѣснять Кіевлянъ, самъ торговалъ солью, и успѣлъ скопить огромныя богат-

---

(352) «Изыдоша противу ему Кіяне съ поклоны, и пріяша съ радостію, и сѣде на престолѣ *отца своего* и стрыя своего (Кен. сп. стр. 134).

(353) Народъ торжествовалъ грабежемъ и буйствомъ кончину Святополка. Даже лѣтописцы не прибавляютъ никакихъ похвалъ, ни слезъ, описывая его смерть. Карамзинъ называетъ Святополка — просто *извергомъ* (Ист. Г. Р. II, стр. 120); другія названія см. на стр. 143, II-го т. Ист. гос. Росс.

ства при бѣдствіи и раззореніи подданныхъ (354). Увидимъ дѣла его.

Они начались безразсудною дерзостью. Половцы хотѣли мириться съ новымъ Княземъ Кіевскимъ, вѣдая, можетъ быть, предпріятія Мономаха, и прислали пословъ. Не совѣтуясь ни съ кѣмъ, Святополкъ вздумалъ противиться имъ съ одними Кіевскими дружинами, бросилъ Половецкихъ посланниковъ въ тюрьму, и собралъ войско; всего явилось 800 человѣкъ: такъ слабъ силами былъ *Великій* Князь. Половцы уже воевали; Святополкъ хотѣлъ идти съ своими сотнями на нихъ, но бояре отговорили ему, и совѣтовали скорѣе просить помощи Мономаха. Вѣроятно, Мономахъ еще не былъ готовъ, но поспѣшилъ однакожъ идти, велѣлъ явиться и брату своему, Ростиславу Переяславскому. Князья всѣ собрались въ Кіевѣ. Мономахъ доказывалъ невозможность войны, спорилъ съ Святополкомъ, и не шелъ въ походъ. « У васъ распря, а поганые губятъ землю: сражайтесь или миритесь съ ними, » сказали Князьямъ бояре. Къ несчастію, Мономахъ уступилъ Святополку; войско выступило къ рѣкѣ Стугнѣ. Еще разъ Мономахъ хотѣлъ мира съ Половцами. « Здѣсь мы еще грозны для нихъ, » говорилъ онъ; хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, дождаться

(354) Патерикъ, Житіе св. Прохора.

перехода Половцевъ черезъ рѣку. Кіевская дружина не согласилась, и Мономахъ принужденъ былъ еще разъ уступить. Дружины перешли Стугну, разлившуюся отъ половодья. Святополкъ велъ правое крыло; на него ударили Половцы, и отчаянное сопротивленіе не помогло: Святополкъ бѣжалъ. Тогда вся сила Половцевъ ринулась на Мономаха и разбила его. Онъ и Ростиславъ бросились черезъ рѣку вплавь, и въ глазахъ Мономаха братъ его погибъ въ волнахъ; едва не утонулъ и самъ Мономахъ, спасая брата. Горько плакалъ онъ о братѣ и дружинѣ, и укрылся въ Черниговѣ. Тѣло Ростислава привезено было въ Кіевъ, и оплакано горестною матерью.—Половцы уже девять недѣль осаждали Торческъ, городъ, населенный Торками; другіе раззоряли окрестности Кіева. Святополкъ снова испыталъ счастія, сразился съ Половцами, и былъ снова разбитъ. Торческъ сдался. «Всѣ праздники наши обратились въ горесть, (пишетъ лѣтописецъ): въ Вознесеньевъ день на Стугнѣ у Треполя, въ новый Русскій праздникъ Бориса и Глѣба на Желнѣ — навелъ на насъ Богъ сѣтованіе: се перстъ Божій, да смирясь опомнимся отъ злаго пути. Нынѣ все полно слезъ. Братій нашихъ ведутъ въ плѣнъ Половцы къ своимъ *сердоболямъ* и сродникамъ; бѣдные плѣнники сіи томятся гладомъ и жаждою: лица ихъ опухли, тѣла почернѣли, и въ невѣдомой странѣ языкъ спалилъ жаръ солнечный; идя нагіе и босые, изъязвивъ

ноги терніемъ, они говорятъ другъ другу: я изъ такого-то города, я изъ такого-то села; сказываютъ одинъ другому родъ свой со слезами, и вздыхая возводятъ очи на небо къ Вышнему Всевѣдущему (355).»

Въ это время Мономахъ не могъ помогать Святополку. Врагъ, котораго столь давно страшился и такъ сильно ненавидѣлъ онъ, Олегъ явился наконецъ, послѣ шестнадцатилѣтняго изгнанія изъ наслѣдной области (356). Съ нимъ были Половецкія полчища. Мономахъ затворился въ Черниговѣ, сражался восемь дней, и принужденъ былъ уступить силѣ. Олегъ признанъ былъ отъ него *Черниговскимъ Княземъ*, и не могъ препятствовать Половцамъ грабить окрестности. «Съ малою дружиною, менѣе нежели изъ 100 человѣкъ, ѣхалъ я среди Половецкихъ полковъ,« говоритъ Мономахъ,» съ дѣтьми и съ женою, и враги облизывались на насъ, какъ волки» (357). Свято-

---

(355) *Торгескъ*, нынѣ Торчица, на рѣкѣ Торчѣ, въ Пятигорскомъ округѣ Кіевской губерніи. *Новымъ* праздникомъ называетъ Лѣтописецъ день Бориса и Глѣба, ибо онъ не за долго до сего времени былъ установленъ. — *Желна*, нынѣ село Жиляны, близъ Кіева и Бѣлогородки. — Разсказъ о бѣдствіи Руси, см. *Кен. спис.* рук. *л.* 128.

(356) Съ 1079 года.

(357) Дух. Мономаха. Здѣсь Олегъ подвергается жестокимъ укоризнамъ Карамзина. Называя его *Тмуто-*

полкъ оробѣлъ, отказался отъ войны, принужденъ былъ смириться передъ Половцами, и женился на дочери сильнаго вождя Половецкаго, Тугорхана. Олегъ едва могъ отвести Половцевъ отъ Чернигова, указавъ имъ на новые грабежи. Сынъ его повелъ ихъ на Греческія области, какъ прежде Василько на Польшу. Между тѣмъ братъ Олеговъ, Давидъ, занялъ Смоленскъ.

Такъ въ два года совершенно измѣнилось положеніе Руси. Предначѣренія Мономаха — смирить Половцевъ, были разрушены; родъ Святослава снова явился въ Руси, и два удѣла: *Черниговскій*, родовой Святослава, и *Смоленскій*, собственно

роканскимъ Княземъ (какъ будто Тмуторокань была удѣломъ Олега), онъ говоритъ, что Олегъ пришелъ *раззорять отечество*, именуетъ его *жестокимъ*, сказываетъ, что Олегъ *равнодушно смотрѣлъ на злодѣйства Половцевъ!* Мономахъ, уступившій только силѣ, ибо восемь дней защищался онъ въ Черниговѣ, представленъ *добровольно уступившимъ* Черниговъ Олегу. — «*Вторая* жертва, принесенная имъ общей пользѣ!» восклицаетъ Карамзинъ; *первою* почиталъ онъ неудачный разсчетъ корыстной политики Мономаха, въ уступленіи Кіева Святополку (Ист. Г. Р. т. II, стр. 109, 110). дабы усилить ужасъ Олегова злодѣйства, Карамзинъ переноситъ *къ его приходу* описаніе бѣдствій Руси, которое въ лѣтописи находится при описаніи неудачной войны Святополка и Мономаха съ Половцами, и нами выше сего представлено. Къ чему такія пристрастныя измѣненія истины?

не принадлежавшій сему роду Князей, отторглись отъ Всеволодова рода. Мономахъ ограничился однимъ Переяславскимъ, родовымъ удѣломъ. Кіевомъ владѣлъ Князь безразсудный, не слушавшій его совѣтовъ. Честолюбіе Мономаха страдало. Но столько-же умный сколько и храбрый, Мономахъ началъ новые замыслы, и мы увидимъ, что послѣ всѣхъ препятствій, онъ достигнетъ своей цѣли, унизитъ Олега, не взирая на храбрость, великодушіе, законность правъ сего Князя. Олегъ умѣлъ сражаться, но не былъ политикомъ. Братъ его Давидъ, человѣкъ добрый и слабый, не умѣлъ помогать ему, когда умъ Владиміра, вѣроломство Святополка, и сила обоихъ Князей были противъ потомковъ Святослава.

Основавшись въ Переяславлѣ, прежде всего Владиміръ сдружился съ Святополкомъ: они начали думать, дѣлать и поступать за одно. Вѣроятно, онъ успѣлъ внушить Кіевскому Князю свои честолюбивыя намѣренія, и, угождая ему, рѣшился унизиться до поступка неблагоразумнаго и недостойнаго. Въ Переяславль пріѣхали вожди Половецкіе Итларь и Китанъ. Должно думать, что жизнь сихъ вождей была весьма важна для Руси. Сопутники Половецкихъ вождей расположились въ полѣ за городомъ; Итларь и Китанъ въѣхали въ Переяславль; сынъ Мономаха, Святославъ, отданъ былъ, въ залогъ безопасности, дружинамъ Половецкимъ. Тогда изъ Кіева пріѣха-

ли Святополковы бояре, и совѣтовали Мономаху погубить Итларя и Китана. Мономахъ колебался. «Я далъ имъ клятву,» отвѣчалъ онъ.—«Тутъ нѣтъ грѣха: сами они всегда клянутся, и потомъ губятъ Русскую землю,» отвѣчали бояре Святополковы. Мономахъ согласился; сына его выкрали у Половцевъ, и измѣннически убили Итларя, Китана и всю дружину ихъ. Зная, что мщеніе неминуемо, Святополкъ и Владиміръ немедленно выступили на Половецкія земли, били, грабили, возвратились съ добычею. За ними шли Половцы; съ одною толпою Святополкъ успѣлъ помириться, другая успѣла выжечь Юрьевъ (358).

---

(358) Вѣроломство Мономаха, о которомъ онъ самъ не думалъ, не считая грѣхомъ нарушенія слова, даннаго *поганымъ*, и которое весьма равнодушно, и безъ всякихъ извиненій, описываетъ въ своей Духовной (*Итлареву чадь избиша*), встревожило Карамзина. Онъ выводитъ оправданія, и говоритъ, что смерть Итларя была «гнусный заговоръ, который *лучшему* «изъ тогдашнихъ Князей *Россійскихъ* (т. е. Моно- «маху) казался позволенною хитростію,» ибо «долговременныя несчастія государственныя остервеняютъ сердца и вредятъ самой нравственности людей;» потомъ слагаетъ онъ вину на дружину Мономахову (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 111). Всего этого казалось Карамзину недостаточно. Въ другомъ мѣстѣ новыя объясненія: «Если Мономахъ *одинъ разъ въ жизни* не усомнился нарушить Права Народнаго, и вѣроломнымъ образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то можемъ отнести

Не заботясь о нихъ, Святополкъ и Мономахъ устремились на Олега. Онъ не пошелъ съ ними на Половцевъ; требовали, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, зарѣзалъ Итларева сына, бывшаго у него аманатомъ. Олегъ съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе (359). Братъ его, Давидъ Смоленскій, причинилъ еще горьшую обиду Мономаху. Въ отсутствіе Мстислава, сына Мономахо-

---

къ нему слова Цицероновы: вѣкъ извиняетъ человѣка» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 166). За что Олегъ былъ-бы обремененъ проклятіемъ, Мономахъ получаетъ почти похвалы!! Но всего страннѣе судъ Историка, который ставитъ себя на мѣсто описываемыхъ имъ людей, говоритъ о Народномъ Правѣ, и подводитъ дѣла древнія къ современнымъ ему понятіямъ!! — Городъ *Юрьевъ* былъ на рѣкѣ Роси.

(359) Здѣсь безъ негодованія не льзя видѣть, какъ сей поступокъ Олега униженъ Карамзинымъ. Въ прим. 358-мъ, мы показали неумѣстное оправданіе Мономаха. Но если принять его, то Олегъ является геро емъ. Карамзинъ нашелъ однакожъ способъ устранить честь отъ Олега, и говоритъ, что Олегъ отвергнулъ предложеніе убить Итларева сына, «*какъ злодѣйство безполезное*» (Ист. Г. Р. т. II, стр. 112)! Даже самъ Мономахъ не смѣлъ такъ унижать Олега, и сказываетъ (въ Духовной), что они воевали съ Олегомъ за то, что онъ «*приложился къ Половцамъ.*» И Лѣтописцы не осмѣливаются выговорить здѣсь ни одной укоризны Черниговскому Князю. Мы будемъ-ли несправедливѣе ихъ? —

ва, Давидъ явился въ Новгородѣ, и былъ признанъ Новгородцами за Князя. Возвращеніе Мстислава заставило его бѣжать, но — Мономахъ не прощалъ обидъ. Сынъ его, Изяславъ, Князь Курскій, немедленно напалъ на Муромъ, городъ Черниговскаго удѣла, и овладѣлъ имъ (360). Въ тоже время Олегъ увидѣлъ пословъ Владиміра и Святополка. «Иди въ Кіевъ,» говорили ему послы; «тамъ положите вы урядъ о землѣ Русской, передъ Епископами, Игуменами, мужами отцовъ своихъ и людьми градскими.» Олегъ хорошо зналъ, кто посылаетъ къ нему пословъ. «Ни Епископу, ни Игумену, ни смерду не судить меня, Князя,» отвѣчалъ онъ (361). Не думая, что слѣдствіемъ его отказа будетъ немедленное мщеніе,

---

(360) Сей поводъ къ сильнѣйшей враждѣ Мономаха съ Святославичами, представленъ Карамзинымъ, какъ великодушное распоряженіе Князей. Но, чѣмъ объяснить послѣ сего взятіе Мурома сыномъ Мономаха? Онъ «*нечаянно* завладѣлъ Муромомъ,« говорятъ намъ! (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 112).

(361) И эта черта сильнаго характера дѣлается укоризною Олегу по мнѣнію Карамзина: онъ — «не вѣрилъ *доброму* намѣренію, и съ гордостію отвѣтствовалъ« (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 113). А самъ Мономахъ пишетъ: «*ли того ся каю, да то языкомъ братьи пожаловахъ.*» Что еще надобно для оправданія гонимаго сильными?

Олегъ съ изумленіемъ услышалъ, что Переяславская и Кіевская дружины идутъ на него. Въ ярости забывая все, Святополкъ и Владиміръ оставили даже за собою Половцевъ грабить ихъ собственныя земли, и бросились къ Чернигову. Олегъ бѣжалъ; за нимъ гнались. Затворясь въ Стародубѣ, 33 дня выдерживалъ онъ жестокую осаду; наконецъ обѣщалъ придти въ Кіевъ на совѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ Давидомъ, котораго въ тоже время изгнали войска Мономаховы изъ Смоленска. Святополкъ и Мономахъ удовольствовались обѣщаніемъ, не отдавая Чернигова. Столько разъ доказанное мужество Олега, и Половцы, принуждали ихъ къ такой умѣренности. Уже не только Переяславское и Кіевское Княжества были раззоряемы, но Тугорханъ, тесть Святополка, осадилъ даже Переяславль; другой отличный вождь Половцевъ, Бонякъ, былъ близъ самаго Кіева и сжегъ Берестово. Быстрый и тайный приходъ Мономаха и Святополка спасли Переяславль. Тугорханъ, сынъ его, и избранные вожди Половецкіе пали въ битвѣ. Съ честью везя тѣло Тугорхана въ Кіевъ, *аки тестя и врага своего*, Святополкъ увидѣлъ пожаръ Кіева. Бонякъ едва не вогналъ Половцевъ въ Кіевъ за разбитыми противниками, зажегъ *красный* Выдубичскій дворъ Всеволода, городское предмѣстіе, монастырь Св. Стефана, и — къ ужасу Кіевлянъ — самый монастырь Печерскій. Означивъ надолго слѣ-

ды свои раззоренiемъ, Бонякъ скрылся въ свои степи (362).

Мономаха ожидали новыя скорби. Насилiе, оказанное Олегу, занятiе Чернигова и вынужденное обѣщанiе явиться въ Кiевъ, только раздражили Черниговскаго Князя. Собравъ небольшую дружину, онъ хотѣлъ удалиться въ дальнiе предѣлы своего владѣнiя, и тамъ ожидать рѣшенiя Князей (363). Изяславъ, сынъ Мономаха, не пускалъ его въ Муромъ. « Муромъ есть волость отца моего », говорилъ Олегъ. » Отсюда хочу я говорить съ отцомъ твоимъ: онъ выгналъ меня изъ Чернигова. Или и здѣсь хотите вы лишить меня хлѣба? » — Надѣясь на множество войскъ, Изяславъ ничего не слушалъ. Олегъ вступилъ въ бой; Изяславъ былъ убитъ и Муромъ занятъ Олегомъ.

---

(362) Разсерженный Лѣтописецъ бранитъ за это Боняка, и называетъ его — *шелудивымъ*. Никто изъ Половецкихъ Хановъ не замѣчателенъ для насъ столько, какъ этотъ отважный и неутомимый вождь.

(363) Сперва обратился Олегъ къ Смоленску, потомъ къ Рязани. Нигдѣ его не приняли. Карамзинъ знаетъ причину: « боялись его безпокойнаго характера » (*Ист. Г. Р.* т. II, прим. 175). *Рязань* упоминается здѣсь въ первый разъ. — Она была въ 50 верстахъ отъ нынѣшней Рязани, и теперь село близъ города Спасска, именуемое: *Старая Рязань*, на берегу Оки См. *Письма къ А. Ѳ. Малиновскому*. К. Ѳ. Калайдовича (М. 1823 г.)

Успѣхъ возгордилъ его; онъ увидѣлъ возможность завоевать сѣверныя области Переяславскаго удѣла, можетъ быть самый Новгородъ, не привязанный къ личнымъ выгодамъ Князей, готовый отдаться тому, кто дастъ болѣе выгоды его гражданамъ. Но Олегъ ошибался. Новгородъ любилъ Мстислава, храбраго, мужественнаго, видѣлъ болѣе ручательства своей безопасности въ Мономахѣ, нежели въ потомкахъ Святослава, едва водворившихся въ Руси, и уже снова изгоняемыхъ, бѣдствующихъ. Олегъ легко захватилъ Ростовъ и Суздаль (364). Мстиславъ похоронилъ тѣло брата своего въ Новгородѣ, и послалъ пословъ къ дядѣ. «Ты убилъ брата моего,» велѣлъ онъ сказать Олегу; «не сѣтую на тебя: въ ратяхъ гибнутъ и Цари и мужи; но будь-же доволенъ Муромомъ, не сиди въ чужой волости, а я постараюсь умирить тебя съ отцомъ моимъ.» Олегъ ничего не слушалъ. Тогда Мстиславъ двинулъ Новгородскія дружины. Олегъ не смѣлъ сражаться, зажегъ Суздаль, и думалъ хитростью побѣдить племянника: предлагалъ миръ, и готовился нечаянно напасть на Мстислава. Ему не удалось; помощь, присланная изъ Кіева достави-

(364) Трогательныя слова Олега Изяславу: «Хочу ту порядъ положити съ отцемъ твоимъ; се бо мя выгна изъ города отца моего; *или ты ми не хощеши здѣ хлѣба моего дати?*» (*Кен. спис.* стр. 147).

ла Мстиславу рѣшительное преимущество. На Клязьмѣ завязался бой; Олегъ проигралъ битву, оставилъ брата Ярослава въ Муромѣ, и ушелъ въ Рязань. Мстиславъ шелъ по слѣдамъ его, помирился съ Ярославомъ, явился и подъ Рязанью, съ миромъ, вездѣ требуя только плѣнныхъ, захваченныхъ Олегомъ. Олегъ принужденъ былъ удалиться и изъ Рязани. Мстиславъ показалъ великодушіе, рѣдкое въ тогдашнія времена. Онъ снова предложилъ Олегу: избрать его посредникомъ между собою и отцомъ. Мономахъ, удрученный лѣтами, скорбію о потерѣ брата и сына въ междоусобіяхъ, видя, что невозможно рѣшительно лишить наслѣдія родъ Святославовъ, сочувствуя можетъ быть въ совѣсти своей и достоинство Олега и права его на наслѣдіе отцовское, самъ хотѣлъ мира и спокойствія. Онъ написалъ къ Олегу письмо. Сей памятникъ сохранился для насъ. Въ немъ видѣнъ истинный характеръ Мономаха: честолюбіе, прорывающееся сквозь завѣсу набожности и смиренія, горесть, не побѣждающая гордости (365).

«Многогрѣшный и печальный,» писалъ Мономахъ, «борюсь сердцемъ, и душа одолѣла сердце мое, ибо мы тлѣнны, и я помышляю, какъ

(365) См. сіе письмо при Духовной Мономаха. Мы говорили о немъ выше.

стать предъ страшнымъ Судіею, мнѣ, покаянія и смиренія чуждому (366) . . . Что есть добро и что красно, если не братья, живущіе вкупѣ, но по наущенію діавола были рати при умныхъ дѣдахъ нашихъ, при добрыхъ и блаженныхъ отцахъ нашихъ; діаволъ не хочетъ добра роду человѣческому и сваживаетъ насъ. Пишу къ тебѣ, ибо крестникъ твой принудилъ меня писать. «Брату моему судьба пришла,» говоритъ онъ, «не будемъ мстить за него, сладимся, смиримся, и отдадимъ все суду Божію, но не погубимъ земли Русской.» И я, видя смиреніе сына моего, сжалился, убоялся Бога, сказалъ самъ себѣ: онъ юнъ и безразсуденъ, но такъ смиряется, и все отдаетъ суду Бога. Слушаю сына и пишу; отвѣчай мирно, отвѣчай бранью: мнѣ все равно, ибо я смиряюсь ради прежнихъ грѣховъ моихъ. Но — замѣть однакожъ, что я предваряю тебя, чая также смиренія и покаянія съ твоей стороны.» — Уговаривая Олега склониться на миръ, онъ напоминаетъ ему смиреніе самого Христа. «А мы что? Человѣки грѣшные: сегодня живы, а на утро мертвы; день въ славѣ, въ чести, а заутра въ гробѣ и безъ памяти, и другіе раздѣлятъ собранное нами. Вспом-

---

(366) Слѣдуютъ выписки изъ Псалтири. Такъ-ли прежде и послѣ поступалъ Мономахъ, какъ онъ пишетъ здѣсь? Историку надобно повѣрять слова дѣлами.

ни отцовъ нашихъ: что взяли они съ собою, кромѣ того, что сотворили для души своей?»

Трогательно упрекая Олега за смерть сына — «Какъ,» говоритъ Мономахъ, «какъ, видя кровь его, и тѣло, увянувшее, какъ цвѣтъ едва процвѣтшій, какъ агнца закланнаго, не сказалъ ты самъ себѣ, стоя надъ нимъ и вникнувъ въ помыслы души своей: «Увы! что я сдѣлалъ? Слѣдуя его безумію, ради кривости сего мечтательнаго свѣта взялъ грѣхъ на душу, и отцу и матери его далъ слезы!» И не крови, но только прелюбодѣянія ради Давидъ посыпалъ пепломъ главу свою. Тебѣ тогда-же покаяться-бы, и послать ко мнѣ невѣстку мою: она чѣмъ виновата? Тебѣ-бы послать ее ко мнѣ съ граматою утѣшительною, дабы я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, и плачь вмѣнилъ себѣ въ пѣсни и веселіе свадьбы ихъ, которой я за грѣхи мои не видалъ. Молю тебя: ради Бога отпусти ко мнѣ невѣстку, да сядетъ она въ домѣ моемъ, какъ голубка на сухой вѣткѣ, плачетъ со мною, и мы утѣшимся. Сыну моему таковъ былъ судъ Божій — что̀ дѣлать! Не ты въ томъ виноватъ!»

Но гордость видна тамъ, гдѣ говоритъ Мономахъ: «Зачѣмъ, взявши Муромъ, занялъ ты и Ростовъ? зачѣмъ не просилъ мира? Мнѣ-ли должно было посылать къ тебѣ, разсуди самъ, или тебѣ ко мнѣ? Хотя-бы сыну моему поручилъ ты спестись со мною? Десять разъ послалъ-бы я къ те-

бѣ послѣ того.» Возлагая всю вину на неправильное завладѣніе Ростовомъ, Мономахъ обвиняетъ сына, признается, что послушался братьевъ при нападеніи на Черниговъ, но сердится на Олега, что онъ не шелъ на Половцевъ, и кается въ томъ. «Вспомни,» такъ заключаетъ онъ посланіе, «вспомни, что не по неволѣ теперь говорю я, не отъ бѣды, но Богъ видитъ, что спасеніе души для меня дороже всего свѣта.»

На слѣдующій годъ Русь увидѣла зрѣлище давно невиданное. Въ Любечѣ съѣхались всѣ владѣтели удѣловъ. Тутъ, кромѣ *Святополка*, были *Мономахъ*, *Олегъ*, братъ его *Давидъ*, дѣти Ростислава: *Володарь* и *Василько*, и *Давидъ* сынъ Игоря; говорили, думали о настоящемъ раздѣлѣ, и подданные ихъ съ радостью услышали о мирѣ и тишинѣ (367).

Лѣтописи не передали намъ подробностей со-

(367) Сей съѣздъ весьма важенъ, ибо онъ рѣшительно разрушилъ прежнее дѣленіе земель, Ярославово, и утвердилъ силу Мономахова рода, ослабивъ въ тоже время силу Черниговскаго удѣла, раздѣленіемъ его на три части. По сему вниманіе читателя должно особенно обратиться на политическія отношенія Князей, бывшихъ на съѣздѣ. Излагая оныя подробно, мы основываемся на событіяхъ прежде и послѣ съѣзда, и характерахъ Князей, которые видны изъ дѣлъ ихъ и изъ словъ Лѣтописей. — Ниже мы предложимъ невѣрный взглядъ Карамзина на это замѣчательное событіе.

вѣщанія, и мы не вѣримъ искренности дружбы Князей, ибо видимъ, что сила преодолѣла правоту. Не смотря на умиленіе и клятвы, какія мы находили въ письмѣ къ Олегу, Мономахъ удержалъ сына своего на Новгородскомъ княженіи, и получилъ кромѣ того удѣлъ Смоленскій къ Переяславскому. Олегу, съ братьями Давидомъ и Ярославомъ, отдали Черниговскій удѣлъ, но отрѣзали отъ него навсегда и передали роду Мономаха Суздальскую область — важную часть бывшаго Святославова удѣла. Дѣти Святослава принуждены были подѣлить удѣлъ свой на три части (Олегъ взялъ *Черниговъ*, Давидъ *Рязань*, Ярославъ *Муромъ*). Святополкъ остался при одномъ Кіевѣ и Туровѣ, какъ прежде; Давидъ Игоревичъ, Володарь и Василько Ростиславичи также при своихъ удѣлахъ. О наслѣдіи Великаго Княжества ничего не было упомянуто; Тмуторокань не включена въ раздѣлъ. Послѣ похода Олега изъ Тмуторокани, въ 1094 году, она теряется въ лѣтописяхъ Русскихъ. Вѣроятно, что никто не думалъ удерживать сего отдаленнаго владѣнія, окруженнаго врагами сильными; всѣ потомки Ярослава занимали теперь удѣлы въ самой Руси, и совершенно забыли предпріимчивый духъ предковъ своихъ. Поприще дѣятельности ограничивалось для нихъ междоусобіями и войною съ Половцами, безпрерывно толпившимися на Днѣпрѣ, и готовыми пользоваться первою оплошностію и первымъ раздоромъ Князей.

Взаимное опасеніе, подтвержденное столь многими событіями, раждало ненависть и распри. Святополкъ видѣлъ Новгородъ и Волынскую сторону отчужденными. Волынь страшила его: тамъ жили три Князя, опасные мужествомъ и силою. Безпрерывныя битвы и ссоры съ Польшею и Венгріею укрѣпляли ихъ дружины (368). Между тѣмъ, про-

---

(368) Частныхъ событій мы не вносимъ въ общую картину Исторіи Русскаго народа, обозначая ихъ отдѣльными чертами въ надлежащихъ мѣстахъ, гдѣ они, не мѣшая главному, дополняютъ подробности. Мы видѣли, что Ростиславичи и Игоревичи стали на западныхъ предѣлахъ Руси, къ сторонѣ Венгріи и Польши. Ихъ малое вліяніе на политическія дѣйствія внутренней системы Русскихъ княжествъ объясняется средствами, какія открылись имъ чрезъ ихъ географическое положеніе: дѣятельность Ростиславичей заняли Венгрія и Польша. Дѣти Ростислава и Игоря получили удѣлы на Волыни съ 1084 года. Мы указывали на древнія событія Польши (т. I, стр. 236, 247, 276), и видѣли Болеслава, помогающаго Изяславу, въ 1068-мъ году. Сей Государь, прозванный *Храбрымъ* (ум. въ 1081 г.), царствовалъ 22 года, возвелъ Короля Белу на Венгерскій тронъ, покорялъ Богемію, соперничалъ съ Императоромъ Генрихомъ IV, дружилъ горделивому Папѣ Григорію VII-му. Вспыльчивость и гордость омрачили печалями старость сего героя, наконецъ принужденнаго бѣжать и умереть на чужой сторонѣ. *Владиславъ Германъ* (ум. 1102 г.) былъ государь слабый; Болеславъ *Кривоустый* (ум. 1139 г.) былъ отлично храбръ, но не умѣлъ царство-

исходя отъ двухъ разныхъ поколѣній, сіи Князья ненавидѣли другъ друга, и если Святополкъ помнилъ, что убійца брата его укрылся въ Перемышлѣ, то Давидъ, Владимірскій, зная характеръ, силу ума и рукъ Володаря и Василько, могъ подозрѣвать, что второй Нерядецъ легко явится изъ Перемышля при первомъ случаѣ. Но Великое Княжество всего болѣе занимало умы Князей. Святополкъ, отецъ шести сыновъ, зналъ, что дѣти его, также какъ нѣкогда племянники, дѣти Святослава, Игоря, Вячеслава, Владиміра, могутъ по смерти отца наскитаться безъ хлѣба; другіе Князья смотрѣли съ завистію на Великое Княжество: сей титулъ и права его были предметомъ честолюбія. Право на Кіевскій престолъ по смерти Святополка принадлежало Олегу Черниговскому; но въ такомъ случаѣ, какая судьба ожидала родъ Мономаха? Не могъ-ли Мономахъ, умнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ Князей, и отецъ мно-

---

вать, особливо терзаемый несчастною ссорою съ братомъ Збигнѣвомъ; раздѣленіемъ Польши четыремъ сынамъ своимъ, онъ далъ поводъ къ междоусобіямъ. Такими-то обстоятельствами пользовались Ростиславичи, и успѣли наконецъ образовать сильное княжество. При Болеславѣ Кривоустомъ Володарь былъ полоненъ Поляками обманомъ, и едва могъ выкупиться. Василько говорилъ въ темницѣ, что отдача его въ руки Поляковъ будетъ значить смерть его, ибо онъ много зла причинилъ имъ.

гочисленнаго семейства (кромѣ *Изяслава* у него было семь сыновъ) не думать о предупреждении несчастій своего рода? Олегу, что могло ручаться за безопасность въ будущемъ, когда противъ него была явная ненависть, и когда его обдѣляли послѣ всѣхъ жестокихъ сопротивленій и тяжкихъ междоусобій? Мы не знаемъ также, что положили Русскіе Князья о Полоцкѣ, о Половцахъ; но видя столько важныхъ вопросовъ, оставшихся безъ рѣшенія, зная характеры всѣхъ Князей изъ дѣлъ ихъ, можно сказать, что не миръ, но скрытное начало новой, сильнѣйшей вражды, Князья несли изъ Любеча въ свои княжества. Чего не льзя было ожидать отъ Святополка, Мономаха, Володаря, Давида, и самаго Олега, хотя болѣе всѣхъ своихъ современниковъ добросовѣстнаго? (369)

---

(369) Кажется, мы представляемъ здѣсь политическія отношенія тогдашнія въ истинномъ ихъ видѣ. Вотъ, что говоритъ Карамзинъ о Любечскомъ сеймѣ, увлеченный непонятнымъ пристрастіемъ къ Мономаху и словами Лѣтописей: « Князья *благоразумно разсуждали,* что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, *вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душею и сердцемъ*, унять внѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ — успокоить *государства, заслужить любовь народную.* » Если уже мы должны безъ всякой критики повторять лѣтописи, то вмѣсто всѣхъ сихъ великолѣпныхъ словъ, совершенно не въ духѣ

Мы упомянули о враждѣ Владимірскаго Князя противъ Ростиславичей, владѣвшихъ Перемышлемъ и Теребовлемъ: она основывалась на зависти, съ какою Давидъ смотрѣлъ на отдѣленіе подъ власть ихъ части Волынской области. Вмѣстѣ раздѣлявъ изгнаніе, видѣвъ помощь

тогдашнемъ, вотъ, что говорили Князья: «Почто губимъ *Русскую землю*, сами на ся котору имуще, а Половцы нашу землю несутъ розно, и ради суть оже межи нами рати; да нынѣ имемся во едино сердце, и соблюдемъ *Русскую землю*» (Кен. спис. стр. 151.) Карамзинъ продолжаетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, *другъ отечества* и благоразумнѣйшій изъ Князей *Россійскихъ*, былъ виновникомъ и душею сего достопамятнаго собранія.» Безспорно, но далѣе — «*въ примѣръ умѣренности и безкорыстія*, онъ уступилъ Святославичамъ все, что *принадлежало нѣкогда ихъ родителю*, и Князья . . . утвердили . . . за Мономахомъ *частный удѣлъ отца его*: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро (прибавимъ *Новгородъ*, и спросимъ: это-ли *частный удѣлъ отца Мономахова*, и *примѣръ безкорыстія и умѣренности?). Каждый былъ доволенъ . . . Князья обнимали другъ друга, какъ истинные братья* »(Ист. Г. Р. т. II, стр. 119, 120). Дополнимъ сію вымышленную картину словами лѣтописи: «рады быша вси людіе, «токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей» (Кен. спис. стр. 151). По крайней мѣрѣ, это пояснитъ намъ послѣдовавшую послѣ Любечскаго сейма, немедленно, вражду, злодѣйства, равнодушіе однихъ, оскорбленіе другихъ. Принявъ за истину слова Карамзина, мы видимъ дѣйствіе безъ причины.

Ростиславичей, въ дѣлѣ съ Ярополкомъ, Давидъ умѣлъ скрыть отъ ихъ добродушія черную душу свою: Любечскій сеймъ показалъ ее вполнѣ. Сказавъ о Мономахѣ, понимая намѣренія его упрочить своему семейству Великое Княжество, можемъ полагать, что въ Любечѣ онъ обращалъ особое вниманіе на дружбу Ростиславичей, *отъ него получившихъ удѣлы.* На сей-то дружбѣ Давидъ основалъ планъ погубленія юнѣйшаго изъ нихъ, Василька Теребовльскаго (370).

Торжественно клялись всѣ Князья прекратить распри и междоусобія; условились, цѣлуя святый крестъ, что будутъ разбирать всѣ ссоры общимъ судомъ; преступившій клятву, пожелавшій удѣла чуждаго, или самъ собою управившійся съ другимъ, обьявлялся общимъ врагомъ: «На того честный крестъ, и всѣ мы, и вся земля Русская,» говорили Князья. Мономахъ, Олегъ, братья его, и Володарь спѣшили въ свои удѣлы. Василько заѣхалъ помолиться въ Михайловскій монастырь. Давидъ былъ уже въ Кіевѣ, и открывалъ Святополку тайныя сношенія и *мнимый* заговоръ Василька и Мономаха. «Вспомни,» говорилъ онъ, «кто̀ убилъ Ярополка? Теперь приходитъ моя череда, теперь они меня погубятъ,

---

(370) Мы видѣли выше, что Ростиславичи получили удѣлы при Всеволодѣ; но Всеволодъ-ли правилъ тогда Княжествомъ? Причину досады Давидовой на Мономаха см. выше.

но береги свою голову. Схватимъ Василька; пока онъ свободенъ, ни тебѣ въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ не будетъ княжества.» Святополкъ колебался, однакожъ послалъ звать къ себѣ Василька на имянины; Давидъ также послалъ къ нему, прибавляя, чтобы онъ не ослушался старшаго брата. Но Василько спѣшилъ домой, и велѣлъ сказать, что готовится на войну. «Видишь-ли?» говорилъ Давидъ Святополку. «Что будетъ, если онъ достигнетъ своего владѣнія? Вспомни меня, если онъ не отниметъ у тебя нѣсколькихъ городовъ. Зови его скорѣе и отдай мнѣ.» Увидѣвъ смѣлость, съ какою Давидъ бралъ на себя вину, Святополкъ повѣрилъ всему, рѣшился немедленно, просилъ Василька заѣхать, по крайней мѣрѣ, проститься съ нимъ, и Василько поѣхалъ. Одинъ изъ его воиновъ узналъ умыселъ и спѣшилъ извѣстить Князя объ опасности. «А клятва гдѣ?» отвѣчалъ Василько. «Давно-ли мы дали ее?»—Онъ остановился, подумалъ, перекрестился, и сказавъ: «Будь воля Божія» — пріѣхалъ къ своимъ палачамъ. Ласково встрѣтилъ его Святополкъ, снова уговаривалъ остаться до имянинъ, но Василько отрекался, говоря, что его спутники уже поѣхали впередъ. «Такъ позавтракаемъ-же вмѣстѣ,» сказалъ Святополкъ, «садитесь, Князья, я велю приготовить.» Онъ вышелъ; Давидъ оставался въ свѣтлицѣ, блѣднѣлъ и краснѣлъ; Василько дружески говорилъ съ нимъ, но совѣсть

замыкала уста Давида: въ немъ *не было ни гласа, ни слуха*—онъ молчалъ, и спѣшилъ выйдти. Вступили воины и сковали Василька. На другой день собраны были бояре, духовенство, Кіевляне: имъ представилъ Святополкъ извѣтъ Давида. Все собраніе приступило къ суду и осужденію, какъ будто оно имѣло на это право, и голосъ бояръ и людей осудилъ Василька на смерть; духовенство возстало противъ нихъ и требовало свободы Васильку. Тогда не думали болѣе о томъ, чтобы преступленію придать видъ законности, оставили всѣ формы, распустили собраніе, и хотѣли уже не наказанія, но злодѣйства. Ночью вывезли Василька изъ Кіева въ Бѣлгородъ; на дорогѣ вывели его изъ телѣги, скованнаго, и втащили въ какую-то хижину. Въ глазахъ его убійца началъ точить ножъ; другіе разостлали коверъ и хотѣли положить Князя. Василько плакалъ и стеналъ; отчаяніе придало наконецъ ему силы: двое не могли управиться съ нимъ; остальные сообщники злодѣевъ прибѣжали, повалили на коверъ Василька, набросили на грудь его доску, и двое сѣли по концамъ доски съ такою силою, что кости захрустѣли въ груди Князя. Овчаръ Святополковъ, Торчинъ, хотѣлъ выколупать ему ножемъ глазъ, промахнулся и разрѣзалъ щеку; Князь былъ безъ чувствъ; ему выпащили глаза, бросили его въ телѣгу, и по колоти поскакали во Владиміръ. Въ Здвижен-

скѣ (371) остановились у священника, внесли Василька въ комнату, сняли съ него окровавленную рубашку и велѣли попадьѣ вымыть. Взглянувъ на несчастнаго, добрая женщина зарыдала; Василько опомнился, выпилъ воды, ощупалъ на себѣ бѣлую рубашку, и сказалъ: «Зачѣмъ сняли съ меня окровавленную? Въ ней хотѣлъ я предстать предъ Богомъ.» Но страданія не убили Василька; въ 6-й день пути привезли его къ Давиду во Владиміръ, заперли во дворѣ Вакія, и тридцать человѣкъ стражи окружили темницу.

Убійство и клятвопреступленіе не были новостью между Русскими Князьями. Но злодѣйство, столь хладнокровно совершенное, но нарушеніе клятвы, столь свѣжей въ памяти, невольно заставило содрогнуться всѣхъ. Мономахъ, Олегъ, братъ его Давидъ Рязанскій, слушали страшную вѣсть и плакали. «Въ насъ, а не въ Василька вонзенъ ножъ (372),» говорили они, немедленно соединили войска и пришли къ Кіеву требовать отвѣта.—»Зачѣмъ ты ослѣпилъ Василька?» говорили Святополку послы ихъ. «Зачѣмъ не обличилъ его предъ общимъ судомъ Князей, если онъ былъ виновенъ?» Святополкъ слагалъ всю вину на Давида Владимірскаго; Князья не слу-

(371) Здвиженскъ, на рѣкѣ Здвижѣ, по словамъ Карамзина (*Ист. Г. Р.* т. II, пр. 182).

(372) Въ ны вверже ножъ (Кен. сп. стр. 156).

шали сего оправданія, хотѣли вступить въ Кіевъ, но вмѣсто противниковъ къ нимъ вышли Митрополитъ и дряхлая мать Мономаха. «Не губите земли Русской!» говорили они, и молили простить Святополка. Чтя санъ Святителя и старость знаменитой Княгини, Мономахъ и Олегъ согласились мириться съ Святополкомъ (373). Положивъ на св. крестъ руку, еще дымившуюся кровію несчастнаго Князя, Святополкъ клялся въ своей невинности, и въ томъ, что доказы-

---

(373) Карамзинъ: «Владиміръ — уважалъ память родителя — *а всего болѣе любилъ Россію.*« Мономахъ изумился-бы сей похвалѣ, ибо *Россія* тогда не существовала. — «Владиміръ простилъ Святополку собственную обиду.»—Какую? «*Сей неблагодарный,* обязанный ему престоломъ, *не устыдился повѣрить клеветѣ, и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ*» (Ист. Г. Р. т. II, стр. 125). Въ доказательство, что тонкія приличія нё существовали въ тотъ вѣкъ, выписываемъ слова лѣтописи. «Владиміръ преклонися на мольбу Княгинину, чтяше-бо ю яко матерь, отца своего ради; бѣ-бо любимъ отцу своему по велику въ животѣ и по смерти, ни ослушась его ни въ чемъ-же. И послуша яко матере, и Митрополита, тако-же чтя санъ святительскій, не преслуша мольбы его, боголюбивъ, любовь имѣя ко священническому чину, и мнишескій чинъ любяше, и странные, и нищіе накормляше и напояше, яко мати дѣти своя, аще кого видитъ шумна, или въ коемъ зазорѣ, не осуждаше, но все на любовь прекладаше и утѣшаше» (*Кен. сп.* стр. 157 и 158). — То-ли передаетъ Историкъ?

вая свое безпристрастіе, онъ самъ низведетъ съ Княжества Владимірскаго Давида, а можетъ быть и представитъ его суду Князей.

Между тѣмъ Василько былъ уже свободенъ. Володарь не пошелъ къ Кіеву, но бросился освобождать брата. Давиду сказали, что Мономахъ и Святополкъ вооружаются на него, что Володарь собираетъ дружины; онъ затрепеталъ, сбиралъ воиновъ, хотѣлъ союзиться съ Поляками и выдать имъ Василька, или сдѣлать его посредникомъ примиренія съ другими. Василій, инокъ, или священникъ, бывшій тогда во Владимірѣ, и продолжавшій лѣтопись Нестора, передалъ намъ драгоцѣнность: разговоры свои съ Василькомъ въ темницѣ; въ нихъ видна душа Василька: въ тюрьмѣ, близъ гроба говорятъ только истину.

« Давидъ призвалъ меня къ себѣ ночью, » пишетъ Василій. « Вокругъ его сидѣла дружина. « Василій! » сказалъ онъ мнѣ. « Василько говорилъ нынѣ вечеромъ Улану и Колчу (приставамъ тюремнымъ), что ему извѣстенъ уже походъ на меня Святополка и Мономаха, и что если я рѣшусь послать его къ нимъ, онъ помиритъ меня съ ними. Иди и скажи ему, что если это правда, то я дамъ ему любой городъ въ награду: Всеволожъ, Шеполь, Перемиль. »—Я пошелъ къ Васильку и пересказалъ ему все. « Не то говорилъ я, » отвѣчалъ Василько, « но могу однакожъ послать къ Мономаху, и надѣюсь, при помощи Божіей, что

уговорю его не проливать за меня крови Христіанской. Но, я дивлюсь, что Давидъ даетъ мнѣ *свой* городъ, и ничего не говоритъ о Теребовлѣ, *мнѣ* принадлежащемъ, гдѣ и донынѣ мои намѣстники, и моя власть.» Василько старался преодолѣвать движеніе души, помолчалъ, и сказалъ попомъ: «Иди къ Давиду, и скажи, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ Кулмея: его пошлю я къ Владиміру.» Я пересказалъ Давиду весь разговоръ съ Василькомъ; но онъ отвѣчалъ, что Кулмея нѣтъ, и отправилъ меня къ Васильку снова. Василько велѣлъ выйдти слугѣ своему, посадилъ меня подлѣ себя, и сталъ говорить такъ: «Слышу, что Давидъ хочетъ выдать меня Полякамъ. Мало еще насытился онъ моей крови, и, отдавая имъ, хочетъ еще болѣе насытиться. Много зла дѣлалъ я Полякамъ, еще болѣе хотѣлъ сдѣлать и мстить за Русскую землю. Выдача имъ будетъ смерть моя, но я не боюсь смерти. Открою тебѣ тайну души моей. Я хотѣлъ сдѣлать многое: уже Берендеи, Печенѣги, Торки шли ко мнѣ; я хотѣлъ взять еще дружины Володаря и Давида, хотѣлъ сказать имъ: веселитесь и оставайтесь въ покоѣ, а самъ думалъ идти на Польшу, мстить ей за Русь, завоевать Дунайскую Булгарію, испросить пособіе Святополка и Мономаха, идти на Половцевъ, добыть себѣ славы, или положить голову. Но не было у меня въ сердцѣ помысла ни на Святополка, ни на Давида. Богомъ и вторымъ прише-

ствіемъ его клянусь, что не умышлялъ я зла братіямъ моимъ, и только за возношеніе мое возвелъ на меня око и смирилъ меня Богъ (374)!» — Въ стѣнахъ темницы не погибъ голосъ Василька: слова его, переданныя намъ смиреннымъ инокомъ, падаютъ проклятіемъ на память гонителей Василька, и утѣшаютъ потомство въ ужасахъ, потемнявшихъ вѣкъ сего страдальца!

Видя безуспѣшность переговоровъ, Давидъ рѣшился дѣйствовать, и прежде всего предупредить Володаря. Одно злодѣйство требовало другаго. Онъ двинулся къ Теребовлю, и думалъ

---

(374) Вотъ подлинныя слова — они драгоцѣнны для насъ: «Се повѣдаю ти по истинѣ, яко на мя *Богъ за мое возношеніе возведе око;* приде ми вѣсть: идутъ къ тебѣ Берендичи, и Печенѣзи, и Торци. И рекохъ въ умѣ моемъ: оже ми будутъ Берендичи, и Печенѣзи, и Торцы, реку брату своему Володареви, и Давидови: дайта ми дружину свою молодшую, а сами питайтась и веселитась, и помыслихъ наступить на землю Лядскую, на зиму и на лѣто, и возму землю Лядскую, и мщу Русскую землю. По семъ хотѣлъ есмь пріяти Болгары Дунайскіе, и посадити я у себе, и по семъ просити у Святополка и у Володиміра, и пойду на Половцы; *любо собѣ славу* налѣзу, а любо главу *свою положу за Русскую землю.* Ино помышленіе въ сердцѣ моемъ не было, ни на Святополка, ни на Давида—клянусь Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ есмь зла братьи своей ни въ чемъ-же, но за мое возношеніе Богъ смири меня» (*Кен. сп.* стр. 159, 160).

овладѣть удѣломъ Василька. Его встрѣтилъ Володарь, и Давидъ, не смѣя сражаться, заперся въ Бужскѣ (375). «Сотворивъ зло, ты и не каешься,» говорилъ ему Володарь; «вспомни, что̀ сдѣлалъ ты доселѣ?»—Но я-ли виноватъ? отвѣчалъ Давидъ. У меня-ли сдѣлалось преступленіе? Я потакалъ невольно: боялся, чтобы со мною не было того-же. Бывши подъ рукою сильнаго, невольно былъ я общникомъ злодѣйства.—«Пусть Богъ судитъ тебя: отдай брата, и я помирюсь съ тобою,» велѣлъ сказать ему Володарь. Послали за Василькомъ и привезли его; нѣжный братъ обнялъ слѣпаго страдальца, и оставилъ въ покоѣ Давида.

Хотѣли-ль Ростиславичи сначала общаго суда Княжескаго, и видя миръ Мономаха и Олега съ Кіевскимъ Княземъ, видя безсудность злодѣя, послѣ преступленія ужаснаго, рѣшились мстить сами? Не знаемъ, но мщеніе ихъ было странное: они взяли и выжгли городъ Всеволожъ, приступили къ Владиміру, гдѣ затворился Давидъ, удовольствовались казнью трехъ бояръ, будто-бы оклеветавшихъ Василька, и снова удалились. Святополкъ двигался между тѣмъ съ своими дружинами на Давида, который призывалъ на помощь Поляковъ. Польскій Король снесся съ Святополкомъ и Давидомъ, взялъ отъ обоихъ золота и

(375) Нынѣ Projectбускъ, при верховьѣ Западнаго Буга (*Арцыбышевъ*).

старался мирить ихъ. Но Святополкъ окружилъ Владиміръ, стоялъ подлѣ него семь недѣль, и все мщеніе его ограничилось тѣмъ, что Давидъ уступилъ ему Владиміръ, а за сію уступку купилъ жизнь, и бѣжалъ въ Польшу. Съ торжествомъ присоединивъ Владиміръ къ Кіеву, Святополкъ не боялся уже никакого позора. Онъ пошелъ на Перемышль, и хотѣлъ *изгнать Володаря и Василька изъ ихъ удѣловъ.* Оскорбленный Володарь рѣшился отражать его силою. Началось сраженіе. Слѣпца Василька ввели въ битву; онъ не сражался, но держалъ въ рукахъ крестъ, и громко восклицалъ къ Святополку: «Клятвопреступникъ! се мститель и судія твой! Не только зрѣнія, но и жизни хочешь ты лишить меня!»—Святополкъ былъ разбитъ, бѣжалъ во Владиміръ, а потомъ къ Кіевъ. Ростиславичи гнали его только до границъ Кіевскаго княжества.

Уже новые враги шли на нихъ. Сынъ Святополка, Ярославъ, велъ новыхъ, дотолѣ небывалыхъ союзниковъ—*Венгровъ.* Самъ Коломанъ, Король Венгерскій, шелъ съ войскомъ. Володарь видѣлъ невозможность сопротивленія и затворился въ Перемышлѣ. Кто спасъ его? Давидъ, злодѣй Василька. Онъ добровольно явился въ Перемышлѣ, оставилъ въ залогъ жену, набралъ Половцевъ, и ударилъ неожиданно на Венгровъ (376); Воло-

(376) Половцами предводительствовалъ Бонякъ. Наканунѣ, въ полночь, онъ выѣзжалъ въ поле и гадалъ

дарь въ тоже время выступилъ изъ города. Венгры смѣшались, бѣжали, оставили множество убитыхъ и ушли изъ Руси. Давидъ осадилъ Владиміръ; въ жестокомъ приступѣ, Мстиславъ, сынъ Святополка, былъ убитъ; Владимірцы хотѣли сдаться; помощь присланная отъ Святополка подкрѣпила силы ихъ; Давидъ бѣжалъ, снова искалъ спасенія у Половцевъ, привелъ ихъ, и съ ними прогналъ войско Святополка.

Что-же дѣлали тогда Мономахъ и Олегъ? Правда, Мономахъ сражался съ Половцами, но битвы были не важны; къ стыду Давида Рязанскаго, сынъ его Святославъ усердно служилъ Святополку и сражался противъ Ростиславичей! И Давида почитали современники кроткимъ, праведнымъ, святымъ! Самый угодникъ Святополка, сынъ Давида, былъ наименованъ *Святошею*. Онъ жилъ въ монастырѣ, служилъ монахамъ, оставивъ семейство, постригся, черезъ пять лѣтъ послѣ похода на Ростиславичей, и при жизни еще былъ почитаемъ за чудотворца. Олегъ не вмѣшивался ни въ какія распри, но оправдаемъ-ли его?

объ успѣхѣ, завывая нѣсколько разъ; едва *вытье* его раздалось, какъ звѣри въ степи ему отвѣчали. Бонякъ завелъ Венгровъ въ засады, ударивъ самъ съ тыла, и «погнаше сѣка — множицею убивая, сбиша е въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицъ (*Ист. Г. Р.* I, пр. 191).

На слѣдующій годъ, Давидъ Владимірскій самъ требовалъ новаго съѣзда Князей. Онъ хотѣлъ оправдываться; пріѣхали Мономахъ и Олегъ съ братомъ (377). Святополкъ явился, какъ судія! Никто не хотѣлъ сидѣть вмѣстѣ съ Давидомъ (и Святополкъ даже! И ему позволили!). Совѣтовали отдѣльно, и положили отнять у Давида удѣлъ: Владиміръ отданъ былъ—*Святополку*! Давиду дали въ удѣлъ Бужскъ; Святополкъ придалъ ему Дубно и Черторискъ, Мономахъ и Святославичи по 200 гривенъ. Володарь и Василько не хотѣли явиться передъ неправедными судьями, и къ изумленію своему услышали, что Князья положили *взять удѣлъ Василька и отдать Святополку!* «Если хочешь,» велѣли они сказать Володарю, «то владѣй Перемышлемъ, вмѣстѣ съ Василькомъ, а не то пришли Василька къ Свя-

(377) Давидъ не боялся, слѣдственно, суда; но *кто* судилъ его? Святополкъ! Самое наказаніе Давида не показываетъ строгости судей. Ростиславичи не хотѣли даже и идти на судъ — и какое рѣшеніе сдѣлано было о Василькѣ!! — На слова Давида: «*Се есмь! Кому до мене обида?* Мономахъ отвѣчалъ: «Ты еси прислалъ къ намъ: *хочу, братья, прійти къ вамъ, пожаловати о своей обидѣ*» (*Кен. сп.* стр. 165). — Какъ-же могъ послѣ всего этого Карамзинъ написать: «Святополкъ, Мономахъ и Святославичи заключили новый союзъ между собою *и звали Давида*. Сей Князь *не дерзнулъ ихъ ослушаться* (Ист. Г. т. II, Р. стр. 133)?

шополку: онъ будетъ *кормить твоего слѣпаго брата.*» Съ негодованіемъ отвергъ предложеніе Володарь, и клялся, что Теребовль останется за Василькомъ. Никто не противился его твердой рѣшительности. Князья разъѣхались.

Къ чему вело Святополка злодѣйство? не будемъ спрашивать, ибо злодѣйство часто бываетъ безъ цѣли. Но для чего былъ второй сеймъ Любечскій: обезопасилъ-ли онъ Князей, оставивъ безъ мести болѣе нежели убійство? Распредѣлилъ-ли онъ власть взаимную по участкамъ, достаточнымъ оградить безопасность частей? Правда, у Давида отняли Владиміръ, но и самый удѣлъ его въ Бужскѣ, по смерти Давида долженъ былъ перейдти къ Кіеву, слѣдственно, злодѣйство Святополка увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, ибо обдѣленіе, ограниченіе Кіева было вознаграждено симъ злодѣйствомъ, и такимъ образомъ, въ чемъ не могла убѣдить Князей явная необходимость придать болѣе силы Кіеву, то добыто было ухищреніемъ. Вся вина падаетъ на Мономаха: его ненависть къ Олегу, его честолюбіе и жадность руководствовали отвратительною политикою современниковъ! Онъ берегъ Великое княжество для себя и рода своего, ему надобно было сохранить вещественную крѣпость свою, и въ тоже время не нарушать внѣшняго почтенія къ званію Великаго Князя: онъ сгибался передъ Святопол-

комъ, жертвовалъ всѣмъ — совѣстію, честію, благомъ народовъ, и тайными ковами хотѣлъ только поддерживать несчастное правило, что сильнѣйшій всегда правъ. Утѣшительно видѣть Ростиславичей, благородныхъ, высокихъ, чуждыхъ разсчета низкаго. Сострадая имъ въ бѣдствіяхъ, радуясь, что сила духа могла спасти ихъ и въ слабости, мы съ прискорбіемъ видимъ, какъ упалъ тогда сильный характеръ Олега, прежде столь смѣлаго, столь доблестнаго: онъ хотѣлъ только спокойствія въ старости, и былъ тѣмъ доволенъ, что ему дали мѣсто на отцовской землѣ; рѣшительно ни во что не хотѣлъ онъ мѣшаться, предоставляя все Мономаху, союзнику, другу Святополка, мнимому угоднику, въ самомъ-же дѣлѣ правителю души и мнѣній Кіевскаго Князя.

Онъ предалъ ему еще жертву. Сынъ Святополкова брата Ярополка, Ярославъ княжилъ тогда въ Брестѣ. Мы видѣли, какъ лишился Владиміра отецъ его, но когда Давидъ низверженъ былъ съ Владимірскаго удѣла, *не Святополкъ*, но—Ярославъ долженъ былъ наслѣдовать Владиміръ, и онъ потребовалъ справедливости. Святополкъ захватилъ сего юнаго Князя, и привезъ въ Кіевъ скованнаго. Духовенство умоляло свирѣпаго дядю отпустить несчастнаго племянника; онъ согласился и отпустилъ; но Ярославъ былъ немедленно пойманъ сыномъ Свято-

полковымъ, и черезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ (378).

Надобно было Мономаху унизиться еще болѣе. Вѣчная вражда Кіева съ Полоцкомъ могла теперь возбудить храбрость Святополка, ибо Всеславъ, грозный въ счастіи и несчастіи,

---

(378) Сей безчеловѣчный поступокъ совсѣмъ не замѣченъ нашими Историками: юный Князь погибъ въ тюрьмѣ, войны не было, никто не заступался, злодѣяніе совершилось тихо, и лѣтописецъ говоритъ только: «въ лѣто 6609, *заратися* Ярославъ Ярополчичь, и иде нань Святополкъ, и емъ и, окова и приведе къ Кіеву — *выбѣжа* Ярославъ изъ Кіева — прельстивъ Ярослава Ярополчича сынъ Святополчъ, и ятъ и на Нурѣ, и приведе ко отцу, и оковаше и» — далѣе: «*преставися* Ярославъ Ярополчичь.» Десять мѣсяцевъ страдалъ онъ въ темницѣ! Историкъ пишетъ: «Святополкъ *строго наказалъ* своего роднаго племянника Ярослава. . . Его привезли въ Кіевъ окованнаго. . . Несчастный бѣжалъ — снова былъ заключенъ, и черезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ» (Ист. Г. Р. т. II, стр. 134) — И только! Гдѣ-же былъ въ это время великодушный Мономахъ? Гдѣ оскорбительныя наименованія, такъ щедро разсыпанныя на Олега и Давида? Святополкъ *строго наказалъ*, Святополкъ, котораго самъ Историкъ называлъ *извергомъ!* Развѣ уставъ Князей на Любечскомъ съѣздѣ не простирался на сына несчастнаго Князя, погибшаго также подъ ножемъ убійцы? По крайней мѣрѣ отца похоронили великолѣпно, «бѣ бо кротокъ, смиренъ, *десятину дая отъ всѣхъ скотъ своихъ и отъ житъ своихъ на вся лѣта*» (*Кен. сп.* стр. 129). . .

скончался: 57 лѣтъ онъ умѣлъ удерживать независимость Полоцка; дѣти его дѣлили наслѣдіе и ссорились между собою. Святополкъ и Мономахъ отправили къ Полоцку войско (379), но оно возвратилось безъ успѣха. Оставивъ на время въ покоѣ Полоцкъ, Святополкъ требовалъ отъ Мономаха Новгорода, въ обмѣнъ за Владиміръ. Мономахъ не противорѣчилъ: онъ зналъ Новгородцевъ. Мстиславъ пріѣхалъ изъ Новгорода; съ нимъ прибыли и избранные Новгородцы. Послы Мономаха сказали Святополку, что Князь Переяславскій согласенъ съ указомъ Великаго Князя, и прислалъ сына своего въ Кіевъ, чтобы торжественно передать сыну его Новгородъ. «Но, мы несогласны,» начали тогда говорить Новгородцы, «не хотимъ ни тебя, Святополкъ, ни твоего сына. Мстиславъ вскормленъ нами для Новгорода, а ты, помнишь-ли, бѣжалъ отъ насъ.» Святополкъ гнѣвался, требовалъ повиновенія, и наконецъ объявилъ, что непремѣнно пошлетъ сына своего въ Новгородъ. «Посылай, если у него двѣ головы,» отвѣчали Новгородцы. Святополкъ уступилъ, женилъ Вла-

---

(379) Оправданіе сего похода, (ибо въ немъ участвовалъ Мономахъ): «*слѣдуя примѣру отцовъ своихъ*, Великій Князь и Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ.» . . . (Ист. Г. Р. II, т. стр. 139).

димірскаго Князя на дочери Мстислава, и отказался отъ размѣна (380).

Мономахъ лучше его умѣлъ поставить на своемъ, когда хотѣлъ что либо исполнить непремѣнно. Совершилось давнишнее желаніе его. Святополкъ и онъ согласились между собою идти на Половцевъ. Въ Кіевѣ видны были по три ночи сѣверныя сіянія, были затмѣнія, солнечное и мѣсячное. Народъ пугался, молилъ обратить знаменія на добро, и Мономахъ умѣлъ увѣрить всѣхъ, что сіи знаменія будутъ къ добру и обѣщаютъ побѣду, если сами Русскіе Князья пойдутъ на враговъ. Говорили, что идти весною и не дать народу управиться съ пашнею, значитъ изморить коней и раззорить поселянъ. « Дивлюсь, » отвѣчалъ Мономахъ; « вы жалѣете коней, коими орешъ смердъ, а не подумаете, что стрѣла Половца можетъ поразить его на пашнѣ; тогда Половчинъ возьметъ коня его, и заѣхавъ въ село, возьметъ жену и дѣтей его. Вамъ жаль коня, а самого смерда не жаль? » — Походъ былъ рѣшенъ. Кіевскія, Переяславскія, Смоленскія, Рязанскія, даже Полоцкія дружины шли по Днѣпру, въ ладьяхъ, и сухимъ путемъ.

Сей походъ изумлялъ современниковъ: онъ напоминалъ Олега и Святослава. Въ первый разъ

---

(380) « Ащели двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то посли » (Кен. сп. стр. 167).

осмѣлились Руссы искать Половцевъ въ самой земле ихъ. Все казалось современникамъ чудеснымъ въ семъ походѣ: на Печерскомъ монастырѣ являлся столпъ *отъ земли до неба*, который Мономахъ видѣлъ издалека, и *цѣлый міръ видѣлъ*: это былъ Ангелъ, говорили современники. Лѣтописи описываютъ подробно походъ, сказываютъ имена убитыхъ Половецкихъ Хановъ; говорятъ, какъ молились Руссы, готовясь въ бой; какъ давали обѣты, обѣщали вклады и милостыни; какъ гордились Половцы, шли безчисленнымъ множествомъ, *будто лѣсъ дремучій на голой степи*. Не давая никому пощады, Руссы били и рѣзали Половцевъ, не хотѣли взять окупа съ знаменитаго вождя Бельдюза, и, укоривъ его въ прежнихъ клятвопреступленіяхъ, разсѣкли на нѣсколько частей. Множество плѣнныхъ, коней, овецъ, верблюдовъ было захвачено и уведено въ Русь.

Но между тѣмъ какъ Святополкъ возобновлялъ города раззоренные прежде, Бонякъ и Шаруканъ явились съ новымъ набѣгомъ. Вновь собрались тогда Князья, вновь разбили, гнали Половцевъ. Святополка встрѣтили и обнимали монахи въ Печерскомъ монастырѣ, какъ брата. Иноки старались растолковать народу, что землетрясеніе и знаменія на небѣ всѣ обратились къ добру, и Святополкъ заложилъ огромную церковь во имя своего Ангела (384).

---

(384) Церковь св. Михаила Золотоверхаго, ибо Христіанское имя Святополка было: *Михаилъ*.

Сражаясь съ одними Половецкими Ханами, Князья старались въ тоже время обласкать другихъ Хановъ: Олегъ и Мономахъ женили сыновей своихъ на дочеряхъ Хана Аэпы. На слѣдующій годъ, новый походъ въ Половецкую землю былъ произведенъ дружно. Руссы явились на Дону, жгли Половецкіе города (382), и били жителей. «Ангелы,» говорятъ лѣтописцы, «невидимо летали надъ нашимъ войскомъ и поражали Половцевъ, обезумѣвшихъ отъ страха.» Современникамъ казалось, что слава Русская долетѣла ко всѣмъ народамъ, дошла и до Рима, какъ столпъ огненный съ Печерскаго монастыря освѣщалъ всю землю, по ихъ мнѣнію (383).

Честь сихъ предпріятій принадлежала Мономаху: всѣ знали это, и его почитали виновникомъ мира, союза и славы. Онъ достигалъ своей цѣли, и смерть Святополка довершила его желанія (384).

---

(382) Вѣроятно мнѣніе Карамзина, что это были Хазарскіе города, занятые Половцами. Лѣтописи именуютъ *Сугровъ* и *Осеневъ*.

(383) Кіевск. Лѣт. (см. *Ист. Г. Р.* т. II, прим. 205).

(384) Слич. съ тѣми мѣстами Ист. Г. Р., которыя мы почли за нужное опровергать, сужденіе вообще о княженіи и характерѣ Святополка, т. II, стр. 143, 144.

ГЛАВА III.

Старшій изъ всѣхъ потомковъ Ярослава (не исключая и внуковъ Владиміра, княжившихъ на Волыни) былъ *Олегъ Черниговскій;* ему слѣдовало Великое княжество по смерти Святополка. Но 16-го Апрѣля умеръ Святополкъ за Вышгородомъ, а 20-го Апрѣля Мономахъ былъ уже въ Кіевѣ. Кіевляне грабили домы бояръ Святополковыхъ и Жидовъ, поселившихся въ Кіевѣ; неправедное стяжаніе Святополка раздавала священникамъ, монастырямъ и нищей братіи супруга его, за упокой души Князя. Кіевляне немедленно объявили Мономаха Великимъ Княземъ; онъ отказался отъ сей почести, и только бунтъ и неустройство Кіевлянъ заставили его принять предлагаемую власть. *Такъ* сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: можетъ быть такъ и было сдѣлано *для народа;* но намъ не нужны поясненія поступка Мономахова, и добродушный лѣтописецъ лучше всего показываетъ намъ, какъ смотрѣлъ онъ на событія, когда, хваля Мономаха, говоритъ: «Мономахъ не щадилъ своего имѣнія, раздавалъ требующимъ, сооружалъ и украшалъ церкви, особенно чтилъ монаховъ и священниковъ, давая имъ все потребное и принимая отъ нихъ только молитвы. Богъ далъ ему такой чудный даръ, что бывши въ церкви и слушая пѣніе, онъ всегда уми-

лялся, плакалъ и молился со слезами. За то Богъ совершалъ всѣ его моленія и исполнилъ лѣта его добродѣйствіемъ (385). »

---

(385) «О другихъ его добродѣтеляхъ,» говоритъ Карамзинъ, « см. въ *Никоновской* лѣтописи » (*Ист. Г. Р.* т. II, пр. 229). Не худо-бы сослаться еще на *Синопсисъ*, если уже то, чего нѣтъ въ древнихъ лѣтописяхъ, надобно подкрѣплять позднѣйшими компиляціями! — Впрочемъ, и самый бунтъ Кіевлянъ подозрителенъ, ибо о немъ находимъ извѣстіе только въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ: въ Кен. спискѣ сказано просто: « Преставись Святополкъ Апрѣля 16-го; того-же мѣсяца 20-го *вниде Володимірь вь Кіевь* » (стр. 176). И неправильное захваченіе Великокняжескаго престола Мономахомъ выставлено у Карамзина, какъ великое дѣяніе сего Князя: « По смерти Святополка *граждане Кіевскіе*, опредѣливъ на *торжественномъ совѣтѣ* (?), что *достойнѣйшій* изъ Князей Россійскихъ *долженъ быть* Великимъ Княземъ, отправили пословъ къ Мономаху, и звали его властвовать въ столицѣ » (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 148). Пропускаемъ скучное велерѣчіе, какое за тѣмъ вставляетъ Карамзинъ, и спрашиваемъ: какое право имѣли на это Кіевляне, если и точно они избрали и звали Мономаха безъ всякихъ его происковъ? Кто давалъ имъ волю рѣшать *достоинство* Князей, по примѣру Александра Македонскаго? Они бунтовали — прекрасная причина! Истина такъ явна здѣсь, что Карамзинъ сознается въ ней въ послѣдствіи, соглашается, что Мономахъ нарушилъ уставъ и былъ причиною междоусобій, но только винитъ Кіевлянъ и оправдываетъ самого Мономаха (т. III, стр. 198).

Олегъ не противился Мономаху: спорилъ съ нимъ и бросалъ жребій о томъ, гдѣ поставить раку Св. Бориса и Глѣба (386), но не вступался въ Великое княжество. Утвержденный на Великокняжескомъ престолѣ, Мономахъ немедленно началъ дѣйствовать къ большему его усиленію.

Онъ призвалъ Мстислава изъ Новгорода, и далъ ему новый удѣлъ близъ Кіева, въ Бѣлгородѣ. Присутствіе сего Князя, извѣстнаго храбростію, было необходимо. Въ Новгородѣ остался сынъ Мстислава, Всеволодъ. Любя отца, Новгородцы рады были и сыну его, также храброму. Другой сынъ Мономаха посаженъ былъ въ Смоленскѣ. Младшій, Георгій, прозванный *Долгорукимъ*, въ Суздальской области; Ярополкъ остался въ Переяславскомъ удѣлѣ. Всѣ они немедленно устремили оружіе на враговъ Руси: Всеволодъ совершилъ походъ въ Финляндію; Долгорукій пошелъ на Булгаровъ Волжскихъ (387); Ярополкъ на Полов-

---

(386) Споръ рѣшенъ жребіемъ. См. *Кіевскую лѣт.* (Ист. Г. Р. т. II, пр. 215).

(387) Мы не упоминали о сношеніяхъ Руссовъ съ Волжскими Булгарами, указавъ только на происхожденіе Булгаровъ (т. I, 37, 46), и опровергнувъ невѣроятное извѣстіе, что еще Владиміръ воевалъ съ ними на Волгѣ (т. I, стр. 199). Булгары Волжскіе достовѣрно упоминаются съ 1088 г. — Тогда напали они на Муромъ и разорили его. Георгій ходилъ на нихъ въ 1120 году (*Кен. спис.* стр. 129, 179). Меж-

цевъ. Побѣда почти вездѣ сопровождала оружіе Руссовъ. «Мономахъ прославился побѣдами,» говорятъ лѣтописцы, «его имени трепетали всѣ страны, и слухъ о немъ прошелъ по всѣмъ землямъ!» Видимъ, какъ отвыкли уже тогда потомки Варяговъ отъ побѣдъ и покоренія враговъ! Мономахъ дорожилъ извѣстностью въ чуждыхъ земляхъ. Вспомнимъ слова его: «Чтите гостя,» завѣщалъ онъ сынамъ, «откуда-бы онъ ни пришелъ, знатный былъ или не знатный, посолъ или простой чужеземецъ, одарите его, угостите брашномъ и питіемъ. Такіе люди ходятъ по всѣмъ землямъ, и отъ нихъ бываетъ добрая и худая слава.»

Укрѣпляя Русь оружіемъ, Мономахъ, не смотря на старость, самъ поѣхалъ въ разныя области, закладывалъ новые города, устроивалъ каменныя

ду сими событіями протекло 32 года; далѣе увидимъ Андрея Георгіевича въ частыхъ войнахъ съ Булгарами. Изъ этого можно видѣть постепенное сближеніе съ Булгарами, по мѣрѣ усиленія Руссовъ на Клязьмѣ и Волгѣ. — Развалины древней столицы Волжскихъ Булгаровъ донынѣ существуютъ, въ 90 верстахъ отъ Казани, по лѣвую сторону Камы, въ 9 верстахъ отъ берега Волги. Тамъ найдено много Армянскихъ и Арабскихъ гробницъ, съ надписями; одна Армянская VI-го, двѣ IX-го вѣка; Арабскія всѣ не старѣе XIII-го столѣтія; найдены также и монеты (см. Миллера, *О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ*, статью *Булгары*, и Путешествіе Палласа, т. I, 121 и слѣд.).

стѣны въ прежнихъ городахъ, созидалъ церкви, общественныя зданія, занимался законами. Такъ заложенъ былъ въ Суздальской области новый городъ, названный *Владиміромъ*, и, въ отличіе отъ Волынскаго, проименованный *Залѣсскимъ*. Сіе событіе важно по своимъ послѣдствіямъ: Мономахъ не думалъ, что черезъ сорокъ лѣтъ внукъ его, съ ужасомъ и презрѣніемъ оставитъ Кіевскую область, и перенесетъ Великокняжескую столицу въ этотъ городокъ Суздальской области (388). Въ Новгородѣ и Ладогѣ устроены были новыя стѣны каменныя; на Днѣпрѣ наведенъ мостъ; изданъ законъ о лихвѣ. Принявъ къ себѣ остатки Хазаровъ, бѣжавшихъ отъ меча Половцевъ, Мономахъ далъ имъ мѣсто для постройки города, коего остатки видны донынѣ (389).

Юго-восточная часть Россіи представляла въ это время, въ маломъ видѣ, картину разсѣянія

---

(388) Владиміръ основанъ былъ въ 1116 г. — Мономахъ заложилъ въ немъ церковь Св. Спаса (*Ист. Г. Р.* т. II, пр. 238). Онъ находится на Клязьмѣ, подъ 58° 1′ 30″ шир., отъ Москвы въ 175 верстахъ, на востокъ.

(389) Въ 10 верстахъ отъ вершинъ Остера, въ 30 отъ Борзны, и въ 40 отъ Батурина. Въ 1786 году тамъ еще были цѣлы развалины каменныхъ стѣнъ, воротъ и погребовъ; теперь остались только три земляные вала и ровъ (*Ист. Г. Р.* т. II, прим. 219).

народовъ, какое съ V-го по X-й вѣкъ представляла вся Европа. Здѣсь были смѣшаны и разбиты города, кочевья народовъ, и многія орды отдѣлясь отъ своихъ собраній, принявъ частныя имена, являлись особыми землями, поселеніями и народами. Вообще можно положить, что по раззореніи Хазарскаго государства, два главные народа слѣдовали одинъ за другимъ отъ предѣловъ Азіи: *Печенѣги* и *Половцы*. Послѣдніе истребили, разсѣяли, покорили и смѣшали съ собою Печенѣговъ, будучи сходны съ ними въ правахъ и образѣ жизни. Но являются еще Хазары, основавшіе, какъ мы упомянули, новую Бѣлую Вѣжу, Печенѣги отдѣльно, и Торки. Находимъ еще *Берендеевъ*, вѣроятно, смѣсь или отдѣленіе Печенѣговъ, Половцевъ, Торковъ. Народы, подъ всѣми сими названіями, во времена Мономаха бѣжали къ Днѣпру, были прогнаны Мономахомъ, отчасти поселились, и образовали собою народъ, называвшій себя *Каракалпаками*; ихъ начинаютъ съ сего времени называть въ нашихъ лѣтописяхъ *Черными клобуками*. Въ послѣдствіи называли ихъ *Черкасами*, и, вѣроятно, съ того еще времени можно положить начало сборныхъ племенъ, въ послѣдствіи образовавшихъ собою на Днѣпрѣ *Казаковъ*. Всѣ полудикіе пришельцы сіи, послѣ упадка Половцевъ, чему положилъ начало Мономахъ, не были уже страшнымъ бичемъ Руси. Семьдесятъ лѣтъ, протекшихъ отъ смерти Ярослава до смер-

ти Мономаха, надобно почесть періодомъ самаго сильнаго бытія Половцевъ (390).

Тринадцать лѣтъ княжилъ Мономахъ, и постоянно слѣдовалъ правиламъ своей политики. Послѣ внѣшней безопасности Русскихъ Княжествъ, одинъ предметъ безпрерывно обращалъ на себя его вниманіе: укрѣпленіе власти и силы своего рода.

Полоцкое княжество, раздѣлившееся между дѣтьми Всеслава, могло быть завоеваніемъ легкимъ, но Мономахъ довольствовался униженіемъ Князей Полоцкихъ. Князь Минскій хотѣлъ ему противиться. Мономахъ опустошилъ Друцкъ и переселилъ жителей его въ новый городъ, схватилъ Минскаго Князя, и уморилъ его въ плѣну (391). Братья Князя Минскаго не смѣли противиться, и покорствовали Мономаху.

Олегъ Черниговскій скончался за десять лѣтъ

---

(390) Сіи подробности важны для Исторіи Малороссіи: здѣсь начало полу-кочевой жизни, которая такъ рѣзко отдѣлила въ послѣдствіи Югъ отъ Сѣвера. *Харакалпакъ* (черная шапка, черный калпакъ), донынѣ имя орды, обитающей за Аральскимъ моремъ. Руссы называли встарину шапку *клобукомъ*.

(391) Замѣтимъ, что Глѣбъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича. Онъ умеръ въ Кіевѣ, въ 1119 году. « Богъ ны поможе, и сотворихомъ свое мышленное, » говоритъ Мономахъ (*Духовная Мономаха*).

до смерти Мономаха (392); брашъ его, Давидъ Разанскій, старый и набожный, наслѣдовалъ Черниговъ, и также скончался до смерти Мономаховой, за два года. Черниговъ достался третьему брату, Ярославу Муромскому. И Давидъ и Ярославъ свято чтили волю Мономаха. Четыре сына Олеговы повиновались дядѣ своему Ярославу, вѣроятно, имѣя небольшіе удѣлы.

Родственный союзъ связывалъ Володаря Перемышльскаго съ Мономахомъ (393). Мономахъ не хотѣлъ болѣе терпѣть владычества чуждаго рода въ области Владимірской, столь близкой къ Кіеву. Оскорбленіе, какое нанесъ ему Ярославъ, Князь Владимірскій, рѣшило гибель сего несчастнаго сына Святополкова. Женатый на дочери Мстислава, онъ не любилъ ея, и не хотѣлъ жить съ нею. Мономахъ вздумалъ оружіемъ принудить Ярослава любить его жену. Два мѣсяца Кіевляне осаждали Владиміръ; Ярослава принудили дать слово, что миръ и согласіе будутъ между имъ и его женою; но едва отступили Кіевскія

---

(392) Въ 1115 году, Августа 1. Гробница сего достопамятнаго Князя находится въ Черниговской церкви Св. Спаса; тамъ-же гробницы и Святослава, отца его, и брата Давида.

(393) Сынъ Мономаха, Романъ, былъ женатъ на дочери Володаря. Это поясняетъ и гнѣвъ Мономаха, и назначеніе во Владиміръ именно Романа.

войска, Ярославъ бѣжалъ въ Польшу. Мономахъ объявилъ его лишеннымъ княжества, и отдалъ Владиміръ сыну своему Роману, зятю Володаря, а по смерти сего Князя, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, другому сыну, Андрею. Поляки вступились за Ярослава, приступали къ Червену, и ушли обратно, когда Андрей началъ опустошать ихъ собственныя земли. Ярославъ нашелъ болѣе сильнаго защитника въ Королѣ Венгерскомъ. Войско Венгерское осадило Владиміръ, гдѣ затворился Андрей. Онъ умѣлъ, кажется, идти по слѣдамъ отца, когда сила была недостаточна: два воина вышли изъ Владиміра и—произили Ярослава копьями, когда онъ, обозрѣвъ городъ, возвращался въ станъ свой. Венгерскій Король немедленно заключилъ миръ, и удалился (394).

При самомъ вступленіи Мономаха на Великое Княжество, вниманіе его обратилось на возраставшую свободу Новгорода. Перемѣняя Князя Новгородскаго, онъ призвалъ къ себѣ Новгородскихъ бояръ и судилъ ихъ, не какъ представителей вольнаго города, но какъ простыхъ бояръ удѣльныхъ: многихъ оставилъ въ Кіевѣ, другихъ

---

(394) Карамзинъ называетъ Ярослава *легкомысленнымъ и надменнымъ* (т. II, стр. 157). «Два человѣка вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на пути, и копьями произили *неосторожнаго* Ярослава.» Итакъ, выходитъ, что Ярославъ самъ виноватъ: зачѣмъ онъ былъ *неостороженъ*! Но *кто* послалъ убійцъ?

даже посадилъ въ темницы; остальные присягнули въ вѣрности, по требованiямъ Мономаха. Недовольный симъ, онъ лишилъ Новгородцевъ права избирать посадниковъ, и отправилъ въ Новгородъ правителемъ своего Кiевскаго вельможу Бориса. Новгородцы роптали, но не смѣли противиться.

Почти ни одного изъ современниковъ Мономаха уже не было въ живыхъ, когда въ глубокой старости онъ закрылъ глаза на вѣки. Безъ всякаго спора отъ другихъ, передалъ онъ Великое Княжество старшему сыну своему Мстиславу, и могъ думать, что рука сего Князя будетъ умѣть поддержать огромное зданiе, которое въ теченiе почти пятидесяти лѣтъ, съ такимъ трудомъ, сооружалъ и успѣлъ соорудить Мономахъ: говоримъ о федеральной монархiи, приготовленной Мономахомъ сынамъ своимъ (395).

Мстиславъ, обладая Кiевомъ, имѣлъ подъ рукою униженный Новгородъ, гдѣ былъ Княземъ сынъ его Всеволодъ. Кiевское Княжество усилено было Смоленскою и отчасти Полоцкою областью, что составляло удѣлъ сына Мстиславова Ростислава; третiй сынъ Мстислава, Изяславъ, княжилъ въ Курскѣ, составлявшемъ часть области Кiев-

(395) Всеволодъ началъ княжить съ 1078-го года; Мономахъ скончался въ 1125 году, и хотя онъ самъ княжилъ только 13 лѣтъ, но болѣе 47 лѣтъ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ на Руси.

ской. Брашъ Великаго Князя, Ярополкъ, владѣлъ Переяславскимъ удѣломъ; другой брашъ, Вячеславъ, Туровомъ; трешій, Андрей, Владимірскимъ княжесшвомъ; чешвершый, Георгій, Долгорукій, областью Суздальскою, гдѣ въ первый разъ составилось при Мономахѣ особое удѣльное княжество.

Такъ распредѣлилъ Мономахъ всѣ удѣлы и области, и, казалось, съ необыкновенною предусмотрительностію упрочилъ наслѣдіе сынамъ и внукамъ. Онъ перенесъ систему наслѣдованія Великаго Княжества въ свой родъ. Послѣ Мстислава долженствовалъ наслѣдовать оное Ярополкъ, за тѣмъ Андрей, за нимъ Георгій. Разсмотрите, какъ осторожно въ слѣдствіе сего дѣлены были удѣлы. Усиливъ Кіевъ, Мономахъ дѣлалъ его первенствующимъ не только по имени, но и по могуществу, поставивъ Курскую область, между Суздалемъ и Переяславлемъ, какъ связь Кіева и Приволжья, Смоленскую, какъ связь Кіева и Новгорода: честолюбіе брашьевъ Мстислава удовлетворялось удѣлами Владимірскимъ и Суздальскимъ, и Великое Княжество было безопасно отъ ихъ вліянія; наслѣдникъ Великаго Князя, получивъ Переяславль, долженъ былъ блюсти Кіевъ для собственной пользы.

Противъ сей силы Великаго Князя были только враждебные потомки Святослава, Ростиславичи, и Полоцкое Княжество. Но Святославичи, довольные Черниговскимъ удѣломъ, окруженные со

всѣхъ сторонъ Мономаховичами, также Княжество Полоцкое и Княжества Теребовльское и Перемышльское, слабыя и раздѣленныя, не могли быть опасны.

Такъ могъ думать Мономахъ, думать и полагать, что труды и подвиги его достигли цѣли, издавна имъ предположенной. Мономахъ въ теченіе полувѣка составлялъ главное дѣйствующее лицо въ Русской Исторіи XII-го столѣтія. Мы видѣли уже дѣянія его; но Мономахъ достоинъ особеннаго вниманія нашего. Только Олегъ является лицомъ, замѣчательнымъ подлѣ Мономаха. Судьба сего сына Святославова, изгнанника, умѣвшаго, безъ всякихъ средствъ и безъ помощи родныхъ, оспоривать свое наслѣдіе, всегда проигрывавшаго и всегда находившаго новыя средства, наконецъ пожертвовавшаго честолюбіемъ спокойствію, когда у него, братьевъ и дѣтей, былъ уголъ въ родимой сторонѣ — возбуждаетъ наше состраданіе и уваженіе. Мономахъ, рожденный въ другихъ обстоятельствахъ, шелъ иначе нежели Олегъ. Съ самаго начала онъ владѣлъ умомъ отца, потомъ владѣлъ Святополкомъ, былъ благоразумнѣе, смѣлѣе на совѣсть, счастливѣе Олега, и если-бы своекорыстіе не потемняло, не разрушало его собственныхъ предначинаній, онъ могъ-бы заслужить благословеніе потомства. Но ограждая отечество умомъ и рукою, онъ не ду-

малъ о благѣ его безкорыстно, и — какъ дымъ разлетѣлось, все имъ устроенное (396)!

---

(396) Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ Исторіи Русскаго народа: это цѣлый періодъ событій, это совершенный представитель своего вѣка, подобно Олегу Черниговскому. Но не будемъ превращать Исторію въ поэтическій романъ, и не станемъ искать въ немъ идеальнаго героя. Мы сами обманемся, и введемъ другихъ въ заблужденіе. Когда говорятъ о Мономахѣ, какъ о человѣкѣ, превосходившемъ другихъ современниковъ умомъ, силою воли, лучше понимавшемъ, въ чемъ состоитъ безопасность *Русскихъ земель* — нѣтъ спора. Но когда хотятъ представить его героемъ добродѣтели и человѣчества, безкорыстнымъ, кроткимъ, великодушнымъ — мы опровергаемъ сіе мнѣніе дѣлами Мономаха, и, не обвиняя его за своекорыстіе, въ тоже время говоримъ, что во всѣхъ дѣлахъ, и даже словахъ, онъ является намъ совершеннымъ эгоистомъ, человѣкомъ хитрымъ, не уважавшимъ ни договорами, ни совѣстью, стремившимся только къ собственному своему и дѣтей своихъ благу. Погибель Романа и Глѣба Святославичей, Ярополка Изяславича, Ярослава Ярополковича, Глѣба Минскаго—лежатъ на его памяти: онъ, или самъ былъ причиною, или допускалъ другихъ совершать злодѣйства, имѣвъ средства предупредить ихъ. А поступки его въ отношеніи къ Святополку, завладѣніе Великокняжескимъ престоломъ послѣ его смерти, и ненависть къ Олегу — дѣла, бывшія причиною междоусобій, омытыя потоками крови, и ничѣмъ неоправдимыя? Пристрастіе Карамзина къ Мономаху мы назвали *непонятнымъ*: это справедливо, и доказывается нашими

Мы говорили о поученіи, которое оставилъ онъ сынамъ своимъ: любопытное по многимъ отношеніямъ, оно особенно любопытно какъ памятникъ историческій. Показывая намъ тогдашній образъ жизни, мнѣнія, повѣрья, поученіе Мономаха еще лучше показываетъ и то, *гѣмъ* умѣлъ онъ привлечь къ себѣ любовь и привязанность народа, являетъ и нѣжное попеченіе Мономаха о томъ, что бы дѣти его соблюли собранное имъ.

Но Мономахъ не замѣчалъ, что сѣмена раздора и гибели разсѣяны были имъ повсюду. Отстранивъ потомковъ старшаго брата отъ престола Великокняжескаго, не самъ-ли онъ давалъ поводъ разрушить его новое установленіе, и первому пришельцу исторгнуть у дѣтей его Великое Княжество? Если Олегъ безспорно уступилъ Мономаху первенство, потомки Мономаховы могли-ль всегда остаться въ такой силѣ, въ такихъ благопріятныхъ обстоятель-

---

замѣчаніями. Мы не выписывали еще многихъ мѣстъ изъ Исторіи гос. Россійскаго, ибо они не стоятъ даже опроверженія; напримѣръ: несчастная смерть Ярослава Святополковича оправдывается Карамзинымъ такъ: «Справедливость вооружила его (Мономаха) противъ Князя Владимірскаго, ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава, (т. II, стр. 159).

ствахъ, въ какихъ находился Мономахъ? Слабость Черниговскаго удѣла, и ослабленіе силы Половцевъ были-ль ручательствомъ, что потомство Олега навсегда забудетъ права свои на Великое Княжество, и когда нибудь, со временемъ, не получитъ средствъ поддержать сіи права? Новгородъ, бывъ стѣсненъ Мономахомъ, таилъ свое огорченіе. Вѣроятно, труднѣе разбитія Половцевъ была для Мономаха побѣда надъ республиканскою гордостію города, уже сильнаго, уже 200 лѣтъ добывавшаго себѣ права. Политическія хитрости Мономаха въ семъ случаѣ не означены въ лѣтописяхъ. Но самое семейство Мономаха не могло-ль представить позорища междоусобій, подобно дѣтямъ Ярослава? Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ также были родные братья, подобно Мстиславу и Георгію, Ярополку и Андрею.

Скажемъ-ли, что если-бы Мономахъ шелъ прямымъ путемъ, отдавалъ каждому должное, умѣлъ *не отнимать*, а *давать*, онъ могъ-бы надѣяться благоденствія? Но Мономахъ тѣснилъ другихъ, не жалѣлъ ни крови, ни совѣсти, прочилъ только себѣ и дѣтямъ, и дѣти его растерзали другъ друга (397)....

---

(397) Мы не упоминали объ одномъ маловажномъ случаѣ Мономахова княженія. Когда Алексій Комнинъ

Мстиславъ былъ Великимъ Княземъ семь лѣтъ. Счастливыя битвы съ Половцами о-

---

вступилъ на престолъ Царяградскій (1081 г.), сынъ бывшаго Императора Романа Діогена (или самозванецъ, какъ пишутъ Греки) явился въ Руси, получилъ въ супружество дочь Мономаха, Марію, и набравъ толпу Половцевъ, взявъ нѣсколько и Русскихъ воиновъ отъ Мономаха, хотѣлъ отнять престолъ у Комнина. Въ самомъ дѣлѣ ему удалось завладѣть нѣсколькими Булгарскими городами, но въ Доростолѣ его убили измѣннически. Русскія вспомогательныя дружины возвратились обратно (Марія постриглась и умерла въ 1147 году. Сынъ ея, отъ Греческаго, истиннаго или ложнаго, Царевича, жилъ въ Руси, и былъ убитъ въ 1136 году, при нападеніи на Переяславль Черниговскаго Князя). — Изъ этого событія выдумали въ XV-мъ вѣкѣ большія сказки, можетъ быть для того, что Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, вступая въ бракъ съ отраслью царственнаго дома Царяградскихъ Императоровъ, хотѣлъ имѣть право на имя Царя и древнюю знаменитость рода. Старинную, Греческой работы царскую утварь (корону, скипетръ, державу, цѣпь и образъ) назвали *Мономаховыми*, и стали утверждать, что Мономахъ воевалъ съ Греками, завоевалъ Ѳракію, и такъ устрашилъ Императора Греческаго, что тотъ призналъ Мономаха Русскимъ Царемъ, и прислалъ ему сію утварь. Герберштеинъ въ Rer. Mosc. Comm. говоритъ уже о *Мономаховой* утвари, а въ 1561 году Патріархъ Царяградскій Іоасафъ прислалъ въ Москву даже грамату, увѣряя въ достовѣрности событія: она хранится въ Архивѣ, а утварь Мономахова въ Мастерской и Оружейной Па-

знаменовали начало его княженія. Помня прежнюю славу его оружія, современники ожидали отъ Мстислава подвиговъ воинскихъ: ожиданіе ихъ сбылось; но Мстиславъ вскорѣ показалъ неспособность свою править государствомъ (398).

латѣ (см. *Описаніе древняго Россійскаго Музея*, ч. I, М. 1807 г., гдѣ находятся изображенія оной, и деревяннаго царскаго мѣста, въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ находящагося, также называемаго *Мономаховымъ*, и замѣчательнаго, какъ памятникъ зодчества XV-го вѣка). Въ *Степенной книгѣ* (ч. I, стр. 247) и другихъ лѣтописяхъ (не старѣе XVI-го вѣка) читатели могутъ видѣть описаніе небывалыхъ побѣдъ Мономаха надъ Греками, а въ *Синопсисѣ* найдутъ даже письмо Алексія Комнина къ Мономаху! Карамзинъ внесъ все это въ Исторію (см. Ист. Г. Р. т. II, стр. 152, 153). Не упоминаемъ о другой сказкѣ, что Владиміръ ходилъ на Генуэзцевъ, поселившихся въ Тавридѣ, взялъ Кафу, и на поединкѣ убилъ Генуэзскаго Князя, за что будто-бы и прозванъ былъ *Мономахомъ*, т. е. *единоборцемъ*.

(398) Карамзинъ говоритъ, что Мстиславъ «умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри государства, и если-бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ-бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время» (т. II, стр. 176). Изъ чего все это выведено? Нашедъ въ *Новгородской лѣтописи* (стр. 46), прилагательное: *Великій*, приданное Мстиславу въ одномъ мѣстѣ, Карамзинъ говоритъ, что Мстиславъ былъ современниками названъ *Великимъ*.

Ярославъ Святославичъ продолжалъ мирно княжить въ Черниговѣ, не опасаясь племянниковъ своихъ, дѣтей Олега. Всеволодъ, старшій изъ нихъ, честолюбивый и ловкій болѣе другихъ братьевъ, хорошо понялъ характеръ Мстислава, и не побоялся возстать на дядю, изгнать его изъ Чернигова, перерѣзать его бояръ и объявить себя, въ слѣдствіе дѣлежа послѣ Любечскаго съѣзда между отцомъ его и дядями, Княземъ Черниговскимъ, отсылая Ярослава въ доставшійся ему тогда удѣлъ, Муромъ (399). Всеволодъ дѣлалъ тоже въ Черниговскомъ Княжествѣ, что Мономахъ сдѣлалъ въ Княжествѣ Великомъ. Ярославъ просилъ суда и пособія Великаго Князя, и получилъ обѣщаніе. Войска Кіевскія и Переяславскія соединились; Всеволодъ звалъ Половцевъ; Ярославъ напоминалъ Великому Князю обѣщаніе. Но Всеволодъ только пугалъ Половцами. Онъ успѣлъ убѣдить въ свою пользу Игумена Григорія, любимца Мстиславова; Григорій и все Кіевское духовенство явилось къ Мстиславу и просило его не вступаться въ обиду Ярославову. «Но я далъ ему клятву?» говорилъ Мстиславъ. — Снимаемъ клятву твою на себя, отвѣчали Григорій и священники Кіевскіе: лучше нарушить слово, не-

---

(399) См. выше, стр 129.

жели быть причиною пролитія крови Христіанской (400). — Ярославу было отказано; онъ съ горестью удалился въ Муромъ, гдѣ умеръ черезъ два года; къ Мурому причислялась и Рязань; дѣти Ярослава составили два особые удѣла, *Рязанскій* и *Муромскій* (401). Всеволодъ торжествовалъ отнятіе Чернигова, какъ важную побѣду: это былъ первый шагъ къ успѣхамъ сего Князя, юнаго и неиспытаннаго горькими опытами отца. Сдружась съ Великимъ Княземъ, онъ охотно шелъ содѣйствовать Мстиславу въ дѣлѣ безполезномъ и несправедливомъ.

---

(400) Левекъ вошелъ по сему случаю въ философскія сужденія: «Человѣколюбивый и миролюбивый *Грегори* былъ правъ: всякая война несправедлива, если она не устремлена противъ народа рѣшительно преступнаго», и проч. и проч. — Карамзинъ жестоко порицаетъ за этѣ *фразы* Левека, и доказываетъ несправедливость ихъ. Если-бы Левекъ хотѣлъ защищаться, онъ могъ-бы привесть сотни подобныхъ, только звучныхъ фразъ Карамзина, и даже одну именно по случаю отказа Мстислава защищать Ярослава противъ Всеволода: «Щадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ законъ естественный и народный», и проч., (*Ист. Г. Р.* стр. 172, и пр. 247). Чѣмъ эта фраза лучше Левековой?

(401) Рязанское княжество раздѣлилось потомъ на Рязанское и Пронское.

Мстиславъ сознавался, что сдѣлалъ важную ошибку, попустивъ обидѣть Ярослава, жалѣлъ и каялся въ этомъ, и какъ будто хотѣлъ загладить вину свою рѣшительнымъ уничтоженіемъ Княжества Полоцкаго, ни мало не враждовавшаго съ Кіевомъ. Онъ самъ, братья, дѣти его, Черниговскій Князь, вступили въ Полоцкую землю, какъ-бы въ страну язычниковъ, грабили, жгли. Довольный опустошеніемъ и покорностію, Мстиславъ сначала думалъ было оставить въ Полоцкѣ одного изъ сыновъ Всеслава, но вскорѣ свергъ сего Князя. Всѣ дѣти и потомки Всеслава были схвачены, и какъ государственные плѣнники выгнаны изъ Руси: ихъ скованныхъ увезли въ Грецію. Думали, что поколѣніе Всеслава навсегда исчезло въ Руси. Мстиславъ объявилъ Полоцкое и Минское Княжества удѣломъ Кіевскаго, и посадилъ здѣсь сына своего Изяслава, Князя Курскаго. Новая ошибка и въ семъ назначеніи удѣла: говоря о дѣтяхъ Мономаха, мы упомянули Вячеслава; ему данъ былъ отцомъ небольшой удѣлъ Туровскій. Вячеславъ не хуже другихъ грабилъ Полочанъ и надѣялся отъ брата награды: онъ остался по прежнему въ Туровѣ, оскорбленный (402).

---

(402) Вячеславъ былъ пятый сынъ Мономаха, но по кончинѣ отца былъ онъ *третьимъ*, ибо *второй*, Изяславъ, убитъ былъ въ Муромѣ, въ 1096-мъ году,

И Новгородцы участвовали въ семъ походѣ; они мстили старымъ врагамъ своимъ, Полочанамъ. Но любя Мстислава, какъ прежняго своего Князя, и идя по его велѣнію въ походъ, въ самый первый годъ Мстиславова княженія они прогнали Кіевскаго посадника и избрали, по прежнему, своего. Кажется, что физическія бѣдствія, тяготившія Новгородцевъ при Мстиславѣ, не давали еще имъ свободы дѣйствовать (403). Тѣмъ сильнѣе обнаружилась потомъ ихъ горделивая

а *третій*, Романъ, Владимірскій, скончался въ 1119 году. Почему Вячеславъ, казалось, былъ забытъ, обдѣленъ отцомъ и мало уважаемъ братьями? Онъ въ послѣдствіи игралъ такую странную роль, что дѣло объясняется само собою—недостаткомъ способностей.

(403) Отдѣльныя событія въ Новгородѣ, о коихъ мы не упоминали: въ 1113 г. Новгородцы сражались съ Чудью; въ 1116 г. взяли городъ Чудскій, *Оденпе* (въ лѣтописяхъ: *Медвѣжія голова*); въ 1130 г. снова они рѣзали Чудь, а въ 1131 г. были разбиты Чудью (*пакость створися велика* — сказано въ *Нов. лѣтописи* стр. 14); въ 1123 г. Новгородцы совершили походъ на Емь (Лербергъ доказалъ, что *Емь* значитъ обитателей Тавастіи въ Финляндіи; см. *Изслѣдованія*, ст. 83—193, О жилищахъ Еми), но несчастливо, ибо зима и голодъ едва не погубили Новгородскихъ дружинъ; въ 1127 г. былъ неурожай во всей Сѣверной Руси, такъ, что въ 1128 г. *осьминку ржи* продавали по гривнѣ; отъ этого погибло много народа; *погыбе земля наша* — сказано въ Новгородской лѣтописи.

воля. Мстиславъ, какъ будто ничего не замѣчалъ.

Такъ онъ оказалъ еще болѣе терпимости и слабости при ссорѣ Перемышльскихъ Князей. По смерти Володаря, Владимірко, старшій сынъ сего Князя, получилъ Звенигородъ, Ростиславъ, младшій, Перемышль. Но Владимірко, умомъ подобный Святославу Черниговскому, а храбростію отцу своему Володарю, не хотѣлъ слышать о раздѣлѣ, искалъ помощи у Венгровъ, не слушался словъ Великаго Князя, уступилъ только твердости Ростислава, защищавшаго свое право оружіемъ, и остался спокойно Княземъ Звенигородскимъ, до времени, явно показавъ, что онъ дѣлаетъ это не по волѣ Кіевскаго Князя (404).

Война съ Половцами, которыхъ Русскія дружины гнали за Донъ, даже за Волгу, и походъ въ землю Литовцевъ заключаютъ событія княженія Мстиславова (405). Братъ его, Ярополкъ Переяславскій, наслѣдовалъ Великое Княжество.

Сей сынъ Мономаха, не имѣвшій никакихъ замѣчательныхъ свойствъ отца, не может быть от-

---

(404) « Владимірко смирился, ибо Великій Князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ довольствовался своимъ удѣломъ. » (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 173). Этого мы не видимъ.

(405) Онъ умеръ въ 1132 г., и похороненъ въ Кіевской церкви Св. Θеодора.

личеръ даже и именемъ *храбраго,* подобно Мстиславу. Дѣтей у него не было. Какъ старшій изъ сыновъ Мономаховыхъ послѣ Мстислава, Ярополкъ долженъ былъ наслѣдовать Великое Княжество. Кромѣ Ярополка были еще живы братья его: *Вячеславъ* Туровскій, *Андрей* Владимірскій, *Георгій* Суздальскій. Не знаемъ причины, по которой Вячеславъ былъ обдѣленъ отцемъ въ удѣлахъ, но если уже признанъ былъ порядокъ перехода наслѣдства въ родѣ Мономаховъ, если уже Черниговскіе и Волынскіе Князья не противорѣчили сему порядку, то послѣ Ярополка слѣдовало наслѣдство Вячеславу, послѣ него Андрею, а въ случаѣ смерти его Георгію Долгорукому. Здѣсь видимъ, какъ покушеніе одного честолюбца повлекло за собою дальнѣйшее покушеніе другаго. Мономахъ хотѣлъ утвердить Княжество въ своемъ родѣ; Мстиславъ хотѣлъ еще большаго: утвержденія Великаго Княжества въ его собственномъ родѣ, *безъ участія братьевъ.* У Мстислава было, кромѣ *Всеволода* Новгородскаго, *Изяслава* Курскаго, а потомъ Полоцкаго, и *Ростислава* Смоленскаго, еще двое сыновей: *Святополкъ* и *Владиміръ.* Не имѣя дѣтей, слабый Ярополкъ легко согласился на убѣжденія брата, и при жизни еще Мстислава заключилъ договоръ, по которому Всеволодъ Новгородскій долженъ былъ получить Кіевъ и Великое Княже-

ство въ случаѣ смерти Ярополка (406). Несчастное чадолюбіе отца забыло, что Всеволодъ Черниговскій, зять и угодникъ Мстислава, могъ еще помнить о правахъ своихъ на Кіевъ, не предвидѣло, что братья: Вячеславъ, Андрей и Георгій, будутъ оскорблены новымъ постановленіемъ. Андрей извѣстенъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *добраго*: не знаемъ, чѣмъ заслужилъ онъ такое имя (407). Георгій Долгорукій не былъ ни храбръ, ни уменъ подобно отцу, но не уступалъ ему властолюбіемъ.

Никто не зналъ явно о договорѣ Мстислава съ Ярополкомъ. Онъ обнаружился въ распоряженіи Переяславскимъ удѣломъ. По вступленіи Ярополка на Великое Княжество, Переяславль должно было получить его наслѣднику. Это Княжество казалось оплотомъ Кіева и ступенью къ Великому Княжеству послѣ Всеволода и Мономаха. Князь Переяславскій въ полдня могъ быть въ Кіевѣ. Ярополкъ немедленно призвалъ Всеволода изъ Новгорода и отдалъ ему Переяславль. Но Всеволодъ только *полдня* былъ Княземъ Переяславскимъ: Георгій и Андрей уже стерегли

---

(406) Кен. Лѣт. стр. 187.

(407) Во время похоронъ его видѣли чудеса и знаменія (*Кен. спис.* стр. 195). » Онъ *не уронилъ чести Мономахова дома,*» говоритъ Карамзинъ (*Ист. Г. Р.* т. II, 196).

Переяславль. Вступивъ въ него утромъ, вечеромъ Всеволодъ увидѣлъ дружины Суздальскія: онѣ изгнали Всеволода. Великій Князь не зналъ, что дѣлать; начались переговоры; между тѣмъ Изяславъ Полоцкій вызванъ былъ въ Кіевъ и посаженъ въ Переяславль. Не хотѣлъ-ли доказать этимъ Ярополкъ, что удѣлъ Переяславскій не есть еще признакъ наслѣдства Кіевскаго? Кажется, братья его требовали доказательствъ сильнѣйшихъ: они хотѣли, чтобы *наслѣдникъ Кіева* былъ Переяславскимъ владѣтелемъ. Ярополкъ согласился, и — Вячеславъ пріѣхалъ въ Переяславль, откуда почти насильно выгнали Изяслава. Ярополкъ не зналъ чѣмъ удовлетворить племянниковъ; тогда, вдругъ открылись — и долго таимыя Новгородцами неудовольствія, и ненадежность покоренія Полоцка.

Всеволодъ, потерявъ Переяславль, и видѣвъ, что договоръ отца его съ дядею разрушенъ, хотѣлъ снова обратиться въ Новгородъ. Но уже вѣче, умолкнувшее при Мономахѣ, гремѣло по прежнему. Безъ участія Всеволода, и безъ спроса въ Кіевѣ, Новгородцы избрали новыхъ посадниковъ въ Новгородъ и въ Псковъ. «Ты давалъ клятву быть всегда съ нами, а потомъ искалъ другаго Княжества: иди-же куда тебѣ угодно,» говорили Всеволоду Новгородцы, спорили, и гнали его; партіи народныя вспыхнули; на вѣче явились союзники Суздальскаго Князя, Всеволодовы и —

Черниговскаго Князя! Всеволодъ уступалъ, соглашался на всякія условія, и Новгородъ призналъ его снова Княземъ, но—*по выбору вольнаго Новгорода.*

Такъ кончилась прямая власть Великаго Князя надъ Новгородцами. Буйство партій сопровождало это рѣшительное начало республиканской свободы; вскорѣ увидимъ дальнѣйшія дѣйствія вольныхъ Новгородцевъ.

Изяславъ Мстиславичъ жилъ между тѣмъ въ Кіевѣ: Полоцкъ не могъ быть возвращенъ ему, ибо послѣ отъѣзда его въ Переяславль, въ Полоцкѣ явился внукъ Всеслава, Рогволодъ, бѣжавшій изъ Греціи. Полочане съ радостью встрѣтили потомка законныхъ своихъ государей.

Ярополку нѣкогда было управляться съ Новгородцами и Полочанами. Онъ уговаривалъ Вячеслава уступить племяннику Изяславу бывшій его Туровскій удѣлъ; зналъ, что Князь Черниговскій сносится съ Суздалемъ, Новгородомъ, и въ тоже время долженъ былъ переговаривать съ Георгіемъ и Андреемъ.

Вячеславъ охотно уступилъ Туровъ Изяславу; Ярополкъ подарилъ еще племяннику своему подать *Печорскую* и Смоленскую, и Изяславъ, довольный, отправился за сборомъ въ Новгородъ, Смоленскъ и Туровъ (408). Но тогда открылось,

---

(408) См. выше (стр. 71, прим. 60) о *Корельской* дани. *Печорская* значила дань съ «Самоядскихъ пле-

что Георгій не для Вячеслава отбивалъ у племянниковъ Переяславль: онъ искалъ Переяславля, и вмѣстѣ съ нимъ Великаго Княжества, для себя самого. Вячеславъ ясно видѣлъ коварство Георгія и слабость Ярополка, можетъ быть указывалъ имъ на грозу, уже собиравшуюся противъ нихъ: Новгородъ, Полоцкъ, Черниговъ сговаривались и возставали, и ненависть къ памяти Мономаха, вражда къ роду Мономахову, были залогами дружбы враговъ Ярополка и Георгія. Вячеслава не слушали, и онъ рѣшился умыть руки отъ дѣла труднаго и невѣрнаго. По крайней мѣрѣ его воротили изъ Городца, когда онъ въ первый разъ оставилъ Переяславль. Прошло еще полгода. Думая, что союзу Суздаля, Кіева и Владиміра не опасны враги, Георгій и Ярополкъ не скрывали уже своихъ намѣреній; оскорбленный Вячеславъ оставилъ Переяславль, пріѣхалъ въ Туровъ, изгналъ Изяслава, и не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться. Немедленно открылся договоръ Георгія съ Ярополкомъ. Георгій занялъ Переяславль и уступилъ Кіеву Суздаль и Ростовъ, оставивъ для себя нѣсколько областей бывшаго удѣла, *за наслѣдство Великаго Княжества.* Разсчетъ былъ не дуренъ: дѣлаясь Великимъ Княземъ, Георгій получалъ обратно все отданное имъ.

« менъ, по обоимъ берегамъ рѣки Печоры, отъ Мезени и Канинскаго берега до Урала » (Лербергъ, *Изслѣдованія,* стр. 24).

Но это было знакомъ всеобщаго возстанія. Князь Черниговскій тотчасъ сорвалъ съ себя личину дружбы къ Ярополку. Онъ призвалъ Половцевъ, и вступилъ врагомъ въ Переяславскую область. Въ тоже время Изяславъ, изгнанный изъ Турова, находился у бывшаго врага своего, Князя Минскаго. Новгородъ взволновался. Вѣче призвало къ себѣ Изяслава, требовало войны съ Георгіемъ. Напрасно Всеволодъ спорилъ, не соглашался идти на своего дядю (409). Объявляя себя защитникомъ Изяслава, гонимаго Князя, брата Князю Новгородскому, вѣче грозно требовало похода. Всеволодъ думалъ утишить волненіе притворнымъ покорствомъ, выступилъ съ войскомъ, взялъ съ собою Изяслава, отпустилъ его съ дороги къ Черниговскому Князу и возвратился въ Новгородъ. Такое притворство оскорбило Новгородцевъ. Тщетно пріѣхалъ изъ Кіева Митрополитъ Михаилъ, уговаривалъ, заклиналъ, даже пророчилъ Новгородцамъ неудачу предпріятія. Новгородцы задержали Іерарха, чтобы онъ былъ сви-

---

(409) Карамзинъ (т. II, 180) говоритъ на оборотъ, что Всеволодъ «обѣщалъ брату завоевать для него Суздальскую область — въ надеждѣ на свою храбрость» (походъ на Суздаль былъ въ 1135 г. — Всеволодъ ходилъ съ Новгородцами на Чудь и взялъ Дерптъ въ 1134 г.). Если такъ, то за что же негодовали Новгородцы, судили и свергнули Всеволода?

дѣтелемъ ихъ *удачи;* посадникъ Данковъ посланъ былъ, со Всеволодомъ и съ сильною дружиною, къ Суздалю. Жестокая зима не останавливала Новгородцевъ. Декабря 31-го выступило войско, а 26 Января на Ждановой горѣ была жестокая битва съ Суздальскими дружинами. Неизвѣстно, кто предводилъ Суздальцевъ; но несогласное Новгородское воинство было разбито; посадникъ Данковъ легъ на мѣстѣ, Всеволодъ бѣжалъ, и — осмѣлился предстать передъ раздраженное вѣче.

Между тѣмъ близъ Кіева уже мирились. Князь Черниговскій, довольный первымъ опытомъ своей силы и своего ума, хотѣлъ сдѣлаться посредникомъ. Въ Кіевъ прибылъ тогда Митрополитъ Кіевскій, съ честію отпущенный Новгородцами, послѣ неудачнаго ихъ похода къ Суздалю. Всеволодъ находился уже въ тюрьмѣ: его самого, супругу, тещу, дѣтей заключили въ домѣ Епископа и окружили крѣпкою стражею; вѣче хотѣло судить Князя, и въ тоже время быть примирителемъ Князей Кіевскаго и Черниговскаго. Посадникъ Мирославъ и Епископъ Нифонтъ явились изъ Новгорода въ Кіевъ: такъ мгновенно упала власть Ярополка, сдѣлался важенъ Князь Черниговскій и возгордился Новгородъ (410)! Заключи-

---

(410) « Новгородцы поступили какъ истинные добрые, сыны отечества (пишетъ Карамзинъ): не хотѣвъ

ли миръ. Положено : Вячеславу наслѣдовать престолъ. Переяславль, яблоко раздора, не отдали ни ему, ни Георгію : Андрей Владимірскій возведе́нъ былъ на Переяславское Княжество, а Изяславъ, покровительствуемый и Новгородомъ и Черниговскимъ Княземъ, получилъ бывшій удѣлъ Андрея, Владиміръ Волынскій. Георгію отдали обратно Суздаль и Ростовъ; онъ разрушилъ свой договоръ съ Ярополкомъ, и въ награду выпросилъ себѣ только Городокъ Остерскій, близъ Кіева.

Черниговскій Князь не получилъ ничего. Потомки Мономаха забыли на время о своей враждѣ, когда увидѣли торжество Олеговыхъ дѣтей, и посредникъ остался безъ участія въ дѣлежѣ. На слѣдующій годъ, Черниговскій Князь снова вступилъ въ Переяславскую и Кіевскую области. Противъ него пошли Ярополкъ, Георгій, Андрей,

---

взять участія въ междоусобіи, они прислали Посадника и Епископа обезоружить Князей словами благоразумія» (т. II, стр. 181).—Но что объ этомъ сказалъ-бы Мономахъ этимъ *истиннымъ, добрымъ сынамъ отечества*? Новгородцы не думали ни о чемъ, кромѣ возвышенія себя: общаго, *единаго* для всѣхъ Руссовъ, *отечества,* не было. Посредничество Новгородцевъ оказалось безуспѣшно: «приде неуспѣвъ ничтоже, *сильно-бо взмялася вся земля Русская*» *Нов. лѣт.*, годъ 6643). Карамзинъ говоритъ противное (т. II, стр. 182), не смотря на лѣтописи.

и въ битвѣ, когда избранная дружина ихъ уже гнала Черниговцевъ, поссорились между собою, бѣжали, спорили въ Кіевѣ. Князь Черниговскій между тѣмъ разбилъ ихъ войска, сжегъ Халепъ, забралъ Триполь, Василевъ, Бѣлгородъ (411). Ярополкъ хотѣлъ мира; братья его не соглашались; Черниговскій Князь требовалъ Переяславля, но удовольствовался Курскомъ и частію Переяславской области, видя, что и за то Ярополкъ долженъ *хулу и укоръ принять отъ братьевъ своихъ и отъ всѣхъ.* Онъ ожидалъ большаго отъ времени, и предвидѣлъ успѣхи будущаго въ событіяхъ Новгорода.

Тамъ, не смотря на приверженцевъ Мономахова рода, раздоръ, волненія и споры, преодолѣла партія Олеговичей. Псковитяне, Ладожане и Новгородцы судили Всеволода на народномъ вѣчѣ, обвинили его въ безпечности, легкомысліи, неудачѣ Суздальскаго похода, оставили въ залогъ сына его, и изгнали Всеволода изъ Новгорода, когда Святославъ, сынъ Олега, братъ Черниговскаго Князя, пріѣхалъ въ Новгородъ, избранный вѣчемъ. Но сообщники Всеволода еще противились; посадника Якуна убили въ ссорѣ; даже Святославъ былъ пораженъ стрѣлою. За то Новгородцы партіи Олеговичей сбросили съ мо-

---

(411) Триполь, нынѣ *Триполье*, при устьѣ Стугны, мѣстечко; *Халепъ*, нынѣ село, ниже Триполья.

отзнаменитаго приверженца Всеволодова, Георгія Ярославича. Тутъ началось разногласіе между Новгородомъ и Псковомъ. Въ Псковъ бѣжали сообщники Всеволодовы. Новый посадникъ Новгородскій, Константинъ Дашковъ, торжественно заступился за Всеволода, и, гонимый противниками, ушелъ со многими сообщниками ко Всеволоду.

Изгнанникъ сей жилъ тогда въ Вышгородѣ. Онъ не смѣлъ явиться къ своимъ Новгородскимъ приверженцамъ, хотя послѣ побѣга другаго посадника, Ѳедора Дашкова, новый посадникъ, Константинъ Нѣжатинъ, держалъ открыто его сторону. Народъ бросился къ дому Нѣжатина, когда услышалъ, что онъ призываетъ въ Новгородъ Всеволода; Нѣжатинъ бѣжалъ во Псковъ, куда немедленно отправился Всеволодъ. Новгородцы разграбили домъ Нѣжатина и другихъ Всеволодовыхъ приверженцевъ, судили, казнили многихъ, взяли съ другихъ 1500 гривенъ (?) пени, и стали готовиться въ походъ на Псковитянъ, которые объявили свой Псковъ отдѣленнымъ отъ Новгорода и вольнымъ городомъ, а Всеволода *Княземъ Псковскимъ*.

Почти въ то же время началась новая война близъ Кіева, обѣщавшая успѣхи Олеговичамъ. Князь Черниговскій хотѣлъ рѣшительно отнять Переяславль. Мономаховичи видѣли, что честолюбіе Всеволода увеличивалось съ увели-

ченіемъ его силы. Ненависть ко Всеволоду задушила вражду между ними. Андрей робко бѣжалъ изъ Переяславля, когда Всеволодъ съ Половцами грабилъ берега Сулы. Тогда Ярополкъ оказалъ твердость необыкновенную; поспѣшно собралъ войска всѣхъ Князей и пошелъ прямо на Черниговъ. Всеволодъ, не ожидавшій такой быстроты, уже хотѣлъ бѣжать къ Половцамъ и нанимать войско, но Черниговцы уговорили его мириться. Ярополкъ былъ радъ миру.

Неудача Всеволода казалась тѣмъ страшнѣе для него, что брата его не было уже въ Новгородѣ. Робость Святославова и происки Георгія Суздальскаго вырвали Новгородъ изъ рукъ Олеговичей. Святославъ повелъ Новгородскія дружины на Псковъ, и увидѣлъ, что Псковитяне рѣшились защищаться отчаянно: вездѣ были перекопаны, испорчены дороги, подѣланы засѣки, и отъ Дубровны онъ возвратился въ Новгородъ, даже безъ начала войны, напомнивъ своимъ возвращеніемъ неудачный походъ Новгородцевъ къ Суздалю. Новгородцы негодовали, винили Князя въ неудачѣ похода, въ дороговизнѣ хлѣба, разстройствѣ дѣлъ. Окруженные Полоцкимъ Княземъ, другомъ Всеволода Псковскаго, Князьями Смоленскимъ, Суздальскимъ и Псковскимъ, они терпѣли недостатки во всемъ (412). И духовен-

---

(412) Хлѣбъ доходилъ въ Новгородѣ до 7 рѣзаней за осьминку.

ство возстало на Святослава: онъ оскорбилъ его, держа при себѣ своихъ священниковъ, и вздумавши жениться вопреки мнѣнію Епископа Нифонта, который находилъ бракъ Святослава, по какимъ-то причинамъ, незаконнымъ и не хотѣлъ вѣнчать Князя. Святославъ велѣлъ обвѣнчать себя своему священнику, и послѣ того не могъ уже примириться ни дарами, ни новымъ положеніемъ о платѣ, вмѣсто десятинъ, большой подати Епископу (413). Новгородцы оставили въ залогъ жену Святослава, изгнали его самого, и потребовали въ Новгородъ одного изъ сыновей бывшаго своего врага, Георгія Суздальскаго. Георгій съ радостію послалъ имъ Ростислава, когда Святославъ, остановленный Смоленскимъ Княземъ на пути въ Черниговъ, сидѣлъ подъ стражею въ Смядынскомъ монастырѣ.

Въ это время всѣхъ изумило неожиданное событіе. Ярополкъ возвратился изъ похода къ Чернигову, заболѣлъ и скончался. Князь Черниговскій хотя и мирился съ нимъ, но не покидалъ оружія, и услышавъ о смерти Ярополка явился въ Кіевѣ. Тамъ былъ уже Вячеславъ, и Кіевляне признали его

---

(413) См. Уставъ Святослава, въ *Русск. Достопамятностяхъ* (Ч. I, стр. 82-85). О женитьбѣ Святослава см. Новг. Лѣт. стр. 19; Епископъ Нифонтъ спорилъ и запретилъ Новгородскому духовенству вѣнчать Князя.

Великимъ Княземъ, въ слѣдствіе послѣднихъ, сдѣланныхъ между Князьями постановленій. « Иди изъ города добромъ, « велѣлъ сказать ему Всеволодъ (414). Вячеславъ спорилъ; Митрополитъ уговаривалъ Князей на миръ, и Вячеславъ уступилъ силѣ; онъ отправился въ старый удѣлъ свой, Туровъ. Князя Черниговскаго объявили Великимъ.

Кажется, что никто не ожидалъ такой перемѣны, послѣ похода Ярополка къ Чернигову и изгнанія Святополка изъ Новгорода. Родъ Олега, послѣ шестидесятилѣтнихъ бѣдствій и гоненій, вдругъ становился первенствующимъ между Русскими Князьями. Уже народное повѣрье забыло о правахъ его первородства; мощь была на сторонѣ Мономахова рода: дѣти и внуки Мономаха владѣли Суздалемъ, Переяславлемъ, Владиміромъ, Смоленскомъ, Туровомъ, Псковомъ и Новгородомъ. Родъ Олеговъ составляли, кромѣ Всеволода, братьевъ его Святослава и Игоря (Глѣбъ скончался въ 1138 г.), дѣти брата Олегова Давида, *Изяславъ и Владиміръ,* и Князья Рязанскіе. Мы видѣли Святослава

---

(414) Карамзинъ пишетъ, что « жестокіе » Черниговскіе Князья « *остервенились* и *свирѣпствовали какъ тигры* » (т. II, стр. 186, 187): не удивляемся такимъ словамъ: Черниговскіе Князья были не Мономаховичи, а *Олеговичи.*—Ярополкъ умеръ 16 Февраля, 1138 года. О словахъ Всеволода Вячеславу, см. Кен. сп. стр. 192.

въ дѣйствіяхъ его Княземъ честнымъ и добрымъ—это доказалъ онъ и въ послѣдствіи—но съ тѣмъ вмѣстѣ не имѣвшимъ отличныхъ способностей, ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ. Игорь, больной ногами, еще менѣе брата своего могъ представить опору Всеволоду. Противъ него были: Георгій Суздальскій, Изяславъ Владимірскій, Ростиславъ Смоленскій. Но Всеволодъ надѣялся, что умъ добудетъ силу, а сила укрѣпитъ прочность престола Кіевскаго, ему самому и роду его. Онъ самъ, дѣйствительно, умѣлъ удержаться до смерти своей на Великомъ Княжествѣ, но ознамеповалъ свое восьмилѣтнее княженіе безпрерывною мѣною удачь и неудачь, всегдашнимъ признакомъ ума хитраго, но нерѣшительнаго, и души неозначенной великими качествами. Кажется, что вообще онъ слишкомъ перехитрилъ: не угодилъ никому, ни врагамъ, ни друзьямъ, и кровавою гибелью брата заплатилъ за излишнее и безразсудное честолюбіе.

Всеволодъ прежде всего хотѣлъ испытать рѣшительность и силу. Игорь и Святославъ надѣялись обладать Черниговомъ. Всеволодъ не далъ ничего Игорю, отдалъ Черниговъ Изяславу и Владиміру, а Святослава удовольствовалъ Курскомъ. Важная ошибка, поссорившая Всеволода съ братьями! Но онъ указалъ имъ на Княжества Мономаховыхъ потомковъ, какъ на области, которыя они должны завоевать для себя. Всеволодъ же-

лалъ прежде всего низложить Изяслава Владимірскаго, бывшаго своего друга, и Андрея, который не хотѣлъ обмѣнять Святославу Переяславля на Курскъ. « Лучше смерть въ своей отчинѣ и дѣдинѣ, » отвѣчалъ Андрей, « нежели Курское Княжество, гдѣ не былъ Княземъ отецъ мой. Если ты не сытъ властью, хочешь моей волости — убей меня: тебѣ будетъ волость а мнѣ смерть, и это не диво въ нашемъ родѣ! Святополкъ убилъже изъ волости Бориса и Глѣба; только вспомни, долго-ли онъ жилъ послѣ того самъ (415). » Всеволодъ не слушалъ словъ Андрея, и велѣлъ идти Святославу на Переяславль, отправивъ другія дружины къ Владиміру. Тамъ долженъ былъ помогать имъ и, можетъ быть, предводительствовать ими — Владимірко Галицкій.

Имя Княжества *Галицкаго* явилось не задолго передъ тѣмъ. Мы видѣли Владимірка въ ссорѣ за наслѣдіе Перемышльское. Принужденный удовольствоваться Звенигородомъ, Владимірко перенесъ свое мѣстопребываніе въ Галичъ, и воевалъ съ Польшею и Венгріею, объявивъ себя сначала защитникомъ Бориса, сына Коломана и Евфиміи, дочери Мономаховой. Жизнь Бориса достойна романа, но не Исторіи (416). Владимірко вскорѣ оставилъ свое-

(415) Кен. сп. стр. 193.

(416) Впрочемъ, бракъ Евфиміи съ Коломаномъ недостовѣренъ. Коломанъ, подозрѣвая жену свою въ не-

го ничтожнаго союзника, помирился съ врагомъ его, воевалъ съ нимъ Польшу, хотѣлъ богатства, власти, мало дорожилъ вѣрностію словъ и обѣщаній, и умѣлъ сдѣлаться сильнымъ и могущественнымъ (417). Онъ не вмѣшивался въ раздоры

вѣрности, не признавалъ Бориса своимъ сыномъ. Послѣ смерти Коломана царствовалъ старшій братъ Бориса, Стефанъ; по удаленіи-же его въ монастырь, Бѣла, (*слѣпой*, ибо Коломанъ выкололъ ему глаза), вступилъ на престолъ въ 1131 г. Онъ былъ сынъ Альма, брата Коломанова. Борисъ требовалъ престола себѣ, и началъ войну: тогда помогалъ ему Владимірко. Разбитый Бѣлою, оставленный союзниками, Борисъ шестнадцать лѣтъ шатался по Германіи, и въ 1147 г. возобновилъ требованія, явясь въ станѣ Императора Конрада, когда тотъ шелъ съ войскомъ въ Палестину; отринутый Конрадомъ, онъ просилъ пособія у Людовика Юнаго, ведшаго въ крестовый походъ Французское войско. Принужденный бѣжать, когда узналъ, что его хотѣли схватить и выдать Гейзѣ, царствовавшему тогда въ Венгріи, Борисъ бѣжалъ въ Царьградъ, возбудилъ тамъ войну, пришелъ въ Венгрію съ Греками, сражался, и былъ убилъ въ 1156 году.

(417) Онъ наградилъ золотомъ измѣнника Венгерца, но велѣлъ сдѣлать его евнухомъ и выколоть ему глаза: « Пусть у измѣнника не будетъ дѣтей, ему подобныхъ! » сказалъ Владимірко. Это похоже на сказку, но ее передаютъ намъ Польскіе историки (см. Нарушевича, II. N. P. т. III, 269).

Русскихъ Князей, но ждалъ случаевъ, и гошовъ былъ помогашь, если видѣлъ пользу собсшвенную. Такъ онъ ходилъ къ Чернигову съ Ярополкомъ на Всеволода, а шеперь согласился помогашь Всеволоду въ низверженіи Изяслава съ Владимірскаго Княжесшва. Дружины Кіевскія не дошли до Владиміра: испуганныя, онѣ возврашились съ пуши. Такая-же неудача посшигла Свяшослава — славнаго шолько неудачами: онъ былъ разбишъ Андреемъ. Въ негодованіи, Всеволодъ спѣшилъ заключишь миръ съ Переяславскимъ Княземъ, подшвердилъ миръ и съ Половцами, кошорые прислали къ нему пословъ. Онъ помирился шакже съ Изяславомъ Владимірскимъ, и съ Вячеславомъ, кошораго въ Туровскомъ удѣлѣ безпокоили ошправленныя Всеволодомъ дружины. Всеволодъ рѣшился обласкашь Вячеслава, Андрея и Изяслава, предложилъ имъ не шолько миръ, но и дружбу, не сшалъ шревожишь Полоцка, и женилъ сына своего, Свяшослава, на дочери Василька Полоцкаго, друга Мономаховичей. Всеволодъ думалъ обманушь всѣхъ сихъ Князей, усилишь Кіевъ и управишься съ другими врагами: сіи враги были — *Владимірко Галицкій*, *Новгородцы*, и *Георгій Суздальскій*.

Владимірко оскорбилъ Всеволода посшупкомъ своимъ, доказавъ, чшо онъ не боишся и не уважаешъ Кіевскаго Князя. Когда дружины Кіевскія двинулись въ походъ, Владимірко всшупилъ шакже во Владимірскую областъ, но не вра-

ждовалъ съ Изяславомъ, и слыша о бѣгствѣ Кіевлянъ, предложилъ Изяславу миръ и дружбу (418). Смерть брата Ростислава и племянниковъ: Іоанна и Григорія, дѣтей знаменитаго слѣпца Василька, сдѣлала Владимірка обладателемъ Теребовля. Іоаннъ, сынъ Ростислава, названный *Берладникомъ* (419), былъ лишенъ наслѣдства дядею, и оставался безъ удѣла въ Звенигородѣ. Такое своевольство Владимірка и сила его были опасны Всеволоду.

Но онъ еще терпѣлъ Галицкаго Князя, устремивъ враждебное вниманіе на Долгорукаго. Сей Князь, нелюбимый своими родными, видѣлъ опасность, какую готовила ему и всѣмъ Мономаховичамъ хитрость Всеволодова. Крѣп-

---

(418) «Гордый Владимірко, *стыдясь быть слугою, или орудіемъ Государя Кіевскаго, искалъ* въ юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а *достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы*» (Ист. Г. Р. т. II, 192). Дѣла Владимірка не оправдываютъ сей прекрасной фразы, годной для жизнеописанія какого нибудь *рыцаря безъ страха и укоризны*. Владимірко искалъ не рыцарской славы, а существенной пользы, и бывалъ другомъ и недругомъ только въ слѣдствіе вѣрнаго разсчета политики.

(419) Отъ *Берлада* (нынѣ Бырлада, *или* Бырлата), города между Прутомъ и Серетомъ, который былъ населенъ удальцами, въ родѣ Запорожцевъ (Ист. Г. Р. т. II, пр. 285). Но по чему же?

кій въ своемъ отдаленномъ княжествѣ, обладая и Новгородомъ, онъ думалъ, что можетъ отважиться на борьбу съ Кіевомъ. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, Георгій требовалъ помощи Новгородцевъ и оскорбилъ ихъ гордость. Требованіе казалось имъ приказомъ: возсталъ вольный городъ, и безъ того страшившійся мщенія Всеволодова (420). Ростиславъ, сынъ Георгія, не дожидаясь тюрьмы, бѣжалъ, и Долгорукій отмстилъ Новгороду сожженіемъ Торжка.

Партія Святослава Курскаго была еще сильна въ Новгородѣ. Думая, что принявъ брата, примирятся съ Великимъ Княземъ, Новгородцы снова звали къ себѣ Святослава. Но Всеволодъ не брата, а сына своего назначалъ въ Новгородъ, особливо-же поссорясь съ Святославомъ послѣ Переяславской неудачи. Святославъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и засталъ его раздираемый волненіями: тамъ были приверженцы Суздаля, Пскова, Кіева и Святославовы друзья; вѣче было шум-

---

(420) «Думая о выгодахъ мирной торговли *болѣе, нежели о чести Княжеской*, они не хотѣли вооружаться» (Ист. Г. Р. т. II, стр. 193). Какъ быстро измѣнился характеръ Новгородцевъ, которыхъ за десять страницъ называлъ Историкъ *истинными, добрыми сынами отечества*! Напротивъ, политика Новгорода была неизмѣняемо одна и та же, прежде, въ семъ случаѣ, и послѣ.

но. Святославъ думалъ угодить брату и утвердить себя въ Новгородѣ строгостію. Посадникъ Якунъ былъ съ нимъ за одно. Знаменитый Константинъ Дашковъ и другіе Новгородцы, скованные, были отправлены въ Кіевъ. Святославъ требовалъ похода, и хотѣлъ идти на Суздаль. Новгородцы не стерпѣли дѣлъ Святослава. Слыша о замышленіи вѣча, Святославъ рѣшился добровольно отдать Новгородъ Кіевскому Князю. «Не хочу быть у нихъ,» велѣлъ онъ сказать Всеволоду: «тягота въ людяхъ сихъ; кого тебѣ любо, того и пошли.» Но вѣче уже опредѣлило тюрьму Святославу; домы друзей его грабили; тысячскій, кумъ его, успѣлъ увѣдомить Святослава объ опасности, и Святославъ бѣжалъ изъ Новгорода въ Полоцкъ, а потомъ въ Смоленскъ; за нимъ бѣжалъ и посадникъ Якунъ, но на берегахъ Полисти (421) Якуна догнали, били, бросили въ воду; онъ выплылъ изъ рѣки, и былъ сосланъ въ Чудскую сторону. Оттуда Якунъ ушелъ и скрылся у Георгія въ Суздалѣ. Долгорукій ласково принималъ всѣхъ бѣглецовъ изъ Новгорода, и они стремились къ нему толпами.

На время преоборола другихъ партія Кіевская. Слыша, что Всеволодъ не рѣшается отправить

---

(421) *Полисть,* рѣка, текущая изъ озера Полиста, въ Псковской губерніи, и впадающая въ Ловать; на берегахъ ея находится Старая Руса.

сына своего, Новгородцы послали къ нему пословъ и Епископа Нифонта. Съ честію встрѣтивъ посланныхъ, Всеволодъ отправилъ съ ними своего сына. Къ изумленію пословъ, гонцы Кіевскіе догнали ихъ на дорогѣ: имъ велѣно отъ Всеволода возвратиться въ Кіевъ, какъ плѣнникамъ. Уже вѣче перемѣнило свое намѣреніе: страшась признать власть Олеговичей, Новгородъ требовалъ Князя изъ рода Мономахова. Они отказывались отъ Долгорукаго, но хотѣли Святополка, или Владиміра, дѣтей Мстислава.

Святополкъ былъ тогда въ Псковѣ, куда удалился съ братомъ своимъ Всеволодомъ. Всеволодъ скончался въ 1138 г., любимый Псковитянами и признанный за святаго: мечъ его донынѣ, какъ святыня, хранится въ Псковѣ надъ его мощами (422). Но Кіевскій Князь не хотѣлъ ничего слышать. Боясь, что Святополкъ, или Владиміръ, могутъ и безъ его воли явиться въ Новгородѣ, боясь въ тоже время и раздражать Новгородцевъ, онъ призвалъ обоихъ Мстиславичей, далъ имъ удѣлъ въ Брестѣ, и объявилъ Новгородъ *отдѣленнымъ отъ всѣхъ* (423). «Пусть си-

(422) На мечѣ Всеволода написано: Honorem meum nemini dabo *(чести моей никому не отдамъ)*. Карамзинъ справедливо замѣчаетъ, что «это отзывается духомъ *новѣйшихъ* временъ «(Ист. Г. Р. т. II, пр. 266).

(423) «Новагорода *не березета*, атъ сѣдятъ о своей силѣ, гдѣ сіи Князь ни налѣзутъ» (Кен сп. стр. 194).

дитъ онъ въ своей силѣ,» сказалъ Всеволодъ Князьямъ, «и ищетъ гдѣ хочетъ Князя.» Новгородцевъ хватали повсюду, садили въ темницы, пресѣкли съ ними сообщеніе, Новгородъ былъ шесть мѣсяцевъ управляемъ посадникомъ Судилою. Напрасно Новгородцы извѣщали Великаго Князя, что они требуютъ Мономаховича *отъ руки его*, какъ владыки Русскаго. Оскорбленные упрямствомъ Всеволода, они обратились наконецъ къ Георгію Суздальскому, и просили отпустить къ нимъ по прежнему Ростислава. Георгій согласился. Всеволодъ не скрывалъ своей досады, и занялъ его Остерскій Городокъ. Суздаль и Новгородъ, Кіевъ и Черниговъ—сѣверная сторона Руси и южная, готовились на брань. Смерть Андрея Переяславскаго была причиною новыхъ событій (424).

Дружба Великаго Князя съ братьями до сихъ поръ казалась весьма холодною. Не понимая замысловъ Всеволода, братья его негодовали: почему дружитъ онъ Мономаховичамъ, а имъ не даетъ удѣловъ. Андрей скончался въ Переяславлѣ; двое сыновей его не могли наслѣдовать удѣла: и Олеговичи и Мономаховичи дорожили Переяславлемъ, облитымъ кровью. Братья Всеволода надѣялись, что имъ теперь достанется сей

---

(424) Въ 1141 г. Янв. 22. См. выше, прим. 407.

важный удѣлъ, который еще такъ недавно хотѣлъ Всеволодъ завоевать для нихъ оружіемъ. Но—Всеволодъ почтительно послалъ звать на Переяславскій удѣлъ Вячеслава Туровскаго. Вячеславъ съ радостію отдалъ ему Туровъ, и пріѣхалъ въ Переяславль. Тогда безразсудные братья Всеволода сдѣлались открытыми врагами Великаго Князя. Они соединились съ Черниговскимъ Княземъ, и напали на Переяславскую область, грабили, жгли селенія и хлѣбъ. Вячеславъ ждалъ помощи и не сражался. Явились и защитники и примиритель, ибо Всеволодъ еще надѣялся вразумить своихъ братьевъ: инокъ Святоша посланъ былъ уговаривать двоюродныхъ братьевъ, когда въ то же время Изяславъ Владимірскій и Ростиславъ побѣждали ихъ воинства и брали Черниговскіе города. Наконецъ, Святославъ и Игорь смирились. Всеволодъ придалъ къ ихъ удѣламъ города: Юрьевъ, Рогачевъ, Черторискъ и Клецкъ, далъ и Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ (425). Кіевъ примирился съ Черниговомъ, и вскорѣ усиленъ былъ еще болѣе. Вячеславъ, безъ всякаго спора, согласился обмѣнять Переяславль на прежній Туровскій удѣлъ, и отдалъ его Изяславу

---

(425) Слова Игоря и Святослава: «Любовь имѣетъ съ Мстиславичи, съ нашими вороги, осажался ими около, а намъ безголовье и безмѣстье.»—*Кіевская Лѣт.* (см. Ист. Г. Р. т. II, пр. 280).

Владимірскому. Увѣренный симъ поступкомъ, что Всеволодъ истинно хочетъ ему добра и его готовитъ въ наслѣдники Кіевскаго Княжества, Изяславъ передалъ Владиміръ сыну Всеволодову, Святославу, бывшему въ Туровѣ. Всеволодъ еще болѣе утвердилъ Изяслава въ его мнѣніи, согласясь на убѣжденіе супруги своей, и позволивъ Святополку Мстиславичу ѣхать въ Новгородъ по желанію Новгородцевъ. Это рѣшеніе Всеволода мгновенно разрушило власть Георгія въ Новгородѣ: Ростиславъ даже не успѣлъ и убѣжать; его посадили подъ стражу; Святополкъ Мстиславичъ имѣлъ удовольствіе выпустить изъ тюрьмы своего предшественника, сына знаменитаго Суздальскаго Князя.

Благодарный Изяславъ не хотѣлъ видѣть вражды между Георгіемъ и Всеволодомъ. Онъ самъ отправился въ Суздаль; но могъ-ли онъ уговорить Георгія къ миру, когда Всеволодъ былъ Великимъ Княземъ, а Изяславъ надѣялся быть его преемникомъ? Съ неудовольствіемъ разстался съ дядею Изяславъ, посѣтилъ брата Ростислава въ Смоленскѣ, пировалъ на свадьбѣ Святополка въ Новгородѣ, и просваталъ въ Полоцкѣ дочь свою за Князя Рогволода.

Георгій ждалъ войны, слыша, что на свадьбѣ Рогволода въ одно время пируютъ и готовятся на брань Великій Князь, Мономаховичи и Олеговичи. Они въ самомъ дѣлѣ *разошлись для того*,

что бы сѣсть на коней (426), но до Георгія еще не доходила очередь. Владимірко Галицкій за годъ до сего времени казался другомъ Всеволода, ходилъ на помощь Польскому Королю, зятю Всеволодову, но тогда рѣшительно объявилъ себя врагомъ открытымъ, прислалъ въ Кіевъ крестныя грамоты и хотѣлъ изгнать сына Всеволодова изъ Владиміра (427).

Ополченіе Князя Кіевскаго и его союзниковъ было многочисленно, и казалось грознымъ. Владимірко хотѣлъ сражаться, призвавъ на помощь Венгровъ, но, поставленный въ затруднительное положеніе воинскими хитростями Всеволода, тайно искалъ мира (428). Всеволодъ былъ боленъ

---

(426) « И оттуда разшедшеся и всѣдоша на кони. » (Кен. сп. рук. *л.* 197).

(427) Ни одна изъ крестныхъ граматъ древнихъ не дошла до насъ. Мы уже говорили, съ котораго времени мы имѣемъ дипломатическіе уцѣлѣвшіе акты.

(428) Всеволодъ направился къ Теребовлю; Владимірко встрѣтилъ его; оба войска шли одно противъ другаго, ища переправы черезъ рѣку Серетъ; Всеволодъ хотѣлъ перейдти при *Рожниполѣ*, но Владимірко занялъ выгодное мѣсто; тогда Всеволодъ повернулъ къ Звенигороду, и перешелъ рѣку Бѣлку; укрѣпясь между горами и болотами, Владимірко ждалъ боя, какъ вдругъ Кіевляне неожиданно обратились на Галичъ; Галичане ужаснулись (сотоснуша) и говорили: « Мы здѣ стоимъ, а онамо жены наши возмутъ» (Кен. сп. стр. 198).

и хотѣлъ поспѣшить въ Кіевъ. Онъ открылъ брату своему Игорю, что его назначаетъ преемникомъ своимъ. *Многоглаголивый* Владимірко уже проникалъ сію тайну, ссылался съ Игоремъ, обѣщалъ ему помощь, и Игорь уговорилъ Всеволода. «Ты не хочешь мнѣ добра!» сказалъ онъ Всеволоду: «отдаешь мнѣ Кіевъ, а гдѣ друзья мои? Дай мнѣ имѣть другомъ хоть одного.» Несчастный Князь какъ будто предрекалъ судьбу свою! Въ тотъ-же день Владимірко пріѣхалъ ко Всеволоду, помирился, заплатилъ ему 1,200 гривенъ серебра и разстался какъ другъ. Всеволодъ раздалъ деньги воинству и спѣшилъ въ Кіевъ.

Онъ чувствовалъ совершенное изнеможеніе, и долженъ былъ окончательно устроить наслѣдство. Еще далеко не совершились его предначертанія, но — медлить было не льзя. Всеволодъ созвалъ Олеговичей, дѣтей своихъ, Изяслава Мстиславича; объявилъ, что избираетъ Игоря наслѣдникомъ Великаго Княжества, и требовалъ присяги въ вѣрности его волѣ. Изяславъ оскорбился, колебался, но долженъ былъ согласиться, и когда послѣ того Всеволодъ предложилъ всѣмъ идти на помощь Польскому Королю, Изяславъ сказался больнымъ и уѣхалъ въ свой Переяславль. Игорь взялъ на себя весь трудъ похода, и легко успѣлъ, ибо братья Владислава требовали посредничества и согласились на уступки (429).

---

(429) *Кіевская лѣт.* (Ист. Г. Р. прим. 286).

Новыя причины вражды уже оказались между Всеволодомъ и Владимиркомъ. Всеволодъ какъ будто поспѣшалъ укротить сего опаснаго непріятеля, предвидя, что Игорю трудно будетъ устоять противъ всѣхъ непріятелей своихъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда сильный Владимірко не будетъ въ ихъ числѣ. Владимірко жаловался, что Всеволодъ принимаетъ враговъ его: онъ разумѣлъ *Берладника.* Мы видѣли уже, что сей сынъ Ростислава — въ послѣдствіи достопамятный своими бѣдствіями — былъ лишенъ наслѣдства Владимірокомъ. Живя въ Звенигородѣ, Берладникъ воспользовался долговременнымъ отсутствіемъ дяди на охоту, склонилъ Галичанъ избрать себя Княземъ, и объявилъ себя властителемъ Галича. Предпріятіе безразсудное! Кажется, что Владимірко столь-же мало думалъ о благѣ подданныхъ, какъ и о соблюденіи договоровъ съ другими, если не видѣлъ въ томъ собственной корысти. Иначе не льзя изъяснить рѣшительности Галичанъ. Владимірко быстро явился съ дружинами, и осадилъ Галичъ, какъ непріятельскій городъ; жители крѣпко защищались; Берладникъ три дня дрался мужественно, но, сдѣлавъ вылазку ночью, былъ отрѣзанъ, разбитъ, едва пробился сквозь ряды воиновъ, и ускакалъ въ Кіевъ, гдѣ Всеволодъ принялъ его ласково. Владимірко свирѣпствовалъ въ Галичѣ, немедленно предавшемся его волѣ, требовалъ Берладника, грозилъ вой-

ною Кіеву, и занималъ города Владимірскіе. Всеволодъ призвалъ снова Олеговичей, Вячеслава, Ростислава Смоленскаго, Князей Черниговскихъ, и самъ повелъ ихъ въ Галичскую область, не смотря на слабость здоровья, грязь весеннюю и распутицу. Осадили Звенигородъ; жители дрались отчаянно, тѣмъ болѣе, что Владимірковъ воевода, Иванъ Халдеевичъ, ужаснулъ ихъ строгостію: узнавъ, что Звенигородцы собрались на вѣче, и думаютъ о сдачѣ города, онъ захватилъ трехъ главныхъ зачинщиковъ, и сбросилъ обезображенные трупы ихъ съ городской стѣны. Союзники зажгли городъ, но жители, крича: « *Господи помилуй!* « тушили огонь и не сдавались. Между тѣмъ болѣзнь Всеволода усиливалась. Онъ велѣлъ войскамъ отступать и идти обратно въ Кіевъ, положивъ выступить снова въ день Бориса и Глѣба. Но — смерть уже тяготѣла надъ нимъ! Всеволодъ велѣлъ везти себя въ Вышгородъ, къ мощамъ Бориса и Глѣба, слабѣлъ со дня на день, и спѣшилъ устроить дѣла государственныя, забывъ о Владимірке, который торжествовалъ, явился съ войскомъ на предѣлахъ Кіевской области и взялъ Прилуку. Всеволодъ призвалъ братьевъ и Кіевскихъ бояръ, снова требовалъ отъ нихъ присяги въ вѣрности Игорю, послалъ къ Черниговскимъ Князьямъ и къ Изяславу Мстиславичу знаменитыхъ пословъ, также для подтвержденія присяги. Всѣ снова клялись признать Игоря Великимъ

Княземъ; Кіевляне и Вышгородцы цѣловали крестъ. Всеволодъ скончался (430).

Только присяга поддерживала власть Игоря: все было противъ него, и Князья Русскіе давно отвыкли держать данное слово! Едва предано было землѣ тѣло Всеволода, дѣла приняли совершенно другой видъ. Посланный отъ Игоря въ Переяславль не возвращался: Изяславъ захватилъ его и сбиралъ войско. Игорь звалъ къ себѣ племянника, Святослава Владимірскаго, брата Святослава и Давидовичей. Надобно было сражаться: пріѣхали только два Святослава, племянникъ и братъ Игоря; Давидовичи требовали прежде договоровъ объ удѣлахъ (431). Игорь обѣщалъ имъ все, но въ тоже время, когда Епископъ Черниговскій проклиналъ *двѣнадцатью господскими праздниками* того, кто измѣнитъ (432), Черни-

---

(430) Похваливъ и укоривъ Всеволода, Карамзинъ заключаетъ, что онъ «былъ лучшимъ изъ Князей *Олегова мятежнаго рода* (Ист. Г. Р. т. II, стр. 204).— Можно-ли такъ говорить Историку!

(431) Подробности, какъ сіи, такъ и о смерти Всеволода и сверженіи Игоря, взяты изъ *Кіевской* или *Волынской* лѣтописи, донынѣ не изданной, и извѣстной только изъ примѣчаній къ Ист. Г. Р.—О бунтѣ Кіевлянъ въ Кен. спискѣ ничего нѣтъ; сказано только: «*негодно быть людямъ*, и послаша къ Изяславу (стр. 199).

(432) Кіевск. лѣт. (Ист. Г. Р. пр. 290).

говскіе Князья уже измѣнили; въ Кіевѣ также гнѣздилась измѣна: тысячскій Улѣбъ, и первый бояринъ Кіевскій, Иванъ Войтишичъ, ссылались съ Изяславомъ и звали его въ Кіевъ, а граждане собрали вѣче и требовали Игоря на договоръ. Святославъ явился вмѣсто брата, и Кіевляне вынудили обѣщаніе, что Князь смѣнитъ нелюбимаго народомъ тіуна Ратшу, изберетъ судей достойныхъ и будетъ самъ надзирать надъ правосудіемъ. Святославъ обѣщалъ, цѣловалъ крестъ, а народъ бросился грабить домъ ненавистнаго ему тіуна.

Спѣшили утишить волненіе; Черниговскіе Князья не являлись; должно было выступить противъ Изяслава, который шелъ прямо на Кіевъ. Отвсюду являлись къ нему послы и войско. Игорь выступилъ на встрѣчу; два непріятеля сошлись, и—измѣна открылась немедленно. Улѣбъ и Войтишичъ бросили Кіевскія знамена и перебѣжали къ Изяславу; Берендеи начали грабить Игоревъ обозъ. Игорь и Святославъ еще хотѣли сражаться, но личная храбрость была безполезна: ихъ обошли, смяли, разбили; все побѣжало. Изъ Кіева шли торжественно на встрѣчу Изяслава духовенство и народъ; домы, села бояръ и друзей Игоревыхъ грабили, опустошали, брали сокровища, спрятанныя ими, даже въ монастыряхъ. Святославъ ускакалъ съ поля битвы за Днѣпръ, и скрылся въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Искали Игоря, нашли его

завязшаго въ болотѣ, и отправили въ монастырь Переяславскій. Племянникъ его, Святославъ Владимірскій убѣжалъ въ Кіевскій монастырь Св. Ирины. Изяславъ принялъ его милостиво, но ничего не говорилъ объ его удѣлѣ, и задержалъ самого Князя въ Кіевѣ. Все Княженіе Игоря продолжалось шесть недѣль; съ нимъ утратилъ Великое Княжество родъ Олега, утратило и важность свою званіе *Великаго Князя*.

ГЛАВА IV.

Въ одной битвѣ пала власть Государя, которому присяга покоряла другихъ; послѣ одной битвы, сей Государь обмѣнялъ Княжескій чертогъ на тюрьму въ монастырской обители, и новый Властитель возсѣлъ на престолѣ, не имѣя никакихъ законныхъ правъ, ниспровергнувъ царствующій родъ, среди опасностей и враговъ, грозившихъ ему отвсюду въ будущемъ. Не можемъ не почесть сего Властителя человѣкомъ выше другихъ современниковъ, по уму и характеру. Внукъ Мономаха дѣйствительно былъ таковъ, хотя не напоминалъ собою ни Олега и Святослава, ни Ольги и знаменитаго своего дѣда.

Обстоятельства совершенно измѣнились послѣ Ярослава, и въ теченіе ста лѣтъ, минувшихъ со времени его кончины, послѣ девяти Великихъ Князей (433) изъ трехъ враждебныхъ поколѣній, показавшихъ собою—къ стыду человѣчества—столь не рѣдкій примѣръ братьевъ-враговъ, система удѣловъ Русскихъ совершенно потеряла свой первобытный характеръ. Части федеративнаго го-

---

(433) Изяславъ вступилъ въ Кіевъ и принялъ званіе Великаго Князя въ 1146 г.—Три рода Князей: *Изяславъ* и Святополкъ; *Святославъ*, Всеволодъ и Игорь; *Всеволодъ*, Владиміръ, Мстиславъ и Ярополкъ.

сударства, учрежденнаго Ярославомъ, совершенно распадались, и хотя еще средоточіе ихъ, Великое Княжество, привлекало къ себѣ и соединяло сіи разрозненныя части, но онѣ видимо начинали жить своимъ отдѣльнымъ бытіемъ.

Усиленіе дома Мономаховъ было первою причиною распаденія частей: потеряно было равновѣсіе, и слабые, увлекаемые сильнѣйшими, отчаянною борьбою ослабили могущество частей сильнѣйшихъ. Въ сей борьбѣ совершенно отпалъ Новгородъ, связь Сѣвера и Чудскихъ народовъ: онъ не былъ уже подпорою Великаго Княжества, и только личныя выгоды гражданъ рѣшали ихъ участіе въ дѣлахъ. Такимъ образомъ, сила Новгорода могла поддерживать первую удачу каждаго предпріимчиваго Князя. Мономаховичи были причиною и того, что уставъ наслѣдія разрушился, и такимъ образомъ понятіе *о законности по старшинству* уничтожилось въ мнѣніи народномъ: и здѣсь, только сила или удача рѣшали участь Великаго Княжества. Наконецъ, сила Мономаховъ раздѣлилась, и каждая часть владѣнія Мономаховичей пріобрѣла свое независимое бытіе. Это было причиною усиленія другихъ частей, не Мономаховичами управляемыхъ: Княжества *Галицкаго*, Княжества *Черниговскаго*, почти уничтоженнаго умомъ и дѣятельностью Мономаха. Битвы за Переяславль доказываютъ, что современники многаго ожидали рѣшительно отъ одной удачи:

Переяславль казался имъ сторожевымъ мѣстомъ, съ котораго можно было наблюдать Кіевъ, и пользоваться каждымъ удобствомъ для завладѣнія Великимъ Княжествомъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ восшелъ на Великое Княжество Всеволодъ Олеговичъ. Онъ могъ всего ожидать отъ времени и своего хитраго ума; безразсудство братьевъ и краткость его княженія не дали ему ничего исполнить. Если-бы, укрѣпивъ уже Кіевъ Владиміромъ, онъ успѣлъ укротить ближайшаго непріятеля, Владимірка, и управился съ Георгіемъ, то Новгородъ самъ собою подпалъ-бы его владычеству, и Изяславъ, котораго онъ принужденъ былъ ласкать, невольно уступилъ-бы силѣ. При дверяхъ гроба, призывая къ обѣту священному, Всеволодъ готовилъ только гибель брату, неспособному и больному. Такою неуступчивостью обстоятельствамъ и отверженіемъ Изяслава, онъ разрушилъ еще болѣе связь частей. Родъ Олега упалъ рѣшительно; вещественное значеніе Княжества Кіевскаго уничтожилось почти совершенно.

На сей скалѣ, подрываемой отвсюду, возсѣлъ Изяславъ — испытанный въ бѣдствіяхъ, знавшій по опыту характеры всѣхъ Русскихъ Князей, бывшій попеременно дѣйствующимъ лицомъ въ областяхъ Курской, Полоцкой, Новгородской, Владимірской и Переяславской. Все вокругъ не-

го было безъ союза, безъ дружбы, безъ вѣры въ обѣщанія, безъ любви къ своимъ Государямъ.

Олеговы потомки могли искать Кіева, какъ наслѣдники Всеволода, сильные Черниговомъ, Владиміромъ, и дружбою Владимірка. Георгій Долгорукій, сильный по Суздалю, давній врагъ и братьямъ своимъ и Олеговичамъ, требовалъ Кіева, какъ дядя, имѣвшій на него права по уставу отцовъ, болѣе Изяслава, казавшагося похитителемъ въ глазахъ многихъ; наконецъ, Князь Галицкій, ждавшій добычь, какъ вранъ трупа, смѣлый, могущій: вотъ люди, которыхъ надобно было побѣдить Изяславу.

Изяславъ поступилъ, какъ политикъ опытный, и воинъ мужественный. Онъ зналъ, что Олеговы потомки состоятъ изъ четырехъ раздѣльныхъ партій: двухъ сыновъ Давида (Изяслава и Владиміра); сына Всеволодова, Святослава Владимірскаго; Святослава Олеговича, и Князей Рязанскихъ; зналъ, что Давидовичи, жадные власти, не рѣшатся приступить къ сомнительной борьбѣ за дядей, когда одинъ изъ нихъ, безпомощный бѣжалъ съ поля битвы, другой — былъ уже въ тюрьмѣ. Умѣвъ обольстить ихъ, когда Игорь и Святославъ владѣли еще Кіевомъ, тѣмъ легче уговорилъ онъ ихъ къ дружбѣ и общему возстанію на своихъ родичей. Онъ рѣшился прежде всего преслѣдовать Святослава Олеговича, хотѣлъ отнять у него всѣ надежды, и посему пред-

ложилъ Игорю — вѣчную тюрьму или схиму. Больной и слабый Игорь отвѣтствовалъ: «Давно, еще бывши въ счастіи, хотѣлъ я Богу посвятить душу мою: теперь ничего другаго болѣе не желаю.» Перенесенный почти за-мертво въ келью изъ тюрьмы, онъ былъ постриженъ, принялъ схиму, и—ожилъ (434). Святославъ уговаривалъ племянниковъ возстать на Изяслава, когда послы ихъ и Изяславовы извѣстили его объ участи Игоря, потребовали придачи Новгорода Сѣверскаго къ Чернигову, и клятвы, что онъ откажется отъ Игоря. Святославъ заплакалъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ—«не откажусь отъ брата; возьмите у меня все, но его отдайте мнѣ» — скрылся изъ Чернигова, и упрекалъ племянниковъ въ нарушеніи обѣщаній (435). Его обрекли мщенію. Святославъ, сынъ Всеволода, жилъ въ то время въ Кіевѣ у Изяслава, какъ другъ. Изяславъ не отпускалъ его отъ себя, но и не отнималъ у него Владиміра. Увидѣли неожиданное событіе. Вячеславъ, дотолѣ спокойный, уступчивый, раздумалъ наконецъ, что Изяславъ нарушилъ права его, завладѣвъ Кіевомъ. Изъ Туровскаго своего удѣла онъ началъ распоряжаться, какъ Великій Князь, раздавалъ удѣлы другимъ и требовалъ себѣ Кіева. Никто

---

(434) Игорь требовалъ постриженія, узнавъ, что Изяславъ идетъ на Святослава (см. *Кен. сп.* стр. 201).

(435) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. II, пр. 294).

не слушалъ его. Ростиславъ Смоленскій, по приказанію Изяславову, выгналъ его изъ самаго Турова. Ярославъ Изяславичъ получилъ сей удѣлъ; Вячеславу велѣли выбирать Дорогобужъ или Пересопницу. Посадниковъ его изгнали отвсюду, и Ростиславъ принудилъ Владиміра, сына Андреева, присланнаго Вячеславомъ княжить во Владимірѣ, оставить сей городъ. Съ нимъ былъ сынъ Всеволода, какъ законный Владимірскій владѣтель. Вячеславъ усмирился и не смѣлъ противиться (436).

Между тѣмъ Изяславъ думалъ о Владимиркѣ, Святославѣ Олеговичѣ и Георгіи. Онъ укрѣпилъ союзъ съ Венграми, и занявъ ими Владимирка, хотѣлъ между тѣмъ рѣшительно истребить Святослава и предупредить Георгія, всегда нерѣшительнаго, когда надобно было приступить къ дѣлу. Быстрота была всего важнѣе въ такихъ обстоятельствахъ. Новгородцы выступили въ походъ къ Суздалю, но распутица остановила ихъ; они возвратились съ дороги. Тѣмъ дѣятельнѣе дѣйствовали на югѣ Русскихъ областей. Князь Рязанскій вступилъ въ самыя Суздальскія области, жегъ и грабилъ ихъ предварительно.

Участь Святослава, великодушно всѣмъ жертвовавшаго за брата, возбуждала однакожъ уча-

(436) *Кен. ср.* стр. 200.

стіе многихъ. Такъ Берладникъ убѣжалъ къ нему изъ Кіева; сынъ Князя Рязанскаго прибылъ также къ Святославу, вопреки волѣ отца своего; явился и сынъ Георгія, Іоаннъ: онъ, и юный Князь Рязанскій были вѣрными товарищами бѣдствій Святославовыхъ, и сражались рядомъ съ нимъ. Благодарный Святославъ отдалъ Курскъ Іоанну, и имѣлъ несчастіе пережить добраго юношу; какъ отецъ сидѣлъ онъ подлѣ смертнаго одра его и горестно оплакивалъ смерть его, будто смерть роднаго сына. Князья Черниговскіе не уважали несчастій Святослава. Они вступили въ Сѣверскую область, осадили Новгородъ-Сѣверскій, сожгли и разграбили село, принадлежавшее Игорю. « Довольны-ли вы, безчеловѣчные родственники? » говорилъ имъ духовникъ Святослава, отъ него присланный. « Вы разорили область мою, сожгли хлѣбъ, взяли имѣніе и стада, или хотите еще смерти моей? » — Пусть отступится отъ Игоря, отвѣчали Князья Черниговскіе.— « Пока душа въ тѣлѣ, не отступлюсь отъ единокровнаго! » отвѣчалъ Святославъ, и безпрестанно посылалъ къ Георгію, молилъ спѣшить, взять Кіевъ, властвовать въ немъ, и только спасти несчастнаго брата его. « Богъ помогаетъ защитнику утѣсненныхъ! » прибавлялъ Святославъ (437). Георгій

---

(437) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. II, стр. 212).

медлилъ, наконецъ выступилъ, и опять воротился, услышавъ, что Рязанскій Князь зоритъ Суздальскую область. Безсильный Святославъ беззаступно смотрѣлъ, какъ Изяславъ и Черниговскіе Князья осадили, взяли и разграбили Путивль, снова шли къ Новгороду-Сѣверскому и искали его смерти. Онъ укрылся въ Карачевскую область; за нимъ гнались, даже положили цѣну за его голову. Въ отчаяніи бросился онъ наконецъ на Изяслава Черниговскаго, преграждавшаго ему путь, съ малою дружиною разбилъ его войско, и скрылся въ Вятичской области, оставленный всѣми, кромѣ Рязанскаго Княжича и немногихъ вѣрныхъ бояръ (438). Берладникъ уѣхалъ отъ него въ Смоленскъ, взявъ сколько могъ золота за службу. Между тѣмъ Святославъ опустошалъ Смоленскую область. Сынъ Георгія, Андрей, столь славный въ послѣдствіи, быстро изгналъ Рязанскаго Князя изъ Суздальской области, преслѣдовалъ его, и даже овладѣлъ Рязанью. Самъ Георгій нападъ на области Новгородскія и звалъ къ себѣ Святослава. Князья съѣхались въ *Москвѣ*: здѣсь въ

---

(438) Между ими былъ девяносто-лѣтній бояринъ Петръ, вѣрный слуга еще Святослава Ярославича, можетъ быть спутникъ Олега въ Тмуторокань; отъ старости онъ не могъ уже ѣздить верхомъ, но слѣдовалъ за внукомъ Святослава, и скончался на берегахъ Оки (*Кіевск. Лѣт.*—Кар. т. II, пр. 300).

первый разъ упоминается имя Москвы (439). Георгій утѣшалъ горестнаго Святослава, угощалъ, одарилъ его и сопутниковъ, обѣщалъ помощь. Они разстались. Георгій возвратился въ Суздаль — думать и медлить, по своему обыкновенію. Святославъ спѣшилъ дѣйствовать, ободренный участіемъ Суздальскаго Князя, и небольшими своими успѣхами. Къ нему пришли Половцы и *Бродники*, вѣроятно, толпы бродягъ, составленные изъ Половцевъ и Русскихъ, не имѣвшіе никакого постояннаго жилища и занятія (440). Съ ними началъ воевать Святославъ

---

(439) *Кіевская Лѣт*. (Ист. Г. Р. т. II, пр. 301). Видимъ, что *Москва* называлась еще: *Кучково*. Что это значитъ? Въ новѣйшія времена, когда Москва была уже знаменита, изъ сего слога выдумали цѣлый романъ о бояринѣ Кучкѣ и женѣ его, будто-бы любовницѣ Георгія Долгорукаго. Сказки, не стоящія никакого вниманія! (См. ихъ, *Ист. Г. Р.* т. II, пр. 301). *Кучковичи* были любимцы сына Георгіева Андрея; изъ этого составлена другая сказка, что дочь боярина Кучки была за Андреемъ. Кажется, что Татищевъ, ссылаясь въ утвержденіе сей басни на выдуманную имъ *раскольническую* Лѣтопись, не можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ. (См. его Ист. т. II, пр 418). Достовѣрно одно, что въ 1147 г. Москва *уже существовала*.

(440) Справедливое замѣчаніе Гна Арцыбышева, что *бродникъ* равносильно *казаку*, см. Вѣстникъ Европы 1824 г. XV, 173.

Черниговскую и Рязанскую области, и былъ изумленъ внезапнымъ доброхотствомъ Князей Черниговскихъ: они прислали къ нему *просить мира.*

Кажется, что поступокъ ихъ былъ слѣдствіемъ неосторожной поспѣшности Изяслава. Когда Черниговскіе Князья, опустошивъ вмѣстѣ съ нимъ области Святославовы, ждали наградъ, Великій Князь далъ имъ только сіи области, изъ нихъ удержалъ еще себѣ Курскъ, бывшій нѣкогда первобытнымъ его удѣломъ, и отдалъ его своему сыну, Мстиславу. — Въ тоже время обмѣнялъ онъ удѣлъ Всеволодова сына на пять городовъ: Бужскъ, Межибожъ, Котельницу и два другіе (441), и объявилъ другаго сына своего, Ярослава, Княземъ Владимірскимъ. Такіе поступки ясно показали Черниговскимъ Князьямъ, къ чему поведетъ ихъ дружба Великаго Князя. Они — спѣшили мириться со Святополкомъ Олеговичемъ, хотя въ тоже время звали къ себѣ на помощь Великаго Князя, и жаловались ему, что Святославъ воюетъ въ ихъ областяхъ. Изяславъ занимался тогда въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ. Митрополитъ Кіевскій не хотѣлъ быть свидѣтелемъ раздоровъ Княжескихъ, оставилъ Кіевъ и удалился въ Царьградъ. Изяславъ хо-

---

(441) *Межибожъ*, нынѣ мѣстечко, Подольской губерніи. Летичевскаго повѣта; *Котельница*, въ Кіевской губерніи, западнѣе Василькова.

тѣлъ показать рѣшительность въ дѣлѣ важномъ: не посылая въ Царьградъ, созвалъ Русскихъ Епископовъ и предложилъ имъ самимъ поставить Митрополита. Мы уже говорили о семъ дѣлѣ, сопротивленіи Нифонта, Новгородскаго Епископа, заключеніи его въ монастырь и бѣгствѣ (442). Уѣхавъ въ Новгородъ, Нифонтъ ѣздилъ оттуда къ Георгію Суздальскому, гдѣ освятилъ нѣсколько церквей, выпросилъ свободу всѣмъ плѣннымъ Торжковцамъ и гостямъ Новгородскимъ. Георгій не согласился только на миръ съ Новгородомъ, но чтилъ Нифонта, какъ духовнаго пастыря, знаменитаго благочестіемъ и не согласившагося на расколъ другихъ: лаская сего сильнаго сановника Церкви, онъ возбуждалъ ненависть къ Изяславу (443).

Изяславъ послалъ наконецъ къ Черниговскимъ Князьямъ сына Всеволодова, обсчитаннаго въ удѣлѣ, но все еще дружески жившаго въ Кіевѣ. Тогда только показалъ сей Князь, что Владиміръ отняли у него не даромъ, согласился съ Давидовичами, и, вмѣстѣ съ ними и Святославомъ Олеговичемъ, ждалъ Изяслава, какъ врагъ. — Давъ

---

(442) См. выше, стр. 103 и слѣд.

(443) По другимъ извѣстіямъ, Нифонтъ былъ въ заточеніи, въ Печерскомъ монастырѣ, до прихода Георгія въ Кіевъ въ 1149 году, а ѣздилъ въ Суздаль прежде избранія Климента (см. *Новгородск. Лѣт.* 27.

знать Ростиславу Смоленскому, усердному послушнику своему, что бы онъ выступалъ на Георгія, Великій Князь самъ пошелъ соединиться съ войсками Черниговскихъ Князей; на пути извѣстили его о рѣшительной ихъ измѣнѣ, то есть о дружескомъ сношеніи съ Святославомъ Олеговичемъ, жертвою обреченною на гибель: дружба съ нимъ казалась преступленіемъ Изяславу, непримиримо ненавидѣвшему сына Олегова, какъ дѣдъ его Мономахъ ненавидѣлъ Святославова отца. Пославъ укорить Черниговскихъ Князей въ клятвопреступничествѣ, онъ велѣлъ идти Ростиславу Смоленскому не въ Суздаль, но къ Чернигову, и поспѣшно призывалъ Кіевлянъ и Новгородцевъ. « Изяславъ требуетъ дружбы нашей, » отвѣчали Черниговскіе Князья, « когда Игорь страдаетъ. Что если-бы страдалъ братъ его Ростиславъ? Пусть будетъ Игорь свободенъ, и мы помиримся. » Такъ заговорили измѣнники братьевъ, когда ихъ обдѣлили въ добычѣ; Изяславъ громко возопіялъ о вѣроломствѣ, и — *вѣроятно*, велѣлъ избавить себя отъ несчастнаго Князя, который и въ монастырѣ все еще тревожилъ его, возбуждая участіе другихъ, по крайней мѣрѣ служа предлогомъ для выгодъ постороннихъ.

Это можемъ мы думать, но не утверждать, ибо лѣтописатели наши оправдываютъ Изяслава, и слагаютъ всю вину на народъ Кіевскій.

Вотъ какъ описываютъ они смерть несчастнаго Игоря (444).

Въ Кіевѣ оставался братъ Великаго Князя, Владиміръ, юноша, будущій бездушникъ: онъ получилъ приказаніе собрать народъ, объявить ему объ *измѣнѣ* Черниговскихъ Князей, и требовать всеобщаго возстанія Кіевлянъ. Толпы народа сбѣжались къ Софійскому храму; тамъ выступили присланные отъ Изяслава, и объявили, что Давидовичи *хотѣли убить его*, сговорясь съ Святославомъ. Это сказалъ Изяславу Улебъ, нѣкогда облагодѣтельствованный Всеволодомъ, потомъ измѣнившій братьямъ его близъ Кіева, и посыланный въ Черниговъ для развѣдыванія о дѣлахъ. «Но Богъ и крестъ честный заступили Князя нашего,» продолжали послы, «а теперь идите всѣ къ Князю: иди кто можетъ, на конѣ, въ ладьѣ: не его одного убить, но и васъ искоренить хотѣли Олеговичи.» Неистовый крикъ раздался въ народѣ: «Князь зоветъ насъ, а здѣсь врагъ Князя и нашъ врагъ; убьемъ его!» Испуганный Владиміръ хотѣлъ удержать бѣшеную толпу. «Вамъ этого не приказывалъ Князь!» говорилъ онъ. «Знаемъ, знаемъ, и сами хотимъ убить Игоря: съ нимъ не кончать добромъ, ни

---

(444) *Кенигсб. спис.* стр. 202; *Кіевск. Лѣт.* (Ист. г. р. т. II, пр. 308).

вамъ, ни намъ!» Такъ кричалъ народъ, и, не слушая словъ Митрополита, увѣщаній Владиміра и тысячскаго, съ воплемъ бѣжалъ къ монастырю Св. Θеодора, гдѣ служили тогда обѣдню, и прежній Князь, бѣдная игрушка счастія, смиренный схимникъ, стоялъ предъ иконою Богоматери и молился (445). Владиміръ поскакалъ на конѣ къ монастырю, но не могъ проѣхать прямо по мосту, гдѣ стѣснилось множество бѣжавшихъ; поскакавъ въ объѣздъ, онъ встрѣтилъ Игоря уже въ монастырскихъ воротахъ. «О братъ! куда?» вскричалъ Игорь, взглянувъ на Князя. Убійцы нашли Игоря во храмѣ, и, забывъ святость мѣста, вытащили оттуда съ воплемъ и крикомъ. «Вы цѣловали мнѣ крестъ, какъ вашему Князю, и измѣнили мнѣ» — говорилъ имъ Игорь, «но я все забылъ, когда сдѣлался монахомъ; неужели вы забыли клятву свою?» — Крикъ: «Убейте, убейте его!» былъ однимъ и общимъ отвѣтомъ. Страшась обагрить кровію монастырь и платье схимника, сорвали съ Игоря мантію и рясу.

---

(445) Сія икона находится нынѣ въ Кіевопечерской Лаврѣ, въ придѣлѣ Архидіакона Стефана, надъ жертвенникомъ. Въ надписи, на ней находящейся, означено, что Игорь молился предъ симъ святымъ образомъ, когда убійцы схватили его. Впрочемъ, надпись, вѣроятно, сдѣлана въ позднѣйшее время, можетъ быть, въ XV или XVI вѣкѣ (см. П. И. Кеппена, Сп. Русск. пам. стр. 39).

«Нагъ пришелъ я въ міръ и нагъ изыду изъ него,» говорилъ Игорь. Его били, терзали, когда Владиміръ исторгъ его, полунагаго, изъ толпы, закрылъ своею одеждою, былъ ударенъ самъ, но при помощи Боярина Михаля довелъ Игоря до дома матери своей, втолкнулъ въ дверь, и думалъ, что уваженіе къ Княгинѣ знаменитаго Мстислава и матери Великаго Князя удержитъ народъ. Но все было тщетно! Михаль, защищая ворота, едва не былъ самъ убитъ; съ него сорвали даже крестъ и золотую цѣпь боярскую, ворота выломали, и Игорь былъ умерщвленъ; за ноги волокли трупъ его и бросили на Подолѣ. Смерть несчастнаго Князя мгновенно утишила мятежъ. «Онъ святой, онъ былъ обреченъ служенію Бога!» восклицали Кіевляне; со слезами провожали тѣло Игоря, мочили платки въ крови его, какъ крови мученика, отрывали лоскутья отъ его покрова, говорили, что громъ гремѣлъ во время его погребенія и свѣча зажглась сама собою надъ тѣломъ его (446).

Послѣ столь подробнаго разсказа, вѣрить-ли искренности печали, съ какою Изяславъ узналъ о смерти Игоря? Онъ прослезился и сказалъ:

---

(446) Игорь причтенъ къ лику святыхъ; но когда сказали Митрополиту о чудесахъ, надъ его тѣломъ совершающихся, онъ «запрети да ни кому-же не повѣдать» (*Кіевск. Лѣт.* Ист. Г. Р. т. II, пр. 308).

«Если-бы я предвидѣлъ, то далѣе услалъ-бы его. Теперь не уйдти мнѣ отъ порицанія людскаго; скажутъ: *Изяславъ велѣлъ убить!* Но клянусь Богомъ, что я не приказывалъ и не подущалъ. Что случилось, такъ тому и быть!» прибавилъ Изяславъ. «Всѣ мы *тамъ* будемъ, и уже Богъ насъ разсудитъ!» Онъ отправился въ Кіевъ, и не думалъ искать виновниковъ убійства.

Георгій не являлся, но прислалъ въ южную Русь Глѣба, сына своего. Смерть брата воспаляла гнѣвъ Святослава; защитники у него были плохіе. Курскъ отдался Глѣбу; Черниговскіе Князья не препятствовали Великому Князю ходить по ихъ землѣ, жечь, грабить города. Глѣбъ сносился съ Великимъ Княземъ, и взялъ себѣ отъ него въ удѣлъ Городокъ Остерскій. Къ Изяславу явился и другой сынъ Георгія: Ростиславъ, бывшій Князь Новгородскій. Глѣбъ, по крайней мѣрѣ, притворялся, и думалъ овладѣть нечаянно Переяславлемъ, дружась по видимому съ Изяславомъ; но Ростиславъ прямо пріѣхалъ къ Изяславу и просилъ себѣ удѣла. Онъ получилъ города, прежде сего отданные Всеволодову сыну, и Городокъ Остерскій, откуда Глѣбъ спѣшилъ уѣхать. Наконецъ, Черниговскіе Князья осмѣлились выступить на Изяслава, хотѣли сражаться и искали мира, тщетно посылавъ еще разъ въ Суздаль. Ростиславъ Смоленскій сдѣлался посредникомъ,

и Черниговскіе Князья, сказавъ: « Миръ стоитъ до рати, а рать до мира— « въ соборномъ Черниговскомъ храмѣ поклялись посламъ Изяслава, Бѣлогородскому Епископу и Печерскому Игумену, забыть всѣ вражды. Тогда-же примирился Святославъ, сынъ Всеволода, и—Святославъ Олеговичъ...

Такъ кончилась вражда Олегова потомства противъ Изяслава. Умѣвъ ослабить ихъ раздорами, потомъ устрашить могуществомъ, отвлекши союзниковъ, раздѣливъ силы враговъ, употребивъ силу, *можетъ быть* и злодѣйство, по крайней мѣрѣ всѣ ухищренія ума ловкаго, Изяславъ торжествовалъ повсюду. Георгій медленностью своею предалъ въ жертву ему Олеговичей, и самъ былъ причиною примиренія съ нимъ Черниговскихъ Князей. Владимірко не являлся изъ Галича. Родственники Великаго Князя, Ростиславъ Смоленскій, Вячеславъ, и Князь Новгородскій, были дружны съ нимъ, не смотря на то, что Вячеславъ былъ изгнанъ изъ Турова, и все еще не могъ забыть своего старшинства, а Святославъ Новгородскій вскорѣ испыталъ хитрую политику своего брата: она такъ сильно дѣйствовала на Новгородъ, что Новгородцы выслали Святослава изъ Новгорода, *злобы его ради*. Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, обмѣнялъ съ дядею свой удѣлъ, Владиміръ, на Новгородъ.

Успѣхи были значительны. Изяславъ зналъ, что все это не утверждаетъ еще его безопасно-

сти. Онъ пригласилъ Черниговскихъ Князей на съѣздъ, дружески пировалъ съ ними, положилъ идти на Суздаль, и оставилъ ихъ готовить войска. Въ Смоленскѣ то же условіе сдѣлано было съ Ростиславомъ. Отсюда Изяславъ отправился въ Новгородъ. Уже давно Новгородцы не встрѣчали у себя Великихъ Князей, и, не смотря на вражду Изяслава съ любимымъ ихъ Епископомъ, приняли Изяслава съ радостью, выѣхали къ нему на встрѣчу за городъ, съ восторгомъ шли къ нему на обѣдъ, который былъ *общенародный* на Городищѣ; бирючи ходили по городу и приглашали всѣхъ Новгородцевъ за трапезу Княжескую. Умѣвъ льстить гордости Новгорода, Изяславъ умѣлъ и говорить съ нимъ. На другой день зазвонили въ вѣчевой колоколъ, собрались граждане, и Изяславъ показался на вѣчѣ, какъ мститель Новгородской чести. « Дѣти мои ! « говорилъ Изяславъ: « вы сказывали мнѣ, что Князь Суздальскій обижаетъ васъ; нарочно оставилъ я *Русскую землю* и прибылъ къ вамъ: хочу защищать васъ. Чего желаете: *мира* или *войны* съ Георгіемъ? Поступлю по желанію вашему! » Новгородцы были восхищены: « Ты нашъ Князь, нашъ Владиміръ, нашъ Мстиславъ! » кричали они, и положили общее возстаніе на Суздаль; всѣ возрастные люди должны были собраться въ походъ.« Пусть и духовные идутъ,» говорили Новгородцы. « Если кто назначенъ въ дьячки, и гуменце ему уже простриже но, но еще

онъ не поставленъ — пусть идетъ!» (447) Дружины Псковскія и Новгородскія выступили и соединились съ Смоленскими, на берегахъ Медвѣдицы. Къ изумленію Изяслава, Георгій не выходилъ на встрѣчу, и спокойно смотрѣлъ на пожары селъ и городовъ Суздальскихъ. Георгій зналъ, что болотистыя, лѣсныя, дикія мѣста и разлитіе рѣкъ остановятъ Изяслава; тѣмъ временемъ хотѣлъ онъ убѣдиться въ пособіи Олеговичей, Владимірка Галицкаго, и поразить вѣрнѣе Изяслава въ Переяславлѣ и самомъ Кіевѣ. Измѣна дѣйствовала скрытно. Черниговскіе Князья выступили съ воинствомъ на Георгія, и остановились. Георгій подошелъ къ Курску. Разлитіе рѣкъ въ самомъ дѣлѣ остановило Новгородцевъ. Изяславъ понялъ хитрость дяди, провесновалъ въ Смоленскѣ, спѣшилъ въ Кіевъ, и гнѣвъ его обратился на невиннаго, какъ говорятъ лѣтописцы. Ростиславъ, сынъ Георгія, былъ схваченъ, имѣніе его обобрано, бояре закованы въ цѣпи. Великій Князь обвинялъ его въ измѣнѣ, велѣлъ посадить, съ тремя только человѣками, въ ладью, и отослалъ къ отцу. Напрасно клялся въ невинности своей Ростиславъ, и говорилъ, что «ни въ умѣ, ни на сердцѣ не мыслилъ онъ никакого зла. Если наказалъ на меня Князь какой, дай мнѣ съ нимъ ви-

---

(447) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. II, пр. 315, 316).

дѣться; если простолюдинъ — суди меня, какъ старшій!» — «Ты хочешь *завражить* меня съ Князьями и людьми!» отвѣчалъ горделиво Изяславъ, и не внималъ ничему. Оскорбленный Ростиславъ ударилъ челомъ отцу своему, просилъ прощенія, легко получилъ его, въ самомъ дѣлѣ завраждовалъ на Изяслава, и увѣдомилъ отца, что много доброхотовъ найдетъ онъ повсюду (118). Дѣйствительно, Кіевляне не хотѣли сражаться, и совѣтовали Изяславу просить мира. Онъ послалъ убѣдиться въ дружбѣ Черниговскихъ Князей. «Мы съ тобою,» отвѣчали они, и отправили общихъ пословъ къ Святославу Олеговичу. Смерть Игоря еще была свѣжею раною въ груди сего нѣжнаго брата. Помирясь неволею, онъ не шелъ съ Изяславомъ на Георгія, ждалъ случая, и теперь, удержавъ Кіевскихъ и Черниговскихъ пословъ на цѣлую недѣлю, поспѣшно послалъ спросить Георгія: въ правду ли онъ идетъ на Изяслава? «Неужели шучу,» отвѣтствовалъ Георгій. «Изяславъ повоевалъ мою область и сына моего выслалъ. Либо срамъ мой сложу съ головы, или голову положу.» Тогда Святославъ не внималъ ничему, кромѣ мщенія. «Помогайте Георгію!» говорилъ онъ Черниговскимъ Князьямъ. — А Георгій помогалъ-ли намъ, когда Изяславъ жегъ наши области?

---

(118) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. *II*, пр. 317)

отвѣчали Князья. Усиленный Святославовыми и Половецкими дружинами, Георгій близился къ Днѣпру, тихо, медленно, предлагалъ миръ, оставлялъ Изяслава въ Кіевѣ, просилъ только Переяславля одному изъ сыновей своихъ. Изяславъ сбиралъ дружины Смоленскія, Кіевскія, Владимірскія; каждый изъ Князей ждалъ, переговаривалъ, условливался.

Любопытно изъ взаимныхъ отзывовъ Князей видѣть тогдашнюю политику, тогдашнія мнѣнія о чести и справедливости. Святославъ Олеговичъ не отпирался, что давъ клятву забыть смерть Игоря, онъ не имѣетъ уже права мстить за него. « Но, пусть-же Изяславъ отдаетъ мнѣ имѣніе моего брата Игоря, » говорилъ онъ. — Черниговскіе Князья твердили одно: « *Не можемъ играть душею* и нарушить клятвы Изяславу: Георгій не помогалъ намъ прежде.» — Я отдалъ-бы Георгію какую угодно область — говорилъ Изяславъ Кіевлянамъ — если-бы онъ пришелъ съ сыновьями: но съ нимъ Олеговичи, съ нимъ даже поганые Половцы — хочу биться! — « Неужели мнѣ вовсе нѣтъ наслѣдія никакого въ землѣ отцовъ и дѣдовъ?» говорилъ Георгій (449).

---

(449) *Кіевск. лѣт.* (Ист. Г. Р. т. II, пр. 318)

Такъ сходились и переговаривали между собою жестокіе другъ противъ друга враги: все оставалось безъ успѣха; надобно было рѣшать оружіемъ; Изяславъ надѣялся одолѣть. Войско его стало противъ Георгіева войска, когда онъ, отслушавъ обѣдню въ Переяславлѣ, просилъ благословенія у Епископа Евфимія. Старецъ заплакалъ: «Князь! помирись съ дядею своимъ! Много спасенія пріимешь отъ Бога, и землю свою избавишь отъ великаго бѣдствія,» говорилъ ему Епископъ. — Нѣтъ! — отвѣчалъ Изяславъ — не помирюсь: Кіевъ и Переяславль добылъ я своею головою! — и поскакалъ въ таборъ (450). Съ захожденіемъ солнца началась битва; Переяславскія дружины неожиданно измѣнили и предались Георгію; Черниговцы сражались храбро, но не выдержали, и Изяславъ, съ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ, и только съ однимъ воиномъ, прибѣжалъ въ Кіевъ, разбитый совершенно. Кіевляне собрались; печально отвѣчали ему, что не могутъ сражаться, но не препятствовали ѣхать изъ Кіева, съ женою, дѣтьми, и съ Митрополитомъ, который не смѣлъ оставаться въ Кіевѣ: онъ и Изяславъ удалились въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ. Три дня молился и пировалъ Георгій въ Переяславлѣ, и вошелъ въ Кіевъ тор-

---

(450) Кен сп. стр. 209.

жественно, при громкихъ изъявленіяхъ радости Кіевлянъ и союзниковъ. Святославъ Олеговичъ видѣлъ наконецъ своего врага униженнымъ, бѣгствующимъ! Всеобщій страхъ былъ слѣдствіемъ мгновеннаго паденія Изяслава: ему не возстать — думалъ всякій, и спѣшилъ къ Георгію, который объявилъ себя Великимъ Княземъ, мирился и дружился со всѣми, забывалъ все прежнее, и ничего себѣ не требовалъ. Онъ помирился съ Князьями Черниговскими, утвердилъ за Святославомъ Олеговичемъ Курскъ, Посемье, Сновскую область и землю Дряговичей; отдалъ въ удѣлъ сыну своему Васильку Суздальскую область, и окружилъ Кіевъ удѣлами другихъ сыновей своихъ, посадивъ: Ростислава въ *Переславлѣ*, Андрея въ *Вышгородѣ*, Бориса въ *Бѣлгородѣ*, Глѣба въ *Каневѣ*. Вячеславъ не объявлялъ уже своихъ требованій на Великое Княжество. Онъ и Ростиславъ Смоленскій помирились съ Георгіемъ. — Тщетно просивъ ихъ помощи, видя что и Владимірко упорно отвергаетъ всѣ просьбы и обольщенія, Изяславъ укрѣпился съ братомъ своимъ Владиміромъ въ Луцкѣ, и звалъ Венгровъ и Поляковъ. Но они хотѣли быть посредниками мира, а не защитниками правъ Изяслава. « Согласенъ — » отвѣчалъ Изяславъ — « уступаю Кіевъ; но если такъ, то не доставайся-же онъ ни мнѣ, ни Георгію: пусть Вячеславъ будетъ Великимъ Княземъ, пусть мнѣ отдадутъ Вла-

дпміръ и Новгородъ, а во все другое я не вступаюсь.» Требованіе было нелѣпо, но —какъ вѣрно ударилъ Изяславъ, хорошо вѣдая, съ кѣмъ имѣетъ дѣло! Старикъ Вячеславъ обрадовался, что напомнили о забытыхъ его правахъ; Георгій испугался ухищреній, и думая перехитрить Изяслава, соглашался на все, пока войска Венгерскія были въ Руси. Едва отступили они, какъ Изяславъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ требованій. Луцкъ осадили Георгій и Вячеславъ. Владиміръ защищался мужественно, но всѣхъ изумилъ тогда храбростію своею Андрей Георгіевичъ. Сей Князь, прекрасный собою, одаренный свѣтлымъ умомъ, былъ одаренъ и храбростію необыкновенною. При осадѣ Луцка, онъ, съ двумя отроками своими, попалъ въ самую тѣсноту враговъ; копье его изломалось; тремя копьями враги поразили коня его; одинъ Нѣмецъ устремился на него съ рогатиною, когда въ то же время съ градскихъ стѣнъ летѣли каменья, будто дождь; но Андрей убилъ Нѣмца мечемъ, вѣрный конь вынесъ его изъ битвы, одинъ отрокъ его палъ мертвый, другой спасся съ Княземъ. Георгій, Вячеславъ и бояре обнимали, хвалили Андрея, ибо *мужески сотворилъ онъ, паче всѣхъ бывшихъ тутъ*, а воины полагали, что Св. Ѳеодоръ спасъ юношу, ибо его призывалъ онъ въ битвѣ. Конь былъ схороненъ по приказанію Андрея на берегу Стыря (451).

---

(451) «Жалуя комоньство его, повелѣ погрести его надъ Стыромъ ту» (Кен. сп. стр. 212). Карамзинъ

Осажденные изнемогали, и Изяславъ рѣшился уступить. Онъ просилъ Владимірка быть посредникомъ, говоря: «Введи меня въ любовь къ Георгію: признаю себя виноватымъ предъ нимъ и предъ Богомъ.» Владимірко не отказался. «Племянникъ не правится, но покоряется,» велѣлъ онъ сказать Георгію. Напрасно Ростиславъ Георгіевичъ, помнившій обиду Изяслава, совѣтовалъ не мириться; Андрей, любимый отцомъ, и добрый столько-же сколько храбрый, молилъ отца о мирѣ. Несогласіе и споры кончились тѣмъ, что Георгій согласился признать Вячеслава Кіевскимъ Княземъ, съ титуломъ *Великаго Князя*. Всѣ занятыя Георгіемъ области остались за нимъ; Глѣбъ получилъ бывшій удѣлъ Вячеслава; Изяславу отдали Владиміръ и Новгородскую дань (452).

Такой миръ не удовлетворялъ ни чему, и не исполнялъ ни чьихъ желаній. Георгію надобно было — или рѣшительно овладѣть Кіевомъ, и добытое удачною побѣдою укрѣпить твердостію воли: онъ имѣлъ дѣло съ врагомъ неутомимымъ, готовымъ на хитрость, умѣвшимъ пользоваться и своею удачею и оплошностью другаго; или — оставивъ тѣнь власти Вячеславу, почитать въ лицѣ его достоинство Великаго Князя, умѣ-

---

говоритъ, что Андрей «соорудилъ ему памятникъ» (т. II стр. 237). Этого не сказываетъ лѣтописецъ.

(452) О Новгородской дани, см. выше.

рить честолюбивые порывы до смерти сего старика, и потомъ укрѣпить Великое Княжество въ своемъ потомствѣ, какъ поступилъ отецъ его при Святополкѣ. Георгій не умѣлъ укрощать своихъ страстей; всегда нерѣшительный, робкій въ бѣдѣ, безпечный при счастіи, онъ допустилъ Вячеслава въ Кіевъ, призналъ его Великимъ Княземъ, и немедленно предложилъ—помѣняться Кіевомъ на Вышгородъ. Вячеславъ такъ привыкъ имѣть права на Великое Княжество и уступать ихъ, что согласился безъ спора. Князья размѣнялись, забывъ, что тронъ Великокняжескій дѣлаютъ они игрушкою. Едва Георгій извѣстилъ другихъ, что Вячеславъ добровольно помѣнялся съ нимъ, едва объявилъ онъ себя Великимъ Княземъ, какъ Изяславъ возсталъ, вопія о несдержаніи условій, и утверждая, что ему не отдали по договору всего, что было у него взято. Немедленно занялъ онъ Луцкъ и Пересопницу. Тамъ Глѣбъ, нѣкогда знакомый ему по Переяславлю и Остеру, просилъ у него позволенія идти къ отцу, уступая все добровольно. Вячеславъ, услышавъ о движеніи Изяслава, отправился въ Кіевъ; Георгій не успѣлъ одуматься, когда Изяславъ стоялъ уже съ малою дружиною близъ Кіева, и—робкій Георгій бѣжалъ въ Городецъ.

Кіевлянъ ожидало новое, дотолѣ невиданное зрѣлище: пріѣхалъ Вячеславъ, явился и Изяславъ;

каждый называлъ себя *Великимъ Княземъ*. Недавно видѣвъ третьяго Великаго Князя, Кіевляне не знали чему вѣрить, но поспѣшили однакожъ къ Изяславу. Когда изъ Софійской церкви Изяславъ пріѣхалъ въ княжескій дворецъ, Вячеславъ сѣлъ въ сѣняхъ, и говорилъ ему: «Я Великій Князь: убей меня; живой не выйду!» Совѣтовали употребить насиліе, подрубить сѣни; Изяславъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго, пошелъ къ Вячеславу, и обнялъ его. «Смотри,» говорилъ онъ, указывая на толпы народа: «видишь смятеніе: дай ему утихнуть; я принужденъ уступать волѣ народа, но помню условія.» Вячеславъ согласился, и уѣхалъ снова въ Вышгородъ.

Что притворно говорилъ Изяславъ, то принужденъ онъ былъ сказать черезъ нѣсколько времени отъ чистаго сердца. Владимірко разгнѣвался на вѣроломство Изяслава, мгновенно собралъ дружины, и пошелъ къ Кіеву. Сынъ Изяславовъ, посланный къ Переяславлю, былъ отбитъ мужественнымъ Андреемъ. Изяславъ поскакалъ въ Вышгородъ, и звалъ Вячеслава на Великое Княжество. «А не самъ-ли ты прогналъ меня?» отвѣчалъ Вячеславъ. «Теперь отдаешь мнѣ Великое Княжество, когда сильные враги готовы прогнать тебя самого!» Но упрекнувъ Изяслава, старикъ радъ былъ помогать ему, спѣшилъ отдать ему свою дружину и ѣхать въ

Кіевъ. Изяславъ долго думалъ: куда кинуться ему съ небольшимъ войскомъ своимъ? «Владимірко ближе!» сказалъ онъ наконецъ, и устремился на Галицкаго Князя; но дружины Изяславовы оробѣли и совѣтовали Князю бѣжать, пока Владимірко не перешелъ рѣки Стучны. «Нѣтъ!» отвѣчалъ Изяславъ: «лучше умереть, нежели осрамить себя бѣгствомъ!» Тогда Кіевляне рѣшительно не послушали его и разбѣжались. Изяславъ нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава, спокойно думавшаго владѣть Великимъ Княжествомъ. Онъ и Изяславъ располагались обѣдать, когда услышали, что Кіевляне уже встрѣчаютъ Георгія, и перевозятъ его черезъ Днѣпръ. Изяславъ и Вячеславъ вмѣстѣ бѣжали въ Вышгородъ, а Владимірко и Георгій съѣхались въ Кіевѣ, обнялись какъ друзья, и клялись въ вѣрности дружбы близъ мощей Печерскихъ угодниковъ.

Владимірко казался спасителемъ Кіева и престола Георгіева, хотя Черниговскіе Князья, Переяславская и Суздальская дружина, и безъ того представляли Георгію еще довольно твердыя опоры; тѣмъ непростительнѣе были безпечность и бѣгство Георгія. Еще страннѣе, что и послѣ постыднаго опыта также мало думалъ онъ обезопасить Кіевъ, и вскорѣ потерялъ его еще разъ, раздражилъ всѣхъ союзниковъ, и не могъ уже поправить обстоятельствъ никакими усиліями храбрыхъ дѣтей своихъ.

Владимірко не хотѣлъ оставить Изяслава въ покоѣ. Андрей, получивъ въ удѣлъ отъ отца Туровъ, Пинскъ, Дорогобужъ и Пересопницу, раздѣлялъ мнѣніе Владимірка. Они погнались за Изяславомъ, преслѣдовали его повсюду, искали вездѣ, осадили Луцкъ, единственную ограду бѣглеца, и думали, что если и надобно мириться съ этимъ неистощимымъ на средства непріятелемъ, то не менѣе надобно быть всегда готовымъ и на войну. Георгій ничего не дѣлалъ: не соглашался дать удѣла Изяславу, и не бодрствовалъ въ Кіевѣ. Изяславъ и братъ его Владиміръ показали въ это время дѣятельность непостижимую. Владиміръ успѣлъ убѣдить Венгерскаго Короля воевать съ Владимірком. Венгры вторглись въ Галицкую область, взяли городъ Сапокъ. Владимірко съ досадою оставилъ преслѣдованіе Изяслава, пошелъ защищать Перемышль, и успѣлъ помириться съ Королемъ Венгерскимъ, спѣшившимъ сражаться въ Венгріи съ Греками (453). Тутъ Владимірко хотѣлъ опять соединиться съ Андреемъ: было уже поздно. Изяславъ, имѣя

---

(453) Борисъ, сынъ Евфиміи, былъ тогда при Дворѣ Греческомъ и возмущалъ Грековъ на Венгрію. Владимірко подкупилъ любимца Венгерскаго Короля, Архіепископа Кукниша (*Кіевск. Лѣт.* Ист. Г. Р. т. II, пр 332), когда съ другой стороны Греческое войско уже воевало въ Венгріи.

часть вспомогательныхъ войскъ Венгерскихъ, шелъ прямо къ Кіеву. Походъ былъ совершенно на удачу. За нимъ гнались Владимірко и Андрей; впереди его былъ Кіевъ, который должно еще было завоевать, ибо тамъ находился Великій Князь. «Мы погибнемъ—» говорила Изяславу его дружина— «впереди и за нами непріятель.»—Теперь некогда бояться — отвечалъ Изяславъ. Надобно умереть или взять! Кто догонитъ, кто встрѣтитъ насъ, съ тѣмъ и будемъ сражаться. Да судитъ Богъ (454)! — Изяславъ старался только идти скорѣе: какъ хорошо понималъ онъ обстоятельства! Владимірко догналъ было Изяслава на берегахъ Уши; Изяславъ началъ перестрѣлку, ночью обманулъ непріятеля, скрылся отъ него, шелъ день и ночь, и такъ быстро, такъ неожиданно явился близъ Бѣлгорода, что Борисъ, сынъ Георгія, пировавшій въ то время съ попами и дружиною, едва могъ ускакать; за нимъ спѣшилъ Изяславъ, и поймалъ-бы его, если-бы Борисъ не велѣлъ разломать за собою моста. Оставивши Владиміра Мстиславича задержать нѣсколько времени Галицкое воинство, Изяславъ бросился на Кіевъ столь поспѣшно, что Георгій увидѣлъ сына своего и Изяславовы дружины почти въ одно время. Георгій ки-

---

(454) Ист. Г. Р. т. II, пр. 332.

нулся въ ладью, и уплылъ въ Остерскій Городокъ. Вскорѣ явился туда и мужественный Андрей. Владимірко съ негодованіемъ услышалъ о вторичномъ бѣгствѣ Георгія. «Я вамъ не товарищъ, « сказалъ онъ Андрею, « если такъ правите вы землею: дѣти, одинъ въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлгородѣ, и не увѣдомляютъ отца, а онъ примѣръ безпечности: княжитъ и не знаетъ, что дѣлается у него (455).»—Галицкія дружины отступили, тѣмъ скорѣе, что со стороны Венгріи грозила новая опасность. Владимірко хотѣлъ видѣть слѣдствія, и дожидаться что будетъ.

Силы Георгія все еще были велики. Не давая ему опомниться отъ неожиданнаго удара, Изяславъ прежде всего хотѣлъ показаться правымъ въ глазахъ другихъ. Онъ вызвалъ Вячеслава изъ Вышгорода, сказалъ, что для него завоевалъ Кіевъ, и предалъ ему Великое Княжество. Старикъ гордился, плакалъ отъ радости, называлъ Изяслава сыномъ «У меня нѣтъ отца роднаго: ты будь мнѣ отцомъ. Прости, что два раза я лишалъ тебя наслѣдія, ослѣпленный властолюбіемъ. Прими власть и успокой мою совѣсть!» Таковы были рѣчи Изяслава.- Признаю тебя не только сыномъ, но и братомъ—отвѣчалъ Вячеславъ.

---

(455) Ист. Г. Р. т. II, стр. 245.

Раздѣляй со мною власть: я старъ и не могу самъ управиться.—Изяславъ не ошибся въ разсчетѣ. Тѣнь Вячеславова владычества заградила его отъ укоризны. Пируя побѣду, любуясь ристаніями Венгровъ, угощая Кіевлянъ, Изяславъ увидѣлъ Ростислава, брата своего, и Изяслава Черниговскаго въ Кіевѣ: они клялись ему быть друзьями. Щедро одаривъ Венгровъ, Изяславъ отправилъ сына своего въ Венгрію: благодарить Короля и просить снова его помощи. Между тѣмъ собрались къ Кіеву Смоленскія и Черниговскія дружины. Георгій казался уже преступникомъ: они шли защищать Вячеслава, *законно получившаго Кіевъ* (456).

Но Георгій имѣлъ еще друзей. Вѣчный врагъ Изяслава Святославъ Олеговичъ, Святославъ Всеволодовичъ, Владиміръ, братъ Черниговскаго Князя, Половцы, дружины Суздальскія и Переяславскія шли къ Кіеву. Изяславъ долго не допускалъ ихъ переправляться черезъ Днѣпръ, изумилъ устройствомъ ладей (457), и наконецъ

---

(456) О ристаніи Венгровъ: « Угри, на *фарѣхъ* и на скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ (*Кіевск. Лѣт.*). *Фарь* (Pharas) воинскій конь, и особенно Арабскій.

(457) « Исхитрилъ Изяславъ лодьи хитро и дивно: бѣша-бо у нихъ гребцы гребуче невидимо, токмо весла видѣти, а человѣкъ не видѣти, бяху-бо лодьи покрыты досками; бахуть-же борци стояху горѣ въ

принужденный уступить, окружилъ Кіевъ войскомъ. Вячеславъ началъ договариваться съ Георгіемъ о мирѣ, онъ упоминалъ о старшинствѣ своемъ, о законномъ правѣ на Кіевскій престолъ. Георгій видѣлъ, что напрасно будетъ изъяснять Вячеславу, почитавшему себя Великимъ Княземъ, его ошибку. Вячеславъ соглашался уступить Переяславль сыну Георгія, только бы самъ Георгій удалился въ Суздаль. «Готовъ,» отвѣчалъ Георгій, « но удали-же Мстиславичей изъ Кіева. » — Не могу—говорилъ Вячеславъ—они дѣти мои; всего ихъ у меня двое : Изяславъ и братъ его Ростиславъ; у тебя дѣтей семеро: разлучаю-ли я ихъ съ тобою ? «

Началась битва. Андрей снова изумилъ всѣхъ своимъ мужествомъ, разилъ враговъ, гнался за бѣгущими, и даже дикіе Половцы принуждены бы-

---

броняхъ, стрѣляюще, а кормника два бяше, единъ на кормѣ, а другій на носѣ, и камо-же хотяху, тамо идяху, не обращающе лодьями » (*Кен. спис.* стр. 217, 218). Георгій не могъ ничего сдѣлать, старавшись спуститься къ Витичеву, а потому изъ Днѣпра вплылъ въ Долобское (Водолобское) озеро, перетащилъ ладьи изъ сего озера въ рѣчку Золотчу, и по ней вошелъ въ Днѣпръ. Топографія Кіевская при семъ случаѣ описана подробно, и всѣ хитрости воинскія весьма любопытны; мы пропускаемъ подробности, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

ли удерживать его необузданное мужество (458). Но не всѣ сражались подобно Андрею. Предводитель Половцевъ палъ въ битвѣ: его дружины и Суздальцы уступили; Георгій не хотѣлъ ждать невѣрной побѣды. Онъ услышалъ, что Владимірко уже идетъ къ Кіеву, рѣшась снова помогать Георгію, отступилъ, и пошелъ на встрѣчу Владимірка. Остановясь у Бѣлгорода, Георгій требовалъ, что бы жители отворили городъ. « Отворилъ-ли ты Кіевъ? » отвѣчали Бѣлогородцы и не пустили его. Не теряя времени продолжалъ Георгій походъ. Изяславъ зналъ, что давъ время Георгію соединиться съ Галицкимъ Княземъ, онъ утратитъ побѣду, и потому спѣшилъ догонять отступавшихъ. Вячеславъ совѣтовалъ ему подождать. « Нѣкогда! » сказалъ Изяславъ, собралъ сколько могъ войска, и на Стугнѣ встрѣтился съ Георгіемъ. Дорогою получилъ онъ вѣсть отъ сына своего: Мстиславъ велъ многочисленное Венгерское воинство, и велѣлъ сказать отцу, что если надобно, то онъ поспѣшитъ къ Кіеву. « Мы идемъ уже на судъ Божій, но вы всегда надобны, » отвѣчалъ ему Изяславъ. Георгій хотѣлъ мириться, можетъ быть, для того, что бы выждать время, но Олеговичи не хотѣли и просили битвы. Пользуясь жестокою бурею, Георгій еще

---

(458) Ист. г. р. т. II; пр. 338.

разъ ушелъ отъ Изяслава, но, обойденный имъ, наконецъ долженъ былъ сражаться. Битва загорѣлась на берегахъ Рута (Ротока), близъ Перепѣтова, и была кровопролитна и жестока. Самъ Изяславъ не жалѣлъ себя, бросался въ пылъ битвы, изломалъ копье, былъ раненъ, поверженъ на полѣ, и едва не изрубленъ собственными воинами. Также сражался со стороны Георгія Владиміръ Черниговскій, и палъ въ битвѣ. Герой Андрей забывалъ опасность. Конь его, раненый копьемъ въ ноздри, храпѣлъ и бѣсился, сбилъ съ Андрея шлемъ и вышибъ у него щитъ; Божію заступленію и молитвѣ отца приписывали спасеніе юноши. Но мужество Андрея не спасло его дружинъ. Первые побѣжали Половцы, за ними Черниговцы и Олеговичи. Георгій спасся въ Переяславль; все войско его было разсѣяно.

Перепѣтовская битва рѣшила судьбу Георгія. Святославъ Олеговичъ отступился отъ него и предложилъ Кіевскому и Черниговскому Князю миръ, если согласятся раздѣлить Черниговскій удѣлъ, какъ былъ онъ раздѣленъ при Святополкѣ. Князь Черниговскій согласился, а Кіевскія дружины осадили Переяславль. Еще Георгій ждалъ пособія Владиміркова, но услышавъ, что Владимірко возвратился въ Галичъ съ пути, онъ принужденъ былъ мириться. Ему охотно уступали Переяславль: «Посади въ немъ любаго изъ сыновей, но только самъ иди въ Суздаль, ибо мы знаемъ

тебя и не можемъ быть съ тобою сосѣдями," всѣ говорили ему (459). Глѣбъ сдѣлался Княземъ Переяславскимъ. Андрей умолялъ отца прекратить междоусобія, и съ досадою удалился въ Суздаль, видя, что отецъ его еще медлитъ, живетъ то въ Переяславлѣ, то въ Городцѣ, когда всѣ уже отреклись отъ него.

Владимірко не напрасно оборотился въ Галичъ. Онъ обошелъ войско Венгерское, которое велъ въ Кіевъ сынъ Изяслава, ночью напалъ на него и разбилъ совершенно. Мстиславъ Изяславичъ едва спасся самъ. Георгій думалъ, что опять наступаетъ время успѣховъ: онъ ошибся. Дѣятельный Изяславъ потребовалъ отъ него немедленнаго исполненія условій, и видя новую медленность, призывалъ всѣхъ Князей наказать *клятвопреступника*. Черниговскія, Смоленскія, Кіевскія дружины окружили Георгія: онъ принужденъ былъ даже уступить Переяславль, оставилъ Глѣба въ Городцѣ, гостилъ у стараго друга своего Святослава Олеговича, и наконецъ уѣхалъ въ Суздаль. Сынъ Изяславовъ, Мстиславъ, былъ посаженъ въ Переяславлѣ; но Изяславъ не хотѣлъ оставить никакого слѣда власти Георгіевой вблизи Кіева, изгналъ Глѣба, сжегъ и разрушилъ до основанія Остерскій Городокъ, и думая, что обезопасилъ себя хотя на время отъ Георгія,

---

(459) Ист. Г. Р. т. II, стр. 255.

хотѣлъ управиться съ Владимиркомъ, непріятелемъ сильнымъ и во все не похожимъ на безпечнаго Суздальскаго Князя.

Удивляясь прежде образу дѣйствій Георгія, Владимірко, кажется, предвидѣлъ, что безпечность, нерѣшительность и малодушіе Долгорукаго измѣнятъ обстоятельства. Послѣ всего бывшаго, Кіевъ не могъ принадлежать Георгію, дважды изгнанному, не умѣвшему пользоваться счастливыми удачами, мужествомъ и вѣрностью дѣтей и союзниковъ. Закрываясь именемъ Вячеслава, Изяславъ казался законнымъ государемъ, честилъ, ласкалъ старика дядю, въ тяжкихъ бѣдахъ успѣвши доказать, что умѣетъ владѣть мечемъ. Георгій былъ ненавистенъ всѣмъ: всѣ отъ него отступились; Святославъ Олеговичъ и Князья Рязанскіе не могли ничего предпринять; Кіевъ, Новгородъ, Переяславль и Владиміръ были подъ рукою Изяслава; Черниговъ и Смоленскъ составляли союзныя съ Кіевомъ державы. Все мщеніе Великаго Князя тяготѣло теперь на Галицкомъ Князѣ, столь искусно спасавшемся доселѣ среди измѣненій счастія и опасностей. Изяславъ рѣшился уничижить его: онъ зналъ, что Венгерскій Король, разгнѣванный потерею войскъ, собиралъ огромныя силы и велъ ихъ на Галичъ; Изяславъ двинулся изъ Кіева, желая соединиться съ Венграми. Дружески встрѣтился онъ съ Королемъ близъ Перемышля. Здѣсь соединились Вен-

гры съ Руссами, и нашли Владимірка, готоваго къ отпору. Началось сраженіе, но Владимірко не хотѣлъ рѣшительныхъ дѣйствій, сражался слабо и заперся въ Перемышлѣ. Но тѣмъ сильнѣе дѣйствовала его политика. Онъ сносился съ Георгіемъ, уговаривалъ его снова ударить на Кіевскаго Князя, возмущалъ Новгородцевъ и Полочанъ. Новгородцы первые взволновались и не хотѣли повиноваться Кіеву; Полочане свергли своего Князя Рогволода, зятя Изяславова, и возвели на Княжество Ростислава Минскаго; еще болѣе: они признали Святослава Олеговича покровителемъ Полоцкихъ земель. Греческій Императоръ грозилъ войною Венгерскому Королю за Владимірка, своего друга и союзника. Сія угроза подѣйствовала болѣе всего (460). Владимірку надобно было скорѣе разрушить союзъ Венгровъ съ Изяславомъ; онъ отправилъ подарки къ вельможамъ Венгерскимъ, согласился на миръ, на всѣ условія. Напрасно Изяславъ спорилъ съ Королемъ, и уговаривалъ искоренить Владимірка. Король не хотѣлъ битвъ, заставилъ только Владимірка присягнуть на чудотворномъ крестѣ Св. Стефана, что онъ будетъ жить въ мирѣ, и отдастъ Кіевскому Князю захваченные города. Король поспѣшилъ въ Венгрію, отражать Грековъ.

---

(460) См. выше. Дочь Володаря была за сыномъ Алексія Комнина, о чемъ мы уже говорили.

Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, объявилъ себя побѣдителемъ гордаго Галицкаго Князя, хотя и чувствовалъ, что побѣда надъ нимъ сомнительна. Владимірко былъ уже снова готовъ на войну, не отдавалъ городовъ, и когда Изяславъ прислалъ въ города своихъ посадниковъ, Владимірко прогналъ ихъ. Георгій успѣлъ наконецъ одуматься отъ страха въ Суздалѣ; непримиримый Святославъ Олеговичъ соединился съ нимъ; Князья Рязанскіе также. Владимірко умѣлъ развлекать силы непріятелей: онъ немедленно выступилъ изъ Галича. Изяславъ увидѣлъ опасность, велѣлъ Ростиславу Смоленскому съ Черниговскимъ Княземъ встрѣтить Георгія, а самъ спѣшилъ на Галичанъ. Но Владимірко только развлекалъ Изяслава, и немедленно отступилъ. Быстро повернулъ тогда Изяславъ къ Чернигову, гдѣ помощники его едва защищались.

Георгій былъ силенъ: въ его войскѣ находились Половцы. Князь Смоленскій затворился въ Черниговѣ съ Черниговскимъ Княземъ и Святославомъ Всеволодовичемъ, который не захотѣлъ быть союзникомъ Георгія. Андрей Георгіевичъ прибылъ въ станъ отца своего. «Безъ Князей худо бьются войска; я самъ начну день битвы,» сказалъ онъ и ринулся въ сѣчу. Но крѣпость Черниговская держалась 12 дней. Услышавъ, что Изяславъ спѣшитъ къ Чернигову, Георгій оробѣлъ, и оставилъ осаду; Половцы отдѣлились

отъ него и удалились въ свои степи. — «Куда-же ты идешь?» говорилъ Георгію испуганный Святославъ Олеговичъ. «Ты раззорилъ мою область, потравилъ хлѣбъ, и гдѣ мнѣ одному бороться съ сильными?» — Но Георгій предоставилъ Святослава его жребію, и поспѣшилъ отступленіемъ. Изяславъ поступилъ съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ. Онъ отправилъ Мстислава на Половцевъ, немедленно осадилъ Святослава Олеговича, но не требовалъ ничего кромѣ мира, и съ радостью помирился, понимая безполезность жестокаго наказанія сего Князя, всегдашней жертвы смятеній; можетъ быть, онъ уважалъ и самую причину его ненависти. Между тѣмъ Мстиславъ разбивалъ и грабилъ Половецкія вежи. Съ торжествомъ возвратился Изяславъ въ Кіевъ. Надобно было наконецъ кончить съ соперникомъ опаснымъ болѣе Долгорукаго — Владимíркомъ. Бояринъ Петръ Борисовичъ посланъ былъ напомнить Владимíрку его обѣщаніе: возвратить отнятые у Кіева города; болѣе ничего не требовалъ Изяславъ. Посолъ Изяславовъ возвратился въ Кіевъ съ неожиданнымъ извѣстіемъ: Владимíрко уже не существовалъ! Современники видѣли въ кончинѣ сего героя своего времени наказаніе небесное, и такъ разсказываютъ о ней (461):

---

(461) Все это описаніе взято изъ *Кіевской Лѣтописи* (Ист. Г. Р. т. II, пр. 353). Должно-ли упоминать, что это пишетъ непріятель Галицкаго Князя?

«Владимірко терпѣливо выслушалъ всѣ слова боярина Изяславова, и отвѣчалъ, что не отдастъ городовъ. Бояринъ напоминалъ ему клятву на святомъ крестѣ. «Крестъ былъ не великъ!» отвѣчалъ Князь Галицкій.— Сила его велика— возразилъ бояринъ, и продолжалъ упреки. «Довольно!» сказалъ наконецъ Владимірко; « ты до сыта наговорился; иди вонъ.» Бояринъ бросилъ клятвенныя граматы и удалился. Владимірко оказывалъ явное презрѣніе къ послу Изяслава, не велѣлъ давать ему ни подводъ, ни содержанія изъ Княжеской казны, и шедши по переходамъ, изъ дворца въ церковь, увидѣлъ боярина ѣдущаго, остановился и съ насмѣшкой сказалъ окружающимъ: « *Поѣхалъ Русскій бояринъ, отнявши свои волости*!« Возвращаясь онъ вечерни во дворецъ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ была произнесена насмѣшка, Владимірко почувствовалъ боль въ ногахъ,едва не упалъ, былъ уже отнесенъ во дворецъ, и въ сумерки скончался. Кіевскій бояринъ остановился ночевать близъ Галича. Въ раннее куротѣніе прискакалъ къ нему воинъ Княжескій , и велѣлъ воротиться въ Галичъ. Поспѣшно явился бояринъ, и былъ введенъ во дворецъ. На Княжескомъ мѣстѣ сидѣлъ юный Ярославъ , сынъ Владимірка ; онъ и бояре Галицкіе, всѣ были въ черныхъ платьяхъ ; вѣрная дружина Владиміркова плакала. Ярославъ посадилъ боярина, заплакалъ, и сказалъ о смерти отца своего. «Воля Божія, » отвѣчалъ бояринъ: » всѣ мы смертные. »—

Иди-же къ Изяславу—продолжалъ Ярославъ— скажи, что могила прекратила ссору его съ отцомъ моимъ; я хочу быть послушнымъ Кіевскому Князю. Меня поставилъ Богъ на мѣстѣ отца моего; полкъ и дружина его теперь мои; одно копье его стоитъ у гроба, и то въ моей рукѣ; но я буду вмѣсто отца почитать Изяслава, и если сынъ его Мстиславъ ѣздитъ подлѣ одного стремени Изяславова, я поѣду подлѣ другаго.» Такъ говорилъ Ярославъ и отпустилъ боярина, но ничего не сказалъ объ отдачѣ городовъ.

Изяславъ жалѣлъ, какъ говорятъ о Владиміркѣ, и не довольствовался ласковымъ смиреніемъ Ярослава. Онъ не полагалъ, можетъ быть, что Ярославъ былъ добрый наслѣдникъ своего умнаго отца, и хотѣлъ наказать дерзкаго юношу. Георгій не двигался изъ Суздаля; дружины Изяслава, и съ ними Черниговскія и Смоленскія, двинулись къ Галичу. Ярославъ тотчасъ доказалъ, что онъ сынъ Владимірка и внукъ Володаря: мужественно пошелъ онъ противъ нихъ. «Князь!» говорили ему бояре и воины: «ты одинъ у насъ. Что дѣлать намъ, если съ тобою случится зло? Иди въ городъ; мы пойдемъ биться съ Изяславомъ.» — Они исполнили мужественно свое обѣщаніе; разъяренный Изяславъ сражался жестоко, гналъ Галичанъ, но другія его дружины были разбиты и бѣжали. Изяславъ остался съ малымъ числомъ воиновъ на полѣ битвы; въ безсильной

яросши перерѣзалъ онъ плѣнниковъ, и ускакалъ въ Кіевъ (462).

Тамъ встрѣшила его невѣста. Не смотря на не молодыя лѣта, Изяславъ женился на Абазинской Княжнѣ (463), и съ досадою увидѣлъ въ Кіевѣ сына своего Ярослава, изгнаннаго Новгородцами. » Онъ болѣе сотворилъ у насъ раздора, нежели уряда, » говорили Новгородцы, и требовали къ себѣ Ростислава Смоленскаго. Изяславъ принужденъ былъ согласиться, помня, что Суздаль ближе Кіева къ Новгороду. За то Изяславъ готовился на новую войну съ Георгіемъ, (котораго остановилъ въ это время конскій падежъ, разстроившій его войска), но совсѣмъ неожиданно заболѣлъ и — скончался (464).

Дряхлый Вячеславъ остался единственнымъ владѣтелемъ Кіева, а не по названію только *Великимъ Княземъ*. «Твоему гробу должно бы моимъ быть!» говорилъ онъ, рыдая надъ безды-

---

(462) « Повелѣ избити колодники »—говоритъ хладнокровно лѣтописецъ (*Кен. спис.* стр. 226). Какая черта времени!

(463) « *Изъ Обезъ.* » Щербатовъ думалъ, что это было имя Княжны, и назвалъ ее *Обезынею*. Сынъ Изяслава ѣздилъ на встрѣчу къ ней по Днѣпру до Алешья; слѣдственно: она приплыла моремъ въ Днѣпръ. Вотъ еще доказательство, что Тмуторокань была на островѣ Тамани.

(464) 1154 года, Ноября 13, или 14 ч.

хапнымъ шѣломъ Изяслава. Никто не скрывалъ отъ него, что ему одному не льзя остаться Княземъ Кіевскимъ, что надобно избрать соправителя, и по прежнему быть только тѣнью другаго, который могъ бы править и дѣйствовать отъ его имени. Одинъ Князь имѣлъ на это полное право: *Георгій Долгорукій*, но народъ ненавидѣлъ Долгорукаго и не хотѣлъ слышать объ его избраніи. Вячеславъ отправилъ немедленно пословъ къ Ростиславу Смоленскому и звалъ его въ Кіевъ. Кіевляне предписали условія: Ростиславъ долженъ былъ почитать Вячеслава, какъ отца, слушать его рѣшенія, но лично управлять всѣми дѣлами, судомъ и расправою. Ростиславъ, всегда слабый, всегда руководимый другими, согласился, не положилъ даже никакихъ условій о Владимірѣ и Переяславлѣ, гдѣ владѣли сыновья Изяслава: Ярославъ, изгнанный изъ Новгорода, и Мстиславъ, бывшій правою рукою своего отца.

Все готовилось къ неустройствамъ, и могли-ль Князья, одинъ старый, дряхлый, другой слабый, никогда не владѣвшій собою, отвратить тучи, отвсюду застилавшія небосклонъ Русскихъ Княжествъ?

Ростиславъ оставилъ въ Новгородѣ сына своего Владиміра, и вскорѣ получилъ вѣсть, что сынъ его изгнанъ, а Мстиславъ, сынъ Геор-

Георгія, призван Новгородцами. Ростиславъ не смѣлъ противиться, страшись непріятелей, возстававшихъ близъ Кіева. Тутъ Изяславъ Черниговскій грозилъ враждою: онъ имѣлъ приверженцевъ въ Кіевѣ, и думалъ, что можетъ быть намѣстникомъ Вячеслава. Для этого онъ пріѣзжалъ къ Кіеву тотчасъ послѣ смерти Изяслава Мстиславича, прося позволенія служить панихиды и плакать надъ его гробомъ. Но старикъ Вячеславъ не пустилъ его въ Кіевъ, боясь смятеній, и руководствуясь совѣтами Мстислава Переяславскаго, который казался тогда единственною опорою власти Кіевскаго Князя (465). Мстиславъ прочилъ себѣ Великое Княжество, думая, что ненависть Кіевлянъ къ Долгорукому оправдаетъ завладѣніе Кіевомъ вопреки правъ Георгія, которыя нарушилъ уже отецъ его, и умѣлъ поддержать себя въ теченіе восьми лѣтъ. Ему казалось только опаснымъ низвергнуть Вячеслава, и потому соглашался онъ и на Ростиславово призваніе, зная слабость дяди своего.

Кіевляне дѣлились, волновались, когда Изяславъ Черниговскій заключилъ союзъ съ Георгіемъ и Святославомъ Олеговичемъ. Дружины ихъ уже шли къ Кіеву и Переяславлю. Мстиславъ сразился съ

---

(465) « Посла къ Вячеславу *и ко Мстиславу Изяславичу*... Сдумавше Вячеславъ *со Мстиславомъ*.... не пустиша его въ Кіевъ... (*Кен. спис.* стр. 227).

ними, и разбилъ Глѣба, предводительствовавшаго Половцами. Онъ ждалъ Ростислава, ибо не смѣлъ напасть на остатки Глѣбовыхъ войскъ, соединившихся съ Черниговскими. Ростиславъ выѣхалъ изъ Кіева, и опять воротился въ Кіевъ: къ нему дошла вѣсть о кончинѣ Вячеслава. Старикъ уснулъ тихо, какъ жилъ. Вечеромъ въ день кончины былъ онъ въ бесѣдѣ и пировалъ съ боярами; на утро нашли его почившаго на вѣки. Ростиславъ предалъ тѣло его землѣ, раздалъ все имѣніе его по церквамъ и монастырямъ, и поѣхалъ къ Мстиславу (466). Они сошлись съ непріятелемъ, но вражда вскорѣ раздѣлила Ростислава и Мстислава. Съ негодованіемъ услышалъ мужественный Мстиславъ, что робкій дядя страшится его, коварствуетъ съ нимъ, и тайно соглашается на условія Изяслава Черниговскаго, состоявшія въ томъ, что бы Черниговскому Князю быть Княземъ-намѣстникомъ въ Кіевѣ и получить въ удѣлъ Переяславль. «Если такъ,» сказалъ Мстиславъ дядѣ: «ни тебѣ не видать Кіева, ни мнѣ Переяславля.» Лѣтописи говорятъ, что Ростиславъ испугался силъ Черниговскаго Князя. Притомъ, заключая съ нимъ договоръ, онъ соблюдалъ тѣнь владычества, и допуская Олеговичей къ Кіеву, могъ надѣяться отъ нихъ сильнѣйшей

---

(466) Вячеславъ пережилъ своего племянника нѣсколькими мѣсяцами.

помощи против Георгія, съ которымъ соединяла ихъ одна неволя (467). Оскорбленный Мстиславъ немедленно распустилъ свою дружину, уѣхалъ въ Переяславль, взялъ тамъ свое семейство и удалился въ Луцкъ. Войско Ростиславово разстроилось; самъ онъ такъ оробѣлъ, что, не вступая уже ни въ какіе переговоры, бѣжалъ въ свою отчину, Смоленскъ. Половцы, бывшіе въ войскѣ Черниговскаго Князя, бросились на бѣгущихъ Кіевлянъ, брали ихъ въ плѣнъ, убивали, разсѣялись въ окрестностяхъ Кіева и грабили селенія. Кіевляне ужаснулись, не знали куда обратиться, и послали къ Черниговскому Князю Епископа Каневскаго, говоря ему: « Иди къ намъ, чтобы не взяли насъ Половцы. » Изяславъ явился въ Кіевъ, и вздумалъ считать себя Великимъ Княземъ. Но дружины Георгія Суздальскаго шли уже къ Смоленску, гдѣ укрывался бѣжавшій Великій Князь. Ростиславъ съ покорностію просилъ мира. Умирясь съ нимъ и простивъ ему бѣдное честолюбіе, Георгій пошелъ на другаго Великаго Князя. Этотъ хотѣлъ упрямиться, ссылался на то, что Кіевляне добровольно выбрали его. «Но твоя-ли это отчина? » отвѣчалъ Долгорукій. «Кіевъ мой: иди въ Черниговъ. — Отдаю тебѣ Кіевъ, отвѣчалъ Изяславъ: только не вреди мнѣ.—Онъ выѣхалъ изъ Кіева, и Георгій до-

---

(467) *Кен. спис. стр.* 229.

стигъ наконецъ давно желаннаго : онъ вошелъ безъ препятствій въ Кіевъ , и объявилъ себя *Великимъ Княземъ* (468).

Уже невозвратно прошло то время , когда имя Великаго Князя дѣлало Кіевскаго владѣтеля повелителемъ прочихъ Князей , хотя въ мнѣніи народа , если не въ дѣйствительности. Могущая рука могла подкрѣплять такое мнѣніе, и народъ думалъ сражаться за правое дѣло , когда былъ увѣренъ въ дѣятельности Великаго Князя. Кіевское Княжество подкрѣплялось союзомъ родства, семейственною ненавистью рода Олегова и рода Мономахова , привычкою видѣть родъ Мономаха на Великомъ Княжествѣ: все это не существовало для Георгія. Уже Руссы равнодушно смотрѣли , на то , Олеговичъ или Мономаховичъ былъ на престолѣ Кіевскомъ, ибо отдѣльные роды Мономаховичей : Князья Смоленскіе , дѣти Мстислава , дѣти Изяслава сдѣлались врагами другъ другу, такъ какъ и родъ Олеговичей явно дѣлился на Черниговскихъ , Новгородъ-Сѣверскихъ Князей (Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Олеговичъ) и потом-

---

(468) Изяславъ « не хотяще ити изъ Кіева , *зане улюбилъ Кіевъ*... Слова Изяслава : « *Я ци* самъ есми сѣлъ въ Кіевѣ ? посадили мя Кіяне. » — Отвѣтъ Георгія : « Мнѣ отчина Кіевъ , а не тобѣ » (*Кен. спис.* стр. 230).

ковъ Всеволода (Святославъ Всеволодовичъ). Повсюду были партіи: одна сторона спорила за одного, другая за другаго Князя; даже народъ сбирался на вѣчахъ, шумѣлъ и оспоривалъ Князей. Еще тѣнь прежняго порядка дѣлъ крѣпилась въ краткое княженіе Георгія, и разрушилась совершенно съ его смертью: онъ былъ Князь уже не своего вѣка.

Все княженіе его продолжалось два года. Система Русскихъ Княжествъ была тогда слѣдующая.

На западѣ Руси находилось сильное Княжество Галицкое: Ярославъ держался политики отца своего, не хотѣлъ мѣшаться въ Великое Княжество, и желалъ только выигрывать при смятеніяхъ и перемѣнахъ, укрѣпляясь отдѣльно въ Галичѣ, и будучи не подчиненъ Кіевскому Князю. Такое-же Княжество составляло, между республиками Псковскою и Новгородскою и Смоленскимъ Княжествомъ, Княжество Полоцкое. Остальная часть Руси, отъ предѣловъ Галича, Полоцка и Новгорода, составляла нѣсколько государствъ, соединенныхъ на одномъ позорищѣ событій взаимною ненавистью, дружбою и мечтою о Великомъ Княжествѣ. Тутъ были: Княжество Смоленское; Княжество Черниговское; Княжество Рязанское; Княжество Новгородъ-Сѣверское; Княжество Переяславское; Княжество Владимірское. Были и еще особые удѣлы.

Такъ дѣти Изяслава, Мстиславъ и Ярославъ, владѣли Луцкомъ и Пересопницею; сынъ Всеволода Олеговича Пинскомъ и Туровомъ. Каждое Княжество дѣлилось еще на мѣлкіе удѣлы, но сіи удѣлы признавали власть старшаго въ своемъ родѣ. Такъ сынъ Новгородъ-Сѣверскаго Князя владѣлъ Курскомъ; Рязанскіе Князья дѣлились на Муромскихъ и Пронскихъ.

Георгій желалъ мира: вѣримъ искренности его желанія. Онъ былъ старъ, утомленъ волненіями жизни, хотѣлъ только званія Великаго Князя, и охотно утвердилъ Владиміра Мстиславича на Владимірскомъ Княжествѣ. Мы давно не упоминали о семъ Князѣ, свидѣтелѣ смерти Игоря Олеговича, и потомъ разбитомъ Владимірkомъ (469). Онъ княжилъ въ послѣдніе годы Изяславовы въ Луцкѣ, и при восшествіи Ростислава выпросилъ себѣ Владиміръ, откуда велѣно было Ярославу Изяславичу ѣхать въ Луцкъ. Ярославъ повиновался, скрывъ досаду, которую усилилъ въ немъ пылкій братъ его, кинувшій малодушнаго Ростислава на полѣ битвы. Георгій удостовѣрился въ дружбѣ Князя

---

(469) Сего добраго Князя смѣшивали наши Историки съ Владиміромъ Мстиславичемъ, ничтожнымъ братомъ Изяслава, свидѣтелемъ смерти Игоря Олеговича. Первый пояснилъ Исторію того и другаго Лербергъ (см. его *Изслѣдованія*, статья IV).

Галицкаго, зятя своего; призвалъ Ростислава Смоленскаго въ Кіевъ, и утвердилъ снова миръ. Ростиславъ далъ слово и за Рязанскихъ Князей, почитавшихъ его своимъ покровителемъ. Георгій не трогалъ Олеговичей, удовлетворилъ даже нѣкоторыя ихъ требованія, отдалъ Князю Черниговскому Корческъ, а Новгородъ-Сѣверскому Мозырь (470), согласивъ ихъ уступить часть своихъ владѣній (Сновъ, Воротынскъ, Карачевъ) Всеволодову сыну, и тѣмъ очистить въ Туровѣ удѣлъ сыну Георгія Борису; другой сынъ Георгія, Глѣбъ, получилъ Переяславль. Не думалъ-ли Георгій, занявъ сіи удѣлы, съ которыхъ до того времени Князья переходили въ Кіевъ, упрочить въ родѣ своемъ Великое Княжество? Можетъ быть; Георгій укрѣпилъ еще болѣе Княжество Кіевское, сдѣлавъ третьяго сына, Василька, Княземъ надъ Торками и Берендеями, обитавшими по берегамъ Роси, и заключилъ миръ съ Половцами, согласившись даже оставить у нихъ плѣнныхъ Руссовъ. (471)

Но храбрѣйшій изъ сыновъ его, Андрей, видѣлъ ничтожность власти и союзовъ Георгія, видѣлъ, что едва помирясь, едва соединившись родствомъ, Черниговскій Князь (дочь его вы-

---

(470) *Корческъ*, въ землѣ Дряговичей: имя этого народа еще оставалось въ то время.

(471) Ист. Г. Р. т. II, стр. 274.

дана была за Глѣба Переяславскаго) уже сносится, дружится съ Мстиславомъ Луцкимъ, явнымъ противникомъ Георгія; что Ростиславъ, ободряемый смѣлыми дѣтьми своими, крамольствуетъ въ Новгородѣ — не хотѣлъ взять Вышгорода, и удалился въ родную свою сторону, область Суздальскую, гдѣ видѣлъ возможность основать Княжество сильнѣе Галицкаго (472).

Георгій не понималъ благоразумія сына своего и вскорѣ увидѣлъ на дѣлѣ все, что предрекалъ Андрей. Мстиславъ Изяславичъ не захотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, хотя Смоленскій Князь ручался за его безопасность, а Георгій присылалъ къ нему крестную грамату. Тогда Георгій послалъ войско на Луцкъ; Князь Галицкій и Князь Владимірскій также выступили противъ Луцка. Оставивъ Пересопницу, немедленно занятую Кіевлянами, Ярославъ заперся въ Луцкѣ и выдерживалъ осаду, пока Мстиславъ ѣздилъ въ Польшу и искалъ тамъ союзниковъ. Георгій не хотѣлъ кровопролитія; видя упорство, онъ принялъ мирныя предложенія Ярослава и обласкалъ его въ Кіевѣ; Ярославъ обѣщалъ не помогать брату, и былъ утвержденъ на Луцкомъ Княжествѣ. Но Мстиславъ и не требовалъ ни чьей помощи. Едва удалились Галицкія дружины, какъ онъ явился подъ Владиміромъ, изгналъ дядю

---

(472) въ 1155 году (*Кен. спис.* рук. л. 212).

своего Владиміра Мстиславича, взялъ въ плѣнъ его семейство, ограбилъ бояръ и объявилъ себя Владимірскимъ Княземъ.

Тутъ надобно было показать власть Великаго Князя. Мстиславъ не боялся; онъ зналъ, что Ростиславъ Смоленскій скорѣе соединится съ нимъ, нежели съ Георгіемъ; что Черниговскій Князь не хочетъ быть союзникомъ Кіева, не можетъ, по крайней мѣрѣ, занятой бунтомъ племянника, сына Владимірова, за котораго вступился Смоленскій Князь, требуя ему удѣла особеннаго; что Святославъ Новгородъ-Сѣверскій рѣшительно не хочетъ никому помогать. Георгій послалъ просить пособія у Галицкаго Князя, и выступилъ ко Владиміру съ Кіевлянами и Переяславцами; Галичане явились въ его станъ, и Владиміръ былъ осажденъ. Но Георгій искалъ Княжества Владимірскаго не для изгнаннаго племянника своего, который, тщетно искавши помощи у Венгровъ, наконецъ билъ челомъ Георгію. Въ станѣ Георгія былъ другой искатель Владимірскаго Княжества, вѣрный союзникъ Георгія, Владиміръ, сынъ Андрея, нѣкогда бывшаго Княземъ Владимірскимъ, и прозваннаго *добрымъ*. (473). Мстиславъ Изяславичъ защищался упорно; десять дней были производимы кровопролитные приступы, и къ утѣшенію

---

(473) См. выше.

Георгія, кончились ничѣмъ. Владиміръ Андреевичъ также безуспѣшно ходилъ къ Червеню. Подъѣхавъ къ городской стѣнѣ, онъ хотѣлъ говорить съ жителями. «Возьми Владиміръ; мы будемъ твои,» отвѣчали жители, и пустили стрѣлы въ Князя; одна изъ нихъ попала ему въ шею. Владиміръ Андреевичъ сжегъ окрестности Червеня и явился обратно къ Георгію, который уже отступалъ. «Не могу стоять здѣсь,» говорилъ Георгій, «хотя онъ младшій меня и не покоряется. Погибель и изгнаніе его не порадовали бы меня; пусть только дастъ клятву: болѣе ничего не требую, ничего не требовалъ и прежде; но онъ радуется пролитію крови.» Мстиславъ не слушалъ увѣщаній, не давалъ клятвы, и преслѣдовалъ Георгія, опустошая селенія Кіевскихъ областей. Георгій отдалъ Владиміру Мстиславичу Луцкъ; Владиміру Андреевичу Пересопницу и Дорогобужъ и торопился въ Кіевъ (475).

Уже явно было тогда вѣроломство Ростислава Смоленскаго. Сообщники его въ Новгородѣ начали возмущеніе; вѣче раздѣлилось на двѣ стороны, и дѣло доходило до битвы. *Софійская* сторона стояла на одномъ берегу Волхова и требовала избранія на Княжество Ростиславова сына; *Торговая*, на другомъ берегу Волхова,

(474) Кен. сп. стр. 233.

стояла за сына Георгіева. Но прибытіе новаго Князя рѣшило споръ; Мстиславъ Георгіевичъ бѣжалъ изъ Новгорода ночью. Ростиславъ еще колебался; Князь Черниговскій, болѣе смѣлый на нарушеніе обѣщаній, былъ уже совсѣмъ готовъ. И такъ война должна была начаться: кому готовили Великое Княжество, идя на Георгія? Кто хотѣлъ быть Великимъ Княземъ: Князь Смоленскій, Князь Черниговскій, или Князь Владимірскій? Кажется, рѣшеніе предоставляли случаю; сперва хотѣли только изгнать Георгія, и подѣлиться потомъ, какъ и чѣмъ будетъ можно; выиграть могъ болѣе ловкій и рѣшительный.

Георгій также съ своей стороны готовился къ защитѣ, собиралъ войско, и — не успѣлъ видѣть ни побѣды, ни пораженія. Не смотря на старость, все еще былъ онъ здоровъ и любилъ гулять. Не предчувствуя близкой кончины, Георгій веселился на пиру у одного изъ бояръ своихъ, но возвратясь съ пира заболѣлъ, и черезъ пять дней скончался—15-го Мая 1157 года (475).

---

(475) «Пивъ Юрьи у Осьмника Петрила.» — Георгій похороненъ въ Берестовѣ въ церкви св. Спаса.

Конецъ втораго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

Стр.

Стр.

Стр.

Стр.

Глава II. Начало періода Удѣловъ; неравенство и непрочность политическаго состава и дѣленія Удѣловъ. Борьба Удѣльныхъ Князей и Половцевъ съ Великимъ Княземъ. Ослабленіе власти и силы Великаго Княжества; униженіе удѣла Черниговскаго, принадлежащаго роду втораго сына Ярославова, Святослава; усиленіе Князей изъ рода третьяго сына Ярославова, Всеволода. Олегъ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ — два героя своего времени; родовая вражда *Олеговичей* и *Мономаховичей*. Новое, сильное Княжество Руссовъ въ Галичѣ.

Стр.

Глава III. Переходъ Великаго Княжества въ родъ Всеволода, или *Мономаховичей*; ослабленіе сего рода отдѣленіемъ Суздальской области. Временное возстановленіе старшаго рода (*Олеговичей*) на Великое Княжество.

Стр.

ИМЕНА ОСОБЪ,

подписавшихся на *Исторію Русскаго народа* при второмъ томѣ.

ВЪ МОСКВѢ.

Его Сіятельство, Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

Его Сіятельство, Графъ Петръ Дмитріевичъ Бутурлинъ.

Его Сіятельство, Князь . . . . . Львовъ.

Его Высокопревосходительство, Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ.

Ея Превосходительство (Тайная Совѣтница), Катерина Ѳедоровна Муравьева.

Его Превосходительство, Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій.

Его Превосходительство, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій.

Его Превосходительство, Николай Николаевичъ Веревкинъ.

Его Превосходительство, Павелъ Ивановичъ Дегай.

Его Превосходительство, Сергѣй Степановичъ Ланской.

Его Превосходительство, Генералъ Штабъ-Докторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Матвѣй Андреевичъ Баталинъ.

Его Превосходительство, Генералъ - Лейтенантъ, Иванъ Васильевичъ Чертковъ.

Его Высокородіе, Дмитрій Петровичъ Глѣбовъ.

Его Высокородіе, Христофоръ Акимовичъ Лазаревъ.
Его Высокородіе, Иванъ Акимовичъ Лазаревъ.
Его Высокородіе, Матѳій Яковлевичъ Мудровъ.
Его Высокоблагородіе, Алексѣй Андреевичъ Елагинъ.
Его Высокоблагородіе (Надворный Совѣтникъ и Кав.), Алексѣй Лукичъ Андреевскій.
Его Высокоблагородіе, Сергій Ивановичъ Пашковъ.
Его Высокоблагородіе, Петръ Александровичъ Хрущовъ.
Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ, Коллежскій Совѣтникъ, Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ.
Его Высокоблагородіе, Иванъ Ивановичъ Вейденгаммеръ.
Его Высокоблагородіе, Александръ Петровичъ Острогожскій.
Его Высокоблагородіе, Антонъ Александровичъ Фонъ-Шульцъ.
Его Высокоблагородіе, Дмитрій Николаевичъ Ѳедоровъ.
Его Высокоблагородіе, Александръ Сергѣевичъ Кушеповъ.
Полковникъ, Григорій Николаевичъ Коробьинъ.
Полковникъ, Александръ Дмитріевичъ Чертковъ.
Полковникъ, Семенъ Васильевичъ Шамшевъ.
Маіоръ . . . . . Голохвастовъ.
Его Высокоблагородіе, Павелъ Леонтьевичъ Пучковъ.
Гвардіи Ротмистръ, Дмитрій Николаевичъ Засѣцкій.
Штабсъ-Капитанъ и Кавалеръ, Михайло Михайловичъ Флейшеръ.
Его Благородіе, Иванъ Алексѣевичъ Пушкинъ.

Его Благородіе Константинъ Игнатьевичъ Татариновъ.

Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Поручикъ Дмитрій Павловичъ Шиповъ.

Его Благородіе, Степанъ Филимоновичъ Заботкинъ.

Рязанскій Губернскій Прокуроръ, Всеволодъ Никандровичъ Жадовскій.

Его Благородіе Алексѣй Дмитріевичъ Фохтъ.

Его Благородіе Николай Степановичъ Степановъ.

Его Благородіе Андрей Николаевичъ Пеше.

Его Благородіе (10-го класса), Петръ . . . . Кольчугинъ.

Инспекторъ Высокопетровскихъ духовныхъ училищъ, Учитель Николай . . . . . Лавровъ.

Василій Максимовичъ Паповъ.

Иванъ Васильевичъ Поповъ.

Владиміръ Александровичъ Шеншинъ.

Семенъ Ивановичъ Сноповъ.

Николай Алексѣевичъ Балашовъ.

Григорій Григорьевичъ Кольчугинъ.

Дмитрій Петровичъ Сырейщиковъ.

Елена Ильинишна Мещеринова.

Сергѣй Пантелеевичъ Кувшинниковъ.

Алексѣй Петровичъ Скуратовъ.

Г-нъ Каховскій.

Николай Александровичъ Левшинъ.

Г-нъ Маскле.

Г-нъ Руперти.

Г-нъ Малюковъ.

Г-нъ Хрущовъ.

Ученикъ Земледѣльческой Школы Карповъ.

Коммисіонеръ, Егоръ Федоповичъ Булычевъ.
Николай Емельяновичъ Лажечниковъ.
Петръ Михайловичъ Галкинъ.
Илья Степановичъ Зыкѣевъ.
Андрей Андреевичъ Карапушинъ.
Иванъ Карповичъ Лобановъ.
Астраханскій Армянинъ, Ѳедосей Герасимовичъ Козачковъ.
Максимъ Степановичъ Шимановскій.
Неизвѣстная особа.
Неизвѣстная особа.
Неизвѣстная особа.
Неизвѣстная особа.
Московскій купецъ Петръ Михайловичъ Китайцевъ.
Московскій 1-й гильдіи купецъ, Иванъ Андреевичъ Корзинкинъ.
Московскій купецъ, Иванъ Дмитріевичъ Мотылевъ.
Московскій купецъ, Иванъ Семеновичъ Губкинъ.
Московскій купеческій сынъ, Николай Христофоровичъ Спиридоновъ.
Московскій купецъ Илья Михайловичъ Козлянинъ.
Купеческій сынъ Алексѣй . . . . . Дубровинъ.
Петръ Матвѣевичъ Аницовъ.
Петръ Ивановичъ Куманинъ.
Купецъ . . . . . Купчинскій.
——— . . . . . Богдановъ.
——— Иванъ Алексѣевичъ Колесовъ.
Купеческій сынъ Дмитрій Алексѣевичъ Поповъ.
Московскій купецъ Михайло Петровичъ Шевелкинъ.
Московскій купецъ Сергѣй Семеновичъ Крашенинниковъ.

Купецъ . . . . Жильцовъ.
Купецъ Павелъ Петровичъ Золотаревъ.
Московскій купецъ Григорій . . . . Рыловъ.
Шацкій купеческій сынъ, Иванъ . . . Крыловъ.
Купецъ, Григорій Филипповичъ Селезневъ . . 2
Купецъ, Августъ Карловичъ Претръ.
Шуйскій купецъ, Өедоръ Герасимовичъ Поповъ.
Купеческій сынъ Дмитрій Алексѣевичъ Поповъ.
Купецъ, Өедоръ Степановичъ Щеткинъ.
Ямщикъ Данила . . . . Өедоровъ.
Московскій купецъ, Александръ Васильевичъ Нѣмчиновъ.
Московскій купецъ Дмитрій . . . . Власовъ.
Варшавскій купеческій сынъ, Иванъ Петровичъ Исаевъ.
Купецъ, Харитонъ Андреевичъ Кузнецовъ.
Купецъ Василій Ивановичъ Шиповъ.
Купецъ Иванъ Игнатьевичъ Блохинъ.
Купецъ Иванъ Ларіоновичъ Чернецовъ.
Книгопродавецъ, Андрей Васильевичъ Глазуновъ 3.
Купецъ, Дмитрій Ивановичъ Четвериковъ.
Купецъ, Андрей Николаевичъ Ферапонтовъ.
Купецъ, Алексѣй Ивановичъ Ливенцовъ.
Купецъ, Михайло Ивановичъ Тугариновъ.
Московскій купецъ, Иванъ Прокофьевичъ Прокофьевъ.
Иркутскій купецъ Александръ Васильевичъ Шелеховъ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Его Свѣтлость, Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ.
Его Сіятельство, Графъ . . . . Строгоновъ.

Его Сіятельство, Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой.

Его Сіятельство, Графъ Ѳедоръ Петровичъ Паленъ.

Его Сіятельство, Князь Сергій Александровичъ Бѣлосельскій.

Его Сіятельство, Князь Григорій Петровичъ Волконскій.

Его Высокопревосходительство, Петръ Кириловичъ Эссенъ.

Его Высокопревосходительство, Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ.

Его Высокопревосходительство, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

Его Высокопревосходительство, Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

Его Высокопревосходительство, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

Его Превосходительство, Сергій Семеновичъ Уваровъ.

Его Превосходительство, Егоръ Васильевичъ Карнеевъ.

Его Превосходительство, Генералъ-Лейтенантъ, Николай Ивановичъ Селявинъ.

Его Превосходительство, Яковъ Александровичъ Дружининъ.

Его Превосходительство, Андрей Андреевичъ Жерве.

Его Превосходительство, Петръ Ивановичъ Соколовъ.

Его Превосходительство, Генералъ-Маіоръ . . . Черкасовъ.

Его Превосходительство, Иванъ Ивановичъ Мартыновъ.

Его Превосходительство (Оберъ-Прокуроръ Правительств. Сената), Александръ Васильевичъ Кочубей.

Его Превосходительство, Сергій Ивановичъ Комаровъ.

Его Высокородіе, Петръ Ивановичъ Колошинъ.

Его Высокородіе, Дмитрій Ивановичъ Петровъ.

Его Высокородіе, Павелъ Петровичъ Свиньинъ.

Его Высокородіе (Статскій Совѣтникъ и Камергеръ), Владиміръ Петровичъ Веревкинъ.

Его Высокородіе Оберъ-Бергъ-Гауптманъ 5-го класса, Иванъ Аѳанасьевичъ Кованько.

Его Высокоблагородіе, Яковъ Васильевичъ Вилліе.

Его Высокоблагородіе Самуилъ Самойловичъ де Шаплетъ.

Его Высокоблагородіе, Дмитрій Дмитріевичъ Пономаревъ.

Его Высокоблагородіе, Платонъ Васильевичъ Голубковъ.

Свиты Его Императорскаго Величества Полковникъ, Александръ Григорьевичъ Вилламовъ.

Его Высокоблагородіе, Иванъ Ѳедоровичъ Клеменсъ.

Его Высокоблагородіе, Колл. Совѣтникъ Желѣзновъ.

Его Высокоблагородіе, Алексѣй Григорьевичъ Синявскій.

Его Высокоблагородіе, Петръ Григорьевичъ Соболевскій.

Помѣщикъ Виленской губерніи, Каспаръ Яковлевичъ Жельвестръ.

Его Высокоблагородіе, Михаилъ Михайловичъ Яковлевъ.

Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка Полковникъ, Степанъ Степановичъ Николаевъ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Ивановичъ Черне.

Его Высокоблагородіе, Евграфъ Степановичъ Журавлевъ.

Его Высокоблагородіе, Борисъ Алексѣевичъ Враскій.

Его Высокоблагородіе, Андрей Аѳанасьевичъ Никитинъ.

Его Высокоблагородіе, Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Петровичъ Никифоровъ.

Его Высокоблагородіе, Степанъ Васильевичъ Руссовъ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Михайловичъ Дараганъ.

Его Высокоблагородіе, Михаилъ Васильевичъ Щеткинъ.

Его Высокоблагородіе, Алексѣй Филипповичъ Фіалковскій.

Колл. Совѣтникъ, Василій Николаевичъ Еспповъ.

Полковникъ Адольфъ Ивановичъ Кенигъ.

Его Высокоблагородіе, Игнатій Емельяновичъ Лебедевъ.

Исторіографъ Россійскаго флота, Василій Николаевичъ Берхъ.

Капитанъ-Лейтенантъ, Ефимъ Петровичъ Зайцевскій.

Гвардіи Капитанъ, Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ.

Кавалергардскаго полка Ротмистръ Александръ Николаевичъ Новицкій.

Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ Верещагинъ.

Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ.....Неплюевъ.

Его Благородіе . . . . . Саковнинъ.

Его Благородіе, Александръ Ивановичъ Флоровъ.

Прапорщикъ Петръ Дмитріевичъ Лобановъ.

Поручикъ Алексѣй Петровичъ Унковскій.

Артилл. Поручикъ Михайло Игнатьевичъ Гальяновъ.

Его Благородіе, Владиміръ Дмитріевичъ Соломирскій.

10-го класса, Александръ Прохоровичъ Савинъ.

Мичманъ Викторъ Аполлоновичъ Значко-Яворскій.

Его Благородіе Егоръ Васильевичъ Аладьинъ.

Его Благородіе Карлъ Карловичъ Лейтенстонъ.

Его Благородіе Андрей Ивановичъ Соколовъ.

Его Благородіе Адамъ Викентьевичъ Рогальскій.

Мичманъ Романъ Семеновичъ Боде.

10-го класса, Николай Андреевичъ Аничковъ.

20-го Флотскаго Экипажа Мичманъ.....Баршеневъ.

Поручикъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дорогой.

Его Благородіе, Владиміръ Козьмичъ Шипулинскій.

Его Благородіе Егоръ Никитичъ Лебедевъ.

Василій Дмитріевичъ Комовскій.

Алексѣй Максимовичъ Горностаевъ.

Г-нъ Юханцовъ.

Г-нъ Салтыковъ.

Константинъ Петровичъ Масальскій.

Козьма Васильевичъ Бѣляевъ.

А. . . . . Л.

А. . . . . К. . . . . Геруа.

Порфирій Ильичъ Третьяковъ.

Николай Александровичъ Алединскій.

Любимъ Ивановичъ Коростовцевъ.
Неизвѣстная особа.
Неизвѣстная особа.
Неизвѣстная особа.
Купецъ, Михайло Ивановичъ Пивоваровъ.
Шуйскій купецъ, Егоръ Григорьевичъ Воиновъ.
Купеческій сынъ, Алексѣй Ивановичъ Касперинъ.
СПб. купецъ, Иванъ Ѳедоровичъ Маковкинъ.
СПб. купецъ, Андрей Яковлевичъ Тихоновъ.
ИМПЕРАТОРСКІЙ Царскосельскій Лицей.
Второй Кадетскій Корпусъ.
Библіотека Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
Гидрографическое Депо.
СПб. книгопродавецъ Иванъ Васильевичъ Непейцынъ. . . . . 8 экз.
Книгопродавецъ Грефъ.
Книгопродавецъ Леонтій Леонтьевичъ Свѣшниковъ. . . . . 3.

ВЪ АКЕРМАНѢ.

Принесенъ въ даръ тамошнему училищу Капитаномъ и Кавалеромъ Елисеемъ . . . . Бачеемъ.

ВЪ АСТРАХАНИ.

Его Высокородіе, Статскій Совѣтн. и Кавал. Ѳедоръ Аѳанасьевичъ Ушенкъ.
Полковникъ и Кавалеръ, Павелъ Ивановичъ Петровъ.
Командиръ 45-го Флотскаго Экипажа, Флота Капитанъ 2-го ранга. . . . Бухвостовъ.
Иностранецъ Веніаминъ Васильевичъ Норманъ. 2.
Астраханскій 2-й гильдіи купецъ, Максимъ Даниловичъ Смирновъ. . . . . 2.

ВЪ БАЛАШОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Иванъ Михайловичъ Флоровъ.
Его Высокоблагородіе, Петръ Андреевичъ Габбе.

ВЪ БОБРУЙСКѢ.

Его Высокоблагородіе (6-го класса), ... Поповъ.
Инженеръ-Штабсъ-Капитанъ . . . . . Мерле.
2-го резервнаго сапернаго баталіона, Капитанъ Павловъ.

ВЪ БѢЛГОРОДѢ.

Штабсъ-Ротмистръ Дмитрій Петровичъ Амосовъ.
Иванъ Ѳедоровичъ Прокоповъ.

ВЪ БѢЛЕВѢ.

Его Благородіе, Емельянъ Яковлевичъ Покровскій.

ВЪ БЕРЕЗОВѢ.

Штатный Смотритель Березовскаго Уѣзднаго училища, Протоіерей Іоаннъ. . . . Вергуновъ.

ВЪ БРЕСТѢ ЛИТОВСКОМЪ.

Его Превосходительство, Генералъ-Маіоръ Павелъ Васильевичъ Потуловъ.

ВЪ БОЛДЕРЪ-АА.

Его Благородіе, Григорій. . . . . Морозовъ.

ВЪ БАРНАУЛѢ.

Купецъ Егоръ Григорьевичъ Щегловъ.

Осипъ Яковлевичъ Васильевъ.

ВЪ БОГОДУХОВѢ.

Его Благородіе, Даніилъ Николаевичъ Лѣснитскій.

ВЪ БУГУРУСЛАНѢ.

Его Высокоблагородіе, Эрастъ Өедоровичъ Фонъ Больценталь.

ВЪ БОГОРОДИЦКѢ.

Поручикъ Иванъ Алексѣевичъ Леонтьевъ.

ВЪ БЕНДЕРАХЪ.

Его Благородіе, Елисей Алексѣевичъ Бачей.

ВЪ БАУСКѢ.

Полковникъ и Командиръ Эстляндскаго пѣхотнаго полка, Щепинъ.

ВЪ ВЯТКѢ.

Александръ Өедоровичъ Машковцевъ.

ВЪ ВИЛЬКОМИРѢ.

Полковникъ Клястицкаго гусарскаго полка, Александръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Его Высокоблагородіе, Владиміръ Ивановичъ Фонъ Голлеръ.

Воронежской Губернской Гимназіи Учитель, Кирила Ивановичъ Журданъ.

ВЪ ВОЗНЕСЕНСКѢ.

3-го Бугскаго уланскаго полка, Подполковникъ.... Годлевскій.

ВО ВЛАДИМІРѢ.

Его Высокоблагородіе, Михаилъ Степановичь Бенедиктовъ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Ивановичь Гавриловъ.

ВЪ ВЕЛЬСКѢ.

Учитель Духовныхъ училищъ, Савелій . . . Бурмакинъ.

ВЪ ВОЛОГДѢ.

Совѣтникъ, Дмитрій Егоровичь Ушинскій.
Инженеръ-Капитанъ, Петръ Ивановичь Пацевичь.
Его Благородіе, Степанъ Николаевичь Левашевъ.

ВЪ ВЯЗЬМѢ.

Его Благородіе, Сергѣй Алексѣевичь Лушковскій.

ВЪ ГАДЯЧѢ.

Подполковникъ Павелъ Семеновичь Масюковъ.

Гадячское Уѣздное училище.

ВЪ ГЕЛЬЗИНГФОРСѢ.

Его Сіятельство, Генералъ-Лейтенантъ, Графъ..... Штевенъ-Штейнгейль.

ВЪ ГЖАТСКѢ.

Его Высокоблагородіе, Степанъ Александровичь Хомяковъ.

Его Высокоблагородіе, Дмитрій Васильевичь Артемьевъ.

32*

ВЪ ГРАДИЖКѢ.

Его Высокоблагородіе, Алексѣй Степановичъ Кирьяковъ.

ВЪ ГЕОРГІЕВСКѢ.

Его Высокородіе, Алексѣй Ѳедоровичъ Ребровъ.

ВЪ ДЖЕЛАЛЪ-ОГЛУ.

Артиллеріи Подполковникъ, Илья Тимоѳеевичъ Радожицкій.

ВЪ ДРУѢ.

Полковникъ и Кавалеръ, Алексѣй Андреевичъ Маковъ.

ВЪ ДМИТРІЕВѢ НА СВАПѢ.

Его Высокоблагородіе, Иванъ Степановичъ Безобразовъ.

Его Высокоблагородіе, Павелъ Петровичъ Анненковъ.

ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ.

Его Превосходительство, Генералъ-Лейтенантъ Филиппъ Филипповичъ Экельнъ.

ВЪ ЕФРЕМОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Иракліи Алексѣевичъ Левшинъ.

ВЪ ЕПИФАНИ.

Полковникъ, Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ.

ВЪ ЕЛАТЬМѢ.

Василій Тимоѳеевичъ Кулешовъ.

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВЛѢ.

Его Благородіе, Орестъ Степановичъ Евецкій.

ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

Его Высокоблагородіе, Андрей Григорьевичъ Клепининъ.

Екатеринбургскій 1-й гильдіи купецъ, Петръ.... Харитоновъ 3.

Купецъ Демидъ Ивановичъ Баландинъ.

Купецъ Иванъ Семеновичъ Верходановъ.

Семенъ Фокичъ Черепановъ.

ВЪ ЕНИСЕЙСКѢ.

Купецъ Григорій Михеевичъ Черноусовъ.

ВЪ ЗАРАЙСКѢ.

Александръ Павловичъ Елагинъ.

ВЪ ЗАДОНСКѢ.

Его Высокоблагородіе, Андрей Алексѣевичъ Викулинъ.

ВЪ ЗЕНЬКОВѢ.

Ротмистръ Астраханскаго Кирасирскаго полка, Петръ Ивановичъ Панаевъ.

ВЪ ЗМІЕВѢ.

Маіоръ Александръ.... Шелкинъ.

ВЪ ИРКУТСКѢ.

Михаилъ, Архіепископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій, и Кавалеръ.

Неизвѣстная особа. . . . . 2.
Купецъ Иванъ Логиновичъ Медвѣдниковъ.

ВЪ ПЛЕЦКОЙ ЗАЩИТѢ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Григорій Никаноровичъ Струковъ.
Его Благородіе Северіанъ Никитичъ Лопатинъ.

ВЪ ИШИМѢ.

Уѣздное училище.

ВЪ КУРСКѢ.

Ея Высокоблагородіе, Анна Сергѣевна Спѣшневна.
Ея Высокоблагородіе, Клеопатра Петровна Хорватъ.
Его Высокоблагородіе, Павелъ Матвѣевичъ Иолбухинъ.
Купецъ Николай Ѳедоровичъ Поповъ.
Николай Андреевичъ Денисьевъ.

ВЪ КЕРЧИ.

Непремѣнный Членъ Керченской Карантинной Конторы, Василій. . . . . Лариковъ.

ВЪ КЕРЕНСКѢ.

Его Благородіе, Авениръ Ивановичъ Красовскій.

ВЪ КОЛОМНѢ.

Его Высокопреподобіе, Рязанской Епархіи, Николаевскаго Радовицкаго монастыря Архимандритъ Паисій.

ВЪ КОСТРОМѢ.

Его Преосвященство Самуилъ, Епископъ Костромской и Галицкій, и Кавалеръ.

Протоіерей и Кавалеръ Іаковъ Арсеньевичъ Арсеньевъ.

Его Высокоблагородіе, Яковъ Васильевичъ Максимовъ.

Костромской уѣздный Штабъ-Лекарь, Константинъ Ивановичъ Разумовъ.

Директоръ училищъ Костромской губ., Юрій Никитичъ Бартеневъ.

Правленіе Костромской Духовной Семинаріи.

Дирекція Училищъ Костромской губерніи.

ВЪ КОЗЛОВѢ.

Его Благородіе, Павелъ Ивановичъ Филатовъ.

ВЪ КРАСНОМЪ.

Екатерина Ивановна Скюдери.

ВЪ КАЛЯЗИНѢ.

Артиллеріи Поручикъ Лаврентій Алексѣевичъ Пятовъ.

ВЪ КАМЫШИНѢ.

Командиръ 3-го Астраханскаго Казачьяго полка, Войсковой Старшина и Кавалеръ, Алексѣй Андреевичъ Елизаровъ 1-й.

ВЪ КРОМАХЪ.

Его Благородіе Алексѣй Самсоновичъ Василевскій.

ВЪ КУТАИСѢ.

Его Благородіе Михаилъ Алексѣевичъ Казинскій.

ВЪ КРАСНОЯРСКѢ.

Его Высокоблагородіе, Владиміръ Сергѣевичъ Шапошниковъ.

ВЪ КОНОТОПѢ.

Его Благородіе, Григорій Васильевичъ Армошевскій.

ВЪ КРЕМЕНЧУГѢ.

Его Высокоблагородіе, Лука Павловичъ Руденко.
Его Высокоблагородіе. . . . , Штиглицъ.
Почетный Смотритель Кременчугскаго училища, Александръ Александровичъ Остроградскій.

ВЪ КОБЕЛЯКАХЪ.

Подполковникъ и Кавалеръ, Матвѣй Ивановичъ Остроградскій.

ВЪ КРАСНОГОРСКОЙ КРѢПОСТИ.

Иванъ Дмитріевичъ Дурново.

ВЪ КАШИНѢ.

Капитанъ-Лейтенантъ Владиміръ Петровичъ Пятовъ.

ВЪ КІЕВѢ.

Духовной Академіи Профессоръ, Протоіерей Іоаннъ. . . . . Скворцовъ.
Гвардіи Поручикъ Михайло Тимоѳеевичъ Маркевичъ.
Его Благородіе Иванъ Петровичъ Максимовичъ.

ВЪ КРЫЛОВѢ.

Его Благородіе, Платонъ Александровичъ Пишчевичъ.

ВЪ КР. КАРСѢ.

Артиллеріи Полковникъ . . . . . Соболевъ.

ВЪ КОВЕЛИ.

Полковникъ и командиръ Подольскаго пѣхотнаго полка, Трофимъ Никитичъ Максимовъ.

ВЪ КРОНШТАТѢ.

Первый Штурманскій Экипажъ. 2

ВЪ М. КНЫШНѢ, Бѣлостокской области.

Командиръ Луцкаго Гренадерскаго полка, Полковникъ . . . . . Сумароковъ.

ВЪ КАЛУГѢ.

Его Благородіе, Александръ Ефимовичъ Баталинъ.

ВЪ ЛЬГОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Дмитрій Егоровичъ Ржевскій.

Капитанъ Николай Алексѣевичъ Стремоуховъ.

ВЪ ЛИТНЕВЦАХЪ.

Его Высокородіе, Подольскаго Главнаго суда Предсѣдатель, Піусъ Павловичъ Собаньскій.

ВЪ ЛИПЕЦКѢ.

Аптекарь Иванъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

ВЪ ЛЮБИМѢ.

Купеческій сынъ Николай Егоровичъ Бѣдняковъ.

ВЪ МОГИЛЕВѢ Бѣлорусскомъ.

Его Превосходительство, Начальникъ Главнаго Штаба 1-й арміи, Генералъ-Лейтенантъ и Кавалеръ Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ.

Могилевскій Вице-Губернаторъ Григорій Сергѣевичъ Лашкаревъ.

Командиръ Жандармскаго полка и Комендантъ Главной Квартиры 1-й арміи, Полковникъ Гоярипъ.

Его Высокоблагородіе, Аркадій Өедоровичъ Масаловъ.

ВЪ МЯДЫНИ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Дмитріевичъ Сомовъ.

Его Благородіе, Николай Дмитріевичъ Александровъ.

ВЪ МИТАВѢ.

Командиръ 4-го морскаго полка, Полковникъ . . . . Тимченко-Рубанъ.

ВЪ МИРГОРОДѢ.

Его Превосходительство, Контръ-Адмиралъ Иванъ . . . . . Заводовскій.

Его Превосходительство, Андрей Андреевичъ Трощинскій.

ВЪ МОЖАЙСКѢ.

Г-нъ Ильинскій.

ВЪ МОСАЛЬСКѢ.

Крестьянинъ Андрей Семеновичъ Клочковъ.

ВЪ МЦЕНСКѢ.

Маіоръ Михаилъ Николаевичъ Мансуровъ.

ВЪ МИНСКѢ.

Вяземскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Степанъ Өеофановичъ Пуляшкинъ.

ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Его Сіятельство Князь Николай Александровичъ Дадьяновъ.

Гвардіи Полковникъ и Кавалеръ Николай Михайловичъ Приклонскій.

Его Высокоблагородіе, Тимоѳей Гордеевичъ Погуляевъ.

Его Благородіе Петръ Антоновичъ Польцъ.

Нижегородской Троицкой церкви Священникъ Михаилъ . . . . . Ѳедоровъ.

Дмитрій Анисимовичъ Серебряковъ.

ВЪ НѢЖИНѢ.

Иванъ Петровичъ Шкларевичъ.

Нѣжинскій Грекъ Максимъ Стефановичъ Стефанеевъ.

ВЪ НОВГОРОДѢ.

Инженеръ Маіоръ . . . . . Розенкампфъ.

ВЪ НОВОМИРГОРОДѢ.

Командиръ 2-й бригады 3-й уланской дивизіи, Генералъ-Маіоръ. . . . . Бердяевъ.

Командиръ 2-го Украинскаго полка, Клементій Игнатьевичъ Беренсъ.

Его Благородіе, Иванъ Николаевичъ Нечай. 2

ВЪ НИЖНЕТАГИЛЬСКОМЪ ЗАВОДѢ.

Дмитрій Васильевичъ Бѣловъ.

Лука Степановичъ Макаровъ.

ВЪ НИКОЛАЕВѢ.

Генералъ-Маіоръ, командующій резервною дивизіею 3-го пѣхотнаго корпуса, . . . Козловъ 1-й.

Таганрогскій 1-й гильдіи купецъ, Василій . . . . . Домерщаковъ.

Купецъ Иванъ Васильевичъ Воскобойниковъ.

ВЪ НОВОРЖЕВѢ.

Его Высокородіе, Андрей Андреевичъ Ивановскій.

ВЪ НОВОСИЛѢ.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Николаевичъ Свербѣевъ.

ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

Полковникъ . . . . . Щегловъ.

Его Благородіе . . . . Епикуцовъ.

Инженеръ-Капитанъ . . . . . Тафаевъ.

Оренбургскаго Военн. Госпиталя Штабъ-Лекарь, Николай Галактіоновичъ Смирновъ.

Его Благородіе, Кириллъ Ѳедоровичъ Эссенъ.

Оренбургскаго Казачьяго Войска Хорунжій, Иванъ Ивановичъ Коринъ.

Купецъ Иванъ . . . . . Сырейщиковъ.

ВЪ ОДЕССѢ.

Его Высокоблагородіе, Карлъ Ивановичъ Дитерихсъ.

Его Высокоблагородіе, Николай Алексѣевичъ Артемьевъ.

Его Высокоблагородіе, Иванъ Яковлевичъ Архангельскій.

Его Высокоблагородіе, Василій Семеновичъ Нечай.

Его Высокоблагородіе, Матвѣй Ѳедуловичъ Соколовъ.

Его Благородіе, Александръ Григорьевичъ Тройницкій.

Его Благородіе, ... Артыновъ.

Павелъ Михайловичъ Михайловъ.

Воспитанникъ Ришельевскаго Лицея, Василій Ивановичъ Магденко.

Одесская 1-й гильдіи купчиха, Коммерціи Совѣтница Аграфена Петровна Авчинникова.

Одесскій купецъ Григорій . . . . Милановичъ.

ВЪ ОРЛѢ.

Вице-Губернаторъ, Петръ Алексѣевичъ Бурнашовъ.

Его Благородіе, Иванъ Васильевичъ Воиновъ.

Его Благородіе . . . . Алшанскій.

ВЪ ОЛЕКМИНСКѢ.

Лальскій купецъ, Василій Петровичъ Подьяковъ.

ВЪ ОХОТСКѢ.

Правитель Конторы Россійско-Американской Компаніи, Анастасій Изотовичъ Ленже.

ВЪ ОРѢХОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Василій Васильевичъ Курилинъ.

ВЪ ПЕРМИ.

Оберъ-Гиттенфервальтеръ 8-го класса, Николай Васильевичъ Вечесловъ.

Его Высокоблагородіе, Михаилъ Гавриловичъ Свѣдомскій.

Его Высокоблагородіе. . . . . Рышковъ.

Его Благородіе, Григорій . . . . Удинцовъ.

Главная Контора Пермскихъ Заводовъ.

ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ.

ВЪ ПОЛТАВѢ.

Его Высокоблагородіе, Андрей Ѳедоровичъ Макаренко.

Его Высокоблагородіе, Павелъ Степановичъ Стеблинъ-Каминскій.

ВЪ ПУТИВЛѢ.

Ея Благородіе, Ирина Степановна Матвѣевская.

ВЪ ПАВЛОВСКѢ.

Бѣлогородскій Протоіерей Іоаннъ . . . . Ставровъ.

ВЪ ПАВЛОГРАДѢ.

Капитанъ и Кавалеръ, Петръ Ивановичъ Письменный.

ВЪ ПРУЖАНАХЪ.

Командиръ 24-й Артиллерійской бригады, Полковникъ . . . . . Берюлинъ.

ВЪ ПРИЛУКАХЪ.

Штабсъ-Капитанъ Григорій Ивановичъ Милорадовичъ.

Его Благородіе, Павелъ Григорьевичъ Галаганъ.

ВЪ ПЛОЕШТИ, Валлахскаго Княжества.

10-й пѣхотной дивизіи, Капитанъ . . . . Домбровскій.

ВЪ ПОЧИНКАХЪ.

Починковскаго Военно-коннаго завода Смотритель и Кавалеръ, Петръ Петровичъ Карповичъ.

ВЪ ПСКОВѢ.

Артилл. Штабсъ-Капитанъ, Иванъ . . . . . Стакельбергъ.

ВЪ РЫБИНСКѢ.

Купецъ Иванъ Михайловичъ Журавлевъ.
——— Петръ Александровичъ Переславцевъ.

ВЪ РЕДУТЪ-КАЛЕ.

Командиръ 44-го егерьскаго полка, Полковникъ . . . Пацовскій.

ВЪ РОСТОВѢ.

Михаилъ Александровичъ Ошанинъ.
Купецъ Андрей Григорьевичъ Мамегинъ.
Села Порѣчья Бурмистръ Иванъ Петровичъ Самойловъ.

ВЪ РОМНѢ.

Штабсъ-Капитанъ Андрей Яковлевичъ Новицкій.

ВЪ РЫЛЬСКѢ.

Штабсъ-Капитанъ Василій Александровичъ Арташковъ.
Николай Петровичъ Денисьевъ.

ВЪ РЯЗАНИ.

Его Высокоблагородіе, Директоръ Рязанскихъ училищъ, Николай Николаевичъ Семеновъ.
Чиновникъ 7-го класса, Александръ Васильевичъ Селезневъ.
Рязанскій Губернскій Прокуроръ, Всеволодъ Никандровичъ Жадовскій.

Старшій Учитель Рязанской Гимназіи П . . . . . П . . . . . Величковскій.

ВЪ РЖЕВѢ-ВЛАДИМІРОВѢ.

Его Высокоблагородіе Петръ Петровичъ Есиповъ.

ВЪ РѢЖИЦѢ.

Артиллеріи Полковникъ Николай . . . Потемкинъ.

ВЪ РОСЛАВЛѢ.

Его Высокоблагородіе, Сергѣй Сергѣевичъ Бородавицынъ.

ВЪ СЛОБОДСКОМЪ.

Александръ Николаевичъ Платуновъ.
Николай Алексѣевичъ Косаревъ.

ВЪ СѢВСКѢ.

Его Сіятельство, Князь Василій Юрьевичъ Мещерскій.

ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

Генералъ-Маіоръ Владиміръ Ивановичъ Оленинъ.
Гвардіи Полковникъ Іосифъ Михайловичъ Миклашевскій.
Его Высокоблагородіе, Иванъ Захаровичъ Малышевъ.

ВЪ СИГНАГѢ.

Командиръ 21-й артиллерійской бригады, Полковникъ Семчевскій 1-й.

ВЪ СТАРОЙ РУСѢ.

Начальникъ артиллерійскаго поселеннаго Гренадерскаго Корпуса, Генералъ Маіоръ Василій Васильевичъ Гербель 1-й.

Берггешворенъ 12-го класса Иванъ . . . . Андреевскій.

ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ.

Его Превосходительство, Францъ Ивановичъ Цейеръ.

Его Превосходительство, Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ.

Его Благородіе, Павелъ Демьяновичъ Ковылевъ-Рунскій.

ВЪ СУЗДАЛѢ.

Архимандритъ Спасо-Евфиміева монастыря Парѳеній.

ВЪ СУМАХЪ.

Командиръ конно-артиллерійской №. 25-го роты, Штабсъ-Капитанъ Баронъ Александръ Антоновичъ Дельвигъ.

Его Высокоблагородіе, Николай Степановичъ Стремоуховъ.

Штабсъ-Капитанъ Николай Ивановичъ Куколь-Яснопольскій.

Гвардіи Поручикъ Андрей Алексѣевичъ Савичъ.

Дворянинъ Пименъ Петровичъ Ляхинъ.

ВЪ СЕРДОБСКѢ.

Его Высокоблагородіе, Евгеній Алексѣевичъ Вышеславцевъ.

ВЪ СТАРОДУБѢ.

Его Благородіе, Иванъ Петровичъ Борозда.

ВЪ СОКОЛКѢ.

Подполковникъ Владиміръ Петровичъ Ивинъ 2-й.

ВЪ СТАРОБѢЛЬСКѢ.

Въ Псковскомъ Кирасирскомъ полку Г-нъ Герсевановъ.

ВЪ СУДЖѢ.

Артиллеріи Полковникъ и Кавалеръ Николай Николаевичъ Сборомирскій.

Его Высокоблагородіе, Николай Ивановичъ Савичъ.

Его Благородіе, Николай Васильевичъ Савичъ.

Артиллеріи Подпоручикъ, Андрей Емельяновичъ Толмачевъ.

ВЪ СИМБИРСКѢ.

Его Благородіе, Александръ Михайловичъ Языковъ.

ВЪ СТАРОМЪ ОСКОЛѢ.

Его Благородіе, Андрей Семеновичъ Черемисиновъ.

ВЪ СПАСКѢ, Тамбовской губ.

Артиллеріи Штабсъ-Капитанъ, Павелъ Ивановичъ Чубаровъ.

ВЪ САРАТОВѢ.

Купецъ Макаръ Ивановичъ Мѣщаниновъ.

ВЪ СОЛИВЫЧЕГОДСКѢ.

Его Благородіе, Ефимъ Демидовичъ Котовъ.

ВЪ ТИФЛИСѢ.

Его Сіятельство, Князь . . . . . Бебутовъ.

Начальникъ Артилл. Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Яковъ Яковлевичъ Гилленшмитъ.

Артиллеріи Подполковникъ, Степанъ Алексѣевичъ Кузнецовъ.

21-й артиллерійской бригады Подполковникъ, Густавъ Богдановичъ Линденфельдъ.

Его Высокоблагородіе, Павелъ Степановичъ Сайковскій.

Его Высокоблагородіе, Николай Ильичъ Мовчанъ.

Артиллеріи Штабсъ-Капитанъ . . . . . . Ушаковъ.

Штабсъ-Капитанъ . . . . . Зубовъ.

22-й артиллерійской бригады, командиръ 4-й парочной роты, Капитанъ. . . . Рыковъ.

Артиллеріи Поручикъ . . . . . . Пикаловъ.

8-го піонернаго баталіона Поручикъ Иванъ Дмитріевичъ Баршеневъ.

8-го піонернаго баталіона Поручикъ Эдуардъ Ѳедоровичъ Герисшъ.

8-го піонернаго баталіона, Подпоручикъ Александръ Семеновичъ Гангебловъ.

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Поручикъ Баронъ Иванъ Казимировичъ Ашъ.

Его Благородіе, Александръ Петровичъ Козаченко.

Директоръ Благороднаго училища Эваристъ . . . . . Груберъ.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ.

Его Высокопревосходительство, Иванъ Александровичъ Вельяминовъ 1-й.

Его Превосходительство, Иванъ Богдановичъ Миллеръ.

Его Превосходительство, Василій Аѳанасьевичъ Нагибинъ.

Его Высокоблагородіе, Семенъ . . . . . Аргамаковъ.

Ея Высокоблагородіе, Варвара Петровна Базилевская.

Старшій Адъютантъ Штаба Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса, Гвардіи Штабсъ-Ротмистръ Иванъ.... Черкасовъ.

Ротмистръ Николай Алексѣевичъ Айгустовъ 2-й.

ВЪ ТУЛѢ.

Командиръ Тульскаго Оружейнаго завода, Артиллеріи Генералъ-Маіоръ, Александръ Богдановичъ Философовъ.

Его Преосвященство, Епископъ Тульскій и Бѣлевскій и Кавалеръ Дамаскинъ.

Ея Высокоблагородіе, Настасья Васильевна Кислинская.

Его Высокоблагородіе, Николай Васильевичъ Кислинскій.

Купецъ Абрамъ Ивановичъ Масковъ.
Мѣщанинъ Павелъ Дмитріевичъ Коробковъ.

ВЪ ТОРЖКѢ.

Подполковникъ Александръ Александровичъ Ушаковъ.
Яковъ Яковлевичъ Голузинъ.
Купеческій сынъ Иванъ Васильевичъ Поповцевъ.

ВЪ ТВЕРИ.

Его Благородіе, Дмитрій Михайловичъ Крицынъ.

ВЪ ТРОЦКѢ.

Его Благородіе, Михаилъ Григорьевичъ Темниковъ.

ВЪ ТИРАСПОЛѢ.

Его Высокоблагородіе, Михаилъ Мартыновичъ Стобеусъ.

ВЪ ТОМСКѢ.

Его Благородіе, Василій Петровичъ Бѣляевъ.

ВЪ ТАМБОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Александръ Евграфовичъ Хлоповъ.
Михаилъ Гавриловичъ Родзянка.

ВЪ ТЕМНИКОВѢ.

Григорій Макаровичъ Веденяпинъ.

ВЪ УРАЛЬСКѢ.

Уральскаго Казачьяго Войска Урядникъ Ефимъ . . . . Матвѣевъ.

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Николай Максимовичъ Распоповъ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ.

Его Благородіе, Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Правленіе Императорскаго Харьковскаго Университета.

Яковъ Яковлевичъ Скодовскій.

Купецъ Козьма Никитичъ Кузинъ.

—— Михаилъ Петровичъ Мишуковъ.

—— Петръ Дмитріевичъ Щелковъ.

Книгопродавецъ, Ѳедоръ Артемьевичъ Карповъ.

ВЪ ХОТИНѢ.

Сербскій Воевода Антоній . . . . Плакичъ.

Сербскій Дворянинъ Александръ Хаджій Трифковичъ Сараевацъ.

ВЪ ХОРОЛѢ.

Подполковникъ и Кавалеръ Платонъ Гавриловичъ Родзянко.

ВЪ ХВАЛЫНСКѢ.

Его Высокоблагородіе, Григорій Ефимовичъ Пустошкинъ.

ВЪ ЧУХЛОМѢ.

Ея Высокоблагородіе, Ульяна Ивановна Катенина.

Помѣщикъ. . . . Лундышевъ.

ВЪ ЧЕРНИ.

Его Благородіе, Тимоѳей Григорьевичъ Щегловъ.

ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Малороссійскаго Почтамта Газетная Экспедиція.

ВЪ ЧУГУЕВѢ.

Его Превосходительство, Иванъ Петровичъ Шабельскій.

ВЪ ЧИТѢ.

Нерчинскій 3-й гильдіи купецъ Василій Ивановичъ Щукинъ.

ВЪ ШУѢ.

Священникъ Василій. . . . Запоровскій.
Андрей Дмитріевичъ Поташовъ.
Шуйскій купецъ, Иванъ Яковлевичъ Куваевъ.
Московскій купецъ, Василій Петровичъ Дурденевскій.
Купецъ Иванъ Ивановичъ Лакотниковъ.
Купецъ Ѳедоръ Ивановичъ Пряхинъ.

ВЪ ШАЦКѢ.

Его Благородіе, Николай Сергѣевичъ Тарасовъ.
Купецъ Иванъ Ивановичъ Шолоховъ.

ВЪ КРѢП. ШУШѢ, КАРАБАХСКОЙ ПРОВИНЦІИ.

Карабахскій Коммендантъ, Маіоръ Семенъ Ѳедоровичъ Калачевскій.

ВЪ ШАВЛѢ.

Ржевскій 1-й гильдіи купецъ, Аѳанасій Яковлевичъ Чупятовъ.

ВЪ ШЕНКУРСКѢ.

Максимъ Никифоровичъ Сѣдовъ.

ВЪ ЭРИВАНИ.

Командиръ Севастопольскаго пѣхотнаго полка Полковникъ Вейде.

ВЪ ЮРЬЕВѢ, ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Флота Капитанъ-Лейтенантъ Сергѣй Никаноровичъ Богдановъ.

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Александръ Ивановичъ Алексѣевъ.

Купецъ Василій Михайловичъ Пѣговъ.

Мѣщанинъ Алексѣй Васильевичъ Холщевниковъ.

Крестьянинъ Савва Дмитріевичъ Пурлевскій.

ВЪ ЯКУТСКѢ.

Купецъ Александръ Дмитріевичъ Невѣровъ.

Желая поспѣшить выдачею 2-го тома *Исторіи Русскаго народа,* я рѣшился отдѣлить отъ него *Дополненія* (pièces justificatives): они выданы будутъ *отдѣльно книжкою* при III-мъ томѣ, ибо печатаніе оныхъ могло еще нѣкоторое время задержать 2-й томъ. Ихъ составятъ слѣдующія статьи:

I. О брачныхъ союзахъ древнихъ Русскихъ Князей.

II. Историческое обозрѣніе торговли, издревле на Сѣверѣ производившейся.

III. Двѣ договорныя грамоты Новгорода съ Князьями.

IV. Выписка изъ сочиненія Гизо: Histoire générale de la civilisation en Europe, о различіи понятій о гражданской свободѣ въ древнія и среднія времена.

V. Грамата на свободный проѣздъ изъ Новгорода, данная Ганзейскимъ посламъ.

VI. Окончательная грамата о спорѣ между Новгородомъ и Ганзейскими городами.

VII. Выписка изъ лѣтописей, относительно древнѣйшей Русской Іерархіи.

VIII. Хронологическая роспись всѣхъ причтенныхъ Русскою Церковью къ лику святыхъ.

XI. *Правда Русская,* съ древнѣйшаго списка XIII-го вѣка.

X. Роспись процентовъ, какіе опредѣлены были законно въ древней Руси.

XI. Духовная, или Посланіе Владиміра Мономаха къ его дѣтямъ.

XII. Хронологическое показаніе событій Исторіи Русскаго народа, съ 1055 по 1157 годъ (*по лѣтописямъ*).

Неудобство раздѣлять генеалогическія росписи Русскихъ Князей заставляетъ меня отложить ихъ до VI-го тома Исторіи Русскаго народа, гдѣ всѣ онѣ заключатся въ *одной* обширной таблицѣ, которая обниметъ родословіе Князей отъ сыновъ Ярослава и Изяслава Полоцкаго до смерти Царя Ѳеодора Іоанновича. — Синхронистическая, большая таблица Европейской и Азіятской Исторіи сравнительно съ Исторіею Русскаго народа будетъ при IX-мъ томѣ.

Н. Полевой.

2007042964

